

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., В. Н. Попов, д-р биол. наук, проф.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: Э. К. Алгазинов, д-р физ.-мат. наук, проф., В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. Д. Баев, д-р физ.-мат. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Ю. Н. Стариков, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., В. И. Федотов, д-р геогр. наук, проф., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филол. наук, проф. Члены редколлегии: Геруля (Gierala) Мариан, д-р филол. наук, проф. (Институт политических наук и журналистики Силезского университета в г. Катовице, Польша); А. М. Ломов, д-р филол. наук, проф.; Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филол. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; А. А. Тertyчный, д-р филол. наук, проф. (МГУ, г. Москва).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по филологии и журналистике (10.01.00 – литературоведение, 10.01.01 – русская литература, 10.01.09 – фольклористика, 10.01.10 – журналистика, 10.02.00 – языкознание, 10.02.01 – русский язык).

Адрес редакции: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7(473) 266-17-56



СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Абилова Ф. А. «ПАРАЗИТЫ» ИЛИ «БОГЕМА»? (К ВОПРОСУ О НАЗВАНИИ РОМАНА ДАФНЫ ДЮ МОРЬЕ И ЕГО ПРОБЛЕМАТИКЕ)	5
Антонова Л. Г. О НОВЫХ ЖАНРОВЫХ ФОРМАХ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ	11
Барицкий Д. С. РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОДТЕКСТ НАСТРОЕНИЙ ПЕЧАЛИ И ТОСКИ В ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «ПОЕЗДКА В ПОЛЕСЬЕ»	15
Бекасова Е. Н. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА ПИСЕМ А. П. ЧЕХОВА «БЕЗ ЦЕРЕМОНИЙ»	20
Бердникова О. А., Скрипникова Т. И. РАССКАЗ И. А. БУНИНА «ОГНЬ ПОЖИРАЮЩИЙ»: ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И САКРАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ	25
Грязнова А. Ю. ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПЕРЕЖИВАНИЙ В КНИГЕ СТИХОВ РОДИОНА ПРИЛЕПИНА «ПРИЧИНЯТЬ ЛЮБОВЬ»	30
Доброва С. И. СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПАРАЛЛЕЛИЗМОВ- ПЕРЕЧНЕЙ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЮБОВНЫХ ЗАГОВОРОВ)	34
Жаглова Т. М., Хмура Е. А. ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ОРЕНБУРГА НАЧАЛА XX ВЕКА ...	38
Инь Суй СТРАТЕГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА АНТИСТИХА В БУКОВНИЦЕ 1592 Г.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ	42
Колтакова С. В., Суханова О. В. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ЛАКУН «ГЛАГОЛЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ»	47
Кондратьев А. С., Анисимов П. Д. А. И. СОЛЖЕНИЦЫН КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК: «ГОРЕ ОТ УМА» В КОНТЕКСТЕ «БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ»	50
Короткова Н. С. «ЗЕЛЕНый ШАТЕР» Л. УЛИЦКОЙ КАК КИНОТЕКСТ	53
Куркина А. С. КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ КАК ПРЕДМЕТ ОПИСАНИЯ (КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ А. П. ЧЕХОВА)	57
Лемяскина Н. А. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	61
Незнаева О. С. СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ СИТУАЦИЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ РЕЧИ	63
Панова М. В., Фам Май Фыонг. НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ КАК ОСНОВА ТРОПОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА И. А. БУНИНА	67
Попов С. А. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ	69
Рабеев С. К. Б., Чугунов Д. А. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ» В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ ..	75
Стернина М. А. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ШКОЛЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	80

<i>Страшнов С. Л.</i> К. СИМОНОВ-ЛИРИК В КОНТАКТАХ С МАССОВОЙ АУДИТОРИЕЙ ВОЕННЫХ ЛЕТ	83
<i>Углова Н. В.</i> РУССКИЙ БУНТ В ИЗОБРАЖЕНИИ М. ШОЛОХОВА И В. ШУКШИНА	89
<i>Шаманова М. В.</i> ЛАКУНАРНОСТЬ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ОБЩЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	94

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Алмашакбех Саддам Сулейман Салман.</i> СОЛНЦЕ «АЛЬ-ДЖАЗИРЫ» ЗАХОДИТ В СИРИИ.....	97
<i>Андронникова О. В.</i> ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СМИ ДЛЯ ДЕТЕЙ: AR-ТЕХНОЛОГИИ И WEB 2.0 ..	100
<i>Волик Е. А.</i> МЕДИЙНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ	104
<i>Гладких А. С.</i> ПОТЕНЦИАЛ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	109
<i>Григорьев И. В.</i> ТИПОЛОГИЯ ОЦЕНКИ НОВОСТНЫХ САЙТОВ (НА ПРИМЕРЕ ОЦЕНКИ НОВОСТНЫХ СМИ ПЕРУ)	113
<i>Егорова Л. Г.</i> МЕДИАОБРАЗ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ НА РУБЕЖЕ 2013–2014 ГГ.....	118
<i>Жаглова Т. М., Хмура Е. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ОРЕНБУРГА НАЧАЛА XX ВЕКА	121
<i>Иванов А. И.</i> У ИСТОКОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ. «ТАМБОВСКИЕ ИЗВЕСТИЯ» КАК ПЕРВАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.....	125
<i>Кадырова Г. Х.</i> ЖАНРОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ДЕЙСТВЕННОСТИ ЖУРНАЛИСТСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ	128
<i>Колесникова В. В.</i> АВТОР И АУДИТОРИЯ: ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТЕЛЕВИЗИОННОМ ЭКРАНЕ.....	133
<i>Кройчик Л. Е.</i> СЦЕНИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ КАК ОСНОВА ЧЕХОВСКОЙ ДРАМАТУРГИИ	136
<i>Мальсагова А. Б.</i> ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ЧЕЧЕНСКИХ СМИ.....	139
<i>Парахина И. С., Бабич О. А.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В МЕДИЙНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	145
<i>Пивоварчик Т. А.</i> СЕТЕВОЙ МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС: КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ТЕМАТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ	148
<i>Пыльнев Ю. В.</i> ПЕТР ПЕРВЫЙ В ВОРОНЕЖЕ И СОЗДАНИЕ РУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО ШРИФТА.....	156
<i>Сапунов В. И.</i> ИНТЕРНЕТ-ТЕЛЕВИДЕНИЕ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА, ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ	159
<i>Ткаченко Ю. В.</i> АУДИТОРИЯ ПРИДНЕСТРОВСКОГО РАДИО: АНАЛИЗ ПОТРЕБНОСТЕЙ И ПРЕДПОЧТЕНИЙ СЛУШАТЕЛЕЙ	163
<i>Шмойлов И. С.</i> ЗАРОЖДЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ).....	166
<i>Юферева А. С.</i> ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	170
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	174

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL



SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2018. № 4. October – December

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Abilova F. A.</i> «PARASITES» OR «BOHEMIA»? (CONCERNING THE QUESTION OF THE TITLE OF DAPHNE DU MAURIER'S NOVEL AND ITS PROBLEMS).....	5
<i>Antonova L. G.</i> NEW GENRE FORMS IN ONLINE DISCOURSE.....	11
<i>Baritskii D. S.</i> THE RELIGIOUS SUBTEXT OF THE MOOD OF SADNESS AND ANGUISH IN THE NOVEL OF I.S. TURGENEV «A TRIP TO POLESIE».....	15
<i>Bekasova E. N.</i> LANGUAGE PECULIARITIES OF A.P. CHEKHOV'S LETTERS («WITHOUT CEREMONIES»).....	20
<i>Berdnikova O. A., Skripnikova T. I.</i> THE STORY OF I.A. BUNIN "FIRE DEVOURING": ESCHATOLOGICAL MOTIVES AND SACRED DOMINANTS.....	25
<i>Gryaznova A. Y.</i> FORMS OF EXPRESSION EXPERIENCES IN THE BOOK OF POEMS BY THE RODION PRILEPIN «TO INFLICT LOVE».....	30
<i>Dobrova S. I.</i> SEMIOTIC FOUNDATIONS OF PARALLELISM-LISTS IN FOLKLORE TEXTS (BASED ON ROMANTIC CHARMS).....	34
<i>Zhaplova T. M., Khmura E. A.</i> FEATURES OF THE POETICS OF SATIRICAL MAGAZINES ORENBURG BEGINNING OF THE XX CENTURY.....	38
<i>Yin Xu</i> STRATEGY OF THE IMPLEMENTATION OF THE ANTI-VERSE PRINCIPLE IN BUKOVNICA 1592: TRADITIONS AND INNOVATIONS.....	42
<i>Koltakova S. V., Sukhanova O. V.</i> NATIONAL SPECIFICITY OF THE THEMATIC GROUP OF RUSSIAN-ENGLISH LACUNAE "VERBS, CHARACTERIZING ACTIVITIES IN THE MILITARY SPHERE".....	47
<i>Kondratiev A. S., Anisimov P. D. A. I.</i> SOLZHENITSYN AS A LITERARY CRITIC: "WOE FROM WIT" IN THE CONTEXT OF "BIG TIME".....	50
<i>Korotkova N. S. L.</i> ULITSKAYA'S «THE BIG GREEN TENT» AS CINEMATIC TEXT.....	53
<i>Kurkina A. S.</i> COMMUNICATIVE PERSONALITY OF THE WRITER AS A SUBJECT OF DESCRIPTION (COMMUNICATIVE PERSONALITY OF A. P. CHEKHOV).....	57
<i>Lemyaskina N. A.</i> PRECEDENT PHENOMENA IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN.....	61
<i>Neznaeva O. S.</i> WAYS OF ACTUALIZATION OF PRECEDENT SITUATIONS IN THE SPEECH OF STUDENTS.....	63
<i>Panova M. V., Pham Mai Phuong</i> DENOMINATION OF DRESS AS FOUNDATION OF TROPES IN I. A. BUNIN'S ARTISTIC WORLD PICTURE.....	67
<i>Popov S. A.</i> MAIN TRENDS IN VORONEZH ONOMASTIC SCHOOL.....	69
<i>Rabeache S. K., Chugunov D. A.</i> THEORETICAL PATTERN OF "AMERICAN DREAM" IN LITERARY STUDIES.....	75

<i>Sternina M. A.</i> GERMAN LANGUAGES COMPARATIVE STUDIES OF VORONEZH COMPARATIVE LINGUISTICS SCHOOL .	80
<i>Strashnov S.L. K.</i> SIMONOV-LYRICAL POET IN CONNECTION WITH MASS AUDIENCE OF WAR PERIOD.....	83
<i>Uglova N. V.</i> RUSSIAN REVOLT DEPICTED IN M.A.SHOLOKHOV'S AND V.M.SHUKSHIN'S LITERARY WORKS.	89
<i>Shamanova M.V.</i> LACUNARITY IN LEXICO-PHRASEOLOGICAL FIELD «COMMUNICATION» IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE.....	94

JOURNALISM

<i>Almashaqbeh Saddam Suleiman Salman.</i> AL-JAZEERA'S SUNSET IN SYRIA	97
<i>Andronnikova O. V.</i> THE MANIFESTATION OF THE PROCESSES OF DIGITALIZATION IN MEDIA FOR CHILDREN: THE AR-TECHNOLOGY AND WEB 2.0.....	100
<i>Volik E. A.</i> MEDIA COVERAGE OF EDUCATIONAL SPACE AS A PREREQUISITE FOR TEACHING JOURNALISM	104
<i>Gladkikh A. S.</i> THE POTENTIAL OF A SEMIOTIC APPROACH IN THE CONTEXT OF MODERN VISUAL CULTURE	109
<i>Grigoriev I. V.</i> THE TYPOLOGY ASSESSMENT NEWS SITES (FOR EXAMPLE, THE EVALUATION OF NEWS MEDIA PERU)	113
<i>Yegorova L. G.</i> MEDIA IMAGE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA AT THE TURN OF 2013–2014.....	118
<i>Zhaplova T. M., Khmura E. A.</i> FEATURES OF THE POETICS OF SATIRICAL MAGAZINES ORENBURG BEGINNING OF THE XX CENTURY	121
<i>Ivanov A. I.</i> AT THE ONSET OF THE REGIONAL PRESS: «TAMBOVSKIYE IZVESTIYA», THE FIRST PROVINCIAL NEWSPAPER	125
<i>Kadyrova G. Kh.</i> GENRE CONDITIONALITY OF THE EFFECTIVENESS OF JOURNALISTIC PERFORMANCES	128
<i>Kolesnikova V. V.</i> AUTHOR AND AUDIENCE: FORMS OF INTERACTION ON TV SCREENS	133
<i>Kroychik L. E.</i> STAGE NARRATIVE AS THE BASIS OF CHEKHOV'S DRAMATURGY.....	136
<i>Malsagova A. B.</i> THE GENRE SPECIFICITY OF THE CHECHEN MEDIA	139
<i>Parakhina I. S., Babich O. A.</i> CONCEPTUAL METAPHOR IN MEDICAL ENVIRONMENTAL DISCOURSE.....	145
<i>Pivavarchyk T. A.</i> NETWORK MEDICAL DISCOURSE: COMMUNICATIVE PRACTICE THEMATIC INTERNET COMMUNITIES	148
<i>Pylnev Y. V.</i> PETER THE FIRST IN VORONEZH AND THE CREATION OF THE RUSSIAN CIVIL FONT.....	156
<i>Sapunov V. I.</i> INTERNET TV: TECHNOLOGICAL BASIS, INDEXES OF DEVELOPMENT AND POLITICAL ECONOMY	159
<i>Tkachenko Y. V.</i> AUDIENCE PRIDNESTROVIAN RADIO: ANALYSIS OF THE NEEDS AND PREFERENCES OF THE AUDIENCE	163
<i>Shmoilov I. S.</i> THE ORIGIN OF THE OFFICIAL PRESS IN THE RUSSIAN PROVINCE (BY THE EXAMPLE OF THE SIMBIRSK PROVINCE).....	166
<i>Yufereva A. S.</i> ORGANIZATIONAL CONVERGENCE IN THE MEDIA: REGIONAL ASPECT (BY RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)	170
SUBMISSION GUIDELINES.....	174

«ПАРАЗИТЫ» ИЛИ «БОГЕМА»? (К ВОПРОСУ О НАЗВАНИИ РОМАНА ДАФНЫ ДЮ МОРЬЕ И ЕГО ПРОБЛЕМАТИКЕ)

Ф. А. Абилова

Дагестанский государственный университет

Поступила в редакцию 23 октября 2018 г.

Аннотация: в статье исследуется проблематика романа Дафны дю Морье «Паразиты». Обращено внимание на разные названия романа в русском переводе, актуализирующие заключенные в нем две группы вопросов. Авторское название «Паразиты», провоцируя эффект обманутого ожидания, открывает аспекты проблематики, связанные с творчеством, искусством, художником. Название «Богема», данное издателями, направляет внимание читателя на изображение артистической среды с отличным от обыденного, беспечным образом жизни. Выявляется критическое отношение автора к пониманию искусства как бесполезного занятия, не приносящего практической пользы, характерному для обыденного сознания.

Ключевые слова: семейные тайны, инцест, авторская роль, искусство, театр, название, интертекст, открытый финал.

Abstract: the article deals with investigation of problems of the novel "Parasites" by Daphne du Maurier. The attention is paid to different titles of the novel in Russian translation, which actualize two groups of questions they consist of. The author's name "Parasites" provokes the effects of mistaken expectations, reveals the aspects of the problem connected with creative works, art, artist. The name of "Bohemia" which is given by the publishers directs the reader's attention at the description of actors' environment with idle way of living, which is shown by describing the artistic Delaney family. The central line of the plot is connected with incest which is solved on the example of Maria's and Niall's relations. We observe a critical attitude of the writer to understanding art as an occupation which doesn't bring any practical use.

Keywords: family secrets, incest, author's role, theatre, art, title, intertext, open final.

Проблематика, одна из важнейших составляющих содержания и образного мира литературного произведения, обладает свойствами диалогического характера, поскольку обращена к читателю, у которого возникают собственные, не всегда совпадающие с авторскими переживания и соображения. Но проблематика — это не авторские ответы на поставленные вопросы, а стимуляция читательского желания понять авторскую идею, почувствовать расставленные автором акценты в созданной им картине мира.

Первым шагом к интерпретации произведения, направляющим к пониманию заложенных в нем смыслов, выполняющим прогнозирующую функцию, является заглавие. Оно выражает авторское видение изображенных в произведении событий, реализацию его замысла в целостном виде. В этом плане представляет интерес роман английской писательницы Дафны дю Морье (1907–1989) «Паразиты» (The Parasites), написанный в 1949 г. и вышедший впервые на русском языке в 1999 г. (изд. ТЕРРА, пер. с англ. Н. Тихонова). Второй выпуск романа, озаглавленный «Богема» (изд. Азбука) опять-таки в переводе Н. Тихонова появился у нас в 2017 г.

Случаи изменения названия произведения при переводе, вероятно, не часты, но бывают, отражая позицию переводчика, делающего акцент на том или ином аспекте книги. Так, друг И. С. Тургенева В. Рольстон озаглавил англоязычный вариант «Дворянского гнезда» именем «Лиза», тем самым выдвигая на первый план образ героини. Роман Э. Хемингуэя «И восходит солнце» (1926) получил сразу в лондонском переиздании, а потом и в нашей стране в 1935 г. название «Фиеста». Возможно, издатели, упрощенно трактуя взятые Хемингуэем в качестве эпиграфа знаменитые строки из Екклесиаста как утверждение мысли о «суете сует», решили противопоставить ей жизнерадостность испанского народного праздника.

Герои романа Д. дю Морье — актерская семья Делейни, связи между членами которой весьма запутанны. Про детей Делейни поговаривали, что они незаконнорожденные, приемыши, «маленькие скелеты из шкафов Папы и Мамы...» [1, 19]. Ясным становится лишь тот факт, что Найэл, Мария и Селия — сводные брат и сестры. Отношения, связывающие Найэла, Марию и ее мужа Чарльза Уиндэма, лежат в основе сюжетного развития произведения.

Авторское название романа создает эффект обманутого ожидания, когда вместо зоопаразитов, о кото-

рых сообщает открывающий книгу фрагмент Британской энциклопедии, персонажами романа становятся члены артистической семьи. Смысл авторского заглавия вытеснен в подтекст, степень понимания которого зависит от внимательности прочтения и требует активного, аналитического отношения к тексту, о чем говорит и посвящение: «Для тех, кому шапка в пору». Таким читателям открываются аспекты проблематики, связанные с искусством, творчеством, художником.

Налицо знаменитая шекспировская метафора — «Весь мир — театр, в нем женщины, мужчины — все актеры». Для героев романа театральным мир — большая часть жизненного пространства. «С детства слышали мы гром аплодисментов. ...Постоянно новые звуки, новые лица, суета, неразбериха; и в каждом городе — источник и цель нашей жизни — театр» [1, 23]. Пребывание в его атмосфере приводит персонажей к утрате четких границ между театром и жизнью, которая начинает восприниматься как театральное действо: «Позади только пролог, — сказал Найэл, — первый акт лишь начинается» [1, 147]. В соответствии с этим выстраивается поведение и стиль жизни каждого из персонажей.

Главная роль Селии — «сопереживать чужому горю» [1, 324]. Постоянно оказываясь вовлеченной в чужие проблемы, она теряет возможность реализовать свой талант живописца. Последний акт ее драмы — отказ от предложения издательской фирмы сделать иллюстрации к сборнику рассказов. Мотив сострадания в образе Селии — это неатрибутированная аллюзивная отсылка к аристотелевской концепции трагического героя, актуализация которой происходит на основе ее иронического переосмысления. В отличие от героя трагедии, который «впадает в несчастье не по своей негодности и порочности» [2, 363], Селия сама осуществляет выбор своего жизненного пути, превращаясь из субъекта сострадания в его объект: она «бросила в огонь письмо от издателей. Как-нибудь она на него ответит. Как-нибудь подумает над их предложением. Это не к спеху. Совсем не к спеху. У нее так много других дел. Надо обдумать столько планов для Кэролайн. Для Кэролайн...» [1, 363]. Для дочери Марии и Чарльза, которая после развода родителей намерена жить у Селии.

Образ Марии окружен интертекстуальным ореолом из отсылок к разнообразным источникам, и прежде всего, к роману С. Моэма «Театр» и его главной героине Джулии Ламберт. И Джулия, и Мария — известные актрисы, обладающие внутренней свободой и независимостью, и обе они превращают свою жизнь в театральное представление. «...Ты не существуешь. Ты — это только бесчисленные роли, которые ты исполняешь», — говорит Джулии ее сын Роджер. В этом же упрекает Марию Чарльз: «...ты смешение всех персонажей, которых тебе доводилось когда-либо играть на сцене. ...Такой женщины, как Мария, не существует, никогда не существовало» [1, 13].

Формой существования Марии стала игра. Ее бытовое поведение напоминает театральное, рассчитанное на зрителя, и в зависимости от настроения и обстоятельств она выступает в той или иной роли. Спускаясь по лестнице загородного дома «в развевающемся вечернем платье», она «играла роль миссис Чарльз Уиндэм» [1, 233]; во время неурочного визита в школу — роль заботливой матери; а роль «покинутой жены ей еще не приходилось играть» [1, 350], она ожидает ее в скором будущем.

Образ Марии дает основание рассматривать его как перифраз образа Джулии Ламберт. Эрудированному читателю не составит труда увидеть в Марии отражение Джулии Ламберт, постоянно живущей в мире игры и обмана. Перифраз образа Джулии Ламберт — не просто отсылка к роману С. Моэма, но знак культурной памяти, расширяющей пространство романа дю Морье.

В линии «Мария — Чарльз» ощутимо отражается история Сибиллы и Дориана из романа О. Уайльда. Подобно его герою Чарльз очарован игрой актрисы и влюбляется в созданный ею образ. Но в отличие от Дориана Грея, который, как известно, предпочел сценическую иллюзию реальной жизни, Чарльз Уиндэм находит в себе силы отвергнуть театральное притворство для жизни в реальном мире.

Для Марии выход в реальную жизнь из сферы искусства является болезненным, но не смертельным. Она не покончит самоубийством, как Сибилла, а, эстетизируя свои страдания, превратит их в новую роль, наденет маску, задаваемую требованиями общества: «Я должна играть свою роль и улыбаться. Должна оставить за собой ауру очарования; чего же ждут от меня, как не этого» [1, 370].

В отличие от уайльдовской сюжетной линии, которая прочитывается как пародийная реминисценция, концептуальные элементы эпического театра Б. Брехта появляются в романе без смещения акцентов. Все Делейни знали, что театр — это ненастоящая жизнь, что «эти улыбки, эти уходы за кулисы, эти жесты, рассчитанные и отрепетированные, — неотъемлемая часть представления» [1, 29]. Но Мария, в отличие от остальных, никогда не вживалась в отведенную ей роль, не отождествляла себя с героиней, а всегда дистанцировалась от нее, сохраняя контроль над своими чувствами.

Мария одновременно актриса и зритель, но не сочувствующий и страдающий, как того требовал Аристотель, а наблюдающий, изучающий, оценивающий, как хотел Брехт: «Я смотрю на себя, я вижу женщину по имени Мария, она лежит на диване и теряет любовь мужа, мне жаль одинокую бедняжку, я готова рыдать над ней; но я, настоящая я, исподтишка строю гримасы» [1, 33].

Театральными чертами обогащается и композиция романа. Способом организации некоторых важных сцен в нем становится прием «конклава»,

известный как любимый прием Достоевского. Это периодический сбор всех персонажей в одном пространстве, где разворачивается неожиданная и скандальная ситуация «с непредвиденными осложнениями, раскрывающими главный узел сюжета» [3, 428]. Явные признаки конклава обнаруживает уже первая сцена романа: в присутствии всех главных героев Чарльз назвал Делейни паразитами. С этого скандального происшествия начинается развязываться главный сюжетный узел романа.

Второй раз конклав собирается в Колдхаммере, особняке Уиндэмов, на приеме по случаю свадьбы Чарльза и Марии. Скрытое в комичности изображения тревожное ожидание чего-то неизбежного, переживаемое Чарльзом, подготавливает появление третьего конклава, где Чарльз объявляет о начале бракоразводного процесса.

Особое место в романе занимает образ Найэла. Именно он мечется в поисках ответа на вопросы, открывающие читателю все новые аспекты проблематики: художник и его окружение, художник и его мир, художник и плоды его творчества. Мир художника не может быть замкнутой сферой, он формируется при соприкосновении с разными сторонами жизни — с глубокими чувствами, красотой природы, «неэстетизмом» обыденных вещей. Побудительным мотивом может стать и нечто неуловимое, ускользающее от однозначного определения. Для Найэла, унаследовавшего от родителей музыкальный дар, ключевым переживанием, источником творчества является любовь к Марии, но часто его песни рождались «совершенно неожиданно, ниоткуда» [1, 192], а одна из самых популярных пришла ему «в голову, когда он однажды нежил на солнце» [1, 308].

Музыка Найэла приобрела широкую популярность, его мелодии напевают прохожие на улицах, а темнокожие певцы «предлагают тысячи за право исполнять его песни» [1, 307]. Найэл добился большого успеха и сумел «заработать состояние, к чему он отнюдь не стремился» [1, 16]. Однако в сознании обывателя искусство ассоциируется с областью, практически бесполезной для обеспечения витальных потребностей. Принадлежит к разряду умственных, интеллектуальных актов, искусство не является предметом первой необходимости, поскольку не создает реальных материальных ценностей. Поэтому Чарльз Уиндэм не считает деятельность Делейни «честным трудом», называя ее «работой цирковой собачки», а самих Делейни называет паразитами.

Так является ли искусство необходимой частью жизни человека и общества? Разве нужно создавать картины, песни, играть на сцене, когда есть масса куда более важных дел, особенно, когда идет война? «Мыть полы в госпиталях. Подавать еду в столовых» [1, 326]. Именно такой выбор сделала Селия: отказавшись от возможности проявить свой талант художника, она предпочла ухаживать за Папой, го-

товить ужин для Марии и Найэла, чинить подушки и штопать детские носки.

Мария и Найэл свой выбор осуществляют в пользу как будто бы менее важных или совсем неважных дел: Мария не встала у станка, не стала «водить трактор по полям» и продолжила работу в театре, а Найэл продолжил сочинять песни. Но не случайно дю Морье отмечает: пьесы, в которых играла Мария, полтора года не сходили со сцены, а песни Найэла пели люди «в своих домах, рабочие на заводах, пилоты в бомбардировщиках, вылетающих на Берлин и возвращающихся обратно» [1, 314]. Этим дю Морье подчеркивает, что герои романа — не паразиты, живущие за чужой счет, как считает Чарльз Уиндэм. Делейни — это люди искусства, участвующие в формировании эстетических ориентиров и духовных идеалов человека и общества, для них социальная практика — не главная сфера существования. Жизнь человека не должны определять исключительно практические, материальные, потребительские интересы. Так, выдающийся отечественный литературовед Ю. М. Лотман говорил в своем последнем интервью: «Зачем нам нужно искусство. Тут хлеба нет, а мы с вами стишки пишем. Но если мы не будем писать стишки, то хлеба никогда не будет. Только потому он, может, и будет, что мы не хлебом единым живем» [4]. Известный английский писатель О. Хаксли в эссе «Смеющийся Пилат» (1925) высказал следующую мысль: «Научные изыскания, искусство, религия по сравнению с изготовлением гробов и завтраков лишены необходимости. И если бы мы все еще поклонялись необходимому, мы доньше остались бы на уровне обезьяны. В соответствии с любым разумным критерием ценностей ненужные вещи и ненужные люди, которые с ними связаны, имеют гораздо большее значение, нежели необходимые» [5, 206–207].

Художественный текст обладает уникальной способностью выявлять не только то, что «сказал автор», но и включать в структуру повествования авторские интенции. В образе Найэла, возможно, сказались переживания Дафны дю Морье из-за недооцененности ее собственного творчества. Известно, что она не сразу смогла получить признание как создатель серьезной литературы. Ее книги пользовались огромным успехом у читателей, экранизировались известными кинорежиссерами. Но официальная, академическая критика обвиняла писательницу в отсутствии в ее произведениях интеллектуальной составляющей, причисляя их к тому же разряду, что и песни Найэла. Действительно, дю Морье активно использовала такие жанры массовой литературы, как детектив, триллер, любовный и готический романы, отвечая всегда существующей потребности человека в чтении для развлечения. Но творчество английской писательницы не сводится к формулам развлекательной литературы. В рамках привычных

жанров, используя характерные для них приемы, она исследует психологию человека, глубины его подсознания, изображает странные, скандальные, связывающие ее героев отношения, умело сочетает фантастическое с рациональным, превращая обыденность в пугающий гротеск. В конце концов, писатели и критики не могли не признать то, что давно было признано читателями, — необыкновенный талант Дафны дю Морье. Вот что говорит критик Н. Ауэрбах: это «сложный, мощный, уникальный писатель, настолько неординарный, что никакие традиции критики, от формализма до феминизма, не могут ее классифицировать» [6, 10]. Ричард Келли, профессор университета Теннесси: «В некоторых своих романах она идет дальше техники популярного романа, добиваясь глубочайшего психологизма» [7]. Британская писательница Маргарет Форстер считает, что в произведениях дю Морье «полностью выдержаны все сомнительные критерии популярной литературы, однако при этом неукоснительно соблюдаются и строгие требования, предъявляемые “большой литературе”» [8].

Роман «Паразиты» может служить примером такого сочетания популярного и серьезного. В парадигму массовой литературы вписываются такие элементы проблематики, как образ жизни богемы, нетрадиционный характер семейных отношений, инцест. Но за ее пределы выходит открытый финал романа — фабульно незавершенный, лишенный такого обязательного для текстов массовой литературы элемента, как *happy end*. О том, что творчеству Дафны дю Морье не чужды принципы серьезной, большой литературы, свидетельствуют использованные в романе театральные мотивы и интертекстуальные отсылки, а также проблема автора и его статуса в художественном произведении. В литературе XX столетия голоса персонажей уже не подчиняются авторскому, а существуют как равноправные, что разрушает инерцию традиционного читательского восприятия, стимулируя обострение его активности. Так, читателю «Паразитов» предстоит самому догадываться, кто такие «мы», чьими словами начинается роман: «Паразитами нас назвал Чарльз. ...Мы сидели в длинной, низкой комнате...» [1, 7] (курсив мой. — Ф. А.). Традиционное повествование от лица автора здесь заменено внутренним монологом рассказчика, приближающимся иногда к потоку сознания. Голос автора, прорывающийся сквозь внутренний монолог рассказчика, не пытается играть в тексте доминирующую роль, чаще принимая форму несобственно-авторской речи. Это чередование равноправных дискурсов, сохраняемое на протяжении всего романа, свидетельствует не только об умении писательницы удерживать читателя в состоянии алертности, но также о том, что ее творчество развивалось в русле серьезных эстетических исканий XX века.

Как уже говорилось, второе издание романа «Паразиты» на русском языке вышло в 2017 г. под названием «Богема». Вероятно, авторское название ассоциировалось у издателей с чем-то, что могло бы оттолкнуть читателя. А в условиях рыночных отношений, когда книга приобретает качества товара, требуется привлекающее внимание читателя название, чтобы с максимальной выгодой его реализовать. В этом случае категория перспективы формирует читательские ожидания и часто является решающей в приобретении книги. А название «Богема», говорящее о яркой, необыкновенной артистической жизни, может превратить читателя в покупателя. Насколько успешным оказалось это «превращение», сказать трудно, поскольку в выходных данных и первого, и второго изданий тираж не указан.

Существование одного и того же произведения под двумя разными названиями является отражением смысловой многослойности художественного текста. Два названия одного произведения — не что иное, как двойное кодирование, два уровня чтения и понимания, которое зависит от эрудиции и культурного опыта читателя. Озаглавив роман «Богема», издатели сделали акцент на вопросах, осмысляемых в рамках социокультурного типа проблематики. Согласно исследованию А. Б. Есина, опирающегося, в свою очередь, на типологию художественной проблематики, разработанную Г. Н. Пospelовым, ее основными признаками являются «устойчивые общественные отношения, условия и образ жизни той или иной части общества, сложившиеся в сфере массового, обыденного сознания мнения, привычки, организация быта и т.п.» [9, 48]. Издатели направили внимание читателя на изображение специфической части общества, богемной среды с присущей ей особой атмосферой, пренебрежением к правилам и нормам официальной морали, с отличными от обыденных беспорядочными отношениями и беспечным образом жизни. Ее сферу интересов составляют не вопросы государственности или политики, не социальный статус и материальное положение, а связанные с творческим процессом явления, потребности и возможности.

Богемная жизнь не предполагает существования дома — обжитого, уютного пространства, дающего человеку чувство защищенности от мира. Большой уютный дом и прочная семья — один из важнейших символов викторианства, сохраняющий свое значение в сознании англичан и в XX веке. «Британцам викторианская эпоха кажется не столь далекой, потому что ее архитектурные и ландшафтные образы, предметная среда, жизненные устои и обыденные представления до сих пор органично вплетены в современность и составляют важную ее часть» [10].

Чарльз Уиндэм — один из тех, для кого верность традициям, следование установленному порядку вещей является неперенным условием прочного фундамента семейной жизни. Поэтому для него

главная задача — сохранить Колдхаммер не только как материальную реальность, но и как воплощение традиционных семейных ценностей, к числу которых относится напоминающий ритуальное действие домашний распорядок: переодевание к обеду, чай в пять часов, посещение Аскота и т.д. Фигура Чарльза заставляет вспомнить Макса де Уинтера, героя романа «Ребекка», который «слишком много думал о Мэндерли», не решаясь разрушить его репутацию разводом с женой. Сохранить Колдхаммер можно только разведясь с Марией, на что в конце концов решится Чарльз.

В отличие от Чарльза, существующего в границах викторианского сознания, Мария стремится утвердиться в жизни в соответствии со своими собственными представлениями. Она — актриса, и изменять своему призванию не намерена. «Ему следовало жениться на той, которая любит то, что любит он: деревню, зиму, верховую езду, несколько семейных пар к обеду и затем бридж», — перечисляет Мария привлекательные для Чарльза детали викторианского быта. А у нее иной алгоритм бытия, не связанный с бытом и семьей, со стереотипными социальными отношениями, этическими и эстетическими нормами.

Противопоставление норм семейной жизни Чарльза Уиндэма принципам существования Делейни осуществляется не только через оппозицию «Чарльз — Мария», но и на уровне остальных персонажей. Наиболее отчетливо это противопоставление явлено в сцене встречи двух семейств в Колдхаммере. Нарисованная в комедийных тонах, она демонстрирует свойственный богеме нонконформизм и эпатажный стиль поведения: «Ни один Делейни не явился к обеду вовремя. ...Папа, раскрасневшийся в слегка съехавшем набок черном галстуке, признался ближайшим членам своего семейства, что подкрепление, принятое им после чаепития, оказалось недостаточным и, чтобы продержаться до обеда, ему пришлось прибегнуть к содержимому своей фляжки» [1, 252]. Селия забыла свои вечерние туфли и осталась в тапках без задников. «Фрида появилась последней. ... потому что обвязывание головы тюрбаном заняло определенное время. Результат был несколько ошеломляющим и отнюдь не тем, на который она рассчитывала» [1, 252]. Ситуация вызывает в памяти сцену из романа Дж. Голсуорси «Собственник», когда почтенное семейство Форсайтов было повергнуто в смятение шляпой Босини, надетой вместо обязательного цилиндра. Комические сцены, подобные этой, создают в романе картину в духе комедии нравов, которая, по определению П. Пави, представляет собой «этюды о поведении человека в обществе, о классовых различиях, разнице среды и характерах, отражающих эту среду» [11, 149].

В картине родственных связей Делейни на первый план выдвигается внутренний мир каждого из членов этого семейства. Их душевное состояние

передается с использованием различных приемов психологического анализа: пейзажа, соответствующего настроению; портретной характеристики, передающей внутреннее напряжение; через восприятие окружающих; а также с помощью деталей, несущих значительную смысловую нагрузку.

Одна из них помогает проникнуть в скрываемые от остальных отношения, связывающие Марию и Найэла и составляющие центральную линию сюжета. Это недорогое кольцо с аквамаринном — подарок Найэла. Оно всегда было на пальце Марии, в то время как подаренные Чарльзом дорогие кольца оставались забытыми «на раковине в ванной комнате». Упомянутая неоднократно на протяжении романа, эта деталь становится подсказкой, которая помогает разгадать тайну отношений героев романа. Тайна эта называется словом «инцест». И традиционный для викторианского романа любовный треугольник, не меняя своей формы, приобретает неожиданные оттенки: один из двух любящих женщину мужчин приходится ей братом, пусть даже сводным. Но говорить об этом прямо и откровенно было неприемлемо, хотя запреты викторианской морали уже были не обязательны. И дю Морье не идет по пути вербального обозначения переживаемого героями чувства, признание в любви к Марии прозвучит только в прощальном письме Найэла. Писательница не называет, а показывает чувство, привлекая внимание к его оттенкам и проявлениям. Отсюда — намеки, недоговоренности, умолчания, благодаря чему до конца романа сохраняется неослабевающий читательский интерес к происходящему.

Наверное, невозможно «проникнуть во все составляющие Текста, неизбежно есть осознанные и неосознанные его пласты. ...Только индивидуальное прочтение оживляет одну из множества координат пространства текста, которая при другом прочтении может и не проявиться» [12, 5]. Поэтому круг проблем романа Дафны дю Морье «Паразиты» остается незамкнутым в ожидании нового взгляда и новых прочтений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дафна дю Морье. Паразиты / Дафна дю Морье. — М.: ТЕРРА, 1999. — 512 с.
2. Аристотель. Об искусстве поэзии // Введение в литературоведение. Хрестоматия (под ред. П. А. Николаева). — М.: Высшая школа, 1988. — С. 390–394.
3. Гроссман Л. Достоевский. Серия ЖЗЛ / Л. Гроссман. — М.: Молодая гвардия, 1963. — 544 с.
4. Лотман Ю. М. На пороге непредсказуемого / 4. Ю. М. Лотман // Человек. — 1993. — № 6. — Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotm/na_porog.php (дата обращения: 15.08.2018).
5. Хаксли О. Смеющийся Пилат / О. Хаксли // Свобода угнетать... Писатели Англии о США. — М.: Прогресс, 1986. — С. 204–213.

6. Auerbach N. Daphne du Maurier: Haunted Heiress. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2000.— Режим доступа: http://www.goodreads.com/book/show/50249.Daphne_Du_Maurier_Haunted_Heiress(дата обращения: 15.08.2018).
7. Kelly R. An Obituary / R. Kelly // — Режим доступа: www.dumaurier.org/obituary.php(дата обращения: 15.08.2018).
8. Форстер М. Об авторе / М. Форстер // Дафна дю Морье. Кукла.— М.: Астрель, 2013.— 288 с. // — Режим доступа: <https://books.google.ru/books/about/> (дата обращения: 15.08.2018).
9. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие / А. Б. Есин.— М.: ФЛИНТА; Наука, 2017.— 248 с.
10. Каманкина М. В. Ретроспективное творчество: феномен неовикторианской литературы / М. В. Каманкина // Художественная культура.— 2016.— № 1 (17).— Режим доступа: <http://sias.ru/en/publications/magazines/kultura/2016-1-17/yazyki/4938.html> (дата обращения: 15.08.2018).
11. Пави П. Словарь театра / П. Пави.— М.: Прогресс, 1991.— 504 с.
12. Шогенцукова Н. А. Лабиринты текста / Н. А. Шогенцукова.— Нальчик: Эльбрус, 2002.— 224 с.

Дагестанский государственный университет
Абилова Ф. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы
E-mail: abilovafiruza@mail.ru; fukuoka2003@yandex.ru

Dagestan State University
Abilova F. A., candidate of philological science, docent of
department of Russian literature of (Makhachkala, Russian
Federation),
E-mail: abilovafiruza@mail.ru; fukuoka2003@yandex.ru

О НОВЫХ ЖАНРОВЫХ ФОРМАХ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Л. Г. Антонова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Поступила в редакцию 12 июня 2018 г.

Аннотация: целью данной статьи является представление сведений о новых жанровых формах, которые в последнее время активно представлены в интернет-дискурсе, но не получили пока должного жанрово-стилевого описания, отсутствует объяснение наиболее существенных характеристик новых жанровых моделей: поликодовой природы записи, авторизации высказывания в диалоге с читателем, приоритетности устности и разговорности, значимости графематики и визуализации при оформлении текста.

Ключевые слова: жанр интернет-дискурса, конвергенция жанровой формы, гипертекстовый характер записи, мультимедийность, поликодовость, персоналистический режим текста, диалогизация и авторизация, визуализация информации.

Abstract: the aim of this article is to present information about the new genre forms, which lately have been actively represented in Internet discourse, but have not received so far a proper genre and style descriptions, there is no explanation of the most significant features of the new genre models: polikode records of authorization statements in a dialogue with the reader, prioritization of orality and colloquialism, the significance of the grafemeke and text decoration with visualization.

Keywords: genre of Internet discourse, convergence of genre form, hypertext, multimedia recording nature, polikoding, personalist texts, dialogization of text mode and information visualization.

Современные исследователи жанров интернет-дискурса озабочены необходимостью изучения речевых жанров через «призму современности»: появление новых речевых жанров и трансформация традиционных дает основание новому направлению исследования — «виртуальному жанроведению» [1, 156]. Действительно, развитие генристики сегодня нельзя представить без массмедийного пространства, в котором и формируются ориентиры, тренды и новые способы жанровой организации при текстовой передаче информации в виртуальной системе координат. Нельзя не согласиться с оценкой «вызовов времени» и следует признать, что «облик современного коммуникативного пространства существенно изменили серьезные перемены в жизни общества, обусловленные социально-психологическими факторами, новыми технологиями мгновенной передачи информации в интернет-общении, в том числе и на сайтах СМИ» [2, 156]. Необходимо, кроме того, учитывать тот факт, что медийная среда, как сложный и многоаспектный феномен, является в настоящее время не просто сферой создания и потребления информационного продукта, но пространством, где происходит удовлетворение информационных потребностей современной языковой личности, создание определенных жизненных ориентиров и ценностей. Как мы уже писали, современный «информационный человек» (*homo informaticus*) в процессе поиска каче-

ственной (достоверной) информации вступает в медийном пространстве в непосредственный контакт с максимальным количеством доступных условно независимых медиа [3, 18]. И поиск новостной, событийной или профессионально ориентированной информации, и продукт этого поиска становится для него *персонифицированным контентом*, который транслирует его представление о реальности, нормах и проблемах и помогает «создавать смыслы и обмениваться ими», позволяет ему максимально реализовывать накопленный речевых жанровый опыт. Можно даже говорить, что медийное пространство выводит современную личность на осознание нового типа культурной реальности, новую картину мира.

Особенно продуктивно представлены *новые жанровые модели в блогерской журналистике*, что можно, конечно, объяснить в первую очередь «свободой авторского волеизъявления» блогера, отсутствием жестких редакторских канонов, которые не препятствуют «экспериментированию» с текстовой тканью, активным и продуктивным использованием в блогерской записи *приемов кросс-медийного контента*, когда одна и та же информация может распространяться («продвигаться») журналистом по различным медиаплатформам, «обрастать» при этом новыми визуальными (фото, видео) или графическими (хештеги, смайлы — эмоциональные реакции) элементами сопровождения информации.

Другая причина быстрого жанрового обновления текстовой информации в интернет-среде, на наш

взгляд, связана с *интертекстуальным аспектом* при воспроизведении традиционных речевых жанров в этом новом пространстве. Нельзя не согласиться с В. В. Дементьевым, что «новая сфера общения всегда порождает *вторичные* РЖ» [4,18], а точнее, как считает ученый, «общий культурный фон, на котором люди используют речь с определенными целями», дает творческий посыл для *креативной трансформации* «знакомых» речевых жанров. Так, например, в блоговой журналистике получили «новое осмысление» как «вторичные» следующие жанры: «*топ новостей*» (известный прежде как *хроника событий*); «*образ жизни*» (англ. *Lifestyle*) (знакомый и востребованный ранее как *эссе*); «*стрим*» (англ. *Stream* — «поток») (известный и популярный в тележурналистике как *репортаж*); *tag* (англ. *Tag* — «заметка») (традиционно используемый в аналитической журналистике *лист опроса* лидеров мнений); *лайфхаки* (популярные рубрики *советы и рекомендации*). В связи с новыми условиями размещения и транслирования, конечно, новые жанры отличаются от традиционных, прежде всего, *медиаинструментарием* (о чем мы подробнее напишем далее), но наш опыт работы подтверждает, что языковая личность, даже с небольшим речежанровым опытом, интуитивно «узнает» новые жанровые образования, вспоминая *жанроопределяющие признаки* «исходных жанров» как закрепленные в сознании и речемыслительной памяти «образы коммуникативной практики»: знакомую структурную модель записи, ключевые слова (самые яркие жанровые вербальные маркеры); сходные по характеру воздействия авторские установки в тексте. Вот почему можно говорить, что новые жанровые модели успешно актуализируются в новой виртуальной среде, они, как и предупреждал М. Бахтин, «узнаваемы и воспроизводимы» и для блогера, и для его читателей.

К важнейшим качественным *внешним характеристикам* виртуальных жанров коммуникации чаще относят *интерактивность*. Это связано с возможностью вступать в прямой диалог с аудиторией, получать от нее обратную связь в режиме реального времени и общения представителей аудитории между собой. С технической точки зрения современные медийные продукты обладают рядом особенностей, позволяющих по-новому организовать процесс предоставления информации и обеспечения взаимодействия с целевой аудиторией: *использование ссылок* позволяет устанавливать интертекстуальные связи, обращаясь к другому тексту как информационному или аргументационному источнику; *тематические метки или теги* позволяют аудитории не просто эффективно разделять тематику сообщений, но и самостоятельно выбирать те из них, которые ее интересуют.

Вот типичный пример журналистского информационного поста:

28.06.2018 21:02

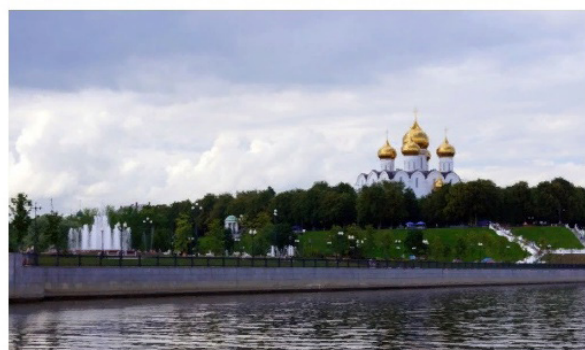


Данила Грибов
28 июня в 21:02

Ярославская область заняла 30-е место в экологическом рейтинге России по итогам весны этого года.

Рейтинг составила общественная организация «Зеленый патруль», проанализировав экологические показатели регионов страны.
В ЦФО наша область расположилась на 9-ом месте. С марта по май она улучшила свои показатели и поднялась на 4 строчки.

Ведущие позиции рейтинга занимают - Тамбовская область, республика Алтай, Алтайский край и Курская область.
Аутсайдеры - Свердловская, Челябинская, Московская и Иркутская области.
#Ярославль #экология #экологическийрейтинг #блог #блогер #добдан



43

2



982

В данном посте социокультурной направленности сообщается о том, что «Ярославская область заняла 30-е место в экологическом рейтинге России по итогам весны этого года».

Текст структурирован с помощью *смайлов*. Ключевые слова «экология» и «весна» отражены в смайле «листья». Статистика, по которой наша область расположилась на 9-м месте и улучшила свои показатели с марта по май, визуализирована в виде *смайла «график»*. Также указаны ведущие позиции рейтинга, визуально подкрепленные *смайлом «медаль»*, и аутсайдеры (отстающие) со *смайлом «минус»*.

Ниже, как ключевые слова поста, *перечислены хештеги*: #Ярославль #экология #экологический-рейтинг #блог #блогер #добдан. Это обеспечивает быстрый поиск статьи автора в общем контексте близких по тематике статей, закрепляет его рейтинговую позицию.

К записи прикреплено одно изображение — фотография Стрелки как одного из известных и красивых мест в Ярославле. Фото выбрано не случайно: опосредованно сообщает об имиджевой стратегии блогера, дополняет информацию о его приобщенности к социокультурной проблематике «благоприятная городская среда обитания».

При реализации новых жанровых форм обращает на себя внимание и особый режим *межличностной коммуникации* в интернет-пространстве, который предельно ориентирован на *диалоговую волну*, что

поддерживается доверительными (а иногда «искусственно приватными») отношениями между автором статьи и читателями и «встраивается» в пространство записи посредством мимики под интимизацию в личной электронной переписке.

Вот, например, типичные «диалоговые пристройки»:

«хорошо понимаю, как иногда не хватает», «при этом, как вы понимаете», «и тут небезызвестный нам случай», «стоит нам оказать услугу», «согласны? жду ответов в комментариях!», «ну, давайте начнем с малого...», «нам ли с вами не знать» и т.п.

Активно используются в блогерской журналистике мессенджеры как прецедентные личные послания, обеспечивающие закрепление в памяти наиболее значимой информации или умелое «поддерживание» главного авторского послания, иногда «скрытого» в подтексте. Вот пример двух типичных авторских прецедентных посланий из топа новостей известного ярославского блогера:

Яков Якушев выставил свою гостиницу «Юбилейная» на Avito за 550 миллионов рублей. Вроде бы нормальный бизнес-процесс (недвижимость продают и покупают всегда и везде), но как-то всё это идёт в разрез с радужными туристическими перспективами столицы Золотого Кольца, которые нам рисует нынешняя власть. **А вот бизнес на такой мякине не проведёшь.**

Оксюморон недели: телеканал «Первый Ярославский» стал лауреатом на Всероссийском конкурсе журналистских работ «Правда и справедливость». **Ни убавить, ни прибавить!**

В интернет-жанрах предельно «упрощены» отношения автор — адресат, поскольку в условиях новой виртуальной и динамичной среды имеется возможность мониторинга популярности или востребованности у аудитории тех или иных тем сообщений, а функции комментариев позволяют оперативно и достаточно точно отслеживать обратную реакцию читателей. Комментарии в свою очередь позволяют журналисту-блогеру ориентироваться на запросы и потребности аудитории, корректировать возможные и актуальные интерпретации материалов. Большую популярность приобрели так называемые лайки, что позволяет читателю одним нажатием кнопки выразить свое отношение к публикации, а также функция репостов, которая позволяет поделиться информацией с друзьями. Мультимедийность и поликодовость сообщений позволяют комбинировать различные средства передачи информации (вербальные, визуальные, графические, аудиальные) и семиотические коды, а значит, добиваться большей убедительности и объективности медийной репрезентации информации.

Вот типичный пример аналитической блогерской записи на актуальную социальную тему в жанре «стиль жизни»:

Трансформация брака. Как будут меняться формы совместной жизни

Расцвет офисной культуры с ее карьерными лифтами, новым типом трудоголика и развития массы новых сервисов, снижающих зависимость от рутинных домашних процедур, повысил индивидуальные возможности и маневренность городского населения. Возник целый класс людей, которые стали считать брак чем-то ненужным, либо откладывая его на период позднего деторождения, либо считая и само рождение ребенка недостаточным основанием для формализации отношений.



Общество стало активно перенимать новые матрицы поведения, делая это в контексте новой экономической среды, при росте личной мобильности.

Автор умело использует все приемы поддержки важного аналитического материала: включает интригующий заголовок; чередует текст и смысловое фото необычного ракурса, создает ёмкий аналитический текстовый абзац из двух предложений, «сохраняя» интерес к проблеме, и завершает месседжем, оформленным с использованием шрифтового индексального выделения.

И в заключение следует обратить внимание еще на одну важную проблему, с которой сталкивается журналист в эпоху интерактивного дискурса — клиповый и непосредственный характер восприятия информации аудиторией. Интернет-жанры люди предпочитают не читать, а «сканировать», то есть прочитав интересный заголовок, посетитель «кликает» на него, бегло просматривает текст и фото, а затем «уходит». Вот почему, чтобы удержать внимание читателя, журналист-блогер использует правило «первого экрана»: обязательно чередует текст и фото, «жестко» структурирует информацию в короткие ёмкие абзацы, придумывает информативные заголовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шурина Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram / Ю. В. Шурина // Жанры речи. — 2016. — № 1. — С. 156–168.
2. Кормилицына М. А. Тенденции изменений в стилистическом облике традиционных журналистских жанров в современной прессе / М. А. Кормилицына // Жанры речи. — 2018. — № 1. — № 1(17). — С. 67–72.
3. Антонова Л. Г. Коммуникативная лексика в ме-

дийных текстах /Л. Г. Антонова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия гуманитарные науки.— 2012.— № 4.— С. 140–144.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Антонова Л. Г., профессор кафедры теории и практики коммуникации

E-mail: antonova_lubov@mail.ru

4. Дементьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров / В. В. Дементьев // Жанры речи.— 2015.— № 2(12).— С. 9–26.

Demidov Yaroslavl State University

Antonova L. G., professor of the theory and practice of communication

E-mail: antonova_lubov@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОДТЕКСТ НАСТРОЕНИЙ ПЕЧАЛИ И ТОСКИ В ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «ПОЕЗДКА В ПОЛЕСЬЕ»

Д. С. Барицкий

Московская духовная академия

Поступила в редакцию 23 октября 2018 г.

Аннотация: в статье поднимается вопрос о существовании религиозного подтекста настроений печали и тоски в повести И. С. Тургенева «Поездка в Полесье». Проведенный анализ показывает, что такой подтекст имеет место быть в произведении и возникает в первую очередь благодаря символично-типологическим параллелям между образами повествования и образами библейско-христианской традиции. Благодаря существованию таких параллелей, пессимистический пафос на страницах произведения ощущается не только как результат неприятия существующего в этом мире порядка вещей, но и как следствие тоски по высшему смыслу, по личному, бессмертному, заинтересованному в человеке Началу. Архетипическая семантика образов дает нам право мыслить об этом Начале в категориях именно христианской традиции.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Поездка в Полесье», пессимизм, тоска, печаль, смысл жизни, религиозность, Бог.

Abstract: the article raises the question of the existence of the religious subtext of the moods of sadness and anguish in the story of Turgenev «A Trip to Polesie». The analysis shows that such a subtext takes place in the work and arises primarily due to the symbolic and typological parallels between the images of the narrative and the images of the biblical-Christian tradition. Due to the existence of such parallels, the pessimistic pathos on the pages of the work is felt not only as a result of the rejection of the existing order of things in this world, but also as a result of the longing for the highest meaning, for the personal, immortal Beginning, interested in human being. The archetypal semantics of images gives us the right to think about this Beginning in the categories of Christian tradition.

Keywords: I. S. Turgenev, «A Trip to Polesie», pessimism, sadness, anguish, the meaning of life, religion, God.

Через все творчество И. С. Тургенева красной нитью проходит мысль о бездушности и пустынности мироздания. В нем безраздельно властвует природа, «штука — равнодушная, повелительная, прожорливая, себялюбивая, подавляющая» [1, 425]. Ей совершенно нет дела до человека, удел которого печален. Несмотря на свои высокие духовные запросы, тягу к личному счастью и бессмертию, он обречен на кратковременное существование, а в итоге смерть и забвение. Об этом трагическом противостоянии сам И. С. Тургенев так писал Полине Виардо: «Да, она такова: она равнодушна, душа есть только в нас и, может быть, немного вокруг нас... Это слабое сияние, которое древняя ночь вечно стремится поглотить» [1, 406–407]. Человеческая жизнь — всего лишь «красноватая искорка в мрачном и немом океане Вечности» [1, 390].

Благодаря тому, что мысль писателя простирается в сферу иррационального, мистического, человек оказывается не просто перед лицом равнодушной и безликой природы, которая пренебрегает всяким проявлением свободы человеческого духа, подчиняя все живое бездушным законам механической необ-

ходимости. Ко всему прочему его судьбой играют таинственные, чаще всего враждебные силы, «которые можно иногда прозревать, но постигнуть — невозможно» [2, 69]. Все, что в этой ситуации человеку остается, так это «смириться», «преклонить головы перед Неведомым» [3, 128] и «по крайней мере уметь молчать» [3, 147]. Не случайно «среди философских проблем, серьезно занимавших Тургенева на протяжении, в сущности, всей его литературной деятельности, первостепенное значение имеет мысль о человеческом ничтожестве» [4, 49].

Отсюда пафос пессимизма, уныния и тоски, которым пронизаны многие работы классика.

И, тем не менее, как однажды подметил Салтыков-Щедрин, размышляя о произведениях Тургенева, «после прочтения их легко дышится, легко верится, легко чувствуется... ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора... Именно это впечатление оставляет после себя эти прозрачные, будто сотканные из воздуха образы, начало любви, света, во всякой строке бьющее живым ключом» [5, 212].

Действительно, пессимизм творчества И. С. Тургенева особого рода. По словам А. И. Батюто, это не «бесчувственный» пессимизм холодной и отстраненной

философии стойков и Шопенгауэра. Пессимизм Тургенева жизнеутверждающий [4, 111–112]. Он является свидетелем «неистребимой любви к жизни и человеку, следствием тоски по идеалу, по какому-то иному, лучшему порядку в мире природы и в мире человеческих отношений...» [4, 39]. Эта двойственность настроений вполне свойственна и самому Тургеневу. Уже на закате своей жизни он указывает на то, что беспокоило и волновало его на протяжении всей жизни и что отразилось во всем его творчестве: «Ничтожество меня страшит — да и жить еще хочется...» [6, 208].

Пытаясь ответить на вопрос, каковы же истоки этой особенности мировоззрения писателя, Г. Б. Курляндская предполагает, что все оно — своеобразное выражение «метафизической тоски... коренной неистребимой потребности в идеале предельного совершенства, т.е. безусловной духовности, пребывающей в природе и вне ее» [7, 10–11]. По сути, поднимается вопрос о религиозной составляющей творчества И. С. Тургенева. Насколько оправданна его постановка? В какой степени «диалектически-неразрывное сочетание «пессимизма» и «оптимизма» в философских настроениях писателя», которое «характеризует всю его жизнь и литературную деятельность» [4, 39], связано с вопросами религиозного порядка? Если более конкретно, то проблема может быть сформулирована следующим образом: можно ли говорить о существовании религиозного подтекста «жизнеутверждающего пессимизма» в произведениях И. С. Тургенева?

Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, мы обратились к одному из центральных произведений цикла «Таинственных повестей», в котором пафос уныния и тоски сконцентрирован с особой силой.

Повесть «Поездка в Полесье» была написана И. С. Тургеневым в 1857 году. Одна из ключевых тем, которая получает развитие на страницах произведения — взаимоотношения человека и природы. Природа представлена здесь как «первобытная, нетронутая сила» [3, 130]. Она величава и красива, однако при этом абсолютно равнодушна к существованию человека. «Из недр вековых лесов, с бессмертного лона вод поднимается тот же голос: «Мне нет до тебя дела... я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть»...» [3, 130]. По сравнению с кратким веком человеческой жизни природа вечна. Оттого ее созерцание поселяет в людях «сознание своей ничтожности» [3, 130]. «Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, — трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды» [3, 130]. Все живое перед ее лицом — всего лишь призрак. Об этом красноречиво свидетельствует окружающий рассказчика пейзаж, который ассоциируется в повествовании с чем-то тоскливо-призрачным. «Все деревья

да деревья, все зубчатые верхушки — и тонкий, туманный туман, вечный туман Полесья висел вдали над ними. Не ленью, этой неподвижностью жизни, нет — отсутствием жизни, чем-то мертвенным, хотя и величавым, веяло мне со всех краев небосклона» [3, 131]. Образ природы неизбежно связан с мыслью о приближающейся и неминуемой смерти. Оставшись в лесу с ней один на один, рассказчик передает свои ощущения: «Сердце во мне сжалось. В это мгновение, на этом месте я почуял веяние смерти, я ощутил, я почти осязал ее непрестанную близость» [3, 138].

Единственное, что заботит природу, так это гармония между всеми ее элементами. Это и есть «ее несомненный и явный, хотя для многих еще таинственный смысл» [3, 147]. Поэтому она не выбирает любимчиков. Она просто стремится поддерживать «равновесие здоровья в каждом отдельном существе — вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится. Все, что выходит из-под этого уровня — кверху ли, книзу ли, все равно, — выбрасывается ею вон, как негодное. Многие насекомые умирают, как только узнают нарушающие равновесие жизни радости любви...» [3, 130].

В этих обстоятельствах, перед ликом равнодушной природы и неминуемой смерти, личное счастье, которого человек так жаждет и к которому стремится, становится принципиально недостижимым. Его можно предчувствовать, в той или иной мере ощущать его приближение, но в полноте познать его невозможно. Ведь все отравляет факт приближения неминуемой смерти и тот самый слепой закон равновесия, согласно которому живет природа. А потому счастье — всего лишь «призрак», как и сама человеческая жизнь. Оно то, что, вероятно, однажды «проходило близко, мимо, улыбалось лучезарною улыбкой — да я не умел признать его божественного лица? Или оно точно посещало меня и сидело у моего изголовья, да позабылось мною, как сон? Как сон, повторял я уныло...» [3, 139]. Удел человека печален. Ему остается только смириться со своей участью, ведь «где блаженство, и вера, и сила — там не наше место!» [3, 139], и приучать себя к «горьким словам «прости» и «навсегда»» [3, 139].

И. С. Тургеневу была чужда идея о том, что жизнь сводится единственно к своей механической картине, а все ее явления обусловлены лишь законами детерминизма. Как результат, в своем творчестве он охватывает не только рациональные и естественно-познаваемые явления жизни, но и нерациональные. Именно поэтому образ природы в повести «Поездка в Полесье» представлен не только в своей видимой, познаваемой ипостаси, но имеет и скрытое, мистическое измерение. Природа не просто наваливается на человека извне, как безликая, равнодушная громада. Она действует в жизни людей «изнутри», в виде внезапно вторгающихся в их судьбу таинственных сил. Как правило, это силы фатальные и враждебные

по отношению к человеку. Встреча с ними заканчивается для него трагически. Вот тот философский контекст, который сообщает произведению тоскливую тональность.

Эту идею вмешательства в судьбу и жизнь человека природной стихии иллюстрируют образы двух персонажей повести — Егор и Ефрем.

Егор «слыл за человека правдивого и за «молчальника»... не пил вина и работал прилежно» [3, 135]. «Божия душа в полтора гроша» [3, 141], — так о нем отзываются те, кто его знают. Тот факт, что «он ничего без креста не начинал» [3, 136], обнаруживает укорененность Егора в христианской вере. Однако, несмотря на такое благочестие и верность Богу, Егору «не везло: жена его все хворала, дети умирали; он «забеднял» и никак не мог справиться» [3, 135]. Само повествование заканчивается упоминанием о том, что у него «последняя корова околела» [3, 148]. И все же Егор принимает удары судьбы и действие в своей жизни неведомых сил со смирением и покорностью. По мысли рассказчика, он прекрасно понял ту философию, согласно которой «человек, которому от своей ли вины, от вины ли других пришлось худо на свете, должен по крайней мере уметь молчать» [3, 147].

Вот та точка в пространстве повествования, в которой оно получает религиозное измерение. На наш взгляд, не случайно такое внимание уделяется благочестию Егора. В сложившейся ситуации его вера и упование на Бога очень примечательны. Несмотря на то, что Егор смирился перед той равнодушной природной стихией, которая действует в его судьбе, он все еще продолжает стремиться к личному, бессмертному и заинтересованному в человеке Началу. Его внешние покорность и молчание не исключают живущей в нем надежды на благого Бога. Возможно, именно в этом причина того, что природа «мстит» ему до самого конца повествования. Это словно напоминание: в ответ на его внутреннее упорство в любой момент и его самого она может выкинуть вон, как того, кто пытается познать «нарушающие равновесие жизни радости любви...» [3, 147]. Поэтому перед нами не просто образ праведника из народа, это еще и образ страдальца за веру. Типологически он связан с библейским образом праведного Иова Многострадального. А потому история Егора не только история верности Богу, это еще и намек на попытку вести диалог с Небом. Не озвученный вопрос: где ты, Господи, когда твои люди страдают? За что страдает праведник? Если книга Иова дает ответ, то здесь все покрыто молчанием, что, безусловно, тесно связано с настроениями тревоги и печали.

Контрастом Егору выступает Ефрем. Он лихой человек. «Такого на сто верст другого не сыщешь. Вор и плут» [3, 142]. Ефрем в лесу чувствует себя как дома. «Уж на что мы все, здешние, лес знаем, приобыкли сызмала, а с ним поравняться немочно. Про-

шлым летом, ночью, напрямки из Алтухина в Святое пришел, а тут никто и не хаживал отродясь, верст сорок будет. Вот и мед красть, на это он первый человек; и пчела его не жалит» [3, 142], — говорит о нем рассказчику провожатый. Ефрем живет по закону природы: «оробел — пропал, смел — съел» [3, 142]. Поэтому и замечает о нем Егор: «зато он и медведь» [3, 143]. В системе художественных образов повести именно Ефрем является олицетворением таинственных сил природы, действующих в судьбах людей. Он ее дитя и словно заговоренный. Однажды крестьянин встретил его в лесу во время сильного дождя: «я было в сторону... А он поглядел на меня, да эдак меня ручкою и подождал. «Подойди, мол, Кондрат, не бойся. Поучись у меня, как в лесу жить, на дождю сухим быть». Я подошел, а он под елкой сидит и огонек развел из сырых; веток: дым-то набрался в елку и не дает дождю капать» [3, 144]. Ефрем — «оборотень»: «Пока дома — любезный человек, всех потчует: пей, ешь сколько хочешь, пляска тут у него поднимется, балагурство всякое; а что коли на сходке, такая у нас сходка на селе бывает, уж лучше его никто не рассудит; подойдет сзади, послушает, скажет слово, как отрубит, и прочь; да уж и слово-то веское. А как вот уйдет в лес, ну, так беда! Жди разорения. А и то сказать: он своих не трогает, разве самому тесно придется. Коли встретит кого святовского — «Обходи, брат, мимо, — кричит издали, — на меня лесной дух нашел: убью!» Беда!» [3, 143]. Примечательно, что перед Ефремом и теми таинственными силами, которые действуют через него, пасуют даже духовные лица. Местный дьячок, не узнав, поколотил его за разорение своей пасеки. Когда же увидел, кто перед ним: «ему в ноги: возьми, мол, что хочешь. Нет, говорит, я с тебя в свое время возьму, да и чем захочу... с самого того дня дьячок-то, словно ошпаренный, как тень бродит! Сердце, говорит, во мне изныло» [3, 144].

Образ одержимого лесным духом «оборотня» Ефрема, перед которым пасуют даже духовные лица, — очередной раз подчеркивает то, кому в этой жизни раздолье и чья здесь власть. Очевидно, что, пусть и через призму мифологического народного сознания, перед нами явная отсылка к началу inferнальному, демоническому. За безликим, равнодушным природным началом, которому нет дела до человека, порой скрывается злая личная воля. Позже эта идея будет выражена И. С. Тургеневым в повести «История лейтенанта Ергунова» (1868) и со всей силой в «Рассказе отца Алексея» (1877).

Итак, страдания праведника, молчание Неба, и при этом господство в этом мире темных «лесных» сил, в очередной раз усиливает пафос тоски и уныния, пронизывающего повесть, и вместе с тем намекает на его религиозное измерение.

Интересующий нас подтекст пессимистических настроений повести возникает и благодаря осо-

бым символам, которые на уровне архетипов тесно связаны в сознании русского человека с вопросами религиозной веры. Так в контексте рассуждений рассказчика о противостоянии вечной природы и кратковременного человеческого существа глубоко символический смысл получает образ храма. Для христианского мировоззрения храм — всегда символ личного, бессмертного, заинтересованного в человеке Начала, а также то место, где человек получает удовлетворение высоким запросам своего духа, может обрести опыт причастия полноте жизни. В повести его образ встречается трижды. Так, описывая равнодушный покой природы, пространство чуждое человеку, рассказчик замечает: «нигде не белела церковь» [3, 131]. Далее, подробно рассказывая о своей поездке через лес, по направлению к человеческому жилью, он между прочим отмечает то, что «в стороне темнела ветхая часовенка с покривившимся крестом над колодцем... и лес стоял кругом до того старый, высокий и дремучий, что даже воздух казался спертым» [3, 133–134]. В структуре художественного пространства произведения это своеобразная точка напряжения: массив равнодушной безликой природы давит на часовенку, которая является своеобразным форпостом, еле сдерживающим натиск враждебной человеку силы. С образом церкви мы встретимся еще раз, когда рассказчик, наконец, приезжает в «село Святое, лежащее в самой середине леса» [3, 134]. В этом селе «дворов двадцать лепилось вокруг старой, деревянной, одноглавой церкви с зеленым куполом и крошечными окнами, ярко рдевшими на вечерней заре» [3, 134–135]. Опять же очень примечательное пространственное решение в контексте тех настроений, которыми пронизана повесть. Перед нами островок жизни, с говорящим названием «Святое», который со всех сторон противостоит натиску равнодушной и безликой природы. Центром этого оазиса является храм, место, символизирующее встречу человека и высокого смысла, Бога. Именно этот образ в структуре повести является противовесом безликому, равнодушному к человеку природному началу.

К слову, образ храма не раз встречается в творчестве И. С. Тургенева. И практически во всех случаях он играет важную смысловую роль — становится символом высоких чаяний человека, олицетворяет собой все то, что может противостоять равнодушным силам природы (именно такую функцию, на наш взгляд, он выполняет в повестях «Фауст», «Довольно», романе «Отцы и дети»).

И все же, несмотря на такую пессимистическую тональность, в повести присутствуют и оптимистические нотки. Опять же они связаны с религиозным измерением. С особой силой это ощущается в эпизоде, в котором рассказчик остается в лесу один. Его провожатый ушел за водой, а он, под влиянием момента, погрузился в тоскливые размыш-

ления. Из этого унылого состояния героя выводит Егор. Это очень важный момент. «Вот вам вода, — раздался за мною звучный голос Егора, — пейте с Богом»... Я невольно вздрогнул: живая эта речь поразила меня, радостно потрясла все мое существование. Точно я падал в неизведанную, темную глубь, где уже все стихало кругом и слышался только тихий и непрестанный стон какой-то вечной скорби... я замирал, но противиться не мог, и вдруг дружеский зов долетел до меня, чья-то могучая рука одним взмахом вынесла меня на свет Божий. Я оглянулся и с несказанной отрадой увидел честное и спокойное лицо моего провожатого. Он стоял передо мной легко и стройно, с обычной своей улыбкой, протягивая мне мокрую бутылочку, всю наполненную светлой влагой... Я встал. — Пойдем, веди меня, — сказал я с увлечением» [3, 139]. «Тоскливым размышлением», «неизведанной, темной глуби», «тихому и непрестанному стону какой-то вечной скорби», которые есть результат созерцания безликого, равнодушного природного начала, влекущего человека к смерти, противопоставлено упоминание о начале личном, живом, заинтересованном. С особой силой это подчеркивают практически библейские выражения: «с Богом», «живая речь», «светлая влага», «свет Божий», «дружеский зов», «могучая рука». В результате возникает образ, вполне сопоставимый с евангельским, — образ пастыря доброго, подателя «живой воды», спасителя (ср.: Ин. 4:10; 7:37; 10:11). Важно, что репрезентует это начало праведник Егор, который в данном контексте словно освобождается от своего бремени и предстает перед нами в преображенном, светлом виде. Его лицо было «честное и спокойное», а стоял он «легко и стройно» [3, 139]. В данном случае его образ в большей степени ассоциируется со спутником-хранителем, который обладает бесценным опытом преодоления трудностей жизни, а потому помогает их преодолеть и тому, кто ему доверился.

Подобный оптимизм и надежда ощущаются, в конце концов, и в описаниях самой природы, образ которой амбивалентен в творчестве И. С. Тургенева. Рассказчик чувствует, что есть в ней все-таки нечто родственное нам. За призрачной дымкой тумана это родственное еле угадывается, его можно лишь предчувствовать. Вековой бор сравнивается с морем. Он «отражает небо, от которого тоже веет вечностью, но вечностью как будто нам нечуждой...» [3, 130]. Эта «нечуждая нам вечность», которая отражается в водной стихии, не просто аллюзия на пантеистическую идею всемирной природной гармонии, которая без сомнения присутствует в творчестве И. С. Тургенева. Здесь перед нами один из намеков на опыт предчувствия того личного, заинтересованного в человеке Начала, который и позволяет говорить о присутствии в повести настроений тоски религиозного характера.

Таким образом, мы видим, что на вопрос о существовании религиозного подтекста пессимистических настроений в повести «Поездка в Полесье» вполне можно дать положительный ответ. В основном он возникает благодаря символическо-типологическим параллелям между образами повествования и образами библейско-христианской традиции (образ страдающего праведника, спасителя — подателя «воды живой», спутника-хранителя, наконец, образ храма). Все они соотносятся с тематикой и проблематикой произведения, органично вплетены не только в повествовательный, но, что важно, в его философский контекст и формируют определенную систему смысловых доминант.

Благодаря существованию этих образов, пафос тоски и печали ощущается на страницах произведения не только как результат рефлексии относительно существующего в этом мире порядка вещей (принципиальной невозможности личного счастья, кратковременности и скоротечности человеческой жизни, незащитности человека перед лицом равнодушной природы и ее таинственных сил). Он вполне может быть связан с проблемой поиска высшего смысла, предчувствия, выражаясь языком самого И. С. Тургенева, «не чуждой нам вечности». Существующий образный ряд дает нам право мыслить об этой «нечуждой вечности» в категориях христианской традиции.

Итак, существование личного, бессмертного, заинтересованного в человеке Начала — которое на языке христианского богословия именуется Богом — способного подниматься над безликой, равно-

душной природой, наполнять смыслом все аспекты человеческого бытия, быть условием возможности личного счастья, является предметом надежды в произведении и сообщает ему жизнеутверждающую тональность. Именно таким, по словам Г. Б. Курляндской, сопряжением «метафизического и эмпирического», «утверждением жизни в ее духовной сущности» побеждается «дым пессимизма» [7, 34] во всем творчестве И. С. Тургенева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Письма в 18 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука, 1982. — Т. 1. — 608 с.
2. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Сочинения в 12 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука, 1982. — Т. 10. — 608 с.
3. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Сочинения в 12 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука, 1980. — Т. 5. — 544 с.
4. Батюто А. И. Тургенев-романист / А. И. Батюто. — Л.: Наука, 1972. — 392 с.
5. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. — М.: Художественная литература, 1975. — Т. 18, кн. 1. — 350 с.
6. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Сочинения в 12 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука, 1983. — Т. 11. — 528 с.
7. Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиции / Г. Б. Курляндская. — Тула: Гриф и Ко, 2001. — 230 с.

Московская духовная академия

Барицкий Д. С., доцент кафедры филологии

E-mail: Baricky1981@yandex.ru

Moscow Theological Academy

Baritskii D. S., associate professor of the department of Philology

E-mail: Baricky1981@yandex.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА ПИСЕМ А. П. ЧЕХОВА «БЕЗ ЦЕРЕМОНИЙ»

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 23 октября 2018 г.

Аннотация: феномен личности А. П. Чехова обуславливает особенности языка и содержания его писем, где главным становится реальность человеческого общения, в котором присутствуют «житейские» детали, обыденность текущего момента, повседневные подробности и будничность языка. Эти важнейшие характеристики действительно личных писем, «лично для тебя» и не для печати, изначально были охарактеризованы самим А. П. Чеховым как письма «без церемоний», которые он также ждал и от своих адресатов. А. П. Чехов сохраняет простоту общения в своих письмах, не допуская, с одной стороны, сковывающей чопорности и этикетности, с другой — пафоса, философствований, публицистичности, селективности и намеренной обработанности текста. Без системного прочтения писем А. П. Чехова его установка на неподдельную искренность самовыражения создаёт иллюзию закрытости автора, его нежелания раскрываться в письмах, однако будничность, иногда на грани чисто физического переживания, становится со-бытием великой личности, ограняя её глубину и истинность в любом её про-явлении под пером.

Ключевые слова: частное письмо, письма А. П. Чехова, языковая личность, традиционный и индивидуальный слой эпистолярного стиля.

Abstract: the phenomenon of the identity of A. P. Chekhov causes features of language and contents of his letters where the reality of human communication at which there are «everyday» details, the ordinary of a present situation, daily details and dullness of language becomes the main thing. These major characteristics of really personal letters, «personally for you» and not for the press, have initially been characterized by A. P. Chekhov as letters «without ceremonies» for which he waited also from the addressees. A. P. Chekhov keeps simplicity of communication in the letters, without allowing, one party, the holding-down stiffness and an etiketnost, with another — pathos, filosofstvovaniye, a publitsistichnost, selectivity and an intended obrabotannost of the text. Without system reading of letters A. P. Chekhov his installation on genuine sincerity of self-expression creates illusion of closeness of the author, his unwillingness to reveal in letters, however dullness, sometimes on the verge of purely physical experience, becomes an event of the great personality, facetting its depth and the validity in any her manifestation under a feather.

Keywords: private letter; A. P. Chekh's letters; language identity; traditional and individual layer of epistolary style.

Отмечаемая исследователями и вдумчивыми читателями особая притягательность писем А. П. Чехова, безусловно, кроется в феномене личности автора. Это в свою очередь обуславливает особенности языка и содержания личных писем, где главным становится реальность человеческого общения, в котором присутствуют «житейские» детали, обыденность текущего момента, повседневные подробности и будничность языка. Эти важнейшие особенности действительно личных писем, «лично для тебя» и не для печати, изначально были охарактеризованы самим А. П. Чеховым как письма «без церемоний», которые он также ждал и от своих адресатов — «пишите без церемонии, дабы не существовала какая-то натянутость. Я ...буду Вам писать таким же тоном» (П. I, 16). Как в творчестве, так и в письмах для А. П. Чехова было важно, чтобы «местами не утомляться» и не было «много кокетства и мало простоты» (П.

V, 246).

Исполненные простоты и искренности письма А. П. Чехова — во многом продолжение древнерусской традиции «одушевлённой беседы», которая во всей своей глубине проявилась в посланиях протопопа Аввакума. Отсюда в письмах А. П. Чехова наблюдаются многочисленные «обмолвки» с акцентом на устную речь, например: «Я о себе ничего не скажу, разве только что я жив и здоров» (П. I, 15), «хочется поговорить с тобой, или, вернее, поразговаривать» (П. IX, 207), «но насчет службы у Суворина ничего определенного сказать не могу, хотя думал очень долго» (П. IX, 208), «я знаю, что М. Чехов скажет: «Накрутил брат такое глупейшее письмо! Так это у него и здоровенное?» А я вот что скажу...» (П. I, 18) и под. «Разговорность» может выстраиваться в своеобразный диалог с адресатом, где его отсутствующие, но прогнозируемые реакции отражаются в ответных репликах, например: «Удишь рыбу? Умница» (П. XI, 27).

В этой атмосфере со-беседования вполне уместны перформативы, обычно сопровождающие действия коммуникантов в момент речи, например: «В этом письме Вы протягиваете мне руку брата; с чувством достоинства и гордости я пожимаю ее, как руку старшего брата» (П. I, 15), «Крепко жму руку, будь здоров» (П. IX, 237), «Ну, будьте здоровы, жму крепко руку. Поклонитесь Вашему Максимке» (П. VIII, 157), «Обнимаю тебя крепко и еще раз благодарю за письмо» (П. VIII, 9) и под.

Особенно разнообразны подобные маркёры, призванные компенсировать разлуку близких людей, в письмах к О. Л. Книппер-Чеховой («Целую моего карапузика и обнимаю» (П. XI, 40), «Целую тебя, обнимаю, кусаю за ухо, потом кусаю за плечо, глажу тебя по спине и остаюсь твой лысенький супруг» (П. XI, 18) и др.).

Для такого общения время и пространство не представляют никакой преграды: «Дражайший Брат Миша! <...> Наши (московские) теперь спят, т.е. теперь, когда я пишу это письмо. Так-то» (П. I, 18).

Иллюзия близости с собеседником-адресатом может разворачиваться в целые картины, объёмно представляющие мыслимое действие, например: «Какой бы тебе сделать выстрел такой, чтоб ружье осечки не дало? Кладу 2 заряда, и пли! Выстрел удачен! Ружья не разорвало, но перо чуть не поломалось. Раздается треск, и вместе с дымом летят следующие слова прямо в Москву <...> У меня голова болит, и я носом кручу: в комнате воняет порохом и пороховой дым покрывает кровать, как туман; вонь страшная. Это, видишь ты, мой ученик пускает в комнате ракеты и подпускает вместе с тем своего природного, казацкого, ржаного, батьковского пороха из известной части тела» (П. I, 17).

Смоделированная информация, воздействующая на слух, зрение и обоняние («пли!», «воняет порохом», «дым покрывает кровать, как туман», «вонь страшная», «видишь ты») переплетается с реальностью создания строк — «Ружья не разорвало, но перо чуть не поломалось. Раздается треск, и вместе с дымом летят следующие слова прямо в Москву». Это создаёт полную иллюзию совместного присутствия адресанта и адресата при реальном и ирреальном действе.

Фактически мы наблюдаем тот эффект соединения виртуального и реального в письменном тексте, который наиболее последовательно развёрнут Аввакумом в письме «отцам святым» и «преподобным маткам», заканчивающемся словами, свидетельствующими о достижении главной цели автора — «Повидался с вами» [2, 167–168].

А. П. Чехов об этой возможности общаться с близкими пишет достаточно определённо: «Не имея счастья тебя увидеть еще раз, я принимаюсь за чернила» (П. I, 21), «Как поживаете? Пишите побольше. Видите, я пишу почти каждый день» (П. VIII, 277), «Обо всем пиши мне, ничего не скрывай, ведь я са-

мый близкий для тебя человек, хотя и живу далеко» (П. XI, 81), «Пиши, моя дуся, умоляю тебя, а то я тут в прохладе и безмолвии скоро заскучаю» (П. XI, 75), «Пиши, братец! Я жду каждый день письмо, написанное твоею рукой. Напиши, как ты поживаешь, как поживает твоя семья, как поживает Елизавета Михайловна ...» (П. I, 25) и др.

Практически в каждом письме А. П. Чехова к близким ему людям, в частности к жене, сквозит потребность в том, чтобы находиться рядом с дорогим ему человеком, видеть его в обыденной жизни: «Милая собака, отчего я не с тобой? <...> На лето нанимай такую дачу, чтобы можно было писать там; тогда я буду рано вставать, и чтобы на даче был только я с тобой, если не каждый день, то хоть раза три в неделю» (П. XI, 102) и др.

Само построение писем А. П. Чехова нередко становится отражением простой жизни, складывающейся из каждодневных бытовых реалий и потребностей: «Вчера ел осетрину с хреном, который привез с собой. Скажи Маше, чтобы она непременно купила у Белова хрена и привезла, также окорок и прочее тому подобное» (П. XI, 76), «У меня насморк. Волосы лезут, как никогда не лезли, и кожа болит на голове. Погожу еще немного, и если не перестанет болеть, то обреюсь, т.е. обрею голову. М. С. Смирнова просила купить для нее татарские туфли, а мерки мне не дала» (П. XI, 19), «Ехал я хорошо, народа в вагоне было мало, всего четыре человека; пил чай, ел супы, ел то, что ты дала мне на дорогу. Чем южнее, тем холоднее; в Севастополе застал я мороз и снег. <...> В Ялте застал холод, снег» (П. XI, 75), «Погода здесь изменилась, стало очень жарко, так что пришлось фуфайку заменить сеткой. Здоровье мое становится все лучше, крепче, ем я достаточно» (П. XII, 130).

Нередко информативность письма сужается до констатации неких реалий, нередко повторяющихся или слегка варьирующихся изо дня в день: «У меня все благополучно, я здоров, не кашляю, сплю хорошо и ем хорошо» (П. XI, 76), «Спим с открытыми окнами, с жалюзи. Кстати сказать, я уже сплю хорошо, как и прежде, очевидно, дела мои по части здоровья пошли на поправку по-настоящему» (П. XII, 130), «Мать в Петербурге, сестра красками не пишет, жена выздоровела, Вишневецкий ходит каждый день» (П. XI, 69) и др.

Протокольная точность фиксации происходящего производит впечатление разноцветного «калейдоскопа», где смешиваются вещи и люди, важное и незначительное, случайное и типичное, каждодневное и необычное: «Погода теплая, но скучная. Здесь Левитан» (П. VIII, 337), «Была начальница гимназии. Сегодня снегу уже нет, стоял. Солнечно» (П. XI, 76), «Жарко, ветер, неистово дуя нарзан. Сегодня получил от Немировича письмо, получил пьесу от Найденова. Еще не читал. Немирович требует пьесы, но я писать ее не стану» (П. XI, 27–28), «У нас обе-

ды хуже, чем были в Любимовке, осетрина только хорошая. Я ем гораздо меньше, но молоко пью; пью и сливки, довольно порядочные. Дождя нет, все пере-сохло в Крыму, хоть караул кричи. Вчера был у меня Дорошевич. Говорили много и долго о разных раз-ностях» (П. XI, 28) и под.

Обыденность подчёркивается своеобразным «те-леграфным» стилем, в котором отражается знаме-нитый чеховский лаконизм: «Здесь погода не холод-ная, но серая, грязноватая, скучная. Публика серая, вялая, обеды дома невкусные» (П. IX, 207), «Слышу: Шнап на дворе лает тяжелым басом. Кто-то при-шел. М-те Средина» (П. XII, 80), «Замок цел. Сапоги почистил, фуфайки же в шкафу не оказалось. Купил много закусок, целый ящик — везу теперь в Ялту. Огурцов не успел купить. В вагоне пыль» (П. XI, 14), «Газет скопилась чертова пропасть, никак не сло-жу их; сколько в них всякого вранья!» (П. XI, 76) и под.

На наш взгляд, такая лаконичность писем А. П. Че-хова кроется не только в их бытовом характере, когда речевой поток, сопровождающий обыденный слой общения, фиксирует только событийность факта, но также обусловлена тем, что автор писем не на-гружает своего собеседника деталями своей жизни (ср.: «Я о себе ничего не скажу, разве только что я жив и здоров») вследствие особой чеховской деликатно-сти и застенчивости. Отсюда и особые концовки пи-сем или приписки, например: «В заключение вопрос: не находите ли Вы, что я надоедаю Вам продлинно-венностью своих писем?» (П. I, 76), «Милостивому государю Михаилу Михайловичу г-ну Чехову в соб-ственные руки (не очень нужное)» (П. I, 21).

В связи с этим, видимо, так широко и разнообра-зно представлен «погодный» код в письмах зрелого А. П. Чехова, который также становится фоном для каких-либо личных сообщений: «Кричат журавли. Здесь уже скоро, через месяц, через полтора, будет весна» (П. XI, 76), «У нас ничего, если только не гово-рить о погоде, которая потеплела, стала приличной. А дождя все-таки нет, и не похоже, что он когда-ни-будь будет» (П. XI, 40), «У нас дожди, сено попре-ло» (П. XI, 9), «Речка здесь прекрасная, глубокая, рыбы много» (П. XI, 12), «Петушки посажены. Осенью поса-жу их тысячи. Дом всё растет и растет. Погода ста-ла чудесной, с моря уже не дует сыростью, всё так нежно и трогательно» (П. VIII, 142), «В Ялте жарко, дождей нет совсем, и похоже, будто не будет, по но-чам я обливаюсь потом. Чернила сохнут. А ведь зав-тра сентябрь! Деревья в саду не пропали, но и ни на один вершок не выросли» (П. XI, 29), «В Ялте чудес-но, совершенно летняя погода, и это скверно. Всю ночь кричат коты, воют собаки, снятся могильные склепы, а днем ярко светит солнце и томят воспоми-нания, скучно по холоде, по северным людям» (П. X, 157) и др. При этом А. П. Чехов пишет в полном со-ответствии со своими литературными установка-ми, о которых пишет в письме к А. М. Пешкову: «кра-

сочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «по-шел дождь» (П. VIII, 9).

С одной стороны, следует согласиться с Е. Не-взглядовой, что эти «несколько слов о погоде или природе», которые «есть в каждом письме», «как бы содержат кусочек его души. Тень его прозы лежит и на этих письмах» [5, 2016], с другой, — лаконичные зарисовки природы в письмах А. П. Чехова, как прави-ло, сопровождаются сведениями о состоянии само-го автора — прежде всего его физического здоровья. При этом в своих вопросах он также просит от своих корреспондентов сообщений о здоровье, например: «Напиши, как теперь зубы, что поделяваешь и как себя вообще чувствуешь» (П. X, 11), «Напиши та-же, как здоровье Александра Родионовича; играет ли он уже, или всё еще сидит дома» (П. X, 108).

В определённой степени это отголосок, как пишут некоторые исследователи, его погружения в буднич-ные заботы, но нам видится в этом более высокий, над-бытийный смысл, поскольку физическое состоя-ние человека и окружающей его природы не только составляют важную часть его жизни, но и нередко являются отправной точкой и главным в духовной жизни и культурном событии. Кроме того, именно так называемая бытовая сфера является тем важней-шим звеном, которое во многом соединяет именно близких людей.

В связи с этим считаем необходимым опровер-гнуть мнение о том, что в письмах последних лет «стиль становится более сдержанным и унылым, из них уходят былая яркость и образность изло-жения». Скорее всего, именно зрелость приводит к определённой сдержанности и некоей аскетич-ности, которые всегда сквозят в чеховских пись-мах, но свою чёткость и органичность приобретают в его поздних письмах. Именно эта преемственность эпистолярного стиля А. П. Чехова не даёт основ-ный трактовать его письма к О. Л. Книппер-Чехо-вой «как упаковочный материал», как стереоти-пные письма — «ласково-веселое начало и такой же конец, а между ними сведения о погоде и бытовых проблемах» [5, 2016].

Лаконизм писем, в том числе и в указанных фраг-ментах, не столько определяется творческими prin-ципами А. П. Чехова, сколько двумя взаимосвязанны-ми причинами — не загружать своего корреспондента как чтением, так и написанием писем, при этом даже малая «весточка» становится значимой: «Черкните мне хоть одну строчку, милый человек, не полени-тесь» (П. X, 52), «кстати же, ради создателя, напишите хоть две-три строчки, как Вы живете, как Ваше здо-ровье и настроение. Пожалуйста, убедительно про-шу Вас! Я к Вам давно привык, люблю Вас и уважаю очень, и Ваше здоровье интересует меня живее, чем Вы могли бы думать» (П. X, 41).

Своеобразный разговор через время и пространство требует определённого структурирования текста письма, которое особенно последовательно прослеживается в своеобразной вопросно-ответной форме, представленной несколькими разновидностями.

Наиболее типичными являются письма-вопросы, которые свидетельствуют об искреннем желании А. П. Чехова узнать подробности жизни интересующего его человека, например: «Радость моя, голубчик, дуся, жена моя, как живешь без меня? Что чувствуешь, о чем думаешь?» (П. XI, 76), «В деревне скучаете? Нет?» (П. X, 157), «Напиши, как живешь, как Иван, что слышно» (П. X, 202) и пр.

В письмах-ответах А. П. Чехов последовательно и скрупулёзно отвечает на поставленные вопросы, которые могут быть представлены в том числе и точными цитатами, например: «Ты просишь ответа на вопросы, которые предлагаешь в своем последнем письме. Изволь! Да, визитеры уже одолевают меня. <...> Ты пишешь: «я очень рада, что тебе так нравится в Ялте и что тебе так хорошо там». Кто тебе писал, что мне тут так хорошо? Затем ты спрашиваешь, что мне сказал Альтшуллер. <...> Настроение? Прекрасное. Самочувствие? Вчера было скверно, принимал Гуниади, а сегодня — ничего себе» (П. XI, 27), «Ты пишешь: «Как же ты меня зовешь в Ялту, раз ты сам говорил, что мне нельзя ехать? Не понимаю. Вообще ничего не понимаю. Я звал тебя в Ялту и при этом писал, чтобы ты попросилась у Таубе и Штрауха. Не я говорил тебе, что тебе нельзя ехать, а доктора. Ты пишешь, что вообще ничего не понимаешь. Чего, собственно, не понимаешь? Я выражаюсь как-нибудь иносказательно? Я обманываю? Нет, нет, нет, дуся, это все нехорошо» (П. XI, 29).

Такая последовательность в ответах обычно свойственна для писем к жене, когда тон полученного письма, с одной стороны, требует более подробного разбора всех «спорных» мест, а с другой, достаточно жёсткого и не позволяющего инотолкования ответа, ср.: «Милая моя, родная, опять я получил от тебя странное письмо. Опять ты взваливаешь на мою башку разные разности. Кто тебе сказал, что я не хочу вернуться в Москву, что я уехал совсем и уже не вернусь этой осенью? Ведь я же писал тебе, писал ясно, русским языком, что я приеду непременно в сентябре и буду жить вместе с тобой до декабря. Разве не писал? Ты обвиняешь меня в неоткровенности, а между тем ты забываешь всё, что я говорю тебе или пишу. И просто не придумываю, что мне делать с моей супругой, как писать ей. Ты пишешь, что тебя дрожь пробивает при чтении моих писем, что нам пора разлучаться, что ты чего-то не понимаешь во всем... Мне кажется, дуся моя, что во всей этой каше виноват не я и не ты, а кто-то другой, с кем ты поговорила» (П. XI, 40).

В ряде случаев письма А. П. Чехова соединяют вопросы к адресату и ответы на будущие возможные

аналогичные вопросы к автору письма: «Как живешь? Какова погода? Сегодня в Ялте стало немного прохладней, дышать можно, ночью же было душно и вообще скверно» (П. XI, 18), «Будьте добры, напишите мне, как Вы поживаете и что нового. Я жив и здоров. Погода сегодня великолепная» (П. X, 108) и под.

Безусловно, «сложность и многослойность» писем А. П. Чехова включает «и целостность авторской личности, и художественные тенденции творчества, и всю ту историческую традицию художественной культуры письма, на которую опирался А. П. Чехов» [3, 128], но при этом особая установка на письмо «без церемоний», на последовательную искренность и ту будничную событийность, которая связывает близких людей, создаёт особый, непередаваемый не столько стиль, сколько беседу А. П. Чехова и её особую притягательность в трансформирующемся мире, где так сложно удержаться на оси истинных чувств и реальных действий.

А. П. Чехов, «как пример воплощения элитарного типа национальной культуры» [1, 128], неизменно сохраняет простоту общения в своих письмах, не допуская, с одной стороны, скрывающей чопорности и этикетности, с другой — пафоса, философствования, публицистичности, селективности и намеренной обработанности текста. Однако обиходный слой, составляя фундамент духовной культуры [4, 83], переплавляется в письмах А. П. Чехова в «высший» слой, созвучный с литературной деятельностью автора, усиливая её значимость. Без системного прочтения писем А. П. Чехова его установка на неподдельную искренность самовыражения создаёт иллюзию закрытости автора, его нежелания раскрываться в письмах, однако будничность, иногда на грани чисто физического переживания, становится со-бытием великой личности, ограняя её глубину и истинность в любом её проявлении под пером.

ИСТОЧНИКИ

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / А. П. Чехов. — АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974–1983.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованова Е. И. Языковая личность А. П. Чехова в эпистолярном дискурсе / Е. И. Голованова // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. — 2011. — № 2.
2. Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Робинсона. — М.: Сов. Россия, 1991. (Б-ка рус. худ. публицистики).
3. Ковалёва Н. А. Письмо как вид композита / Н. А. Ковалёва // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2016. — № 2 (201).
4. Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет / А. М. Панченко. — СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005.

5. Письма Чехова / Е. Невзглядова. — Журнальный зал. — Звезда. — 1016. — № 7 // А.П. — Режим доступа:

<http://magazines.russ.ru/zvezda/2016/7/pisma-chehova.html> (дата обращения — 12.08.2017).

Оренбургский государственный педагогический университет

Бекасова Е. Н., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка

E-mail: bekasova@mail.ru

Orenburg state pedagogical university

Bekasova E. N., Doctor of Philology, Assistant Professor, professor of chair of Russian and technique of teaching Russian

E-mail: bekasova@mail.ru

РАССКАЗ И. А. БУНИНА «ОГНЬ ПОЖИРАЮЩИЙ»: ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И САКРАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ

О. А. Бердникова, Т. И. Скрипникова

Воронежский государственный университет

Воронежский государственный аграрный университет имени Петра первого

Поступила в редакцию 12 октября 2018 г.

Аннотация: в статье на материале рассказа И. А. Бунина «Огонь пожирающий» выявляются многочисленные и разнородные эсхатологические мотивы, показывается способы их отражения в сюжете рассказа, а также функции эсхатологических мотивов, их соотношение с «высшей правдой» бытия. **Ключевые слова:** эсхатологические мотивы, мифологические константы, сакрализация художественного пространства.

Abstract: in the article on the material of the story of I. A. Bunin "Fire devouring" reveals numerous and diverse eschatological motives, shows how exactly they are reflected in the plot structure of the story, reveals the functions that perform eschatological motives and how the design of the story correlates with the "higher truth" of being.

Keywords: eschatological motives, mythological constants, sacralization of art space.

Рассказ «Огонь пожирающий» (1923) занимает особое место в ряду произведений И. А. Бунина 1920-х годов. Его значимость в художественном наследии писателя обусловлена не только тематикой, но и годом написания: в 1923 году созданы рассказы «Неизвестный друг», «Несрочная весна», «В ночном море», «В некотором царстве», объединенные мотивами прощания с прошлым, разлук, потерь, скорбей, имеющими сугубо эсхатологическую окраску. Е. В. Капинос предлагает считать эти тексты «аналогом циклического единства, в полной мере отражающим главные особенности новой, лирической поэтики Бунина 1920-х гг.» [1, 7]. Но даже в этом ряду «Огонь пожирающий» — один из самых страшных и вместе с тем загадочных рассказов И. А. Бунина, менее всего получивший отражение в научной и критической литературе.

Рассказ «Огонь пожирающий» построен на антитезе смерти и красоты, угасания и праздничности весеннего мира — это два полюса, контрапункты, что вполне соответствует сформировавшемуся к 1920-м годам мировоззрению писателя. Однако этот рассказ отличается от других совершенно особым способом взаимодействия пространственных образов, построенных на контрасте двух образов Парижа — города живых (весенний, праздничный Париж) и города мертвых (кладбище Пер-Лашез).

При этом происходит сакрализация художественного пространства города, которая осуществляется посредством последовательной кодировки с помощью коррелирующих друг с другом мифологиче-

ских констант, обеспечивающих ориентацию реалий в пространстве (верх/низ, земля/небо, сакральное/профанное), во времени (день/ночь, весна/осень), в культурном пространстве (город живых/город мертвых/капище) [2].

Приведем пример этой параллели. При описании Парижа — города живых — вычленяются сакральные доминанты, выполняющие в художественном пространстве бунинских текстов функцию объектов, в которых открывается трансцендентный смысл бытия, его «присутствия» в мире. Сакральными доминантами в рассказе являются: 1) весна как состояние всеобщего пробуждения, расцвета, оживления и обновления жизни, при этом в контексте творчества И. А. Бунина с весной всегда связан Пасхальный мотивный комплекс [3]; 2) весна в городе Париже — солнечном, людном, «кипящем» жизнью и наполненным звуками. Характеристики Парижа — города живых — «праздничный», «солнечный», «людный», «беззаботно озабоченный».

Париж — город мертвых (кладбище) — город на возвышенности: «поднятый на возвышенности, как бы некая крепость...» [4, 262]. (Необходимо заметить, что мотив восхождения становится одним из основополагающих мотивов ранней прозы писателя) [5]. Автор-повествователь, совершая «восхождение» на кладбище, пересекает четко обозначенную в тексте границу мира мертвых и живых: «И вот этот бег кончился. Предо мной были ворота и стены другого города...» [4, 262]. Ворота кладбища — граница «иного мира», переход из Парижа — города живых в Париж — город мертвых, в тексте рассказчик называет их «роковые ворота». Через кладбищенские

ворота он попадает в «мертвую» крепость на возвышенности как сакральное пространство: «ярко и мертво глядящая из-за стен целыми полчищами мраморных и железных крестов, мавзолеев, часовен, статуй, ангелов, гениев» [4, 262]. Таким образом, верх и низ как бы меняются местами: город мертвых оказывается на возвышенности, а город живых внизу.

Кладбище Пер-Лашез в Париже — реально существующее место, и на сегодняшний день оно одно из самых необычных и интересных достопримечательностей XIX века. В рассказе «Огонь пожирающий» Бунин описал кладбище таким, каким оно и выглядит на самом деле: потрясающие по красоте склепы, множество известных имён, покой и уединение, большой парк среди жилых массивов.

Важно отметить, что, будучи контрапунктным сакральным объектом к Парижу — миру живых, с его «будничной жизнью», Париж — город мертвых не вызывает у рассказчика страха или чувства отвращения. Напротив, «этот город великой печали и великого отчаяния» становится для рассказчика и для людей, посещающих его, «благодатной, душу умиротворяющей радостью», мысли рассказчика «спасительно отвлекались на некоторое время от ужасной цели моей поездки», его поражает «музейная чистота в этом городе, какой порядок!» [4, 262]. В приведенном примере идея «музейфикации» (К. В. Анисимов) кладбища подчинена у Бунина отчетливой смыслообразующей задаче — «придать черты канона сакральному объекту» [7, 40].

Радость, по мнению рассказчика, «витают здесь надо всем». Кладбище в рассказе не столько мир мертвых, сколько мир вечной «живой» жизни, где нет суеты, спешки, ругани, споров и раздоров, мир, в котором все равны. Примечателен дважды в тексте повторяющийся бинарный образ черных деревьев, который встречается и в Париже — городе живых и в Париже — городе мертвых. Он выполняет роль смысловой константы, организующей мировидение художника, а также осуществляющей онтологическую связь двух указанных и не противоречащих друг другу миров: мир мертвых сущностно не противопоставлен миру живых, скорее, наоборот, является его аллюзивным продолжением. Сравним, к примеру, описание старого дерева. В мире живых: «...и глядела верхушка старого черного дерева, широко раскинувшего узор своей мелкой изумрудно-яркой зелени, особенно прелестной в силу противоположности с черной сетью сучьев» [4, 261]. В мире мертвых: «Сколько ослепительной белизны, во всяческих видах сверкающей в небесной сини, среди еще сквозной черноты деревьев, осыпанной изумрудными мушками!» [4, 262]

В необычной атмосфере кладбища при взгляде на памятники, даты рассказчику невольно приходится задуматься о хрупкости жизни там, в мире живых, о её непредсказуемом течении, заканчивающемся

для всех одним непреложным концом. Но этот рассказ уникален тем, что в нем парадоксально противопоставлены сакральное пространство кладбища и профанирующий сакральность образ крематория. Крематорий, который автор-повествователь неоднократно называет «капищем», является реальным воплощением ада: «И вдруг я поднял глаза: на широкой площади, внезапно открывшейся передо мной, высилось нечто вроде храма или, вернее, капища с круглым куполом, две высоких заводских трубы, — именно заводских, голых, кирпичных, — поднимались в небо по сторонам этого купола — и из одной черными клубами валил дым. Уже! Я опоздал, ее уже жгли! Это из той адской подземной печи, куда, верно, уже вдвинули гроб с ее телом, валил этот страшный, молчаливый дым, такой особенный, такой не похожий ни на один дым в мире!» [4, 263].

Важно отметить, что этот абзац дан отдельно от предыдущего, где описывается кладбище. Он словно стоит, вернее сказать, противостоит светлому, яркому, «праздничному» описанию кладбища: крематорий являет собой нечто чужеродное, дикое и противоестественное в сакральном, священном пространстве кладбища Пер-Лашез. Таким образом, присутствие крематория на территории кладбища, его нахождение в пределах сакрализованного пространства десакрализует его, равно как и внутреннее «возвышенное» состояние повествователя, который покидает кладбище с противоположным чувством.

Рассказчик, подчеркивая inferнальность крематория, чуждость и противоестественность его как миру живых, так и миру мертвых, дает ему своеобразные, противоречащие друг другу определения в силу того, что здравый человеческий ум не может это классифицировать однозначно: «И что это такое было то, где сидели мы? Храм, театр? Нечто вроде присутственного места или какого-то верховного судилища, где совершается что-то самое последнее и самое жестокое над человеком? Какая-то особенно важная научная лаборатория или какой-то адский притон?» [4, 264].

Однако бытийная сущность крематория определяется ясно: «Бога здесь не было, и существование и символы его здесь отрицались». По мысли рассказчика, без Бога и веры в бессмертие души жизнь не имеет ни высшего смысла, ни ценности, ни цели, а от человека остается лишь горстка пепла и дым: «Этот страшный, молчаливый дым, такой особенный, такой не похожий ни на один дым в мире» [4, 263]. Описывая кремацию, бунинский герой-повествователь ощущает себя участником абсурдного, кошунственного действия, не имеющего ничего общего с реальной жизнью: «...и еще раз весь содрогнулся от грубости и жестокости всего этого дела, и главное, от кошунственного бесстыдства, с которым мне показали что-то такое, что никому в мире не должно видеть...» [4, 265].

Само слово «капище», неоднократно употребленное в рассказе, — это древнее русское слово, обозначающее место, предназначенное для жертвоприношения. Центральным культовым локусом капища в рассказе «Огонь пожирающий» является «адская подземная печь». Отсюда, с капищем как «адским притоном» связаны инфернальные образы дыма и огня. Не случайно в рассказе «Огонь пожирающий» дым определяется эпитетами, подтверждающими его инфернальную семантику: «страшный, черными клубами, непохожий ни на один дым в мире».

Согласно славянской мифологии ад — часть «того света», где пребывают грешники, испытывающие муки за свои земные грехи. Синоним ада — преисподняя отражает представления об аде, находящемся под землей. В рассказе «Огонь пожирающий» даны прямые аналогии данной характеристике: «Где ее жгли? Там, где-то за занавесом, где-то в глубоком подземелье, где слепила и полыхала с невообразимой силой и яростью истинно геенна огненная. Эта геенна, этот огонь пожирающий должен действовать с быстротой всепоглощающей» [4, 264].

Однако рассмотренные выше инфернальные атрибуты языческого ада: капище, дым, геенна огненная, — с одной стороны, имеют мифологическое наполнение, а с другой стороны, оказываются в тексте рассказа творением рук человеческих, что «снижает» их значение. Происходит «опрошение» образов за счет трансформации смысла: капище оказывается крематорием «с круглым куполом» и «двумя заводскими трубами», «именно заводскими». Этимологически «заводской» — значит процесс, поставленный на поток, в промышленных масштабах, которые просто ужасают рассказчика, поэтому автор подчеркивается слово «заводской», которое в тексте упоминается дважды. «Адский притон», «геенна огненная» в рассказе — это не что иное, как «железный куб с дверцами... Из внутренности этого куба, он был бездонный, — тянулись в комнату рельсы. И по этим рельсам два сторожа в траурных мундирах... тащили как бы крышку стола, прямоугольник из асбеста, насквозь розовый, насквозь светящийся...» [4, 264–265].

Таким образом, неоднократное употребление слова «капище» в рассказе «Огонь пожирающий» свидетельствует о намерении писателя выделить языческую доминанту похоронного обряда героини в противоположность христианской традиции. Служителями же языческого культа, его «жрецами» оказываются «два приземистых человека из той отпетой породы, что определяют себя на мрачное и низкое существование при моргах и анатомических театрах» [4, 264]. И. Бунин противопоставляет православный обряд погребения, когда человеческое тело предается земле, и западноевропейский обычай кремации, при котором тело сжигается, и процесс разложения его уже не может коснуться. Авторское неприятие кошмарного обряда кремации

отчетливо проявляется в оценке героя-повествователя реакции окружающих на волю-приказ героини: «У одних не хватило духу присутствовать при необычном и жутком обряде, другие были возмущены покойной, может быть, и нечаянно, невольно, но все же дерзко поправшей уставы того общества, к которому она принадлежала по своему древнему и благочестивому роду» [4, 263].

Интересен в рассказе образ языческого бога, которому приносится языческое жертвоприношение в виде дыма, того бесплотного, что осталось от героини: «А я сидел и мысленно видел этот густой черный дым, медленно валивший из трубы в небо над нами, и в небе мне все-таки грезился Некто безмерный, широко простерший длани и молчаливо приемлющий и обоняющий жертву, приносимую ему». Кроме того, капище оказывается не «верховным судилищем», а «театром» смерти, в котором «совершается что-то самое последнее и самое жесткое над человеком». А «зрители» пребывают в ужасе и оценке: «покорно сидели, затаив дыхание, не решаясь шевельнуться» [4, 263–264].

Бунин снова задает столь важный для него вопрос: что есть смерть? В основе жизни верующего человека лежит вера в скрытый для нас Божий Разум и в его окончательную победу. Это дает силу жить и принимать жизнь. Для неверующего же человека смерть есть полное уничтожение, которое превращает в недостойный обман всю его жизнь, разум, святыни. Неверие значит смерть души, конечность жизни земной, за которой ничего нет.

В самом начале рассказа Бунин показывает контраст нарративных полей жизни и смерти, смысловых констант: прекрасное и ужасное. Героиня при жизни была: «высокая красивая женщина». В конце рассказа она превращается в «ужасный итог» «этой ужаснейшей в мире церемонии»: «И те прозрачно-розовые, горящие ярко-синим огоньком известковые бугры и возвышенности, что были на этом прямоугольнике, это и были скудные останки нашего друга, всего ее божественного тела, еще позавчера жившего всей полнотой и силой жизни. Больше ничего» [2, 265].

Героиня рассказа «высокая красивая женщина» с ясным и живым умом, с бодрым, деятельным характером, молодая, здоровая, всячески счастливая, всячески одаренная судьбой, безапелляционно требует совершить над своим телом обряд кремации после смерти. Важно то, что И. Бунин несколько раз подчеркивает ее серьезное намерение: героиня «говорит серьезно, отлично понимая всю неуместность подобных бесед в гостиной», и «требует» неукоснительного «исполнения своей воли», «невзирая ни на какие могущие быть протесты со стороны» «родных и близких». Она «отстраняет попытки перевести разговор опять на шутки», торжественно декларируя всем присутствующим свою волю о том, что «должна быть сожжена». Эти ее заявления несколько не вяжутся

с ее легкомысленным заявлением о возможности внезапной смерти. Молодая, красивая и здоровая женщина как бы заводит игру со смертью — «огнем пожирающим», «геенной огненной» после случайного упоминания «как-то за чаем» о старике В., «известном собирателе фарфора, старомодном богаче и едком причуднике», пожелавшем «быть тотчас после смерти ввергнутым в пещь огненную и огонь пожирающий...».

Игра со смертью становится не единственной болезнью общества начала XX века. Внедренная в сознание человека формула «весь мир — театр» привела к смешению понятий театра как художественного явления и лицедейства как явления социального. Процесс взаимопроникновения театра- жизни и театра-искусства особенно наглядно показан в творчестве И. А. Бунина 1920-х годов. У охваченного дионисийским восторгом общества «вся система аффектов возбуждена и взволнована настолько, что внезапно наступает их разрядка с помощью выразительных средств и на волю вырываются силы изображения, подражания, перевоплощения и превращения, всевозможное лицедейство и актерство. Всего важнее здесь легкость метаморфозы, неспособность не реагировать <...>, не заметить знака, который подают ему аффекты...» [8, с. 69–70]. Причина тотальной имитации лжедеятельности-лицедейства, вероятнее всего, в том, что это — самая настоящая нравственная болезнь, принявшая катастрофические формы эпидемии в начале XX века, накануне великих трагических потрясений. В коротком, но ёмком рассказе «Огонь пожирающий» (и в написанном спустя два года рассказе «Дело корнета Елагина») при внимательном чтении можно найти и описание симптомов этой болезни, и указание на её источники, и предупреждение о её страшных последствиях.

Театральная символика встречается на протяжении всего рассказа: главная героиня «умерла перед самым выездом в театр»; капище называется «театром», церемония кремации героини «совершалась где-то там, за траурным занавесом, который висел в глубине залы, закрывая нечто вроде театральной сцены. И зачем-то между его сдвинутыми черными полотнищами торчало бутафорское подобие золоченого гроба. А на мраморных колоннах по сторонам этих полотнищ, пучили глаза изваянные совы. Кроме траурного занавеса, гроба и сов, ничто иное не обозначало зловещего назначения этой пустой залы с окнами чуть не во всю стену» [4, 263].

Театрально ведут себя и присутствующие на этом страшном действе. Писатель изображает свидетелей этого чудовищного процесса «зрителями», «с театрально-торжественным видом» участвующими в этой фантасмагории, называемой «французским обычаем»: «Несчастный муж... резко побледнев и приняв театрально-торжественный вид, отступил в сторону для приема того последнего рукопожатия,

которое он, по французскому обычаю, должен был принять ото всех своих друзей [4, 265].

Примечателен образ совы на мраморных колоннах, которая «пучила слепые глаза» с «бессмысленным удивлением». Взгляд совы — символ духовной слепоты людей, лишенных веры в мире, где «люди забыли Бога». В славянской мифологии сова — воплощение нечистой силы. Как существо, ведущее ночной образ жизни, сова стала в христианстве также символом нечисти и колдовства, её семантика в христианской традиции — символ слепоты безверия.

Таким образом, «христианский храм» в рассказе подменяется капищем, капище становится театром-паноптикумом, а вся церемония, совершающаяся там, превращается в «театральное действо».

Отъезд героя-повествователя с кладбища, то есть его возвращение из мира мертвых, написан Буниным по контрасту с его приездом. В финале рассказа особенно значим как бы неожиданно появляющийся персонаж — пьяный шофер, некий «водитель душ», образ которого иронически-сниженно содержит намек на Харона — мифического перевозчика в загробный мир царства мертвых. Но теперь в «бешеном» беге автомобиля и «живой» жизни вокруг не было той согласованности, которую отмечал герой-повествователь во время поездки на кладбище: «...думал свои путанные думы, странно согласованные с быстрым бегом автомобиля и мельканием праздничного, солнечного, людного Парижа» [4, 265]. «Теперь», после пережитого в крематории (не случайно Бунин подчеркивает временной сдвиг), пьяный водитель «грузный и коротконогий», лицо которого «было густо налито лиловой кровью», «мчался уже совсем бешено, и его автомобиль поминутно ревел на бегу с какой-то свирепой наглостью и угрозой» [4, 262].

Угрозой чего и кому? На наш взгляд, эта угроза менее всего связана с идеей неожиданности смерти, застающей человека врасплох. «Свирепая наглость» и «угроза» исходит от безжалостной «машины» смерти, лишаящей уважения к смерти, а значит, и к жизни человека. Из бунинской философской «формулы» о «тайне ненужности и значительности всего земного», которую знает лишь Бог (рассказ «Сосны», 1901), уходят самые важные составляющие — тайна Божьего Промысла о человеке и значимость его пребывания в мире. В мире без Бога царит лишь Смерть, поэтому оказывается актуальным лишь утверждение о ненужности «всего земного». Крайне значимым становится изменение пространственной характеристики Парижа: герой-повествователь возвращается уже не в город живых, а в «океан Парижа». По ряду мотивов («бешеной вьюги», «грузности» капитана, свирепого рева и гула океана) ревуший автомобиль можно соотнести с образом «Атлантиды», а шофера — с ее капитаном, «грузным водителем, похожим на языческого идола» [4, 70].

За годы, разделившие «Господина из Сан-Франциско» (1915) и «Огонь пожирающий» (1923),

Бунин пережил самые страшные и катастрофичные для России события, приведшие его к изгнанию с родины на чужбину. В рассказах 1923 года Бунин вновь ставит вопрос об истинном смысле бытия человека в мире, где профанируются самые главные ценности и деформируются самые важные онтологические представления. Постоянно присутствующий в его произведениях «сюжет смерти» (тела, души, мира) в рассказах 1920-х годов, сохраняя эсхатологические признаки, приобретает все более явные сакральные характеристики в русле христианской аксиологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капинос Е. В. Формы и функции лиризма в прозе И. А. Бунина 1920-х годов // Автореферат дис. ... доктора филол. наук / Е. В. Капинос. — Новосибирск, 2014. — 44 с.
2. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И. А. Бунина в контексте христианской духов-

ной традиции: Монография / О. А. Бердникова. — Воронеж. гос. ун-т, Воронеж: Воронежская областная типография-издательство им. Е. А. Болховитинова, 2009. — 272 с.

3. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — М.: Кругъ, 2004. — 560 с.

4. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1988. — Т. 4. В дальнейшем тексты произведения Бунина цитируются по этому изданию с указанием страницы.

5. Муценко Е. Г. В поисках первоальности (Ранняя проза И. А. Бунина) // Царственная свобода. О творчестве И. А. Бунина. / Е. Г. Муценко // Межвузовский сборник научных трудов: к 125-летию со дня рождения писателя. — Воронеж: Квадрат, 1995. — С. 35–45.

6. Анисимов К. В. «Грамматика любви» И. А. Бунина: текст, контекст, смысл / К. В. Анисимов. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. — 147 с.

7. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый. — М.: Республика, 1994. — 528 с.

Воронежский государственный университет

Бердникова О. А., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX и XXI вв., теории литературы и фольклора

E-mail: olberd@mail.ru

Воронежский государственный аграрный университет имени Петра первого

Скрипникова Т. И., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранного языков

E-mail: skripnikova77@rambler.ru

Voronezh State University

Berdnikova O. A., Ph.D, professor of the Department of the Russian literature of the XX–XXI centuries, theory of literature and folklore

E-mail: olberd@mail.ru

Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great

Skripnikova T. I., Ph.D., Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages

E-mail: skripnikova77@rambler.ru

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПЕРЕЖИВАНИЙ В КНИГЕ СТИХОВ РОДИОНА ПРИЛЕПИНА «ПРИЧИНЯТЬ ЛЮБОВЬ»

А. Ю. Грязнова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 октября 2018 г.

Аннотация: актуальный в современной гуманитарной науке вопрос об эмотивности поэтического текста рассмотрен на материале книги стихов молодого воронежского поэта Родиона Прилепина «Причинять любовь». Одной из ключевых тем книги является невозможность выразить любовное переживание словами, которые, вопреки намерению лирического субъекта, побуждают к рациональному осмыслению чувства и тем самым изживают его. Способом субъективизации любовного опыта у Р. Прилепина является боль, выраженная через телесные мотивы и образы. «Телесный» способ выражения эмоций характерен и для публичных творческих выступлений поэта, что дает основание рассматривать лирику Р. Прилепина в контексте перформативности.

Ключевые слова: эмотивность художественного текста, перформативность, лирика, воронежская поэзия, Родион Прилепин.

Abstract: the actual issue of emotivity of the poetic text in modern humanitarian science is analyzed on the material of the book of poems by the young Voronezh poet Rodion Prilepin "To Inflict Love". One of the key topics of the book is the inability to express love experience in words, which is contrary to the intention of the lyrical subject because it encourages a rational comprehension of feelings and thereby eliminates them. Pain expressed through bodily motifs and images is a method of subjectivization of love experience in R. Prilepin's works. The "bodily" way of expressing emotions is also typical for the poet's public creative performances, which gives grounds to consider R. Prilepin's lyrics in the context of performativity.

Keywords: emotivity of the poetic text, performativity, lyric, Voronezh poetry, Rodion Prilepin.

Во второй половине XX века способность человека выражать оттенки эмоциональных переживаний в речи как объект исследования привлекла внимание представителей самых разных областей научного знания: психологии, физиологии, лингвистики. Изучение эмотивности, понимаемой как «реализация эмоций на языковом уровне» [1, 13], сформировало целую отрасль лингвистических исследований — эмотиологию (лингвистику эмоций), имеющую перспективы в лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, в практике перевода и т.д.

В то же время актуальным сегодня представляется вопрос об эмотивности художественного и, в особенности, поэтического текста. В. И. Шаховский отмечал, что в художественном произведении «практически любое слово может приобрести эмотивную коннотацию <...> Текст может наводить эмотивные семы на совершенно нейтральные слова» [2, 77]. В поэтическом тексте подобное изменение семантики слов становится еще более очевидным благодаря тому, что этому тексту присуще свойство, которое Ю. Н. Тынянов обозначил как «единство и теснота стихового ряда» [3]: стихотворение одновременно является и последовательностью слов, и сверхсловом, значение которого несводимо к сумме значений

составляющих его компонентов. Единство и теснота речевого материала в стихе способствуют деформации смысла некоторых слов, в результате чего основное значение слова может быть вытеснено второстепенным. Это дает основание предположить, что и формы выражения эмоций в поэтическом тексте могут существенно отличаться от эмотивных форм в тексте прозаическом и, как следствие, требовать к себе особого исследовательского подхода.

Богатый материал для изучения эмотивности художественного текста дает любовная лирика, поскольку она открывает широкий спектр чувств лирического субъекта. В данной статье рассмотрены способы выражения эмоциональных переживаний в книге стихов воронежского поэта Родиона Прилепина «Причинять любовь» (Санкт-Петербург, 2015). Эмотивность текстов, составляющих сборник, связана прежде всего с попыткой поэта выразить различные оттенки любовного переживания. Любовь заставляет лирического героя Р. Прилепина испытывать целый комплекс эмоций, чувств и аффектов: нежность («На мне непробиваемая броня...», «Иногда мне кажется...», «Я отвез тебя на работу очень рано...» и др.), страсть («Спускаюсь с неба...», «Хрипом "секс"...», «Когда запутался...»), ревность («Тем утром мы поругались...», «Кто нас жевал руками, ногами...»), страх потери любимого человека («Воздух

в прихожей дышит...»), боль («Что мне тебе рассказать о моем огне...», «Состояние, будто по мне проехало первое колесо...») и др.

Однако смысловое ядро сборника составляют стихотворения, в которых характер переживания невозможно определить однозначно. Противоречивость является у Р. Прилепина сущностной чертой любви и задана уже самим названием сборника: автор использует сознательное нарушение лексической сочетаемости слов (глагол «причинять» обычно употребляется в отношении чего-то нежелательного: «причинять страдания», «причинять боль»). Чувства лирического героя часто изображаются через оксюморонные образы: «броня из сирени» [4, 3; 4, 43], «ядовитый нектар» [4, 28], «нежный губительный свет» [4, 39], «интеллигентно спокойно орал» [4, 23] и др.

Любовь у Р. Прилепина изображается как парадоксальное сочетание полярных эмоций. Так, в стихотворении «Тем утром мы поругались» чувство лирического героя метафорически воплощено в образе ножниц, «одно из лезвий которых — слепая ревность, / другое — доводящая до припадков привязанность» [4, 36]. Парадоксальность любовного переживания приводит лирического героя книги к осознанию невозможности отразить свои чувства, облечь их в слова, поэтому иногда его охватывает ощущение поэтического бессилия. В попытках «проговорить» свои переживания герой Р. Прилепина явно стремится избежать банальностей, однако это не всегда удается. В этом случае клишированные поэтические обороты, такие как «тупая боль», «холодный огонь» им самим же маркируются как «попсовые» и «тривиальные» с целью хотя бы частично снять у читателя ощущение их привычности [4, 23]. Попытки же выразить в словесной форме субъективный любовный опыт приводят героя к констатации неудачи:

я ничего не знаю про любовь
и ничего не могу про нее сказать [4, 47].

я люблю тебя,
просто я люблю тебя.
ни метафор, ни аллитераций [4, 79].

я говорю о любви дыханием,
словами о любви нельзя [4, 93].

если бы любовь
росла в темпе написания стихов о ней,
я бы стал огромным
и недостижимым,
как сидней... [4, 85]

Любовь оказывается чувством, не подлежащим рациональному осмыслению, неподконтрольным человеку и потому мучительным и в то же время жизненно необходимым. В ситуации влюбленности человек у Р. Прилепина является не столько субъектом, сколько объектом, которому «причиняют принудительное

счастье» [4, 20] («Любовь — над тобой эксперимент...», «Я сегодня буду говорить с тобой, как с большим...»). Субъективизируется любовный опыт только тогда, когда он оказывается сопряжен с травмой. Любовь часто осознается лирическим героем через потерю, а момент расставания с возлюбленной становится своего рода катализатором для усиления чувств («Говорят, когда падаешь...», «Тем утром мы поругались...», «Кто нас жевал руками, ногами...»).

Таким образом, стремление рационально осмыслить любовь (прежде всего через вербализацию переживания) обречено на неудачу, тогда как потеря объекта любви, расставание дают возможность ощутить всю полноту чувства. В связи с этим получает обоснование обращение Р. Прилепина к мифу об Орфее и Эвридике в сборнике [4, 19; 4, 65]: любовь — это чудо, шанс осуществить невозможное («бескрайнее небо в подводной лодке, / зарождение новой жизни в женщине, объявление о том, что нашли лекарство / от неизлечимой болезни» [4, 47]), но это чудо иррационально и разрушается при попытке доказать самому себе его существование.

Ценность любви осознается через боль от ее потери — именно это состояние лирического героя является доминирующим. Сам Р. Прилепин признавался, что значительная часть стихотворений, вошедших в книгу «Причинять любовь», создавалась скорее под влиянием горестных чувств. «Есть поэты “счастья”, есть поэты “горя”. Я себя до недавнего времени относил к последним. Именно в переломные для меня моменты рождалось что-то стоящее» [5]. Это отражено уже в композиции сборника, который разделен на три части: «Стихи из-под одеяла», задумывавшиеся, по признанию самого Р. Прилепина, как «интимный разговор автора и читателя» [5], «Причинять любовь» — самая объемная часть книги, в которой собраны стихотворения, объединенные темой любовного страдания, «карябающие душу», [5] и «Это такое время» — тексты, которые автор отнес к наиболее осознанному периоду творчества и которые отличает интонация рефлексии лирического героя над любовными переживаниями.

Образы, посредством которых представлены боль и страдание в книге Р. Прилепина, многочисленны. Чаще всего они связаны с мотивом нарушения целостности тела — разрезания, разрывания, вспарывания, взрыва — при помощи какого-либо инструмента: «я резал вены сегодня, как будто стихи писал, / бедное сердце свое достал и иглой лечил» [4, 23], «обнажая лезвие разлуки, / крышкой от консервной банки / вспарывая нашу страсть» [4, 37], «любовь — внутренний инструмент, / который тебя расхерачит» [4, 22].

Боль оказывается неизбежным, а иногда и желаемым состоянием, поскольку является доказательством реальности переживания. Возможность ощутить полноту жизни дается герою Р. Прилепина через травматический опыт:

столько сути и чувства,
как будто под кожей взорвался арбуз,
каждого органа разрыв,
каждой косточки хруст —
это и есть любовь? [4, 76]

В этом смысле боль оказывается противопоставлена словам, которые, напротив, обнаруживают свою несостоятельность в выражении чувств. Отсюда недоверие лирического героя Р. Прилепина к любовному объяснению, признанию, особенно повторяемому многократно и потому превращающемуся в штамп:

Надо было не драматизировать,
а наоборот — что-то радостное мутить:
«меня без тебя нет» дозировать,
с «я умру без тебя» не частить [4, 87].

Лирический герой Родиона Прилепина отдает предпочтение живому чувству (пусть травмирующему и приносящему боль, но настоящему), а не его словесной «замене»:

убей меня по-земному,
самыми кровавыми красками,
монтажкой по черепу,
а не объяснением на словах [4, 37].

Характерно, что и любовь, и боль выражаются в книге «Причинять любовь» преимущественно через телесные мотивы и образы, уравновешивая таким образом недоверие к вербальному выражению чувств. Обращение к телесности в целом свойственно лирике Р. Прилепина, который до того, как вступил на поэтическое поприще, сделал успешную спортивную карьеру, став мастером спорта по акробатике. Язык тела, как и язык поэзии, и музыкальный язык для него являются равноправными средствами самовыражения и призваны дополнять друг друга. Выступления Р. Прилепина на публике часто объединяют в себе чтение стихов речитативом под музыку с элементами танца, а иногда — с демонстрацией видео (как, например, на его выступлении «Человек-паук» на Мандельштамфесте в Воронеже в 2015 году). Все это дает основание говорить, что «печатное» слово не является для Р. Прилепина единственным ориентиром в творчестве, и позволяет рассматривать его поэтические тексты в контексте перформативности.

Перформативность как родовая черта лирического текста продуктивно исследуется современными литературоведами. В этом смысле она понимается как такой способ высказывания, при котором адресат оказывается вовлеченным в коммуникативное событие, в отличие от нарративности, при которой адресат дистанцируется «не только от повествуемого события, но и от фигуры повествователя: оставаясь участником “события рассказывания”, слушатель не может совмещать себя с рассказчиком, а с лирическим героем — может и даже призван к этому...» [6, 310]. Понимаемая таким образом перформативность присуща почти любому лирическому тексту, а ее генеалогия возводится исследователями к ар-

хаичным представлениям о магической функции слова — способности слова непосредственно влиять на бытие [6; 7].

Другое, более узкое понимание перформативности связано с новыми формами бытования современной лирики: ее ориентацией на «живое» чтение, на диалог с адресатом или аудиторией. Показателем популярности, активности, творческой состоятельности поэта сегодня являются не столько публикации многочисленных сборников, сколько активность автора в социально-сетевом пространстве, умение реагировать на мнение читательской аудитории и моделировать собственный имидж, организация выступлений, предполагающих непосредственное общение с публикой. В этом смысле перформативность лирики предполагает использование интермедийности (например, сочетание в выступлении поэта слова, музыки и жеста) и диалогический характер взаимодействия с читателем / слушателем / зрителем (реализуемый через «живое» выступление или через размещение видеоперформансов в соцсетях). Эти особенности обусловлены основной задачей перформанса — вовлечь аудиторию в состояние переживания, транслируемого лирическим субъектом: «Перформанс ориентирован на возвращение культуре остроты восприятия, на помещение зрителя в ситуацию “первораны”, убеждающей субъекта в его бытии...» [8, 443]

Лирика Р. Прилепина перформативна прежде всего в том смысле, что она не *рассказывает* о переживании, а *вовлекает* в него читателя, благодаря чему достигается эффект слияния опыта читателя с опытом лирического субъекта: «В лирическом перформативе — в отличие от нарратива — мы имеем дело не с разделением на говорящего и внимающего, но с событием ментального единения. Здесь со стороны лирического субъекта имеет место акт *самоактуализации*, а со стороны реципиента — акт *самоидентификации* с лирическим субъектом, узнавания себя в нем, вхождения в хоровую солидарность с инициатором лирического дискурса как со своего рода запевалой» [6, 311].

Лирика Р. Прилепина нацелена на авторское прочтение (часть стихотворений из сборника «Причинять любовь» входят также в альбом аудиопоззии «Кто-то другой» (2015), некоторые воспроизведены в видеопрочтениях). Подавляющее большинство текстов написаны акцентным стихом, что, с одной стороны, делает возможным их исполнение под музыкальное сопровождение и ритмичный бит в рэп-манере, часто используемой Р. Прилепиным, с другой — позволяет имитировать свободную, приближенную к прозаической речь при произнесении со сцены. Наконец, относительное единообразие ритмической организации стихотворений позволяет монтировать несколько разных текстов в единое целое, создавая новые композиции для живых выступлений.

Сближению лирического субъекта с «реципиентом» способствует и то, что книга явно ориентирована автором на читателя-ровесника (по словам самого Р. Прилепина, адресована влюбленной девушке [5]). Использование молодежного сленга и ненормативной лексики, обилие имен популярных художников, писателей, музыкантов, упоминание известных музыкальных групп и атрибутов современной культуры (планшеты, спайсы, татуировки, ушные тоннели и т.д.) создает образ типичного представителя «золотой молодежи», побуждая целевую аудиторию книги опознавать такого героя как «своего». В то же время очевидно желание лирического субъекта выразить глубоко личные переживания и осознание недостаточности для выполнения этой задачи как того языка, который предложен его поколением («изменение темпа и количества слогов, / под рэп закон — / это просто нехватка образования...» [4, 82]), так и языка вообще («я говорю о бесконечности, / но она не выходит / за пределы моего разговора» [4, 86]).

Отсюда обращение Р. Прилепина к перформативным практикам и, в особенности, к сочетанию слова, музыки и жеста как стремление транслировать публике переживание, для выражения которого одним только слов оказывается недостаточно. Наиболее актуальным для Р. Прилепина оказывается телесный код, широко представленный как в самих поэтических текстах (на уровне телесных мотивов и образов), так и в публичных чтениях и видеоперформансах (на уровне жеста). Думается, что причина этого не только в профессиональной привычке автора к языку тела, но и в том, что этот язык более ситуативен, чем вербальный, он позволяет отклониться от сценария, заданного текстом исполняемого стихотворения, оставляет пространство для импровизации. Таким образом, и автор, и аудитория получают возможность при каждом прочтении «проживать» произведение по-разному с максимальной остротой восприятия, чего нельзя достичь в рамках чтения текста на бумаге.

Понятие единства и тесноты стихового ряда, введенное в свое время Ю. Тыняновым, обнаружило необходимость рассмотрения поэтического текста как

сверхцелого — единого высказывания, смысл которого несводим к сумме смыслов входящих в него слов. Современная поэзия, активно задействующая языки других искусств, нацеленная на вовлечение реципиента в переживание, делает это высказывание перформативным и потому требует от исследователя комплексного подхода, рассматривающего не только «словесную» составляющую творчества поэта, но все средства его самовыражения в целостности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Воронежской области в рамках научного проекта № 17-14-36002 а(р) «Воронежская поэтическая школа на рубеже XX–XXI веков: сенсорные и аффективные коды».

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. — 192 с.
2. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. — М.: Гнозис, 2008. — 416 с.
3. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка / Ю. Н. Тынянов. — М.: Советский писатель, 1965. — 303 с.
4. Прилепин Р. Л. Причинять любовь / Р. Л. Прилепин. — СПб., типография ИП Ефименко Д. Л., 2015. — 94 с.
5. Воронежский поэт Родион Прилепин презентовал книгу о любви — Режим доступа: <https://riavrn.ru/news/voronezhskiy-poet-rodion-prilepin-prezentovala-knigu-olyubvi/>. — Дата обращения: 09.09.2018.
6. Тюпа В. И. Перформативные основания лирики / В. И. Тюпа // XLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: Избранные труды. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. — С. 306–314.
7. Гаспаров М. Л. Введение / М. Л. Гаспаров // Лирика: генезис и эволюция. — М.: РГГУ, 2007. — С. 7–12.
8. Житенев А. А. Поэзия неомодернизма / А. А. Житенев. — СПб.: ИНА-ПРЕСС, 2012. — 480 с.
9. Липовецкий М. Н. Между Приговым и ЛЕФом: перформативная поэтика Романа Осминкина / М. Н. Липовецкий // НЛО. — 2017. — № 3. — С. 241–262.

Воронежский государственный университет

Грязнова А. Ю., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора

E-mail: gryaznova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Gryaznova A. Y., Candidate of Philology, Lecturer of the Department of Russian Literature of XXth and XXIst centuries, the Theory of Literature and Folklore

E-mail: gryaznova@phil.vsu.ru

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПАРАЛЛЕЛИЗМОВ-ПЕРЕЧНЕЙ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЮБОВНЫХ ЗАГОВОРОВ)

С. И. Доброва

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 23 июня 2018 г.

Аннотация: статья посвящена комплексному исследованию семиотической системы репрезентации культурных смыслов в фольклорных формулах параллелизм-перечней на материале любовных заговоров: с морфологической (структурной) точки зрения выявлены уровни реализации и дифференциации формул; с функциональной точки зрения определены два типа механизмов репрезентации культурных смыслов: межуровневые и внутриуровневые.

Ключевые слова: заговор, параллелизм макро- и микрокосма, параллелизмы-перечни, семиотическая система, инвариант, вариант.

Abstract: the article is devoted to a complex study of the semiotic system of representation of cultural meanings in the folklore formulas of parallelisms-lists on the material of romantic charms: from the morphological (structural) point of view, the levels of realization and differentiation of formulas have been revealed; from the functional point of view, two types of mechanisms for the representation of cultural meanings are defined: interlevel and intra-level.

Keywords: romantic charm, parallelism of macro- and microcosm, parallelism-lists, semiotic system, invariant, variant.

Параллелизмы-перечни — бинарные многокомпонентные линейные конструкции перечисления, упорядоченные наличием двух параллельно организованных, отличающихся формальной однотипностью и смысловой эквивалентностью рядов, которые соотносятся с общим конституирующим началом и основаны в структурном плане на синтаксическом параллелизме, в содержательном плане на параллелизме макро- и микрокосма.

Параллелизмы-перечни являлись предметом научного исследования [1; 2 и др.], тем не менее, отсутствие комплексных исследований семиотических основ параллелизм-перечней определяет актуальность настоящей работы, поскольку культурно-семиотический анализ наиболее соответствует сущностной природе формульных образований [3; 4]. Перечни реализуют концептуальную установку заговора на исчерпывающее и упорядоченное описание мира в его макро- и микрокосмическом воплощении [5]. Е. М. Мелетинский впервые указал на органическую связь явлений перечисления и параллелизма [6].

Анализ более 600 любовных заговоров, извлеченных из авторитетных в научном отношении сборников, показал, что параллелизмам-перечням присущи не только отличающие конструкции перечисления признаки, но и определяющие их статус конкретные специфические черты.

Во-первых, перечислительный ряд сформиро-

ван по принципу сопоставления макро- и микромиров и разделен на две части, которые организованы на материале концептуального и языкового воплощения различных составляющих природного макрокосма и человеческого микрокосма.

Во-вторых, обе параллели интегрированы наличием эксплицитно или имплицитно выраженного общего конституирующего начала как основания перечисления, которое обусловлено парадигматикой, блоковостью и ассоциативностью фольклорного слова. При этом референциальность, или соотносительность элементов перечисления с некоей целостностью, в параллелистических построениях проявляется не только в связи с целостностью элементов в отдельности друг от друга и в своей совокупности, что свойственно конструкциям перечисления как таковым, но и в связи с целостностью элементов в отдельности друг от друга и в их бинарной совокупности, что присуще непосредственно параллелизмам перечислений.

Общее основание параллелизма перечисления сущностно релевантно для обоих рядов и нуждается в их вариативном бинарном воплощении, так как реализует идею многогранной целостности, изначально не могущей быть гомогенной, в том числе и на уровне каждого из миров [7].

В-третьих, параллелизмы-перечни основаны на соответствующих природе параллелизма принципах развертывания и накопления парных, строго

параллельных, изоморфных компонентов, отражающих соединение стабильности и пластичности как ядро фольклорной специфики.

В плане определения количественного критерия, узаконивающего статус параллелизма-перечня, выявлена амплитуда перечислительного ряда от минимальных (двучленных) [8, 13] до конструкций перечисления, которые «могут быть почти бесконечными» [9, 105].

Параллелизмы-перечни основаны на заговорном методе перечисления, отражающем яркие черты примитивной психологии и формирующегося мышления первобытного человека [7, 39].

Семиотическая специфика параллелизмов-перечней проявляется в том, что формула имеет на двух уровнях бинарный характер. Фигура перечисления состоит из *перечисляемого* и *перечисляющего*. *Перечисляемое*, или гипертема [10, 115], признак объединяющего референта [8, 6], является основанием перечисления. Перечисляющее также репрезентировано в двух гетерогенных по макро- и микрокосмическому содержанию параллельных рядах. Связь параллельных рядов с объединяюще-обобщающим референтом обуславливает свободу локализации частей параллелизма [7, 38–39].

Гипертема как перечисляемое реализует стратегию формулы, функционально направленной на достижение результата магического действия, фиксирует наличие чувства, не отличается интенциональной, гендерной и объектной дифференциациями. Гипертема универсальна, обладает *интегрирующим потенциалом*: единство гипертемы образует «вертикальную скрепу», которая интегрирует уровни реализации параллелистической формулы в целостное семиотическое образование.

ИмPLICITно или эксплицитно представленная гипертема параллелизма-перечня как перечисляемое воплощается на уровне реализующего тактическую составляющую формулы перечисляющего в семантическом инварианте и в структурной инвариантной модели в двух параллельных плоскостях — символической (внешней, физической) и реальной (внутренней, психической).

Семантический инвариант репрезентирует на материале концептуального содержания макро- и микромиров в двух параллельно организованных рядах различные способы проявления чувства, объективируется в вариантах воспроизведения смысла на уровне компонентов вербальной парадигмы параллелизмов. Совокупность вариантов, систематизированная по параллельным рядам формулы, представлена в структурной инвариантной модели.

Структурная инвариантная модель интегрирует в двух параллельно организованных рядах разнообразные варианты воспроизведения инвариантного смысла на уровне компонентов вербальной парадигмы формулы, фиксирует интенциональную направ-

ленность формулы, ее гендерную маркированность, модель соотношения глагольных рядов [11, 25–38], количество версий (вербальных вариантов) в каждой из параллелей, суммарный показатель версий параллелизма.

Варианты текстовых формульных реализаций представляют собой параллелистические сочетания компонентов структурной инвариантной модели, отличаются количественными показателями компонентов в частях приема (симметрия, асимметрия, доминанты асимметрии, максимальный показатель символических и реальных воплощений, максимальная асимметрия модели с доминантой символических и реальных воплощений) и амплитудой суммарных количественных показателей параллелизма.

Рассмотрим семиотические основы параллелизмов-перечней на примере параллелизмов с акциональными перечнями внешних и внутренних действий в формулах любовной остуды.

Гипертема параллелизма «пусть женщина и/или мужчина испытывают(ет) сильное чувство».

Семантический инвариант «прогрессирующая процессуальность: внешние и внутренние действия (в том числе и совместные) как проявления ненависти» реализуется в гендерных и внегендерном вариантах.

Структурная инвариантная модель параллелизма внешнего и внутреннего действий в формуле-остуде женский вариант: глагольные ряды 4 // 5,7; версии 1 // 3; суммарный показатель версий — 4 «пусть женщина кусается — пусть женщина мается, не милуется, бранится».

Текстовая формульная реализация: ...пусть раба божья с рабом божьим мается да кусается, не милуется, а только бранится [12, № 271].

Структурная инвариантная модель параллелизма внешнего и внутреннего действий в формуле-остуде мужской вариант: глагольные ряды 3,4 // 5,6,7; версии 14 // 5; суммарный показатель версий — 19 «пусть мужчина небо видит, кусает, рвет, бьет, дерется, борется не на глаза, не на очи, блудит, гремит, царапает, щиплет, теревит, ее кровью умывается, плюет, харкает — пусть мужчина душит, злится, шумит, ругает, рывкает».

Текстовая формульная реализация: ...так же бы и раб божий ... рабу божью ненавидел, ругал, кусал, рвал, бил, блудил, дурил, злился, так шумел, гремел [12, № 270].

Структурная инвариантная модель параллелизма внешнего и внутреннего действий в формуле-остуде внегендерный вариант: глагольные ряды 1,4 // 1,5,7; версии 15 // 5; суммарный показатель версий — 20 «пусть мужчина и женщина плохо живут, сидят вместе хребтами, стыкаются зубами, дерутся, щиплются, кровью обливаются, до кровавых ран убиваются, до крови добиваются, рубятся,

режутся, царапаются, плюются, харкаются, другу друга колотят, ножом поражают — пусть мужчины и женщина злятся, хулят, попрекают, цапаются, навсегда разойдутся».

Текстовая формульная реализация: Так пусть раб Божий Иван и раба Божья Анна рубятся и режутся, и навсегда разойдутся [13, № 842].

Семиотическая система репрезентации культурных смыслов в формулах параллелизмов-перечней представляет собой внутренне организованное и упорядоченное единство связанных устойчивыми отношениями компонентов уровней реализации и дифференциации формул в их эволюционном и инструментальном аспектах. Семиотическую систему можно рассматривать с двух точек зрения: *морфологической (структурной)* и *функциональной*.

С морфологической (структурной) точки зрения в семиотической системе репрезентации культурных смыслов в формулах параллелизмов-перечней выявлены уровни реализации и уровни дифференциации фольклорных формул. *Уровни реализации (организации и воплощения) фольклорных формул* отражают эволюционный, динамический аспект исследуемых построений: *концептуальные, имплицитные* (гипертема и семантический инвариант); *вербальные, эксплицитные* (экспликация гипертемы, структурная инвариантная модель, варианты текстовых формульных реализаций). *Уровни формульных дифференциаций* отражают инструментальный, статический аспект исследуемых построений: *интенциональная* (формулы любовной болезни, формулы любовной остуды); *гендерная* (мужской, женский, внегендерный и универсальный варианты); *объектная* (один объект, два объекта магического воздействия). Исследование семиотической специфики параллелизмов-перечней позволяет выявить *эволюцию концептуальных и вербальных уровней реализации фольклорных формул с учетом различных уровней их дифференциации*.

С функциональной точки зрения в семиотической системе репрезентации культурных смыслов в формулах параллелизмов-перечней выявлены два типа механизмов воплощения культурных смыслов, обеспечивающих *целостность параллелистической формулы как единого семиотического образования*: *межуровневые* (гетерогенные) и *внутриуровневые* (гомогенные). *Межуровневые семиотические механизмы* отражают *взаимодействие двух основных уровней семиотической системы*: уровни формульных дифференциаций детерминируют специфику имплицитных и эксплицитных уровней реализации фольклорных формул. *Внутриуровневые семиотические механизмы* отражают *детализацию культурных смыслов в рамках одного уровня семиотической системы*: сопоставление уровней реализации формул; уровней формульных дифференциаций; репрезентантов внутри каждого из уровней.

Анализ семиотической системы репрезентации культурных смыслов в параллелизмах-перечнях позволяет выявить многоуровневую логику реализации и дифференциации фольклорных формул, механизмы и средства моделирования сложно структурированных культурных знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доброва С. И. Параллелизмы с акциональными перечнями в любовных заговорах / С. И. Доброва // Славянские чтения — 2017 / отв. ред. Л. В. Климина. — Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. — С. 163–167.
2. Доброва С. И. Гендерный аспект формул параллелизмов-перечней в любовных заговорах / С. И. Доброва // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий / Науч. ред. А. Д. Черенкова. — Воронеж: ВГПУ, 2017. — С. 202–215.
3. Артеменко Е. Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия / Е. Б. Артеменко // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения. — Воронеж: ВГУ, 2006. — С. 138–150.
4. Неклюдов С. Ю. Российская фольклористика и структурно-семиотические исследования / С. Ю. Неклюдов // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. материалов научно-практической конференции. — Вып. 3. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1999. — С. 54–62.
5. Топорова Т. В. О «заговорном» источнике эддических «Речей Сигрдривы» / Т. В. Топорова // Заговорный текст. Генезис и структура. — М.: Индрик, 2005. — С. 93–101.
6. Мелетинский Е. М. Эдда и ранние формы эпоса (Серия «Исследования по теории и истории эпоса») / Е. М. Мелетинский. — М.: Наука, 1968. — 364 с.
7. Доброва С. И. Параллелизм в сфере человеческого микрокосма (на материале любовных заговоров) / С. И. Доброва // Лингвофольклористика. — 2018. — № 27. — С. 37–54.
8. Комаров А. А. Перечисление и его текстовые функции (на материале немецкой художественной литературы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. А. Комаров; Алма-Атинский педагогический институт иностранных языков. — Алма-Ата, 1992. — 24 с.
9. Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира / Т. А. Агапкина. — М.: Индрик, 2010. — 824 с.
10. Амроян И. Ф. Абстрактные модели связной речи как структурообразующие модели заговорного текста / И. Ф. Амроян // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2004. — № 11. — С. 113–117.
11. Доброва С. И. Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия. Монография / С. И. Доброва. — Воронеж: ВГПУ, 2004. — 175 с.
12. Вятский фольклор. Заговорное искусство / Сост. А. А. Иванова. — Котельнич: Котельничская тип., 1994. — 112 с.
13. Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / Под ред. В. П. Аникина. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 480 с.

Воронежский государственный педагогический университет

*Доброва С. И., кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории, истории и методики преподавания
русского языка и литературы*

E-mail: svetdobr@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University

*Dobrova S. I., Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of the Theory, History and Methods of the Russian Language
and Literature Teaching Department*

E-mail: svetdobr@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ОРЕНБУРГА НАЧАЛА XX ВЕКА

Т. М. Жаглова, Е. А. Хмура

Оренбургский государственный университет

Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова

Поступила в редакцию 28 мая 2018 г.

Аннотация: журналистика начала XX века отмечается значительным ростом численности изданий, появлением как новых газет, журналов, альманахов и сборников, так и заметной корректировкой существующих. Тематика и проблематика материалов в новых условиях также претерпевает изменения, что можно расценивать неоднозначно. Выявить степень присутствия в провинциальной прессе Оренбурга различных форм пародийного осмеяния — задача данного исследования.

Ключевые слова: сатирическая журналистика, провинциальная пресса, сатира, пародия.

Abstract: in the early XX century the journalism is characterized by a significant increase of publishing, foundation of new newspapers, magazines, almanacs and story collections, as well as a noticeable update of existing ones. Subjects and problems of publications under the new conditions are also undergoing changes, which can be regarded as ambiguous. The target of this study is to determine the extent of the presence of parodical mockery in various aspects in the provincial press of Orenburg.

Keywords: satirical journalism, provincial press, satire, parody.

Отличительной особенностью журналистики конца XIX — начала XX вв. является рост периодических изданий, в том числе юмористических и сатирических. Исследователи, в частности, И. С. Эвентов, отмечают, что в некоторых периодических изданиях качество предлагаемого материала ухудшается, как следствие, — темы утрачивают внутреннюю значимость и теряют свою публицистическую остроту и литературную привлекательность.

На общем фоне российской прессы юмористические и сатирические журналы Оренбурга отличаются достаточно качественными произведениями, нежели, например, «Осколки», «Шут», «Стрекоза», «Будильник», юмор которых в большинстве случаев, по словам И. С. Эвентова, «не поднимался над уровнем приказчиье-галантерейной эстетики» [1, 16]. Сравнивая содержательно-тематические особенности типологически сходных изданий, обнаруживаем в оренбургских журналах «Кобылка», «Саранча», «Скворец», «Пыль» темы, волнующие городскую общественность и литературную, в том числе, в то время как в «Осколках» за 1909 г. «можно было прочесть стихи под заглавиями, откровенно выражавшими их нехитрое содержание и пошлый вкус сочинителей: «Она вернулась, а он отвернулся», «Ножки», «Бойкая барышня и большая лужа», «Амуры за трико» [1, 17]. В подобных материалах столичных «весельчаков» преобладал низкопробный юмор, которому сопутствовали, как правило, однотипные средства

и приемы, по контрасту с которыми в оренбургских изданиях палитра сатирических приемов складывается гораздо разнообразнее, включая в себя и арсенал пародии.

Так, журналы «Кобылка», «Саранча», «Скворец», «Пыль», «Фавн» представляют типичную сатирическую печать начала века, задевавшую различные виды и типы комического — от откровенного сарказма до иронии. Авторы сатирических изданий чётко подмечают существенное в частной и общественной жизни оренбуржцев, используя для этого специфические жанры и приемы, в том числе — пародирование.

«Пародия — одно из сильнейших средств общественной сатиры», — утверждал В. Я. Пропп в книге «Проблемы комизма и смеха» [2, 66]. С помощью пародии автор получает возможность подметить те или иные изъяны в поступках и сознании героев публикаций, которые вызывают искренний интерес читателя. Наиболее убедительным примером использования пародии в исследуемых журналах является материал «Митинг Оренбургской прессы», напечатанный в № 1 журнала «Кобылка» за 1906 г., который по ряду признаков мы относим к пародии на типичную провинциальную прессу с ее жанрово-тематическими штампами и клише. Во-первых, в материале обращает на себя внимание присутствие второго плана, который является одним из определяющих признаков пародии и отмечается всеми исследователями как жанрообразующий. Во-вторых, раскрывается «внутренняя слабость» [2, 66] пародии.

дируемого объекта — общественно-политических и историко-литературных газет и журналов начала XX века, в том числе — частных:

— «Оренбургская газета»: — Господа, вы слышали, что с «Голосом Оренбурга» случилось несчастье?

— «Оренбургский листок»: — Пренебречь!

— «Оренбургский край»: — Но, пожалуйста; принимая во внимание, что с одной стороны, так сказать... вообще... ну, одним словом... и т.д.

— «Тургайская газета»: — Товарищи! Все-таки «Голос Оренбурга» наш товарищ, хотя бы по несчастью» [3, 6].

Туманность и чрезмерная многословность некоторых изданий, сконцентрированных в образе газеты «Голос Оренбурга», подвергается осмеянию всей журналистской братией. Например, по обыкновению не представляется возможным определить, что конкретно хочет сказать «Оренбургский край» со своей невнятной политикой по поводу как этой конкретной, так и любой другой ситуации; неопределенность позиций издания проявляется на различных уровнях текста, не исключая и лексики, подчеркнуто обезличенной и нейтральной: — «Оренбургский край. Тем не менее, принимая во внимание вышеизложенное, я полагал бы, так сказать, узнать, в чем именно заключается несчастье?!» [3, 6]. «Оренбургский край», таким образом, предстает в материале журналистов «Кобылки» газетой, не ориентирующей в сути городских событий, отражающей мнение запуганных переменами либералов-буржуа, вступающих в новый календарный год с укоренившимися страхами и сомнениями.

В-третьих, несмотря на то, что комизм ситуации в данном случае вызывает смех читателей, обращение к пародированию преследует вполне серьезные цели: «Серьезный смысл пародийного высказывания может быть выражен только комическими средствами. Именно поэтому следует вполне серьезно говорить о том месте, которое занимает пародия в литературно-общественной борьбе, и о роли, её значении в литературном процессе той или иной эпохи» [4, 21–22].

Объектом пародии служили и внехудожественные стили, например, пародия на речь депутата князя Урусова, напечатанная в шестом номере газеты «Скворец». Автор пародии обращает внимание читателей на ханжество и лицемерие чиновников. Попытка разобраться в ситуации заканчивается вполне закономерными вопросами, вернее, целым их каскадом, когда Попов интересуется: если «товарищ Министра» действительно честно исполнял свои обязанности, не брал взятки, закрывал глаза на показные отчеты и гиперболизированные показатели по продуктам, отпущенным на душу населения, всемерно старался улучшить состояние голодающих россиян, то почему тогда повсеместно происходят пожары и погромы: «Дохнут люди — голодают,/ Жгут чужое — Ничего!/ Во дворцах же рассуждают,/ Все

на тему — «отчего»?/ Ишь ты дело — голодовка!/ Ишь — ты дело — недород!/ Членам страсть нужна сноровка —/ «Как дворец принять вперед»,/ А то слушай побасенки —/ Как Сиятельнейший князь*/ Был товарищем Министра,/ А теперь поднял всю грязь:/ Как при нем готовился/ Всякой нечисти запас,/ — Как он сам не продавался, / Хотя и был соблазн не раз.../ Как и где погромы были,/ Как распоряжалась власть/ Ну, а Вы то — Вы — где были,/ Россиятельнейший князь?!» (Вик. Попов [5, 46]).

Применяя просторечные выражения «дохнут», «ишь», Попов акцентирует внимание на том, что «голодовка» и «недород» волнуют исключительно простой народ, в то время как «во дворцах рассуждают» по обыкновению о приращении капитала и дальнейшей роскошной жизни. Таким образом, пародируя речь Урусова, автор выходит за литературные рамки объявленной пародии, он помогает читателю самому проанализировать значительные факты современной действительности, в первую очередь — события социальной жизни.

Пародии занимают особое место в исследуемых изданиях. Нередко они выделены редакцией в отдельную рубрику с одноименным названием, постоянную или сменную, как, например, в журнале «Пыль». Рубрика «Пародии» сохранялась в нем в качестве постоянной, предлагая читателю в легкой занимательной форме обсудить различные вопросы, актуальные для оренбуржцев в тот или иной период. Обращают на себя внимание следующие пародии: «Газета мизинец» (пародия на частные газеты рекламы и объявлений, характерные для начала XX в.), «На старой квартире, совсем не в степи» (пародия на стихотворение И. С. Никитина «Хозяин»), «На мелком Урале, почти пересохшем» (пародия на стихотворение М. Ю. Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...») и др.

В качестве наиболее типичной для этой группы публикаций рассмотрим следующую — «На старой квартире, совсем не в степи...», пародирующую стихотворение И. С. Никитина «Хозяин» («Пыль», № 23).

Автор сводит на нет гиперболизацию одиночества, охватившего лирического героя Никитина, прежде всего размещая его не в пустынном безлюдном пространстве, «на старом кургане», как в стихотворении-оригинале:

На старом кургане, в широкой степи,

Прикованный сокол сидит на цепи.

Сидит он уж тысячу лет,

Всё нет ему воли, всё нет [6, 12],

а гораздо банальнее — «на старой квартире». Для пародиста важно переключение различных планов в новом тексте: так, на смену трагическому пафосу, характерному для стихотворения Никитина, приходит сатирический, гораздо больше соответствующий подчеркнуто бытовой ситуации. Как актуальная форма пародии в поэтическом творчестве авторов

«Пыли» применяется прием травестии, когда о низком предмете — недалеком, невежественном супруге-подкаблучнике поэт рассуждает высоким слогом: «На старой квартире, совсем не в степи,/ Прикованный дурень сидит на цепи./ Сидит уже много он лет./ Все нет ему воли, все нет./ И волосы ключьями он вырывает,/ И горькую долю свою проклинает.../ Супруга его заперла на замок.../ А мир так широк, так широк» (Бете [6, 12]).

Выстраивая антитезу «вольный, по природе своей, сокол», действительно томящийся в неволе, и «домашний великовозрастный «дурень», подпавший под влияние деспотичной жены, автор пародии, скрывающийся под псевдонимом «Бете», на первый взгляд, усугубляет комизм ситуации, типичной для мещанской среды провинциального города. Однако данная пародия содержит и второй пласт, предполагающий осмысление социальной обстановки, в которой живет семья: причиной всех зол и бедствий, собственно, и является глава этой семьи, предпочитающий наслаждаться жизнью, пропивая все, в то время как его жена и дети голодают. Образ «прикованного» цепью «невольника» супружеской жизни воссоздан в пародии в смещении сатирического и иронического начал, предполагающего способность читателя обнаружить скрытый смысл в художественном или публицистическом тексте.

В другом стихотворении — «С рукой протянутой мечтал», в подзаголовке заявленном как пародия на элегию М. Ю. Лермонтова «Нищий», объектом иронии автора избирается оренбургский читатель, остро нуждающийся в свежей прессе. Подписка на газеты и журналы в провинциальном городе долгое время считалась удовольствием дорогостоящим, соответственно, рядовой обыватель мог позволить себе, как правило, лишь одно издание на полгода или год, что и обусловило в данном случае проблему мучительного выбора читателя: «С рукой протянутой мечтал/ Перед подпискою читатель:/ — Какой мне выписать журнал/ Или газету, Мой Создатель?» [6, 12].

Подобно героям Лермонтова, как страдальцу, обремененному материально, так и обделенному взаимной любовью, потенциальный читатель был обманут в лучших ожиданиях, поскольку вместо камня и равнодушия возлюбленной он получил другой эквивалент — газету «Правый путь», то есть заведомо консервативное издание, способное погрузить аудиторию лишь в сферу интересов городского мещанства: «Так в затрудненье он тужил/ И взор являл тоску и муку.../ И кто-то «Правый Путь» вложил/ В его протянутую руку!..» [6, 12].

Пародируя произведения А. А. Блока 1900–1909-х гг., созданные поэтом до кризиса символизма и все еще пользующиеся популярностью, сотрудники журнала «Пыль» обнаруживают хорошее знакомство с типичными для раннего периода его творчества приемами, изобразительно-выразительными сред-

ствами, которые являются «знаковыми» приметами лирики знаменитого символиста. Однако основной акцент в публикациях «Пыли» сделан даже не на цветописы и звукописы, символизации и метафоризации, присутствующих и в пародии наглядно и убедительно, а на приеме каламбура, гораздо отчетливее переводящего образы, мотивы и лейтмотивы как отдельных строф, так и всей подборки стихотворений в план пародии: «Укрываясь под кровом покрова свекрови,/ Маню тенью обманной тумана маню,/ И люблю любоваться любовью любовью,/ И задумчивость думы в раздумье гоню...»; «Небосвод голубой, как голубка голубит.../ О! Как сладко мечтать под сосною со сна.../ И приснится она, что и губит и любит,/ И бесцельно нацелюсь, целует она...»; «Ах! В бессилье усилья я силы истрачу,/ Грозно грозы сулят неудачу вновь./ Задала неудача на даче задачу/ И отраву трав отравляет любовь...» [7, 8].

Пародийное мастерство журналистов «Пыли» проявилось и в осмыслении идейно-тематических и жанрово-стилистических особенностей современных газет и журналов. В условиях политических и социальных перемен продолжалось идейное размежевание интеллигенции и, как следствие — полемика в наиболее актуальных и авторитетных изданиях. Чаще всего юмористические и сатирические издания объектом критики избирали официальную прессу, непосредственно поддерживаемую представителями власти, вменяя ей низкопоклонство и бездумное следование официальному курсу при оценке событий.

Журнал «Пыль» обобщает разнообразные негативные факты действительности и представляет на суд читателей вымышленную «Газету мизинец», содержащую в основном коммерческую рекламу и частные объявления. Данная пародия вбирает в себя богатую палитру средств комического, которая проявляется, начиная с обращения к читателям, отзывающегося реминисценциями из «Мертвых душ» и «Шинели» Н. В. Гоголя, «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Мизинец. Почему мизинец? Зачем мизинец? Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы ещё такое вытирать ею» [8, 10], обыгрывания названия издания: «Оно, конечно, любезные читатели, не во гнев будет сказано, указательный перст куда лучше, но не забывая, что переживается век аэронавтики: полетов и вылетов, многие отдадут предпочтение безымяннику, мы же остановились на Мизинце, памятуя, что если им нельзя указывать, за то его можно показывать» [8, 10]. В черед пародийных выпадов сатирически и иронически обыгрывается продажный характер большинства современных газет и журналов, их страх перед беззаконием и самоуправством властей, в связи с этим подвергается осмеянию традиционная для изданий такого типа тематика и проблематика, восходящая опять-таки к традициям позднего творчества Салтыкова-

Щедрина, обратившегося в 1880-е гг. к жанру очерков и явлению их циклизации («Благонамеренные речи», «Современная идиллия», «Письма к тетеньке»), с применением «говорящих» названий городов и губерний с их краткой характеристикой и первых лиц, обремененных в них властью:

«Ободоевск. Входить в читальное зало в верхнем платье швейцар не дозволяет. Оставлять жакеты и га-лоши в передней нельзя — воруют. Посетительницы решили являться в библиотеку в евином костюме. Библиотекарь говорит, что это не культурно.

Ростовцевск. Отправленная в музей древних редкостей старая песочница признана не подходящей. Говорят, что нужно подождать ещё лет десять» [8, 10].

Оренбургские авторы активно внедряли в практику журнальной работы заимствование материалов центральной прессы, отвечающее редакционной политике издания. В частности, жанровые и стиливые соответствия обнаруживаются в публикациях А. А. Измайлова — известнейшего пародиста начала XX в. Несмотря на то, что, по мнению большинства современных исследователей, Измайлов «как поэт и беллетрист серьезного интереса не представляет, несмотря на обильную продукцию» [9, 436], он обращает на себя внимание прежде всего своими многочисленными пародиями, которые существенно повлияли и на оренбургских журналистов.

В первую очередь это относится к заимствованию «Дружеской пародии» А. А. Измайлова («Пыль», № 18), демонстрирующей превосходное знание пародистом особенностей поэтики представителей поэзии «Серебряного века», среди которых А. Белый, К. Бальмонт, Д. Мережковский, их тяготение к созданию абстрактных, возвышенных, облагораживающих грубую реальность образов, тем не менее бессодержательных и безыдейных: «Тучи в кучи взбаламучу,/ Проскачу волчком качучу,/ Треском рифм наполню свет./ Как звонки двуконных конок,/ Стих мой тонок, ломок, звонок, — / Звону много, смыслу нет» [10, 4–5].

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что оренбургская периодика начала XX в. представляла собой достаточно живую среду, лишенную страха перед «сильными мира сего» и сохраняющую способность «истину царям с улыбкой говорить», несмотря на то, что авторами материалов в большинстве своем были высланные из центральной России интеллигенты.

Многие произведения очень трудно интерпретировать в отрыве от историко-бытового и культурного контекста, особенностей социальной, политической и журнально-литературной жизни тех лет. С другой стороны, умение ориентироваться в разнообразных реалиях эпохи, способность расшифровать намёки, ее знаки-символы, на первый взгляд, такие мелкие, но такие важные факты, формирование представлений о характерных для периода творческих установках поэтов и их практическом выражении, определяют степень освоения современниками художественно-публицистического наследия начала XX в.

Пародия и перепев, чрезвычайно востребованные в начале XX в., утратили своё значение в веке XXI, практически исчезнув со страниц газет и журналов. Современная периодика чаще обращается к информационным жанрам журналистики, забыв о таких эффективных формах подачи материала, как пародия и перепев, являющихся действенным способом искоренения пороков и недостатков общества, преимущественно в «переломные» эпохи, что, по нашему мнению, существенно обедняет востребованные читателем газеты и журналы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская стихотворная сатира 1908–1917-х годов. — М.: Советский писатель, 1974. — С. 16–17.
2. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. — М.: Лабиринт. — С. 66.
3. Кобылка Юморист. — сатирический журнал. — Оренбург: [б.и.] — № 1–1906. — Б. ц.
4. Тяпков С. Н. Русская литературная пародия конца XIX — начала XX века (жанровые и функциональные особенности): автореф. дис. ... докт. филол. н. / С. Н. Тяпков. — М., 1995. — С. 21–22.
5. Скворец. Юморист. — сатирический журнал. — Оренбург: [б.и.] — № 6. — 1906. — Б. ц.
6. Пыль. Юморист-сатирический журнал. — Оренбург: [б.и.] — № 23. — 1909. — Б. ц.
7. Пыль. Юморист. — сатирический журнал. — Оренбург: [б.и.] — № 48. — 1909. — Б. ц.
8. Пыль. Юморист. — сатирический журнал. — Оренбург: [б.и.] — № 15. — 1909. — Б. ц.
9. Измайлов А. А. // Литературная энциклопедия: В 11 т. — [М.], 1929–1939. — Т. 4. — М.: Изд-во Ком. акад., 1930. — С. 436–437.
10. Пыль. Юморист. — сатирический журнал. — Оренбург: [б.и.] — № 18. — 1909. — Б. ц.

Оренбургский государственный университет
Жаплова Т. М., доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и журналистики
E-mail: TMZhaplova@mail.ru

Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова
Хмура Е. А., преподаватель кафедры русского языка
E-mail: elena.khmura@yandex.ru

Orenburg state university
Zhaplova T. M., Doctor of Philological Sciences, associate professor of public relations and journalism
E-mail: TMZhaplova@mail.ru

Army medical college of S. M. Kirov
Khmura E. A., teacher of department of Russian
E-mail: elena.khmura@yandex.ru

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация: статья посвящена грамматическому словарю церковнославянского языка Буковнице Герасима Ворбозомского 1592 г. (РГБ, ф.173.1, № 35, л. 130–235), призванному кодифицировать и внедрить в практику книжного письма орфографические оппозиции для реализации принципа антистиха; особое внимание уделяется анализу трансформации исходной системы, восходящей к орфографическому трактату «О множестве и о единстве».

Abstract: *this article is devoted to a hand-written treatise “Bukovnica” of Gerasim Vorbozomskij 1592 (Russian State Library, f. 173.1, № 35, pp. 130–235), which designed to codify and put into practice orthographic opposition for the realization of the principle of anti-verse; particular attention is paid to the analysis of the transformation of the original system of the orthographic treatise “Concerning the singularity and plurality”.*

1. Буковница Герасима Ворбозомского, дошедшая до нас в сборнике 1592 г. из собрания Московской духовной академии (РГБ, ф.173.1, № 35, лл. 130–235), представляет собой особый тип грамматического описания, который может быть определен как «грамматический (словоизменительный) словарь» [1, 69] или «словарь трудностей церковнославянского языка» [2, 40]. В этом грамматическом словаре в основу построения словарного гнезда положен принцип антистиха — принцип графико-орфографической дифференциации омонимичных форм в церковнославянском языке [3; 4].

На славянской почве антистих впервые получает обоснование в трактате Константина Костенешко-го «Сказаніе ѡъзвѣщенно ѡ писменѣ...» [5, 383–487]. В Древней Руси этот принцип подвергся дальнейшему развитию в ряде авторитетных орфографических руководств, среди которых первенствует сочинение «Ѡ мнѡжествѣ ѡ ѡднѣствѣ» [5, 719–724], задающее наиболее полный репертуар орфографических оппозиций, служащих для противопоставления грамматических омонимов единственного и множественного числа: о — ѡ, н/и — ѡ, а — ѡ, ѡ — ѡу, ѡ — ѡ (ср. Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р. ѡзвѣки — ѡзвѣкы, Т ед.ч. // Д мн.ч. ѡггломъ — ѡггломъ, И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. ѡггльскаа — ѡггльскаѡ).

деть, как набор орфографических средств снятия омонимии, заимствованный ее автором из трактата «ὁ μνῆστυς ἰ ἐδίνστυς», прилагается к конкретному языковому материалу.

Ориентацию на сочинение «Ѡ мнѡжествѣ ѿ ѡ ѡдѣнствѣ» составитель Буковницы отчетливо декларирует в кратком предисловии, в котором он провозглашает цель своего труда — изложение «по боу́ква^{мъ} ѡ ѡдѣнствѣ ѿ ѡ мнѡжествен^{мъ}» (л. 130) и приводит взятые из трактата пары оппозиционных графем в виде ключа на первых листах рукописи (а — ѡ , и — ѣ/ы, о — ѡ, ѣ — ѡѣ, ѡ — ѡ, л. 130–137). Автор Буковницы призывает «калиграфѣ», основного адресата своего труда, при «писаніи стѣхъ книѣ» (л. 130) разграничивать омонимичные формы единственного и множественного числа во избежание искажений канонического текста: «знѣнъ брѣтѣ сѣѡ, ѡдѣнство ѡ мнѡжства ѣѡѡ мнѡѡ раньствѣѣтѣ!» (л. 133).

В отличие от трактата-ориентира, где дается теоретическое обоснование принципа антистиха, а единичные пары грамматических омонимов служат лишь иллюстративным материалом, в Буковнице принцип антистиха внедряется в практику книжного письма, а грамматические омонимы, противопоставленные на орфографическом уровне, выступают в качестве объекта систематизации и кодификации.

© Инь Сюй, 2018

соответствующей колонки. Ср. фрагмент таблицы на л. 131 об. и его оцифрованный вариант с трак-

товкой грамматической семантики форм (Рисунок 1 и Таблица 1):

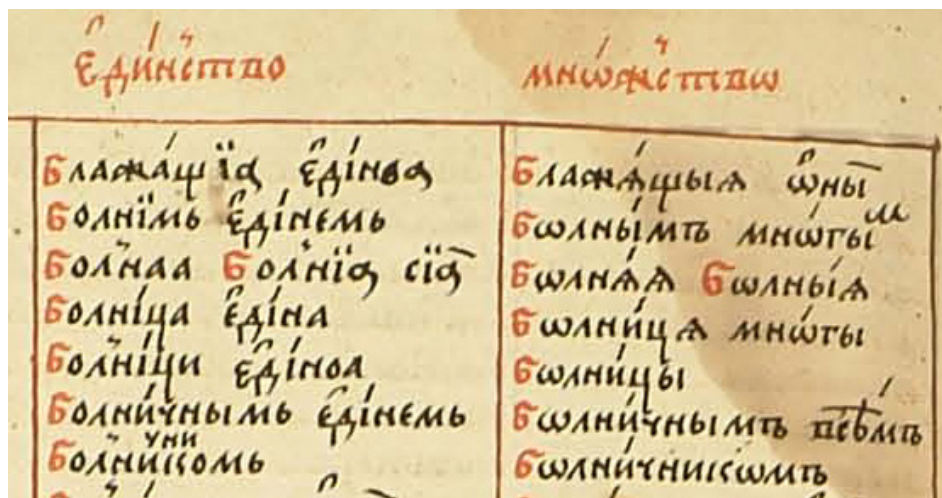


Рисунок 1. Фрагмент таблицы на л. 131 об.

Таблица 1. Оцифрованный вариант фрагмента с трактовкой грамматической семантики форм

грамматическая семантика	ѣдинство	множество
Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прич.	бл҃жащѣа едина	бл҃жащѣа ѡны
Т ед.ч.м., с.р. // Д мн.ч. прил.	бл҃нѣмъ единемъ	бл҃нѣмъ многѣмъ
И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил.; Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прил.	бл҃наа бл҃нѣа сѣа	бл҃наа бл҃нѣа
И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р. сущ.	бл҃ница едина	бл҃ница многы
Р ед.ч.ж.р. // И мн.ч.м.р. сущ.	бл҃ници едина	бл҃ници
Т ед.ч.м., с.р. // Д мн.ч. прил.	бл҃нѣнымъ единемъ	бл҃нѣнымъ всѣмъ
Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ.	бл҃нѣномъ	бл҃нѣнникомъ

В полном соответствии с предписаниями трактата «Ѧ множествѣ ѡ ѣдинствѣ» составитель Буковницы последовательно использует оппозиционные графемы во флексиях форм, требующих расподобления: ср. И ед.ч. // Р мн.ч. сущ.м.р. грѣхъ — грѣхъ мой (л. 133 об.); Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ. гласомъ — гласомъ (л. 133); Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. ѣдиници — ѣдинницы (л. 135), И ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. десница ѡна — десница (л. 134 об.); Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прил. драгіа — драгіа (л. 134 об.) и т.п. Из 2410 омонимичных пар засвидетельствовано лишь 6 случаев, где орфографические средства дифференциации не задействованы в окончаниях: ср. И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил. водраа — водраа (л. 131 об.), Р ед.ч.ж.р. // Р мн.ч.ж.р. ѣпистолѣи — ѣпистолѣи (л. 135), Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ.м.р. поустѣникомъ — поустѣникомъ (л. 138 об.).

Вместе с тем способ реализации принципа антистиха, заданный в трактате «Ѧ множествѣ ѡ ѣдинствѣ» (а также в соответствующих ему орфографических руководствах «Ѧла соѡществѣ книжнаго писма» [5, 707–719], «Ѧла съществѣ книжнаго писма» [5, 724–730] и «Сказаніе ѡ книжной премѣрости» [5, 1011–1018]), подвергается в Буковнице значительному переосмыслению и трансформации.

Если в трактате «Ѧ множествѣ ѡ ѣдинствѣ»

оппозиционные графемы были задействованы исключительно во флексиях, то в Буковнице диапазон позиций значительно расширен: «числовой» показатель может использоваться не только во флексии, но и в основе, в том числе — в позиции абсолютного начала слова [6]: И ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. цѣтитѣлница сѣа — цѣтитѣлница ѡны (л. 150 об.), Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. царѣцѣнымъ единемъ — царѣцѣнымъ (л. 145), Т ед.ч. прич. м., с.р. // Д мн.ч. прич. жажѣщѣмъ единемъ — жажѣщѣмъ (л. 136), И ед.ч. страд. прич.м.р. // 1 л. мн.ч. наст. вр. оутверждаемъ ѡ — оутверждаемъ мы (л. 142), И ед.ч. // Р мн.ч. сущ.м.р. ѡбращѣтелникъ ѡ — ѡбращѣтелникъ тѣ (л. 144 об.), И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил. ѣснаа сѣа — ѣснаа многа (л. 151 об.); И ед.ч. страд. прич.м.р. // 1 л. мн.ч. наст. вр. ѡблѣаемъ ѡ — ѡблѣаемъ (л. 149 об.).

Однако, в отличие от флексии, графико-орфографическое разграничение омонимов в иных позициях не является строго императивным и реализуется нерегулярно. Так, например, из 1135 омонимичных пар, противопоставление которых могло быть оформлено посредством графем ѡ — ѡ в середине слова, эта возможность была реализована в 911 случаях (в 80%): И ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. бл҃ница едина — бл҃ница многы (л. 131 об.), И ед.ч.ж.р. // И мн.ч.м.р. прич.

гонѣщи ѿ — гонѣще (л. 133). Отсутствие противопоставления наблюдается преимущественно там, где о выступает в качестве интерфикса в сложном слове (176 примеров): Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. трѣдолюбнымъ ѣдинемъ — трѣдолюбныи людѣ (л. 141 об.), И ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. хвалѣлюбца того — хвалѣлюбцаи мнѣгы (л. 143 об.).

В целях максимального расподобления омонимичных форм создатель Буковницы дополняет репертуар орфографических оппозиций, наделенных смысловозначительными функциями, новыми параметрами, в которые входят в том числе и скорописные начертания, надстрочные знаки, выносные буквы: з — з̣ / з̣ — з̣ / з̣ — з̣, о — ъ, е — ѣ, ѣ — е / ѣ — е, ѣ — ѣ, ф — ѿ / ѿ — ф, и — ї / ї — и, ѣ / ї — ї; а — а, е — е / е — е; строчная — выносная буквы; оксия — вария, наличие/отсутствие паерка. В отличие от стандартного набора числовых показателей, заимствованного из трактата «Ѿ мнѣжествѣ ѿ ѣдинствѣ», сфера и частотность употребления новых пар весьма ограничены, в некоторых случаях члены одной пары могут свободно варьироваться в формах единственного и множественного числа.

Впервые употребление новой орфографической оппозиции з — з̣ было отмечено В. М. Живовым, зафиксировавшим ее использование в трех парах грамматических омонимов [7, 292]. Компьютерная обработка языковых данных позволила нам установить, что наряду с парой з — з̣, засвидетельствованной в 10 примерах (ср. Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. жизнѣдательнымъ — жызнѣдательнымъ л. 136, Р ед.ч.ж.р. // В мн.ч.м.р. прил. трѣзвыа ѣа — трѣзвыаи чѣцы л. 141), в Буковнице представлен ее зеркальный вариант з̣ — з (И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прич. возносимаа сѣа — възносимааи мнѣна л. 132 об., И ед.ч.м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. ѿблѣаемъ ѿ — ѿблѣаемъ л. 149 об.), а также оппозиция с участием буквы з̣: з̣ — з̣ (Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ.м.р. жизнѣдательемъ — жызнѣдательемъ л. 136 об., Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. жизнѣдательнымъ — жызнѣдательнымъ л. 136 об.).

Пара о — ѡ фигурирует исключительно в префиксах типа вос — вѡс, во — вѡ, со — сѡ (всего 37 примеров): Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прич. воспѣваемыа ѿноа — вѡспѣваемыа (л. 132 об.), И ед.ч.м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. водворѣемъ ѿ — вѡдворѣемъ мѣи (л. 132 об.), И ед.ч. прит. прил.м.р. // Р мн.ч. сущ.м.р. свѣѣдниковъ сѣ — сѡвѣѣдниковъ мнѣгы (л. 140 об.).

Аналогичная закреплённость «числовых» показателей за определенными аффиксами характерна для пар е — ѣ (ѣств — ѣств, еск — ѣск) и ї — и (ник — нѣк, нѣц — нѣц): Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.с.р. пррѣествѣа того — пррѣествѣаи мнѣгы, И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил. пррѣескаа сѣа — пррѣескааи мнѣна, (л. 138); Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. болѣницаи ѣдиноа — болѣнѣцы (л. 131 об.), И ед.ч. // Р мн.ч. сущ.м.р. рѣтѣникъ ѿ — рѣтѣникъ мнѣгы (л. 139).

Орфографическая оппозиция а — ѡ со скорописным начертанием а используется только во флексиях прилагательных И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р.: прѣблѣеннаа — прѣблѣеннааи (л. 138 об.), фѣдѣорѣтовскаа сѣа — фѣдѣорѣтовскааи мнѣ (л. 138 об.). В отличие от нее сфера употребления оппозиции со скорописным начертанием е — ѣ и ее зеркального варианта е — ѣ значительно шире (488 примеров из 1214 потенциально возможных, т.е. 40%, в том числе е — ѣ 316 примеров, ѣ — е 172 примера): И ед.ч. страд. прич.м.р. // 1 л. мн.ч. наст. вр. высѣлаемъ ѿнѣ — высѣлаемъ мѣи (л. 132), Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ.с.р. знѣнемъ ѣдинемъ — знѣнемъ мнѣгы (л. 137), И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прич. оѣтвержаемаа сѣа — оѣтвержаемааи (л. 142), И ед.ч. прит. прил.м.р. // Р мн.ч. сущ.м.р. цѣбѣносцевъ грѣбѣ — цѣбѣносцевъ мнѣгы (л. 145 об.).

Реализация принципа антистиха посредством оппозиции строчной и выносной буквы засвидетельствована в 120 парах, в 112 из которых (93%) выносная буква представлена в формах множественного числа: (1) с строчная — з̣ выносная: И ед.ч. // Р мн.ч. сущ.м.р. раскѣлѣникъ ѿ — раскѣлѣникъ мнѣгы (л. 139); (2) з̣ строчная — з̣ выносная: Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.с.р. разѣстоѣниа мѣаго — разѣстоѣниаи (л. 139 об.); (3) жд̣ строчная — жд̣ выносная: Т ед.ч. прич. м., с.р. // Д мн.ч. прич. страждѣѣимъ — страждѣѣимъи людѣмъ (л. 140); (4) л̣ строчная — л̣ выносная: И ед.ч. // Р мн.ч. сущ.м.р. должѣникъ ѿ — должѣникъ мнѣгыхъ (л. 134 об.); (5) м̣ строчная — м̣ выносная: Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. трѣдолюбнымъ ѣдинемъ — трѣдолюбныи людѣ (л. 141 об.).

Пара надстрочных знаков оксия — вария служит средством различения форм И ед.ч.м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. (всего 36 примеров): раширѣемъ ѿ — раширѣемъ мѣи (л. 139), оѣдѣврѣемъ ѿ — оѣдѣврѣемъ мѣи (л. 142), ѡсѣкаемъ ѿ — ѡсѣкаемъ мѣи (л. 144 об.).

В Буковнице насчитывается 738 позиций с написанием паерка, в том числе в 553 случаях этот знак ставится только в единственном числе, в 10 случаях — во множественном числе: (1) паерок в единственном числе: И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил. ѡгѣлѣскаа сѣа — ѡгѣлѣскааи вѣнѣства (л. 130), И ед.ч. // Р мн.ч. сущ.м.р. бѣнѣникъ ѣдин — бѣнѣникъ мнѣгы (л. 131 об.), И ед.ч.ж.р. // И мн.ч.м.р. прич. вѣдѣаѣѣи ѿнѣ — вѣдѣаѣѣи мѣи (л. 132 об.); (2) паерок во множественном числе: Т ед.ч. прич. м., с.р. // Д мн.ч. прич. разѣвѣимъ — разѣвѣимъ (л. 139 об.), Р ед.ч. // В мн.ч. сущ.м.р. чѣѣносца того — чѣѣносцаи мнѣгы (л. 146), Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ.м.р. ѡѣмоглагоѣлѣкомъ — ѡѣмоглагоѣлѣкомъи (л. 152). В позиции конца и середины слова возможна и дифференциация омонимичной пары с помощью оппозиций паерок — ѡ / ѡ — ѡ (46 примеров): И ед.ч. притяж. прил.м.р. // Р мн.ч. сущ.м.р. ѡрѣѣгѣловъ глаѣс — ѡрѣѣгѣловъ мнѣгыхъ (л. 130), Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. сѣтѣѣѣскѣмъ — сѣтѣѣѣскѣмъ (л. 140), И ед.ч.м.р. страд. прич.

// 1 л. мн.ч. наст. вр. ѡнософствѣемъ ѡнъ — ѡнософствоуемъ мы (л. 152 об.). Можно заключить, что в системе Буковницы паерок наделяется, прежде всего, семантикой единственного числа.

Расширение репертуара графико-орфографических средств снятия грамматической омонимии и диапазона позиций их употребления наглядно демонстрирует стремление создателя Буковницы к максимальному орфографическому расподоблению омонимичных форм во всех возможных позициях. Грамматические омонимы могут быть противопоставлены посредством нескольких пар оппозиционных графем, занимающих разные позиции в слове. Так, одновременно 3 оппозиции задействованы для противопоставления 679 пар омонимичных форм: Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прил. **высо́кѣѧ** — **высѡ́кѣѧ** (л. 132), Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. **ѣзычнѣѧ ѣдѣнемъ** — **ѣзычнымъ мнѡгыѧ** (л. 151 об.); 4 оппозиции — для противопоставления 324 пар: Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прил. **широ́кѣѧ** — **шыро́кѣѧ** (л. 147), И ед.ч.м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. **цѣрѣвѣмъ съ** — **цѣрѣвѣмъ мы** (л. 150 об.); 5 оппозиций — 130 пар: Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ.м.р. **фѣдѡсѣѧмъ ѣдѣнемъ** — **фѣдѡсѣѧмъ мнѡгыѧ** (л. 148 об.), И ед.ч. // Р. мн.ч. сущ.м.р. **ѣсноглаго́лнѣкъ съ** — **ѣсноглаго́лникъ мнѡгыѧ** (л. 153 об.); 6 оппозиций — 44 пары: И ед.ч. притяж. прил.м.р. // Р мн.ч. сущ.м.р. **хоудѡжѣственѣковъ гла́съ** — **хоудѡжѣственѣкѡвъ** (л. 143 об.), Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ.м.р. **ѡврацѣтелѣнѣкомъ** — **ѡврацѣтелѣнѣкѡмъ** (л. 144 об.). Наконец, максимально возможно расподобление в 7 позициях представлено в 4 парах омонимов: И ед.ч. притяж. прил.м.р. // Р мн.ч. сущ.м.р. **ѡверзѣтелѣнѣковъ** — **ѡверзѣтелѣнѣкѡвъ всѣѧ** (л. 144 об.), Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ.м.р. **чѣноначѣлѣнѣкомъ** — **чѣноначѣлѣнѣкѡмъ** (л. 146 об.), И ед.ч. притяж. прил.м.р. // Р мн.ч. сущ.м.р. **чѣноначѣлѣнѣковъ съ** — **чѣноначѣлѣнѣкѡвъ мнѡ*** (л. 146 об.), Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прил. **фѣдѡсѣѣвскѣѧ ѡноѧ** — **фѣдѡсѣѣвскѣѧ** (л. 148 об.).

Стратегия противопоставления словоформ с разными грамматическими значениями требовала однозначного определения их грамматической семантики, для описания которой, помимо собственно дефиниции в шапке таблицы «**ѣДИН⁵СТВО**» // «**МНОЖ⁵СТВО**» (см. Рисунок 1), в Буковнице использован иллюстративный (или контекстуальный) способ. Контрастирующие формы могут быть приведены не изолированно, а в расширенном контексте, в составе словосочетания, которое содержит ощутимые опоры — грамматические конкретизаторы-распространители, позволяющие установить грамматическое значение единицы. Контекстуальный способ семантизации применен для 2952 из 4820 (61%) словоформ, из которых 1610 (67%) форм единственного числа и 1342 (56%) форм множественного числа.

Среди грамматических конкретизаторов-распространителей безусловно доминируют (2748 из 2952,

93%) местоимения (ѡ, ѡноа, ѡнѣмъ, съѡ, сего, сѣа, тѣѡ, тѣа, тогѡ, тоа, мѣа, нѣмъ, нѣшѣа, нѣшѣа, тѣѣ, съѣѣ и т.п.) и слова с количественным значением (ѣдѣнѣ, ѣдѣнаго, ѣдѣнемъ, ѣдѣноа, мнѡѣга, мнѡѣ, мнѡѣжна, мнѡѣнаа, мнѡѣжны и т.п.). Ср.: Т ед.ч. // Д мн.ч. бѣлымъ ѣдѣнемъ — бѣлымъ мнѡѣгымъ (л. 131); И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил. сѣлаа ѡна — сѣлаа ѡны (л. 137 об.); И ед.ч.м.р. // Р мн.ч.м.р. совѣдѣнѣи — совѣдѣнѣи всѣѣ (л. 140 об.); Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. цѣвници ѣдѣноа — цѣвници ѡны (л. 145). К остальным 7% относятся существительные (вѣѣра, гласѣи, гласѣмъ, люди, полѣты, равѡмъ, равѡѣ, роука-мъ, срѣѣмъ, сѣлаа, оуѣнѣи, чѣѣкъ и т.п.) , с которыми согласуются противопоставляемые словоформы прилагательных и причастий, благодаря чему достигается конкретизация по роду: И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. рѣѣнаа стрѣѣа ѣдѣна — рѣѣнаа оустрѣѣмѣнѣа (л. 139); Т ед.ч. прил.с.р. // Д мн.ч. прил. радѡстнымъ срѣѣмъ — радѡстнымъ (л. 139 об.); И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил. тѣѡа сѣлаа — тѣѡа дѣѣла (л. 141); Т ед.ч. // Д мн.ч.м.р. фѣѡѣноаѡымъ чѣѣкомъ — фѣѡѣноаѡымъ людеѣ (л. 148 об.).

При выборе помет для отдельных словоформ прослеживаются определенные предпочтения составителя словаря. Так, для формы **Р мн.ч. сущ.м.р.** основным конкретизатором (91%) служат **всѣхъ** (69 примеров) и **мнѡгыхъ** (117 примеров): И ед.ч.м.р. // Р.мн.ч.м.р. **врагъ ѣдѣнъ — врагъ мнѡгыхъ** (л. 132), **грѣшникъ ѣдѣнъ — грѣшникъ мнѡгыхъ** (л. 133); **врачевъ сынъ — врачевъ всѣхъ** (л. 132 об.), **простцевъ гласъ — простцевъ всѣхъ** (л. 138 об.).

Несмотря на то, что большинство инновационных решений, предложенных в Буковнице, не получили дальнейшего развития и распространения в книжности, сам факт появления грамматического описания, призванного кодифицировать и внедрить в практику книжного письма орфографические оппозиции для реализации принципа антистиха, свидетельствует о ключевом значении проблемы снятия омонимии для славянской грамматической мысли и книжно-языковой практики конца XVI в. Впоследствии на решение этой же проблемы будет нацелена и нормализация церковнославянского языка в первых аналитических грамматиках Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова Е. А. Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ) / Е. А. Аксенова // Советское славяноведение — 1981 — № 1 — С. 66–77.
2. Кузьмина Е. А. «Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII в. / Е. А. Кузьмина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология — 2016 — № 2 — С. 40–50.
3. Кузьмина Е. А. Антистих / Е. А. Кузьмина // Православная энциклопедия — М.: Церковно-научный

центр «Православная энциклопедия» — 2001 — Т. II — С. 549–553.

4. Кузьмина Е. А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции / Е. А. Кузьмина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология — 2011 — № 5 — С. 36–55.

5. Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке / И. В. Ягич // Исследования по русскому языку — Санкт-Петербург, 1885–1895 — Т. I — 1067 с.

6. Инь Сюй. Особенности реализации принципа антистиха в Буковнице 1592 г. / Инь Сюй // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы — М.: МАКС Пресс — 2016 — С. 89–91.

7. Живов В. М. Буковница 1592 г. и ее место в истории русской грамматической мысли / В. М. Живов // The Language and Verse of Russia / In Honor of Dean S. Worth — М.: Восточная литература РАН — 1995 — С. 291–303 (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. II).

*Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова*

Инь Сюй, аспирант кафедры русского языка

E-mail: andreiyin2014@yandex.ru

*Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Yin Xu, Postgraduate Student of the Russian Language
Department*

E-mail: andreiyin2014@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ЛАКУН «ГЛАГОЛЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ»

С. В. Колтакова, О. В. Суханова

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»*

Поступила в редакцию 16 июня 2018 г.

Аннотация: В статье предлагаются и апробируются новые формализованные параметры для анализа степени национальной специфики тематических групп лакун на примере тематической группы русско-английских глагольных лакун «Глаголы, характеризующие действия в военной сфере».

Ключевые слова: национальная специфика, русско-английские глагольные лакуны, формализованные параметры, степень проявления национальной специфики, военная сфера.

Abstract: In the paper new formalized parameters of the analysis of the national specificity of lacunae thematic groups are put forward and tested at the example of the thematic group of the Russian-English verbal lacunae "Verbs, characterizing activities in the military sphere".

Key words: national specificity, Russian-English verb lacunae, formalized parameters, degree of the national specificity, military sphere.

Лакунарность проявляется в рамках профессионального военного дискурса: нередко в процессе коммуникации между представителями разных этнокультурных сообществ возникают ситуации языковых и культурных конфликтов. В условиях современной геополитической обстановки, когда военные ведомства разных стран вынуждены искать пути совместного противодействия новым вызовам и угрозам, изучение лакун в военной сфере представляется особенно актуальным.

Целью данного исследования является системное описание национальной специфики тематической группы лакун «Глаголы, характеризующие действия в военной сфере», извлечённых методом сплошной выборки из Англо-русского словаря безэквивалентной лексики (глагол) [1], в рамках сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: анализ национальной специфики лакун с помощью индексов, предложенных в рамках сопоставительно-параметрического анализа; апробация новых индексов национальной специфики глагольных лакун; уточнение методики сопоставления национальной специфики тематических групп лакун различных частей речи.

Актуальность проведенного исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблемы лакунарности в профессиональных дискурсах.

Научная новизна работы заключается в разработке новых индексов национальной специфики лакун.

Отметим, что рассматриваемая тематическая группа «Глаголы, характеризующие действия в военной сфере», имеет в своём составе 234 лакуны. С точки зрения типологии глагольных лакун [2, 52] в данной группе оказалось возможным выделить три типа: **обобщающие** (2 лакуны), **конкретизирующие** (206) и **обобщающе-конкретизирующие** (8 собственно обобщающе-конкретизирующих и 18 псевдо обобщающе-конкретизирующих лакун). Также анализ корпуса примеров группы показал, что среди конкретизирующих и обобщающе-конкретизирующих лакун встречаются лакуны с денотативным расширением и выделительной конкретизацией [3, 88].

Говоря об анализе национальной специфики лакун с помощью индексов, предложенных в рамках сопоставительно-параметрического анализа любых лексических группировок [4], отметим, что проведенное ранее исследование тематической группы русско-английских субстантивных лакун «Военная сфера» подтвердило возможность применения *индекса структурной сложности* [5, 13] и *индекса яркости подгруппы внутри тематической группы* [6, 38].

Поскольку исследуемая группа насчитывает 15 структурных единиц, показатель *индекса структурной сложности* равен 6,4%.

При анализе группы лакун наибольший интерес представляют подгруппы, демонстрирующие наибольший и наименьший показатель данного индекса. Так, самая многочисленная подгруппа «Глаголы, характеризующие профессиональную деятельность в военной сфере» насчитывает 47 лакун, *индекс яркости данной подгруппы* равен 20,1%.

Подгруппа «Глаголы, характеризующие подготовку личного состава» является самой малочисленной, включает всего 3 лексемы, ее индекс яркости составляет 1,3%.

Изучение тематической группы «Глаголы, характеризующие действия в военной сфере» показало, что для анализа национальной специфики данной группы можно использовать ряд других индексов, предложенных в рамках исследования различных лексических группировок: индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы [6, 38], индекс семантической противопоставленности единиц группы [7, 8], индекс семантической близости единиц группы [6, 38].

Обращает на себя внимание тот факт, что в анализируемой группе отмечаются лексемы, входящие разными семемами в разные структурные единицы группы. Например, лексема *orbit* своим значением «выводить, выходить на орбиту» входит в состав подгруппы «Глаголы, характеризующие профессиональную деятельность», а значением «вращаться или двигаться по орбите» — в подгруппу «Глаголы, характеризующие состояние и действия военной техники и оружия». Таких лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, насчитывается шесть, следовательно, индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы равен 2,6%.

Проведенное исследование позволило также выявить наличие антонимических пар лакун: *подтягивать войска, тылы* — *ср. carry up; отводить, оттягивать войска* — *ср. draw off* и др. В анализируемой группе насчитывается 11 таких лексем и индекс семантической противопоставленности единиц группы равен 4,7%.

В данной группе наблюдаются лексические единицы, демонстрирующие семантическую близость: группа насчитывает 24 таких лакунарных смысла. Например: *призывать на военную службу* — *ср. call in; призывать на военную службу* — *ср. call up* и др. Индекс семантической близости единиц группы равен 10,3%.

На современном этапе развития сопоставительно-параметрического метода были предложены 3 индекса для анализа именно лакун: *номинативная непредставленность* [8, 73], *плотность безэквивалентных лексем* [9, 45] и *индекс номинативной непредставленности лексической группировки* [9, 45].

Отметим, что *номинативная непредставленность* тематической группы «Глаголы, характеризующие действия в военной сфере» составляет 234, а *плотность безэквивалентных лексем* данной группы равна 178. Индекс номинативной непредставленности лексической группировки равен 2,17%.

Анализ данной тематической группы выявил возможность применения ряда новых параметров и индексов.

Индекс грамматической сложности безэквивалентных лексем группы — отношение количества безэквивалентных лексем, представленных сложными семантическими грамматическими единицами (глагол + наречие, глагол + предлог) к общему количеству безэквивалентных лексем изучаемой тематической группы (плотности безэквивалентных лексем). Так, исследуемая группа лакун насчитывает 23 безэквивалентных сложные лексические единицы: например, *заставить приземлиться самолёт* — *ср. put down*. Следовательно, индекс грамматической сложности безэквивалентных лексем анализируемой группы лакун равен 9,8%.

Индекс обобщающих/конкретизирующих/обобщающе-конкретизирующих лакун — отношение количества обобщающих/конкретизирующих/обобщающе-конкретизирующих лакун к общему количеству лакун группы: индекс обобщающих лакун составляет 1%, индекс конкретизирующих и обобщающе-конкретизирующих лакун — 88% и 11% соответственно.

Индекс денотативного расширения лакун — отношение количества лакун с денотативным расширением к общему количеству лакун группы. Данный индекс равен 8,9%.

Индекс денотативного ограничения лакун — отношение количества лакун с выделительной конкретизацией к общему количеству лакун группы — равен 1,3%.

Исследование подтвердило возможность анализа национальной специфики лакун с помощью индексов, предложенных в рамках сопоставительно-параметрического анализа и использования новых индексов для анализа лакун. Была уточнена методика сопоставления национальной специфики тематических групп лакун, которая позволяет сделать изучение лакун системным и объективным.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности применения предложенных индексов для анализа национальной специфики других тематических групп различных частей речи. Полученные данные могут быть использованы для осуществления успешной профессиональной коммуникации в рамках военной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суханова О. В. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Глагол / О. В. Суханова, М. А. Стернина. — Воронеж: Истоки, 2012. — 296 с.
2. Суханова О. В. Лакунарность глагольной лексики (на материале русско-английских глагольных лакун): дис. ... канд. фил. наук / О. В. Суханова. — Воронеж, 2012.
3. Петросян Ж. В. Проблема адъективной лакунарности (на материале русско-английских адъективных лакун): дис. ... канд. фил. наук / Ж. В. Петросян. — Воронеж, 2011.
4. Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: Монография / М. А. Стернина. — Воронеж: Истоки, 2014. — 115 с.

5. Колтакова С. В. К вопросу о количественно-структурном аспекте национальной специфики лексических группировок / С. В. Колтакова // Сопоставительные исследования 2017. — Воронеж: Истоки, 2017. — С. 11–14.

6. Чернова Н. И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ... канд. фил. наук / Н. И. Чернова. — Воронеж, 2006.

7. Вострикова И. Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики):

автореф. дис. ... канд. фил. наук / И. Ю. Вострикова. — Воронеж, 2006. — 16 с.

8. Махонина А. А. Проблема описания лексической лакунарности (на материале русско-английских субстантивных лакун): дис. ... канд. фил. наук / А. А. Махонина. — Воронеж, 2006.

9. Колтакова С. В., Суханова О. В. Использование сопоставительно-параметрического метода для изучения лакун / С. В. Колтакова, О. В. Суханова // Сопоставительные исследования 2018. — Вып. 15. — Воронеж: РИТМ, 2018. — С. 42–46.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»

Колтакова С. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
E-mail: koltakova2007@yandex.ru

Суханова О. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
E-mail: visukhanov@mail.ru

Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy»

Koltakova S. V., Candidate of Philology, Associate Professor of foreign language department
E-mail: koltakova2007@yandex.ru

Sukhanova O. V., Candidate of Philology, Associate Professor of foreign language department
E-mail: visukhanov@mail.ru

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК: «ГОРЕ ОТ УМА» В КОНТЕКСТЕ «БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ»

А. С. Кондратьев, П. Д. Анисимов

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 23 октября 2018 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка истолкования критических заметок А. И. Солженицына в контексте современной науки, восходящей к духовной традиции отечественной культуры, и с учетом размежевания автора с устоявшимися стереотипами лево-демократического дискурса.

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, А. И. Солженицын, понимание, русская классика, национальный характер, духовная деформация, Чацкий, Молчалин, Софья.

Abstract: the article attempts to interpret the critical notes of A. I. Solzhenitsyn in the context of modern science, which goes back to the spiritual tradition of national culture, and taking into account the author's disengagement from the established stereotypes of the left-democratic discourse

Keywords: A. S. Griboyedov, A. I. Solzhenitsyn, understanding, Russian classics, national character, spiritual deformation, Chatsky, Molchalin, Sofia.

Историко-литературные изыскания на современном этапе, сосредоточенные на освоении православного подтекста отечественной словесности и углублении представлений об авторской концепции человека, закономерно выводят исследователей на принципиально новый методологический уровень системно целостного освещения русской классики — понимание художественных произведений, переживших свое время, что существенно отличается от изучения негуманитарного предмета как постижения неисчерпаемого духовного феномена, освобождая пережившие эпоху своего создания тексты от плена «историзма» и «замкнутости» на актуализированных нравственно-социальных доминантах «малого времени»: «Далекий» же контекст понимания разомкнут во времени. В «большом времени» происходит обновление прежних смыслов <...> полнота смыслового явления раскрывается только в «большом времени» <...> литературоведение призвано не только копошиться в «малом времени» <...> Представляется, что это <...> цель для нашей филологической науки» [1, 17–18]. О. А. Бердникова в связи с этим делает акцент на несогласованности литературоведческих координат: «Споры и непонимание в научной среде нередко возникают именно в связи с разностью методологических установок и подходов. Ведь базовые принципы <...> отличны от философских их аналогов, ранее служивших методологическим основанием научного изучения художественного произведения» [2, 6]. Литературоведческая аксиология, наставляющая на выявление православных констант в художе-

ственном мире, а вслед за тем — феномен человека и духовный смысл, воплощенный в поэтике *переменных*, формирует методологическую парадигму, позволяющую преодолеть устоявшиеся стереотипы восприятия материала и вернуть национальному самосознанию отвергнутые прежде или же дискредитированные художественные откровения.

Комедия «Горе от ума» оказалась едва ли не потерянной на исследовательском горизонте и в читательском опыте. А. И. Солженицын еще в статье 1954 г. «Протеревши глаза» предпринял попытку *понимания* духовного смысла произведения в контексте современной литературоведческой аксиологии. Если в Бехтеевском списке действующих лиц комедии о Чацком говорится как о молодом человеке, воспитывавшемся в доме Фамусова и влюбленном в Софью, то А. И. Солженицын в своем опыте понимания человеческих взаимоотношений героев, попросту недоумевает, еще на подступах к реализации своего писательского призвания русского классика: «Чацкий даже для друга своего отца <...> не находит ни единого доброго слова в ответ на его часто добродушное молчание, а то и прямую ласковость» [3, 363]. И. Б. Ничипоров отметил невероятно смелый посыл А. И. Солженицына в плане его расхождения с маститыми авторитетами: «С самого начала <...> отказывается от привычного хода рассмотрения комедии, предполагавшего разговор о социально-политическом противостоянии Чацкого и фамусовской Москвы» [4, 133]. О каком конфликте может идти речь, когда Чацкий в доме Фамусова *свой и желанный*, и не только для Софьи, но и для Павла Афанасьевича, так и не взявшего в толк, почему же тот не при

нем, как он и представляет своего воспитанника почтенному Скалозубу:

Вот-с — Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти — так был бы деловой [5, 47].

Как же иначе: сваливается утром как снег на голову после трехлетних скитаний, не написав ни строчки, и беспрепятственно входит в дом, да и Софья пытается разобраться в себе, когда рядом с ней оказались Чацкий и Молчалин: «А кем из них я дорожу?» [5, 56], где о нем не забыли и где он все-таки потенциально зять и должный образумиться компаньон, чего и ждет от него отец, покинутый им по какой-то вымороченной прихоти невесты:

Сказал бы я, во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не упрекай оплошно,
А, главное, поди-тка послужи [5, 37].

Неожиданно разыгравшийся словесный поединок между своими выявляет их различные точки зрения, которые не могут быть порождены общим кругом общения и домашней атмосферой, с учетом возрастных различий оппонентов. Если Фамусов обращает внимание Чацкого на опыт старшего поколения, то Чацкий самоуверенно парирует: «Где? укажите нам, отчества отцы / Которых мы должны принять за образцы?» [5, 37]. Фамусовское обращение к беспутному воспитаннику *брат* вполне оправдано узами дружбы с его отцом и надеждами на человеческую состоятельность «блудного сына», тогда как явная ирония Чацкого — *отчества отцы* — проводит между ними границу. Чацкий склонен выпячивать свое негативное отношение к «забытым газетам времен Очаковских и покоренья Крыма», славной эпохи величия России и национальной идеи, ибо его влечет пресловутая *свобода*, но от чего и во имя чего, хотя мятежная Европа уже испытала ее влияние сполна. Да и в дом Фамусова, скроенный по московским лекалам, и его окружение проникли невероятные до сей поры суждения и оценки:

Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей — сынков и внучат,
Жури мы их, а если разберешь, —
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички <...>
Засудят об делах, что слово — приговор [5, 46].

Но дом Фамусова стоит на виду всей златоглавой Москвы! А. С. Грибоедов усматривает в таковом самонадеянном искушении *преобразовать* влияние на национальное самосознание европейских ценностных ориентиров, когда русский характер теряет свои корни: «Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей — наблюдателей, тот поврежденный класс полуевропейцев <...> Каким черным волшебством сделались мы чужими между своими!» [6, 277]. Деформация духовных доминант национального характера, проявившаяся

в откровенном пренебрежении Чацким другими и самонадеянной уверенности в собственной непогрешимости, а прежде всего — избранности, не ускользнула от проникновенного незашоренного критического взора А. И. Солженицына, ведь если предмет художественной словесности человек — значит, ему и надлежит посвятить себя филологу: «Упоенный собою Чацкий почитает только каменное сердце неспособным увлечься им <...> больше уязвлен не в любви, а в самолюбии» [3; 352, 353]. Глубина проникновения А. И. Солженицына в сердцевину замысла комедии становится более очевидной, если сопоставить его положение о нравственной позиции Чацкого, резко расходящееся с пафосом ее оценок в многочисленных публикациях на злобу дня, с утверждением М. М. Бахтина, посвятившего свое научное творчество освещению *диалога* как феномена национального самосознания: «<...> всюду хочет быть первым. Даже в разговоре ищет первенства, равно спорить, равно разговаривать он не хочет. Чацкий — верхогляд и идеалист, который не может войти в чужую психологию <...> Это отсутствие живого, реального подхода к людям обрекает его на безнадежность» [7, 417]. Налицо близость концептуально-методологических подходов, опередивших свое время корифеев русской мысли. Выявленный А. И. Солженицыным акцент на эгоистических притязаниях Чацкого с целью привлечь внимание окружающих к себе раскрывается М. М. Бахтиным в психологической парадигме как самонадеянное отмежевание молодого человека от других, который самонадеянно помышлял о недостижимом — примирить *европейское* преуспеяние в земном с *русским* тяготением к справедливости и благодатному миропорядку, не определяемому категориями права.

Укорененность художественного сознания А. И. Солженицына в духовной традиции дает о себе знать уже в одном из первых критических этюдов о понимании комедии и предопределяет выводы о мятежном порыве Чацкого отрешиться ото всех недостойных его, коль он сетует: «И вот та родина... Нет, в нынешний приезд, / Я вижу, что она мне скоро надоест» [5, 113], потому как для него нет ничего и никого дорогого — он здесь чужой: «Справедливость для Солженицына есть понятие абсолютное, освещающее все поступки человека и отношение его ко всему в жизни <...> Это трудный путь, потому что постоянно требует от человека какого-то самоотречения» [8, 137], к чему Чацкий не готов, да и не считает достойным себя понимать других: «Что я, Молчалина глупее?» [5, 29].

Вступая на защиту Софьи, А. И. Солженицын завершает понимание развязки любовной коллизии, объясняя замену речистого и остроумного Чацкого спокойным и рассудительным Молчалиным. Софья видит в Чацком, одержимом манией миссионерства, неспособного «семейство осчастливить» и потому

выговаривает ему, хотя и обмолвилась, что «все малейшее» ее в других тревожит:

Да, правда, не свои беды для вас забавы,

Отец родной убейся, все равно [5, 52]

Молчалин, даже принимающий, как оказалось, вид усталого любовника, для нее явно не таков:

<...> за других себя забыть готов,

Браг дерзости, — всегда застенчиво, несмело,

Ночь целую с кем можно так провести! [5, 24]

А. И. Солженицын выделяет Софью из затронутой праздностью и пустомыслием молодежи: «<...> не схожая с девушками ее круга <...> самостоятельная и самобытная в решениях, твердая в проведении их, молчаливо-внимательно глядящая на мир и снисходительная к слабостям окружающих <...> обманутая двумя женихами и обиженная даже автором, которому так немного оставалось, чтобы приоткрыть нам ее внутренний свет, сделать одной из любимейших героинь русской литературы» [3, 356–357].

Прочитывая «Горе от ума» в контексте «большого времени», А. И. Солженицын размежевался со сторонниками привязки персонажа к обоснованиям конкретной исторической задачи «бури и натиска», а выделил в образе Чацкого трагическую перспективу деформации духовных доминант православного сознания русского народа: «Грибоедов <...> представил нам тип с самым широким будущим в России <...> Через полстолетия после пьесы Чацкие и Репетиловы заполняют интеллигентские революционные кружки, через столетие — возьмут власть в России» [3, 365]. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголь писал: «Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже освятить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь» [9, 118–119]. Таким образом, критический опыт понимания коме-

дии А. С. Грибоедова «Горе от ума» А. И. Солженицыным, предвосхитившим движение научной мысли, является своеобразным предисловием к *новому пониманию* русской классики, чему и посвящены труды И. А. Есаулова, определяющего вектор развития не только филологии, но и культурологии, сохраняющие национальную идентичность в сложных современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание / И. А. Есаулов. — 3-е изд. — СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2017. — 550 с.
2. Бердникова О. А. Духовные проблемы русской литературы XX века: уч. пособие / О. А. Бердникова. — Ч. 1. — Воронеж: ИД ВГУ, 2016. — 152 с.
3. Солженицын А. И. Протеревши глаза («Горе от ума» глазами ээка) // Солженицын А. И. Протеревши глаза. — М.: Наш дом — L'Age d'Homme, 1999. — С. 344–365.
4. Ничипоров И. Б. «Горе от ума» глазами ээка: Александр Солженицын о комедии А. С. Грибоедова / И. Б. Ничипоров // А. И. Солженицын и русская культура: науч. доклады. — Саратов: Изд-во Сарат. унта, 2004. — С. 132–139.
5. Грибоедов А. С. Горе от ума / А. С. Грибоедов // Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 1. — СПб.: Нотабене, 1995. — С. 9–122.
6. Грибоедов А. С. Загородная поездка (Отрывок из письма южного жителя) / А. С. Грибоедов // Полн. собр. соч.: в 3 т. — Т. 2. — СПб.: Нотабене, 1999. — С. 275–279.
7. Бахтин М. М. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927 / М. М. Бахтин // Собрание сочинений: в 7 т. — Т. 2. — М.: Русские словари, 2000. — С. 213–426.
8. Лопухина-Родзянко Т. А. Духовные основы творчества И. А. Солженицына / Т. А. Лопухина-Родзянко. — Frankfurt a|М.: Посев, 1974. — 182 с.
9. Гоголь Н. В. Духовная проза / Н. В. Гоголь. — М.: Русская книга, 1992. — 560 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Кондратьев А. С., доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru

Анисимов П. Д., студент института филологии

E-mail: poul.anisimov@yandex.ru

*Lipetsk Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University
Kondratiev A. S., Associate Professor of the Russian Language
and Literature Department*

E-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru

Anisimov P. D., student of the Institute of Philology

«ЗЕЛЕНый ШАТЕР» Л. УЛИЦКОЙ КАК КИНОТЕКСТ

Н. С. Короткова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 октября 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается явление кинематографичности литературного текста в произведении Л. Улицкой «Зеленый шатер». Анализируются приемы, с помощью которых автор визуализирует роман, в их числе так называемый «обратный кадр» и изменение динамики повествования.

Ключевые слова: современная русская литература, Людмила Улицкая, «Зеленый шатер», кинотекст, литературная кинематографичность.

Abstract: the article deals with the phenomenon of the cinematic literary text in L. Ulitskaya's novel "the Big Green Tent". It analyzes the techniques using which the author visualizes the novel, including the so-called "flashback" and the change in the dynamics of the narration.

Keywords: modern Russian literature, Ludmila Ulitskaya, "the Big Green Tent", cinematic text, literary cinematography.

В сравнении с многолетней историей таких видов искусств, как музыка, живопись, театр, история кинематографа началась сравнительно недавно. Тем не менее, в XX веке кино становится самым массовым видом искусства. Если в начале прошлого столетия это были немые, черно-белые фильмы, то в нашем, XXI веке, это фантастическое, эффектное за счет компьютерной графики зрелище. С помощью кинокартины режиссер выражает свои мысли, чувства, мнение. «Фильм — это жизнь, с которой вывели пятна скуки» [8, 1620], — сказал когда-то известный режиссер Альфред Хичкок. И это действительно так, ведь качественное кино очаровывает, пленяет, заставляет поразмышлять над различными проблемами в жизни человека или общества. Фильм может оказать огромное влияние на мысли и душу человека. Хорошая кинокартина может послужить толчком к изменениям в жизни людей, заставить их задуматься над тем или иным вопросом.

Создание кинематографа оказало огромное влияние на развитие культуры в дальнейшем. «Литература шире, обстоятельнее, чем другие искусства, отображает действительность, показывает мир в развитии, заключая в рамки романа многообразный материал, который в каждом уме живет собственной жизнью» [9, 38], — вот почему кинематограф устремился к литературе. Без нее он бы оказался только техническим чудом, средством информации, зрелищем. Литература дала кино жизненную силу, которая стала его основой. Киноискусство переняло многочисленные приемы и сюжеты из литературы, пропустило их через свою призму, преобразовало. Этот процесс не мог не заинтересовать исследователей.

Актуальной для изучения представляется проблема взаимодействия литературы и кинематографа в процессе экранизации литературных произведений.

Большой энциклопедический словарь дает четкое определение экранизации: «...интерпретация средствами кинопроизведений другого вида искусства (прозы, драматургии, поэзии, песен, оперных и балетных либретто)» [2, 358]. Отсюда следует, что главное в экранизации — передать заложенное в первоисточнике, используя кинотекст.

В начале XX века кинематограф воспринимали как примитивный способ повествования с помощью средств изображения. Литературное произведение показывалось зачастую слишком утрированно и наиграно. Первые попытки решения этой проблемы были предприняты учеными русской формальной школы В. Б. Шкловским, Б. М. Эйхенбаумом, Ю. Н. Тыняновым и другими. Они рассматривали кинофильм как текст и язык с присущими им механизмами смыслопорождения, были предложены термины киноязыка: киноэпитет, кинометонимия, киносинекдоха, наплыв, ракурс и другие (Ю. Н. Тынянов «Об основах кино»). Таким образом, фильм становится не просто иллюстрацией к литературному тексту, но приобретает самостоятельное значение.

Киновед С. А. Филиппов дает следующее определение понятию «киноязык»: «система средств, позволяющая осуществлять передачу смысла (коммуникацию) с помощью кинематографа [17, 10]. Как и литературный текст, кинотекст должен вызывать в зрителе ответную реакцию, эмоции, чувства. Наиболее полное определение кинотексту дает Р. А. Матасов: «технически дифференцированная динамическая знаковая ситуация, являющаяся совокупностью структурных элементов киноязыка в рамках кинема-

тографического произведения, отправляющая в соответствии с единичной или множественной жанровой установкой определенное эмоциональное сообщение реципиенту в виде синергетической комбинации реализованных в киноповествовании семиотических кодов. Кинотекст характеризуется смысловой завершенностью, интертекстуальностью, полиавторской модальностью и использованием различных стилистических фигур языка кино (кинометафоры, киноэпифоры, параллелизма, эллипса)» [11, 155–165].

Кинотекст является одной из разновидностей креолизованного текста, который имеет свою структурную единицу — кадр — и свой состав. Любой кинофильм состоит из набора кадров, соединенных с помощью монтажа, что схоже с процессом соединения слов в слова и предложения. Исследователь М. А. Ефремова считает, что в составе кинотекста присутствуют две системы: лингвистическая и нелингвистическая. К первой относятся письменный и устный пласты (надписи, присутствующие в фильме, речь героев, слова песни и др.), ко второй — звуковая сторона и видеоряд (музыка, звуки, спецэффекты, пейзаж и др.). Эти две системы, находясь в непрерывном взаимодействии, создают целостное и многогранное произведение.

Существуют два направления в изучении кинематографичности литературных текстов. Первое — это ее поиск в произведениях литературы, созданных до появления кинематографа. Это направление исследовали и анализировали французский кинокритик и историк А. Базен [1], кинорежиссеры М. И. Ромм [14], С. М. Эйзенштейн [19], поэт и литературовед Ю. Н. Тынянов [15, 326–345], а также ученые В. В. Виноградов [3, 236–239], Б. М. Эйхенбаум [20, 55–85].

Во второй половине XX века зарождается до сих пор слабо исследованное второе направление анализа кинематографичности, суть которого — во взаимоотношенности кинематографа и литературы, симбиоз этих видов искусств. Современные исследователи, такие как теоретик кинематографа Ю. Г. Цивьян [18, 206], киновед Н. С. Цукерштейн-Горницкая [6], искусствовед Н. А. Дмитриева, лингвисты Л. А. Новиков и И. А. Мартынова [10], являются авторами ряда научных работ, посвященных этой проблеме. В их исследованиях искусство рассматривается как динамическая система. Авторы считают, что понятие литературной кинематографичности исторически непостоянно и относительно, как и само искусство.

Иногда визуализация текста не связана с воздействием кинематографа на литературу. «Она обусловлена не только и не столько влиянием кинематографа, сколько самой потребностью автора динамизировать изображения наблюдаемого, столкнуть, отстранить его фрагменты в парадоксальном монтажном сопряжении, его желанием руководить восприятием читателя / зрителя, осуществляя неожиданные перебросы в пространстве и времени,

варьируя крупность плана, сжимая или растягивая время текста» [4].

Так же, как и вопрос о влиянии кино на искусство, остается нерешенным до сих пор, так и понятие «литературная кинематографичность» не имеет точного определения. Ю. Г. Цивьян считал, что кинематограф оказал значительное влияние на художественную литературу, литературоведение и в меньшей степени на лингвистику [18]. Т. Г. Можаяева говорит о том, что кинематографичность литературного текста — это совокупность общих характеристик киноискусства и литературы, отражающих характер современного культурного развития [12]. Российский филолог И. А. Мартынова в своей книге «Кинолек русско-русского текста» дает такое определение литературной кинематографичности: «...Это характеристика текста с монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего композиционно-синтаксическими средствами изображается динамическая ситуация наблюдения...» [10].

Многие современные авторы пишут кинематографическую прозу. Людмила Улицкая одна из них. Писательница активно использует кинематографические приемы в текстах своих произведений. Это объясняется желанием Л. Улицкой оказать большее воздействие на эмоции читателя, оставить в его памяти выразительные и колоритные сцены. Кинематографичность романа «Зеленый шатер» Л. Улицкой выражается через особенную динамику сюжета, передающуюся быстрой сменой событий, сцен, через зрительное влияние на читателя, реверс потока времени и перемещения в нем. В романе мы видим странствия героя Ильи Брянского из материального мира в мир подземный. Это происходит во время похорон И. В. Сталина, когда Илья бродит по Москве, погружившейся в траур. Поначалу он находится в окружении «горюющих» граждан, позже попадает в систему подземной канализации. Прием «параллельного монтажа» позволяет Л. Улицкой показать полноту картины, динамичность сюжета, сопоставить события, установить их взаимосвязь, создать атмосферу эмоционального накала.

Свойственный киноискусству прием включения зрителя / читателя в пространство произведения и передача переживаний событий от первого лица происходит в эпизоде романа, когда Оленька рассказывает Тамаре свой сон. Читатель чувствует волнение героини, ее эмоции: «...на огромном ковровом лугу стоит большой зеленый шатер, а к нему тянется длинная очередь, целая толпа народу... Осмотрелась и вижу, что очередь — все сплошь знакомые лица... И собака какая-то прямо мне под ноги катится и вроде улыбается... И вдруг, представляешь, вдалеке, возле самого входа, замечаю Илью... А шатер вроде уже и не зеленый, а золотом отливает... А двери никакой нет, такая толстая ткань, как портьерная, что ли, и этот полог как раз отогнулся,

а оттуда музыка — не могу сказать какая, с запахом таким, какого нельзя вообразить, и как будто светится» [16, 175–176].

Автор использует множество средств для описания душевных страданий своих героев: повтор слов, градацию, синтаксический параллелизм: «Миха, свидетель и, как он считал, виновник этой смерти, все переживал ту минуту, ее молниеносную случайность: вот мелькнувшие в воздухе коньки, вот металлический вопль трамвая и неопрятная куча под трамвайными колесами вместо ничтожного и вредного мальчишки, кривляющегося и скачущего вдоль улицы за минуту перед тем. Жалость огромного размера, превышающая Михину голову, и сердце, и все тело, накрыла его, и это была жалость ко всем людям, и плохим, и хорошим, просто потому, что все они беззащитно-мягкие, хрупкие, и у всех от соприкосновения с бессмысленной железкой мгновенно ломаются кости, разбивается голова, вытекает кровь, и остается одна лишь безобразная куча. Бедный, бедный Мурыгин!» [16, 39].

Также Л. Улицкая использует такой прием, как «авторское повествование», что позволяет ей сопровождать сюжет необходимыми комментариями, уточнениями характеров героев: «...вела дом без устали всю жизнь, как бы и не замечая этого», «легкое веселое руководство, в котором смешивались в золотой пропорции легкомыслие и мудрость, здравый смысл и презрение к нему, доверие к жизни и острый взгляд» или «Маша ни на что не рассчитывала, ни на что не претендовала, тихо любила сына, радовалась».

Автор мастерски описывает происходящее, с помощью чего читатель имеет возможность полностью погрузиться в пространство романа. Она часто обращается к такому известному кинематографическому приему, как «транстрав» (кинематографический спецэффект, получаемый сочетанием поступательного движения камеры вдоль оптической оси объектива и плавного изменения его фокусного расстояния в обратном направлении): «Грузовики еще стояли вдоль улиц, и все напоминало пейзаж после схлынувшего наводнения — растоптанная обувь, шапки, портфели, разлученные навсегда со своими хозяевами, выломанные фонарные столбы, разбитые окна первых этажей. В арке дома — окровавленная стена. Растоптанная собака лежала в подворотне» [16, 63]. Подробное описание деталей, плавное движение «камеры» и драматичность описываемых событий помогают автору вовлечь читателя в происходящее, задают контекст для эмоционального воздействия.

Л. Улицкая часто использует прием под названием «обратный кадр», что позволяет перенестись из настоящего момента повествования в прошлое: действующая сюжетная линия прерывается, и зритель наблюдает действия, происходившие до этого момента времени: «Учитель коротко отвечал. Воспоминания были тягостны» [16, 48] или «Господи,

Нино! Грузинская родня, любимые кузины покойного мужа, из прошлого, из далекого прошлого...» [16, 65]. Такой прием позволяет раскрыть причину событий в настоящем, объяснить поступки героев, их мысли, чувства.

С помощью различных средств языка автор демонстрирует изменения динамики повествования. Восприятие героями романа происходящего такое же, как в кинофильме: «Все, что происходило, каждый прожитый день и час остались, как киноплёнка, годная к новому просмотру: и ловля рыбы с лодки, и ночевка на сеновале, и как влезли на леса в монастыре, и он чуть не сверзился в бездну, но Илья ухватил его за куртку, и ужасная смешная история с пчелой, которую он засунул в рот вместе с куском деревенского пирога с вареньем, а Илья немедленно вытащил пирог прямо у него изо рта, и ловко вытянул из губы пчелиное жало» [16, 153].

Людмила Улицкая является не только автором, но и сценаристом некоторых своих произведений. По ее сценарию сняты фильмы «Сестрички Либерти», «Женщина для всех», «Умирать легко», «Казус Кукоцкого», «Сквозная линия», «Ниоткуда с любовью, или Веселые похороны». Кинематографичность текстов Улицкой напрямую связана с экспрессивным восприятием ею окружающей действительности. Она реалистично, конкретно и детально передает образы героев. В романе «Зеленый шатер» Л. Улицкой описаны люди, у которых есть свои взгляды, чувства, сомнения, поступки и свои грехи. Автор в романе использует понятный язык, он прост и лаконичен и — что немаловажно — кинематографичен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базен А. Что такое кино? / А. Базен // Сборник статей. Пер. фран. В. Божовича (книга I). — М.: Искусство, 1972. — 384 с.
2. Большой энциклопедический словарь — М.: Просвещение, 1997. — 1456 с.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи / акад. В. В. Виноградов; [послел. ак. Д. С. Лихачева]. — М.: Высшая школа, 1971. — 239 с., 1 портр. — (Библиотека филолога). — Указ. имен.: с. 236–239.
4. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: кинотекст / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — Выпуск (2) 22. — Екатеринбург, 2007. — С. 106–110 // <http://philology.ru/linguistics1/voroshilova-07.htm>
5. Всемирная литература и режиссерские уроки С. М. Эйзенштейна: Учеб. пособие / М. М. Владимирова; Моск. гос. ин-т культуры. — М.: МГИК, 1990. — 101 с.
6. Горницкая Н. С. Основные закономерности процесса взаимодействия киноискусства и литературы: автореф. дис. ... докт. искусствоведения / Н. С. Цукерштейн-Горницкая; Всесоюз. гос. ин-т кинематографии им. С. А. Герасимова. — М., 1988. — 49 с.
7. Дмитриева Н. Изображение и слово / Н. Дмитриева — М.: Искусство, 1962. — 322 с.

8. Еремишин О. Афоризмы. Золотой фонд мудрости / О. Еремишин — М.: Просвещение, 2006. — 1695 с.
9. Маневич И. Искусство / И. Маневич — Калифорнийский университет, 1966. — 239 с.
10. Мартыанова И. А. Киновек русского текста: Парадокс литературной кинематографичности. Монография / И. А. Мартыанова. — СПб.: Сага, 2001. — 224 с.
11. Матасов Р. А. Методические аспекты преподавания кино/видеоперевода / Р. А. Матасов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 9. — С. 155–165.
12. Можаяева Т. Г. Кинематографичность как одна из доминант идиостилювого развития современной художественной прозы. / Т. Г. Можаяева // Междунар. науч. — практ. конференция «Проблемы прикладной лингвистики»: сборник статей. — Пенза, 2005. — С. 172–174.
13. Новиков Л. А. Лингвистическое толкование художественного текста / Л. А. Новиков. — М.: Русский язык, 1979. — 250 с.
14. Ромм М. Кинематограф в ряду искусств / М. Ромм // Искусство кино. — 2001. — № 12.
15. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — М.: Наука, 1977. — С. 326–345.
16. Улицкая Л. Е. Зеленый шатер / Л. Е. Улицкая. — М.: АСТ, 2015. — 640 с.
17. Филиппов С. Киноязык и история. Краткая история кинематографа и киноискусства [Электронный ресурс] / С. Филиппов — StudFiles. — 12.06.2018. — Режим доступа [https://studfiles.net/preview/4344647/2018-06-12/] — Дата обращения: 12.06.2018.
18. Цивьян Ю. Г. / Кинематограф как термин литературоведения / Ю. Г. Цивьян. — Таллин: Б. и., 1982. — 206 с.
19. Эйзенштейн С. М. / Монтаж / С. М. Эйзенштейн. — М.: Музей кино, 2000. — 592.
20. Эйхенбаум Б. М. / Поэтика кино. Под ред. Б. М. Эйхенбаума / Б. М. Эйхенбаум. — М., 1927. — С. 55–85.

*Воронежский государственный университет
Короткова Н. С., аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора ВГУ
E-mail: Little-Alessa@yandex.ru*

*Voronezh State University
Korotkova N. S., Postgraduate of the Department of Russian Literature of XXth and XXIst centuries, the Theory of Literature and Folklore
E-mail: Little-Alessa@yandex.ru*

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ КАК ПРЕДМЕТ ОПИСАНИЯ (КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ А. П. ЧЕХОВА)

А. С. Куркина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 августа 2018 г.

Аннотация: в данной статье речь идет о коммуникативной личности А. П. Чехова и предлагается модель ее описания. Автор называет доминантные черты коммуникативной личности Чехова, а также обозначает ряд сложностей, возникающих при исследовании коммуникативного поведения писателя, давно ушедшего из жизни. Основным источником материала автор выбирает письма А. П. Чехова, а в качестве дополнительного источника использует воспоминания современников писателя.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативная личность, коммуникативная личность писателя, коммуникативная личность А. П. Чехова, коммуникативное поведение, модели описания коммуникативного поведения.

Abstract: this article is about the communicative personality of A. P. Chekhov and offers a model of its description. The author describes the dominant features of the communicative personality of Chekhov, and also denotes a number of difficulties arising in the study of communicative behavior of the writer, long gone from life. The main source of the material the author chooses the letters of A. P. Chekhov, and as an additional source uses the memoirs of the writer's contemporaries.

Keywords: linguistic personality, communicative personality, language personality of the writer, language personality of A. P. Chekhov, communicative behavior, models of description of communicative behavior.

Учение о языковой личности с 80-х годов прошлого века и до сих пор не теряет привлекательности. На протяжении нескольких десятилетий ученые-лингвисты используют термин «языковая личность», введенный в научный обиход Ю. Н. Карауловым. Под *языковой личностью* исследователь понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [2, 3].

Языковая личность рассматривается ученым «не только как часть объемного и многогранного понимания личности в психологии, не как еще один из ракурсов ее изучения, наряду, например, с «юридической», «экономической», «этической» и т.п. «личностью», а как вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс» [2, 7].

Однако, несмотря на авторитет Ю. Н. Караулова, до сих пор нет единой, принятой и признанной всеми трактовки этого термина. «Разброс при этом — от субъекта, индивида, автора текста, носителя языка и даже просто информанта (пассив-

ного или активного) до языковой картины мира и знаний о мире, знаний языка и знаний о языке, вплоть до языкового сознания, (национального) самосознания, менталитета народа» [2, 149]. Это замечание В. В. Красных, сделанное в 2001 году, актуально и сегодня.

Все более развивающийся антропоцентрический подход к исследованию языковой личности делает необходимым применять более широкий термин, связанный с коммуникативно-деятельностной стороной личности. Многие исследователи стали использовать другие термины — *речевая личность*, *коммуникативная личность*.

«Речевая личность — личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических)» [3, 51]; «если языковая личность — это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность — это языковая личность в парадигме реального общения» [4, 58].

В. И. Карасик разграничивает языковую и коммуникативную личность: «языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность — обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [5, 26]. Применительно к коммуни-

кативной личности ученый выделяет ценностный, познавательный и поведенческий планы этого понятия [5, 26].

В. Б. Кашкин под коммуникативной личностью понимает совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации как коммуникативная компетенция индивида, его «коммуникативный паспорт». Коммуникативная личность — содержание, центр и единство коммуникативных актов, которые направлены на другие коммуникативные личности, — коммуникативный деятель [6, 127].

Таким образом, коммуникативная личность может быть определена как личность, которая характеризуется определенным коммуникативным поведением. Описание конкретного коммуникативного поведения определенной личности и есть описание данной коммуникативной личности. Языковые особенности личности входят в ее коммуникативную личность как отдельный аспект.

Большой интерес представляет описание коммуникативной личности известных в прошлом лиц. Для их описания нужна определенная методика. В частности, может быть использована методика описания коммуникативного поведения, предложенная в работе И. А. Стернина «Модели описания коммуникативного поведения» [7].

Возможны три основные модели описания коммуникативного поведения народа и личности: *ситуативная, аспектная, параметрическая*.

Все три модели призваны обеспечить системность описания коммуникативного поведения, но различаются своим назначением.

Ситуативная модель предполагает описание коммуникативного поведения в рамках стандартных коммуникативных ситуаций (*приветствие, извинение, вступление в контакт, выход из общения* и др.) и коммуникативных сфер (*общение в гостях, общение в коллективе, общение по телефону, общение с детьми* и т.д.). Ситуативная модель строится на эмпирическом материале.

В ситуативной модели отдельно рассматривается вербальное и невербальное коммуникативное поведение.

Аспектная модель предполагает описание коммуникативного поведения в рамках выделенных исследователем априори аспектов, основные из которых — вербальный и невербальный, а также продуктивный, рецептивный, нормативный и реактивный.

Параметрическая модель предполагает достаточно формализованное описание коммуникативного поведения на основе некоторой заданной исследователем совокупности факторов, параметров и признаков, по которым может быть описано коммуникативное поведение.

Параметрическая модель удобнее для сопоставления, а также для выявления доминантных черт коммуникативного поведения личности. Ситуативная модель удобнее для полного, развернутого представления коммуникативного поведения какого-либо народа. Аспектная модель носит промежуточный характер.

Ситуативная модель наиболее содержательна, информативна и удобна для начального этапа исследования, параметрическая же в ее формализованном виде позволяет кратко подвести итоги исследования.

Нами в нашем исследовании используется модифицированная с учетом предмета исследования параметрическая модель описания, примененная к описанию коммуникативной личности писателя А. П. Чехова.

При исследовании коммуникативной личности писателя (не нашего современника) возникает ряд сложностей. Основная трудность заключается в том, что судить о коммуникативной личности человека, давно ушедшего из жизни, приходится лишь по его письмам и по воспоминаниям современников. Опираясь на письма как основной источник информации исследователям надо с известной осторожностью, беря во внимание особенности эпохи, своеобразие личности писателя, его следование законам эпистолярного жанра своего времени, степень его открытости с адресатом, а также и то, что его эпистолярное наследие может быть невелико или не все интересующие нас документы нам известны.

Необходимо учесть и то, что мы имеем дело не с устной речью писателя, а письменной. Спонтанность речи и богатство ее интонационного оформления, а также паралингвистическая информация (связь с мимикой и жестами, с дистанцией собеседника) будут утеряны. Необходимо помнить и о том, что временная продолжительность продуцирования письменного текста гораздо больше, чем устного, поэтому у пишущего большая осознанность в плане оформления речи. У него всегда есть возможность несколько раз вернуться к разным частям текста, подумать, проговорить про себя, оценить адекватность речевых средств, коммуникативных стратегий и тактик.

Некоторые из перечисленных упущений могут восполнить воспоминания современников. Однако и здесь надо учитывать определенную долю субъективности в их оценках. В связи с этим возникает еще одна сложность — достоверность сведений приходится проверять путем сравнительного анализа.

Несмотря на перечисленные трудности исследования, мы предполагаем, что объективное описание коммуникативной личности писателя по письменным источникам вполне возможно. Первым шагом к описанию должно быть, на наш взгляд, построение параметрической модели коммуникативной личности писателя. Указанная модель предполагает опи-

сание коммуникативного поведения писателя по нескольким релевантным параметрам, выделенным исследователем.

Научных изысканий относительно коммуникативного поведения А. П. Чехова немного. В основном ученых интересует язык писем писателя в отрыве от его личности или же изучается какой-либо жанровый признак или один из способов выражения речевого этикета в его частных письмах, например использование начальных обращений [8]. Большая часть исследований посвящена изучению проблемы коммуникации на материале художественных текстов писателя [9; 10; 11, 12]. Однако в чеховских письмах мы находим массу примеров разнообразных коммуникативных тактик и ходов, применяемых писателем для достижения различных коммуникативных целей, позволяющих описать доминантные черты его коммуникативной личности.

Писатель оставил нам богатое эпистолярное наследие: всего сохранилось около 4400 писем, написанных в течение 29 лет — с 1875 по 1904 год. Для исследования нами были взяты письма, написанные в течение почти 20 лет: с 1875 г. по 1897 г. включительно.

Кроме писем, составивших основной материал исследования, сохранилось также и большое количество воспоминаний современников, взятых нами как дополнительный материал. Огромный объем исследовательского материала дал нам возможность провести классификацию, выявить типичные черты коммуникативного поведения писателя и в наибольшей степени приблизиться к объективному описанию его коммуникативной личности.

Письма писателя — наиболее надежный источник, так как воспоминания его современников фрагментарны, окрашены субъективной оценкой, избирательны, часто отражают случайные, ситуативные проявления коммуникативного поведения А. П. Чехова. В связи с этим воспоминания современников нами использовались как вспомогательный материал.

Приведем результаты исследования — описание коммуникативного образа Чехова, формирующегося на основе описания доминантных черт его коммуникативной личности (признаки приводятся по убыванию их яркости в структуре коммуникативной личности писателя):

Высокая общительность, повышенное стремление к общению — письменному и устному.

Стремление к использованию юмористического регистра общения в большинстве коммуникативных ситуаций.

Стремление к нестандартным формам вступления в общение и завершения общения, к нестандартным формам выражения мысли в целом.

Этикетная вежливость с элементами неформальных отношений.

Соединение «высокого» и «низкого» в общении.

Преобладающий интерес к литературно-культурной, природной и географической тематике общения.

Высокая коммуникативная оценочность, стремление оценивать людей, города, народы, природу, погоду, театральную, городскую, курортную публику, критиков и газетчиков, интеллигенцию, литературные произведения и театры.

Категоричность высказываемых оценок, преобладание негативных оценок.

Высокая требовательность как литературного критика, допускающая категоричные и бранные негативные оценки.

Высокая доминантность в общении с родными и близкими друзьями, высокая императивность, нравоучительность и морализаторство.

Высокая откровенность в обсуждении бытовых вопросов и низкая в характеристике своего душевного состояния.

Сдержанная реакция на бытовые проблемы.

Невысокая частотность обращения с просьбами и поручениями, преобладание шуточных, неформальных средств обращения с просьбой.

Склонность к иронической и уничижительной самопрезентации.

Стремление высоко оценивать мужчин по уму, таланту, интересу как собеседника и снисходительно оценивать женщин по внешности, интеллектуальным и творческим способностям.

Резкая негативно-эмоциональная реакция на заочную критику и на неумеренную похвалу, почести.

Нелюбовь к публичным выступлениям.

Допустимость резкого, категорического уклонения от общения с нежелательным собеседником.

Высокая языковая креативность, широкое использование языковой игры со словами, с языком в целом.

Сдержанное невербальное поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность. — М.: Наука, 1989. — С. 3–8.
2. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В. В. Красных. — М.: ИТДГК Гнозис, 2001. — 270 с.
3. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — М.: ИТДГК Гнозис, 2003. — 375 с.
4. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. — М.: ИКАР, 1997. — 228 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
6. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации / В. Б. Кашкин. — Воронеж: Изд-во ВТГУ, 2000. — 175 с.
7. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. — // <http://sterninia.ru/>

index.php/izbrannye-publikatsii/item/242-modeli-opisaniya-kommunikativnogo-povedeniya.

8. Захарова В. Е. О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А. П. Чехова / В. Е. Захарова // Языковое мастерство А. П. Чехова. — Ростов-на-Дону: Изд. Ростовск. университета, 1988. — С. 110–115]

9. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А. Д. Степанов. — М.: Языки славянской культуры,

2005. — 400 с.

10. Pervukhina Natalia. Anton Chekhov: The Sense and the Nonsense / Natalia Pervukhina. — N.Y., 1993.

11. Jędrzejkiewicz Anna. Opowiadania Antoniego Czechowa — studia nad porozumiewaniem się ludzi / Anna Jędrzejkiewicz. — Warszawa, 2000.

12. Pitcher Harvey J. The Chekhov Play: a New Interpretation / Harvey J. Pitcher. — Leicester, 1973.

Воронежский государственный университет

Куркина А. С., старший преподаватель кафедры гуманитарных наук и искусств

E-mail: allkurkina@yandex.ru

Voronezh State University

Kurkina A. S., Senior Lecturer of the Humanities and Arts Department

E-mail: allkurkina@yandex.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Н. А. Лемяскина

Институт развития образования

Поступила в редакцию 10 сентября 2018 г.

Аннотация: целью данного исследования является изучение использования прецедентных феноменов младшими школьниками (с 1 по 4 класс), определяются источники прецедентов и их роль в формировании национальной картины мира у младших школьников

Ключевые слова: младший школьник, прецедентные феномены, языковое сознание.

Abstract: the purpose of this study is to study the use of precedent phenomena by junior schoolchildren (grades 1 to 4), identify sources of precedents and their role in the formation of the national picture of the world in younger schoolchildren

Keywords: junior schoolchild, precedent phenomena, linguistic consciousness.

Среди наиболее существенных свойств современной коммуникации необходимо отметить интертекстуальность (использование в тексте других текстов), образность, установку на языковую игру и эмоциональное воздействие на адресата [1, 8]. И если ранее употребление в речи пословиц, поговорок, крылатых слов, имён, цитат было в основном направлено на украшение речи, то сейчас это осмысливается как социокультурный феномен. Знание таких текстов свидетельствует о принадлежности человека к определённой социально-культурной группе, своей нации, эпохе, является показателем высокой речевой и общей культуры. Напротив, незнание прецедентных текстов, по мнению Ю. Н. Караулова, признак невысокой культуры речи индивида, предпосылка отторженности его от культуры своего народа [2, 216]. Поэтому исследователи все чаще обращаются к изучению функционирования прецедентных текстов в речи современных носителей языка.

Теория прецедентности — одно из активно развивающихся направлений современной лингвистики. Г. Г. Слышкин понимает прецедентные тексты шире, сняв ряд ограничений, выделенных Ю. Н. Карауловым. По мнению Г. Г. Слышкина, можно говорить о текстах, прецедентных для узкого круга людей — для малых социальных групп (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы). Кроме того, существуют тексты, которые становятся прецедентными на относительно короткий срок и не только не известны предшественникам данной языковой личности, но и выходят из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (рекламный ролик, анекдот) [3, 353]. Каждый народ (или социальная группа) отбирает те прецедентные тексты, которые соответствуют его нравственным ценностям, мировосприятию и мировоззрению.

В настоящее время в лингвистике изучаются канонизированные и неканонизированные прецедентные феномены. К канонизированным относятся прецедентные феномены, которые человек обретает в результате целенаправленного обучения. К ним относятся тексты из школьных программ, учебников и т.д. Неканонизированные прецедентные феномены употребляются носителями русского языка, как правило, в устной речи, в ситуациях неофициального общения. Источниками неканонизированных прецедентных феноменов могут быть известные произведения искусства или литературы, не причисляемые к разряду классических, другие объекты культуры (анекдоты, рекламные тексты, популярные теле- и радиопередачи и т.д.). Как правило, знание такого объекта культуры является приобретенным случайно, не целенаправленно, и его популярность кратковременна (5–8 лет) [4, 234].

Изучение нами развития языковой личности младшего школьника (с 1 по 4 класс) показывает частотность использования прецедентных феноменов (ПФ) детьми (48% учащимися 1 класса, 65% учащимися 2 класса, 25% опрошенных 3 класса, 52% детей 4 класса), прецедентные феномены являются важной частью их лексикона. Дети используют ПФ для повышения убедительности, авторитетности своего высказывания, самопрезентации, для них это языковая игра. Наиболее часто используют ПФ с друзьями, одноклассниками, родителями, реже — с учителем.

Важным этапом исследования прецедентности является обращение к источникам прецедентности исследуемой группы, что может дать интересный материал для оценки жизненного опыта, эрудиции, речевого мастерства адресанта. Нельзя не согласиться с Е. А. Нахимовой, которая утверждает: «Все отчетливее в массовой коммуникации прослеживается тенденция к сокращению аллюзий, ориентированных

на знакомство с текстами классической литературы, и активизации отсылок к максимально простым и общедоступным источникам прецедентности». [5, 47], что, безусловно, сказывается на частотности использования классики детьми.

Проведенное исследование (анкетирование 147 учащихся 1–4 классов) показывает, что роль классических произведений как источника прецедентности для младших школьников невелика. Наибольший процент от общего числа используемых прецедентов составляют пословицы и поговорки 48% (*Один за всех и все за одного. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Повторение мать учения*). На наш взгляд, это связано с изучением пословиц в начальной школе, они широко представлены в учебниках по различным предметам (азбука, русский язык, литературное чтение).

Дети разговаривают на перемене.

— Я вчера уроки делал до двенадцати ночи.

— А я сразу делаю, когда из школы прихожу. Сделал дело, гуляй смело! (Андрей К., Никита В. 3 кл.)

Невысок процент употребления текстов из мультфильмов — 19% (*Ребята, давайте жить дружно! Ну, погоди! Куда идем мы с Пятачком, большой-большой секрет! Я такая скорая на помощь!*), исключение составляет 3 класс (35%).

Учитель просит Веру раздать тетради.

— Спасибо, Вера, так быстро раздала!

— Ой, я такая скорая на помощь! (Складывает руки на груди)

(Вера, 3 кл., м/ф «Маша и медведь»)

Реклама как источник прецедентности составляет 18% (*Сникерсни, не тормози! Помощь маме — фрутоняня!*).

Приведем примеры.

1. Миша на детской площадке хвалится друзьям, что ему разрешили гулять на целый час дольше. Друг удивляется.

— Как тебе это удалось?

— У меня по контрольной пять, пятёрочка — народное средство! (показывает пять пальцев на руке). (Миша, 4 кл.)

2. На уроке изобразительного искусства дети обсуждают рисунки, которые берут на выставку.

— Мне нравится рисунок Маши, он такой яркий.

— Мегафон, живи на яркой стороне! (улыбается, гордится собой).

(Маша, 3 кл.)

Источниками ПФ являются также тексты из кинофильмов (*Собака лучший друг человека*), детских (*Чунга-Чанга весело живет, От улыбки хмурый день светлей*) и современных популярных песен (*Уходи*

и дверь закрой, Земля в иллюминаторе), не используются крылатые слова.

Приведем примеры.

1. Дети строятся парами, чтобы идти в столовую. — *Вместе весело шагать по просторам!*

(Артём, 1 кл.)

2. Учитель объявил детям, что после Новогоднего представления будет дискотека. Дети обрадовались.

— *Ура! Малинки, малинки, крутые вечеринки!*

(Оля, 3 кл., «Малинки» Дискотека Авария)

Наблюдение показывает, что с родителями и друзьями младшие школьники используют прецедентные имена из мультфильмов: *Кот Леопольд, Карлсон* (друг), *Колобок, Пумба* (папа), *Белоснежка, Пчела, Цветик-Семицветик, Фея* (мама), *Дюймовочка* (младшая сестра), *Потаньч* (дедушка). Выбор имени зависит от совпадения личных качеств героя и человека, которому дают имя.

Исследование показывает, что младшие школьники (1–4 класс) достаточно часто используют прецедентные феномены, причем в детском языковом сознании преобладают ПФ, источниками которых являются мультфильмы, тексты рекламы, песен, пословицы, реже тексты литературных произведений, фильмов. Педагоги и родители младших школьников, на наш взгляд, для пополнения их общекультурных знаний как на уроках, так и в повседневном общении должны обратить внимание на использование не только пословиц и поговорок, но и цитат известных людей, фраз из художественной литературы, художественных фильмов и т.п.

Таким образом, исследование подтверждает, что прецедентные феномены являются важной составляющей детской картины мира, имеют значение для формирования национальной картины мира, приобщения детей к национальной культуре и национальным традициям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нахимова Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург, 2004. — Т. 13.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — 171 с.
3. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000. — 128 с.
4. Красных В. В. Основы психолингвистики и основы коммуникации. — М.: ИТДГК Гнозис, 2001. — 270 с.
5. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, УрГПУ, 2007. — 207 с.

СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ СИТУАЦИЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ РЕЧИ

О. С. Незнаева

Государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Поступила в редакцию 9 июля 2018 г.

Аннотация: в статье представлены случаи употребления прецедентных феноменов в разговорной речи. На основе диктофонных записей выявляется, какие способы актуализации прецедентных ситуаций встречаются в речи студентов. Устанавливается, что данный вид прецедентных феноменов возникает в процессе коммуникации посредством прецедентных имен, прецедентных высказываний и их атрибутов или характеристик.

Ключевые слова: прецедентный феномен, актуализация, прецедентная ситуация, разговорная речь студентов

Abstract: this article represents cases of use of precedent phenomena in oral speech. Based on the dictophone records, the features of actualization of this kind of precedent phenomena in students' speech are revealed. It is established that this kind of precedent phenomena arises in the process of communication through precedent names, precedent statements and attributes or characteristics of it.

Keywords: precedent phenomena, actualization, precedent situation, students' oral speech

В процессе коммуникации основной задачей человека является передача информации, достижение понимания и выражение своей точки зрения. Г. Г. Слышкин утверждает, что любое общение возникает только при существовании некоего общего основания. Другими словами, в каждой ситуации общения есть общие для всех участников коммуникации мысли, интересы, ожидания и т.д. [1]. Они могут быть представлены в виде известных имен, цитат из любимых книг и фильмов. Это особые знаки, которые хорошо знакомы носителям одного языка, употребление их в речи способствует актуализации знаний, связанных с их прошлым культурным опытом. Они могут быть вербальными (тексты) и невербальными (произведения изобразительного искусства, музыки) [2]. Такие единицы принято называть прецедентными феноменами (далее ПФ).

Говоря о ПФ, следует заметить, что они могут быть в разной степени известны представителям одного лингвокультурного сообщества. В. В. Красных на основании этого признака в своей работе «"Свой" среди «чужих»: миф или реальность?» выделяет три разновидности ПФ:

Универсально-прецедентные феномены — феномены, которые входят в общую когнитивную базу и понятны всем образованным жителям Земли.

Национально-прецедентные феномены — феномены, известные всем носителям одной этнокультурной группы.

Социально-прецедентные феномены — феномены, знакомые представителям одной социальной группы [3].

Мы занимаемся изучением ПФ в студенческом общении на материале диктофонных записей речи студентов Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Студенчество при этом рассматривается как малая социальная группа, «... члены которой объединены общей социальной деятельностью и находятся в непосредственном личном общении, что является основой для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и групповых процессов» [4, 148]. В связи с таким пониманием студенческой аудитории можно говорить о ПФ, функционирующих при коммуникации внутри этой группы людей. Важно заметить, что они могут быть как универсально- или национально-прецедентными, так и социально-прецедентными. Мы рассматриваем все три типа ПФ, так как все они узнаваемы представителями рассматриваемой группы людей и обладают определенной ценностной значимостью.

Сегодня большинство исследователей выделяет четыре вида ПФ: прецедентный текст (далее ПТ), прецедентную ситуацию (ПС), прецедентное высказывание (ПВ) и прецедентное имя (ПИ).

ПС — эталонная ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу. Это может быть когда-либо происходившая в действительности или созданная в произведениях искусства ситуация (например, *Ходынка*, *Смутное время*) [5, 47].

ПТ — законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Среди ПТ выделяют политические публицистические тексты,

художественные произведения (например, «Евгений Онегин», «Война и мир»), тексты рекламы, песен и т.п. [5, 47–48].

ПИ — индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся чаще всего к числу прецедентных (например, *Печорин*, *Теркин*), или с ситуацией, известной носителям языка (например, *Иван Сусанин*). При употреблении ПИ происходит апелляции не ко всей личности, а только к определенному набору его определенных качеств, дифференциальных признаков [5, 48]. ПИ может содержать знания о реальной исторической личности или о герое литературного произведения [6].

ПВ — законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. ПВ часто воспроизводятся в речи носителей одного лингвокультурного сообщества. В число ПВ входят цитаты из разных текстов (например, «*Не спится, няня!*», «*Ждем-с!*») и пословицы (например, «*Тише едешь — дальше будешь*») [5, 49].

Группа московских ученых, среди которых Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных, полагает, что разные виды ПФ имеют разные формы существования в когнитивной базе (структурированной совокупности всех знаний, хранящихся в нашем сознании). Все ПФ условно можно разделить на две группы. В первую входят ПИ и ПВ. Эти феномены хранятся в сознании в виде вербальных инвариантов восприятия, имеют четко фиксированную структуру (например, *Сталин*, *Человек-паук*, *Золушка*, «*Не выходи из комнаты, не совершай ошибки*», «*Перемен требуют наши сердца*» и т.д.). ПС и ПТ можно отнести ко второй группе феноменов. Они являются «вербализуемыми», то есть феноменами, которые приобретают определенную форму в процессе коммуникации [7]. Исходя из этого, ученые утверждают, что ПТ и ПС не могут непосредственно участвовать в ситуации общения, они используются опосредованно, актуализируясь через вербальные ПФ или атрибуты и характеристики. Целью данной статьи является рассмотрение случаев употребления ПС и выявление особенностей их актуализации в процессе коммуникации. Рассматривая особенности актуализации ПС, следует отметить, что ПС могут быть генетически связаны или не связаны с определенным ПТ. В статье будут рассмотрены обе группы ПС.

Д. Б. Гудков утверждает, что актуализация ПС «происходит при её сопоставлении с той или иной ситуацией речи» с помощью вербальных ПФ: ПИ и ПВ [8, 40].

Рассмотрим сначала случаи, когда ПС актуализируется в речи студентов через ПИ. ПИ может представлять собой обобщенное название ситуации (*Бородино*, *холодная война*). Например, студентка рассказывает подруге об изменении отношений с молодым человеком: *У нас тогда с Антоном наступила оттепель*,

а потом был застой // . В данном случае актуализация ПС происходит с помощью слов *оттепель* и *застой*. Эти национально-прецедентные феномены не связаны с ПТ, представляют собой названия двух периодов истории СССР, характеризующихся как время свободного развития творческих инициатив (*оттепель*) период стагнации (*застой*). Такие обобщенные названия ПС помогают студентке выразить общее значение сложившейся ситуации в её личной жизни, не прибегая к подробностям.

ПИ, обобщенно называющее ситуацию, может быть также связано с определенным ПТ. К примеру, студентка жалуется подруге на глубокие лужи, появившиеся после таяния снега: *Да у нас тут как обычно/ Девятый вал // Доплыть бы до универа* // . В данном случае ПИ *Девятый вал* генетически восходит не к реальному историческому событию, а к картине Айвазовского «Девятый вал». Употребленное ПИ обобщенно называет ситуацию стихийного бедствия. В данном случае можно сказать, что кроме актуализации ПС происходит и актуализация ПТ посредством ПС и ПИ.

На основании проведенного анализа собранного материала можно отметить, что такие примеры, в которых ПИ представляет собой обобщенное название ситуации, встречаются в речи студентов довольно редко. Чаще всего ПС актуализируется через ПИ, которое называет участников ПС. Например, студент предлагает другу подождать его в условленном месте, пока он будет решать свои проблемы в административном корпусе, однако собеседник отказывается, предлагая пойти вместе:

— *Можешь меня тут подождать* //

— *Нет // Я пойду с тобой и буду ждать у всех дверей как Хатико* // .

В данном случае видим, что студент, употребляя универсально-прецедентный феномен Хатико, актуализирует ПС, связанную с этим именем. Как известно, пес Хатико ждал своего хозяина даже после его смерти. Таким образом, говорящий стремится «сыграть» роль Хатико и тем самым показывает свою готовность поддержать друга. В приведенном примере нельзя с точностью сказать, связана ли данная ПС с ПТ. Можно предположить, что она знакома коммуникантам как реальная ситуация, или они узнали её из фильма, снятого по этому сюжету.

Следует подчеркнуть, что данное ПИ в сознании носителей языка соотносится только с одной ПС. Однако часто студенты прибегают к использованию ПИ, которые связаны с несколькими ситуациями. Для того, чтобы собеседник понял, о каком именно случае идет речь, коммуникант помимо ПИ использует дополнительные маркеры, способствующие правильному восприятию сообщения.

В роли подобных маркеров могут выступать обобщенное описание ПС или определенная лексема, наводящая адресата сообщения на нужное значе-

ние. Например, девушка рассказывает друзьям, как она вместе с подружкой нашла в Энгельсе нужное место только благодаря молодому человеку, который хорошо знал незнакомый для девушек город и вывел их: *Илья вел нас вчера как Гендальф* ///. В сознании носителей языка ПИ *Гендальф* связано с разными ПС, описанными в трилогии Дж. Р. Толкина «Властелин колец». Он предстает в разных ролях: могущественного волшебника, мудрого старца, хорошего поводыря, надежного защитника и т.д. В данном примере лексема *вел* помогает адресату сообщения правильно понять, какая именно ПС актуализируется в данном случае: *Гендальф* умело помогал проходить братству кольца через самые опасные места в Средиземье. Эта ПС генетически восходит к ПТ, поэтому при употреблении ПИ *Гендальф* происходит актуализация как ПС, так и связанного с ней ПТ.

ПС могут актуализироваться не только через ПИ, но и при помощи ПВ. Как правило, в отличие от имен, ПВ связано с конкретной ситуацией, так что достаточно употребления ПВ, чтобы собеседник понял, о какой ситуации идет речь. Рассмотрим пример: девушка решает съесть пирожок, который она сама приготовила: *Я тебя породил / я тебя и съем* ///. В данном случае актуализация ПС происходит через употребление ПВ, которое связано с ситуацией, когда Тарас Бульба решает убить своего сына. Выражение в данном контексте приобретает комический оттенок.

То же можно наблюдать в другом примере: молодой человек рассказывает друзьям, как он, хорошо играя в кикер, неожиданно для себя чуть не проиграл: *Я уже думал я бог кикера / а тут // Штирлиц еще никогда не был так близок к провалу* //. Студент актуализирует ПС через ПВ. Стоит заметить, что практически во всех приведенных примерах актуализация ПС приводит к трансформации смысла исходного ПФ (с помощью него создается комический эффект). Это достигается за счет употребления высокой, часто трагической по значению ПС в бытовом контексте, отражающем события жизни коммуникантов.

Довольно часто можно наблюдать коммуникативную ситуацию, в которой способом актуализации ПС являются ПИ и ПВ, употребленные вместе. В таких случаях ПВ не имеет хорошо узнаваемой формы и может быть воспринято как обычное предложение в прямом значении. Употребление рядом с ним ПИ помогает адресату понять, о какой именно ситуации идет речь. Рассмотрим пример: девушка предлагает подружке конфету, но та не может взять её в этот момент, так как должна ненадолго выйти, и просит сохранить предложенное лакомство до её возвращения. Третья девушка иронично предлагает свою помощь в этом деле:

— *На конфету* //

— *Спасиб о// Можешь её пока положить куда-нибудь / я вернусь и съем* //

— *Куда тебе её положить?* //

— *Давай мне // Я её спрячу // Как котенок Гав //*

В данном случае третья девушка, употребляя ПИ *котенок Гав*, которое связано с несколькими ПС, относящимися к ПТ «Котенок по имени Гав», использует фразу *Я её спрячу*, которая наталкивает адресата сообщения на правильное понимание ситуации (в одном из эпизодов мультфильма котенок Гав предлагает своему другу Шарiku посторожить котлету, спрятав её в самое надежное место, в свой живот).

Таким образом, проанализировав полученный материал, можно сделать вывод, что в речи студентов актуализация ПС происходит с помощью ПИ, ПВ или атрибутов и характеристик ПФ. При этом ПИ могут представлять собой как наименование самой ситуации, передающее его наиболее обобщенное значение, так и имена персонажей, значимых для данной ситуации. Использование последних чаще всего можно встретить в речи студентов. При этом молодые люди будто играют роль известных личностей, связывая определенные события с ситуациями из своей жизни. Следует также отметить, что в абсолютном большинстве случаев ПС, которые употребляют студенты, связаны с ПТ. Это значит, что в процессе коммуникации происходит актуализация ПТ посредством ПС, ПИ, ПВ и характеристик ПФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — М.: Academia, 2000. — 141 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010. — 7-е изд. — 264 с.
3. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 375 с.
4. Андреева Г. М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 290 с.
5. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс / В. В. Красных. — М.: Гнозис, 2002. — 256 с.
6. Захаренко И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов / И. В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация. — 1997. — Вып. 1. — С. 104–113.
7. Багаева Д. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Язык. Сознание. Коммуникация. — М., 1997. — Вып. 1. — С. 82–103.
8. Гудков Д. Б. прецедентная ситуация и способы ее актуализации / Д. Б. Гудков // Язык. Сознание. Коммуникация. — М., 2000. — Вып. 11. — С. 40–41.

Институт филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Незнаева О. С., аспирант кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного

E-mail: osneznaeva@gmail.com

Saratov State University

Neznaeva O. S., Postgraduate Student of the Department of Russian Language, Speech Communication and Russian as a Foreign Language

E-mail: osneznaeva@gmail.com

НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ КАК ОСНОВА ТРОПОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА И. А. БУНИНА

М. В. Панова, Фам Май Фыонг

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 мая 2018 г.

Аннотация: данная статья посвящена анализу наименований одежды, составляющих основу тропов и их роли в отражении художественной картины мира И. А. Бунина на материале его прозы.

Ключевые слова: наименования одежды, тропы, проза, художественная картина мира.

Abstract: the given article is devoted to denomination of dress as foundation of tropes and their role in repulsing the world of I. A. Bunin's artistic picture based on materials of his prosaic texts.

Keywords: denomination of dress, trope, prose, artistic world picture.

На современном этапе развития общества мир рассматривается с разных точек зрения, что приводит к становлению множества частных картин мира. Среди них особое место занимает художественная картина мира (ХКМ). З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают, что художественная картина мира является вторичной картиной мира, которая появляется в сознании читателя при восприятии им художественного произведения [1, 40]. Особенность ХКМ заключается в подборе содержательных элементов, языковых средств и индивидуальном использовании образных средств (система тропов) [там же].

И. А. Бунин своеобразно использует многочисленные средства изобразительности в целях создания художественной картины мира. Он достиг высокого мастерства в изображении людей и природы, где «каждое слово образно, душисто и, в особенности, красочно» [2]. В ряде языковых средств изобразительности незаменимую роль играют тропы. По В. Н. Ярцевой, «тропы (от греч. *troros* — поворот, оборот, оборот речи) — такие обороты (образы), которые основаны на употреблении слова (или сочетания слов) в переносном значении и используются для усиления изобразительности и выразительности речи [3, 520]. В рамках данной статьи рассматриваются тропы на базе наименований одежды из прозаических произведений И. А. Бунина.

Исследователи отмечают, что «характерной чертой уникальной авторской манеры И. А. Бунина является использование сравнений в описании внешнего облика человека» [4, 84]. Так, в повести «Деревня» автор описывает образ нищего и больного караульщика: «*Чахоточный Митрофан, человек небольшого роста, широкий и темнолицый, весь в мокром отрепье и опорах, сбитых и жестких, как старое лошадиное копыто, стоял возле пекаря...*» [5, т. 3, 86]. Сравнивая сбитые опорки Митрофана со старым копытом лошади, автор раскрывает трагическую судьбу крестьян того

времени: их бедность, измученность тяжелой жизнью и упадок духа. Сам главный герой Тихон Красов, переживающий настоящую драму своего существования, горько кричит: «*Пропала жизнь, братуша! Была у меня, понимаешь, стряпуха немая, подарил я ей, дуру, платок заграничный, а она взяла да и истаскала его наизнанку [...] Жалко налицо по будням носить, — праздника, мол, дождусь, — а пришел праздник — лохмотья одни остались... Так вот и я... с жизнью-то своей*» [5, т. 3, 125]. Он сравнивает свою жизнь с платком, изношенным кухаркой наизнанку в ожидании праздника.

Кроме сравнений, И. А. Бунин употребляет и метафору при описании окружающего мира. В цикле рассказов «Тень птицы» изображен образ Востока во всех проявлениях и признаках. Наиболее часты метафоры с использованием названий мужских головных уборов: «*Сколько кладбищ, затерявшихся между садами, мечетями и стенами, сколько кипарисов с голыми стволами телесного цвета и могильных белых столбиков в чалмах и золотых надписях...*» [5, т. 3, 321]; «*Мечети плечисты, полосаты, как абай, все в огромных и пестрых куполах-тюрбанах*» [5, т. 3, 349]. Традиционные головные уборы восточных мужчин — чалма «длинный кусок материи, обернутый несколько раз вокруг головы и служащий у мусульман мужским головным убором» [6, т. 4, 1234]; тюрбан «мужской головной убор восточных народов из большого куска легкой материи, обмотанной несколько раз вокруг фески, тюбетейки» [6, т. 4, 842]. Во втором примере лексема купол-тюрбан отражает «не только атрибут мусульманского храма, сравнение купола мечети с одеванием головы человека обозначает храм как главное вместилище интеллектуальной и духовной силы мусульманского Востока» [7, 339]. Рядом с метафорой представлено сравнение: «*мечети плечисты и полосаты как абай*», что изображает восточные мечети, похожие на полосатые арабские плащи (абай) по внешности.

Среди используемых И. А. Буниным тропеических средств особое место занимает метонимия. И. А. Бунин

отдает предпочтение метонимии при характеристике массовых сцен: «Там я долго мерз на паперти, пока наконец увидал среди белой сельской улицы **белые зипуны** и белый большой гроб из нового тесу» [5, т. 2, 218]. Белые зипуны указывают на русских крестьян, так как их носят только крестьяне в дорогу или ненастьи [9, 154]. В «Суходоле» посредством метонимии И. А. Бунин правдиво и образно характеризует портреты грубых, глупых калужских баб и девок: «Осенью пригоняли на косьбу, на молотьбу калужских баб и девок, которых звали за их пестрые сарафаны **«распашонками»**. Но **распашонки** Наташка чуждалась: слыли они распутными, дурноболезными, были грудасты, охальны и дерзки, ругались скверно <...> **Распашонки затягивали** своими грубыми голосами, **подхватывали** их не в меру дружно и зычно, с ёканьем и свистом» [5, т. 3, 169]. В романе «Жизнь Арсеньева» автор обращает внимание на одежду знатных представителей города: «К собору отовсюду сходятся и съезжаются другие «ведомства», то есть опять **мундиры, ордена, треуголки, жирные эполеты**» [5, т. 6, 67–68]. Образ чужих колпаков в «Деревне» тесно связан с турками, что напоминает читателям о русско-турецкой войне (1877–1878 гг.): «С большой болью сознавал он [Кузьма] потом, сколько тупости, невежества было в таких виришах и чего стоит этот хамский язык, это русское презрение к **чужим колпакам!**» [5, т. 3, 67].

В ряду лексических средств образительности важную роль играют эпитеты. В сочетаемости с наименованиями одежды в качестве эпитетов выступают прилагательные. С их помощью автору удалось усилить выразительность образа старухи-крестьянки в Выселках: «Панева — чуть не прошлого столетия, **чуньки — покойницкие**, шея — желтая и высохшая, рубаха с канифасовыми косяками всегда белая-белая, — «совсем хоть в гроб клади» [5, т. 2, 183]. Понева, чуньки наиболее характерны для южнорусского костюма. Эпитет *покойницкие чуньки* придает южнорусской героине старинный нелепый вид.

Эпитеты используются И. А. Буниным с целью описания эмоционального состояния героев. Обратимся к «Игнату»: «Игнат, стоя на снегу, давно не чувствовал ног, окаменела и голова его, насквозь промерзла, стала тонкой, **ледяной шинелью**» [5, т. 4, 29]. Эпитет *ледяная* отражает мотив холода. Это не просто холод от снега, а холод в глубине души пастуха Игната из-за его неверной жены. У героя не остается ничего, согревающего его жизнь.

Воронежский государственный университет
Панова М. В., доцент кафедры славянской филологии
E-mail: mvpanova@mail.ru

Фам Май Фьонг, аспирантка кафедры славянской филологии
E-mail: phuongnhi8187@gmail.com

Исходя из вышеуказанного, можно еще раз подтвердить, что наименования одежды являются важной составляющей образа в прозе И. А. Бунина. Их роль усиливается благодаря тому, что они выступают в составе различных образительных-выразительных средств языка, в частности тропов. Исследованные тропы очень лаконичны и выразительны. Они являются важным элементом художественной картины мира писателя, одной из главных особенностей которой является реально-бытовая основа образов. Таким образом, читатели могут лучше понять творческий замысел автора, увидеть красоту повседневно-действительности во всем богатстве её красок и чувствовать себя частью такого мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика: Учеб. издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. — 315 с.
2. Петрова Т. Г. Творчество И. А. Бунина в критическом сознании русского зарубежья (по страницам газеты «Последние новости») / Т. Г. Петрова // Русское Зарубежье: История и современность: Сб. ст. Вып. 2. — М.: ИНИОН РАН, 2013. — С. 184–203. URL: <http://xn—c1akas7b.xn-80aparbber.xn—p1ai/archives/75> (дата обращения: 09.04.2018).
3. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
4. Пашкова Е. В. Роль сравнений в описании внешнего облика в произведениях И. А. Бунина / Е. В. Пашкова // Метафизика И. А. Бунина. Вып. 3. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. — С. 84–89.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1965.
6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова и др. — М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1935–1940. — Т. 4.
7. Хашимов Р. И. Восток: символы и образы в творчестве И. А. Бунина / Р. И. Хашимов // И. А. Бунин и XXI век. — Елец: Изд-во Елецкого государственного университета, 2011. — С. 335–342.
8. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 511 с.
9. Беловинский Л. А. Российский историко-бытовой словарь / Л. А. Беловинский. — М.: Студия «ТРИТЭ», РИО «Российский архив», 1999. — 528 с.

Voronezh State University
Panova M. V., Associate professor of the Department of Slavic Linguistics
E-mail: mvpanova@mail.ru

Pham Mai Phuong, doctorate candidate of the Department of Slavic Linguistics
E-mail: phuongnhi8187@gmail.com

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ¹

С. А. Попов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 ноября 2018 г.

Аннотация: в статье рассматриваются история становления и основные направления Воронежской ономастической школы, приводится список наиболее важных научных трудов.

Ключевые слова: ономастика, Воронежская ономастическая школа, топонимия, микротопонимия, антропонимия, ойконимия, гидронимия, астронимия, зоонимия, лингвокраеведение, ономастика художественной литературы.

Abstract: the article discusses the history of formation and the main directions of the Voronezh Onomastic School, provides a list of the most important scientific papers.

Keywords: onomastics, Voronezh onomastic school, toponymy, microtoponymy, anthroponymy, oikonymiya, hydronymy, astronimia, zoonymiya, lingvokraevedenie, literary onomastics.

Имена собственные (онимы) составляют особый разряд лексики любого языка мира, их изучением занимается раздел лингвистики ономастика (от др.-греч. ὀνομαστική — ‘искусство давать имена’). Традиционно исследователи подразделяют ономастику на антропонимику (изучение личных имён, прозвищ и фамилий людей), топонимику (изучение географических названий), астронимику (изучение названий небесных тел), космонимику (изучение названий объектов космического пространства), зоонимику (изучение кличек животных), этнонимику (изучение названий различных видов этнических общностей: наций, народов, племен и т.д.) и др. Существуют также и пограничные разряды ономастики (эргонимы, порейонимы, товаронимы, гемеронимы, геотронимы, документонимы, фалеронимы и ряд других) [1, 3].

Происхождение и значение имён собственных на протяжении столетий интересовали представителей разных наук (географов, историков, этнографов, фольклористов, филологов и др.), однако их полноценное научное изучение лингвистами началось лишь в первой трети XX века. По мнению одного из основоположников отечественной ономастики В. Д. Бондалетова, третий этап славянской, как и всей европейской ономастической науки, — научный, или ономастический (с 1920-х годов по настоящее время) характеризуется осознанием ономастического материала как «особого разряда языка, наряду с лексикой, фонетикой, морфологией и т.д.»

и потому требующий того, чтобы его изучала самостоятельная наука [2, 37].

В середине XX века в нашей стране в крупных вузовских центрах начинают формироваться региональные ономастические школы.

Воронежская ономастическая школа имеет богатую исследовательскую историю. Основу лингвистического исследования региональной ономастики на филологическом факультете Воронежского государственного университета в конце 1960-х годов заложила доктор филологических наук, профессор М. В. Федорова. Сферой её научных интересов стали славянско-финно-угорские следы в топонимии Центрального Черноземья. Позднее она переехала в Нижний Тагил, Липецк, затем в Гомель, закрепившись окончательно в Белгороде. И везде учёный продолжала изучение ономастики. Под научным руководством М. В. Федоровой в 1972 г. Н. К. Фролов защитил кандидатскую Диссертацию «Антропонимия Приворонежья XVII в.», в которой впервые была проанализирована воронежская антропонимия. Впоследствии он уехал из Воронежа и стал основателем ономастической научной школы Тюменского государственного университета, где потом стали работать выпускники филологического факультета ВГУ, позднее защитившие там докторские диссертации.

Региональную диалектную топографическую лексику и географическую терминологию исследовала В. И. Дьякова. В 1973 г. под руководством профессора В. И. Собинниковой она успешно защитила кандидатскую диссертацию «Географическая терминология Воронежской области». На протяжении нескольких десятилетий В. И. Дьякова совместно с В. И. Хитровой скрупулёзно собирала материал к «Словарю географической лексики Воронежского края», фрагменты

¹ К 100-летию Воронежского государственного университета.

лексикографического труда частями публиковались в нескольких выпусках международного научного сборника «Материалы по русско-славянскому языкознанию», а в 2009 г. увидел свет и сам словарь [3].

Современная Воронежская ономастическая школа тесно связана с научной деятельностью доктора филологических наук, заведующего кафедрой славянской филологии филологического факультета Воронежского государственного университета, профессора Г. Ф. Ковалёва [4], автора более 320 научных публикаций, среди которых 15 монографий. Под руководством Г. Ф. Ковалёва защищены 1 докторская и 32 кандидатские диссертации. Широкие научные интересы профессора Г. Ф. Ковалёва — славянская ономастика, этнонимика, воронежское лингвокраеведение, ономастика русской художественной литературы, региональная антропонимия, астрономия, топонимия и микротопонимия, зоонимия, русско-украинские и русско-польские ономастические связи — нашли продолжение в исследованиях его учеников.

Для решения задач, связанных с изучением языковой культуры Воронежской области, её прошлого и настоящего в 1993 году на кафедре славянской филологии ВГУ по инициативе и под руководством профессора Г. Ф. Ковалева была создана Научно-исследовательской лаборатория воронежского лингвокраеведения имени профессора В. И. Собиенниковой. Преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты кафедры во время диалектологических экспедиций и практик активно собирают народные названия небесных светил, региональные фамилии, имена, прозвища, региональную топонимию и микротопонимию, зоонимию. Кроме того, эта работа сейчас успешно выполняется и на материалах письменных памятников (местная пресса, художественная и краеведческая литература и т.д.).

Г. Ф. Ковалёвым была разработана Инструкция по сбору ономастического материала [5], учителя используют её в кружковой работе в школе, а преподаватели вузов — также в полевых лингвистических исследованиях. Специально для воронежских краеведов лаборатория регулярно выпускала межвузовский студенческий научный сборник «Край Воронежский» (1996, вып. I; 1998, вып. II; 1999, вып. III; 2002, вып. IV), на страницах которого регулярно освещались результаты ономастических исследований родного края. В настоящее время данное издание передано Воронежскому государственному педагогическому университету. Результатом деятельности лаборатории также стали книги по региональной микротопонимии, два тома «Словаря воронежских говоров» (издание продолжается), двухтомный «Словарь украинских говоров Воронежской области» и ряд других.

В исследовании микротопонимии — названий мелких географических объектов (ручьи, затоны, броды, мосты, пруды, лесы, просеки, дороги, поля, овраги, улицы, части улиц и др.) топонимистам огром-

ную помощь может оказать местное коренное население, прекрасно знающее как сами названия, так и легенды и предания, объясняющие их происхождение. С этой целью в феврале-марте 2005 года нами совместно с профессором Г. Ф. Ковалёвым во всех районных газетах Воронежской области было опубликовано обращение «Сохраним культурное наследие вместе!», в котором мы призвали жителей региона присылать в лабораторию воронежского лингвокраеведения имени профессора В. И. Собиенниковой известные им микротопонимы и топонимические предания и легенды. Одними из первых на наш призыв откликнулись жители Грибановского, Россошанского и Хохольского муниципальных районов, которые прислали интересные версии происхождения местных названий. Это помогло в подготовке первого издания словаря Г. Ф. Ковалева «Микротопонимия Воронежской области» (Воронеж, 2008.), в 2017 году переиздан расширенный двухтомник. В настоящее время продолжается работа над следующим, дополненным и исправленным изданием словаря, уже в 3-х томах.

Научные публикации и личные консультации участников Воронежской ономастической школы способствовали росту интереса ряда региональных СМИ к лингвокраеведческому материалу, в том числе связанному с толкованием происхождения местных топонимов и микротопонимов, с исчезнувшими названиями. Поэтому не случайно, что в настоящее время районные газеты Воронежской области стали полноценным источником для серьёзных научных топонимических исследований региона.

Студенты филологического факультета ВГУ часто включаются в ономастические исследования, начиная с младших курсов. Нередко они перед защитой выпускных квалификационных работ публикуют свои монографии [6] и впоследствии выходят на защиты кандидатских диссертаций с новыми опубликованными монографическими научными трудами [7]. В настоящее время активную научную работу по исследованию воронежской топонимии и микротопонимии ведут аспирант Э. О. Пархоц [8] и студентка Д. Н. Гальцова [9].

Как отмечает С. А. Скуридина, «особое внимание в рамках Воронежской ономастической школы уделяется собственным именам, функционирующим в русской художественной литературе, исследование которых способствует не только более глубокому проникновению в художественный текст, но и раскрытию секретов творческой лаборатории того или иного автора. Г. Ф. Ковалев скрупулёзно следит за выходом новых ономастических исследований по данной тематике, будь то небольшая статья или монография, и составляет «Библиографию ономастики русской литературы», последнее издание которой датируется 2014 годом и включает работы ученых, опубликованные по 2010 год» [10, 43–44]. В направлении литературной ономастики работа-

ют Т. А. Воронова, Г. А. Бунеев, Е. В. Бунеева, В. В. Вязовская, С. А. Заболотная, Л. И. Зубкова, А. А. Котикова, С. А. Скуридина, И. И. Страхов, Т. Ю. Яровая и даже вьетнамская аспирантка Чыонг Тхи Фыонг Тхань (ономастика А. Платонова).

Ученики профессора Г. Ф. Ковалева также активно исследуют ономастическое пространство Воронежской области: ойконимию (С. А. Попов), гидронимию (В. А. Сёмушкин), антропонимию (Л. Н. Верховых, Л. Д. Горелова), микротопонию (Т. В. Толбина, О. П. Дмитриева), катойконимию (В. П. Фролова). Сейчас над воронежской микротопонимией успешно работает китайский аспирант Чень Цзыди.

При проведении исследований ономастического пространства Воронежской области учитывается и тот факт, что для указанной территории ономастические данные южнорусских и украинских говоров одинаково важны при изучении региональных особенностей Воронежского края [11].

Коллеги-фольклористы зачастую оказывают незаменимую помощь ономастам, поскольку в топонимических легендах и преданиях нередко приводится народная этимология происхождения местных географических названий. Начало этому направлению в ВГУ положил кандидат филологических наук, доцент А. И. Кретов [12], в настоящее время исследования продолжаются на кафедре русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора филологического факультета [13].

Воронежская ономастическая школа не ограничивается только филологическим факультетом ВГУ. Активную работу по изучению ономастики романо-германских языков проводил доктор филологических наук, профессор факультета РГФ ВГУ Ю. А. Рылов (09.05.1945–28.11.2012), а после его кончины — и его ученики. Это в основном «романская ветвь» Воронежской ономастической школы. Юрий Алексеевич являлся создателем научной школы «Романская и русская антропонимия как часть языковой картины мира». Под его руководством успешно защищены 51 кандидатская и 4 докторские диссертации. Ю. А. Рылов — ученый с мировым именем, внесший существенный вклад в развитие отечественной романистики, автор более 180 научных трудов, в том числе 10 монографий.

Ономастические исследования также ведутся и в Борисоглебском государственном педагогическом институте (в н.в. — Борисоглебский филиал ФГБОУ ВО «ВГУ») (Л. А. Верховых, В. Ф. Филатова), Воронежском государственном техническом университете (С. А. Скуридина, Т. А. Воронова, Н. В. Меркулова).

Таким образом, в настоящее время к основным направлениям Воронежской ономастической школы относятся:

1. исследование ономастического пространства Воронежской области;
2. топонимические и микротопонимические

исследования;

3. изучение антропонимии славянских и романо-германских языков;
4. функционирование литературной (поэтической) ономастики;
5. сопоставительное исследование имён собственных;
6. фольклорная ономастика (топонимические легенды и предания);
7. изучение катойконимии;
8. исследование космонимии и астронимии;
9. изучение этнонимии славянских языков;
10. исследование диалектной географической лексики и топографической терминологии;
11. изучение славянской теонимии;
12. ономастическое комментирование на уроках русской словесности.

Воронежская ономастическая школа в своей деятельности опирается на мировые достижения по ономастике, а также на исследования по лингвострановедению, диалектологии, истории этнографии, культурологии, другим смежным наукам. Представители школы внесли достойный вклад в отечественную и мировую ономастику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюкова И. В. Пограничные разряды ономастики в современном русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук / И. В. Крюкова. — Волгоград, 1993. — 21 с.
2. Бондалетов В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. — М.: Просвещение, 1983. — 224 с.
3. Дьякова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края: (с историческими комментариями) / В. И. Дьякова, В. И. Хитрова. — Воронеж: ВГУ, 2009. — 344 с.
4. Попов С. А. Основатель Воронежской ономастической школы: К 75-летию доктора филологических наук, профессора Г. Ф. Ковалева / С. А. Попов // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 282–287.
5. Ковалев Г. Ф. Инструкция по сбору ономастического материала / Г. Ф. Ковалев // Край Воронежский: история и традиции. Вып. 1. — Воронеж: Петровский сквер, 1996. С. 64–65.
6. Коротких С. А. Ономастика романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / С. А. Коротких. — Воронеж: ВГУ, 2004. — 199 с.; Воронова Т. А. — Словарь лирики Арсения Тарковского / Т. А. Воронова. — Ч. 1: (А-Йота). — Воронеж: ВГУ, 2004–295 с.; Обухова Е. С. Ономастика лицейской лирики А. С. Пушкина / Е. С. Обухова. — Воронеж: ВГУ, 2005. — 208 с.
7. Вязовская В. В. Ономастика романа Н. С. Лескова «Соборяне» / В. В. Вязовская. — Воронеж: Научная книга, 2007. — 174 с.; Обухова Е. С. Ономастика творчества А. С. Пушкина Петербургского периода (1817–1820). Словарь / Е. С. Обухова. — Воронеж: ВГУ, 2009. — 168 с.; Скуридина С. А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы») / С. А. Скуридина. — Воронеж: Научная книга, 2007. — 302 с.

8. Пархоц Э. О. Микротопонимы как носители диалектной информации (на материале микротопонимии Верхнехавского района Воронежской области) / Э. О. Пархоц // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 3. С. 63–65; Пархоц Э. О. Микротопонимия Кучугуровского сельского поселения / Э. О. Пархоц, В. А. Сёмушкин // Материалы по русско-славянскому языкознанию, вып. 33.— Воронеж, 2016.— С. 359–365; Пархоц Э. О. Антропонимы в составе микротопонимов Верхнехавского района Воронежской области: исторический аспект / Э. О. Пархоц // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика.— 2018.— № 1.— С. 37–39.

9. Гальцова Д. Н. Микротопонимия села Старый Курлак и его окрестностей Аннинского района / Д. Н. Гальцова // Воронежское лингвокраеведение. Вып. 3.— Воронеж: ВГУ, 2016.— С. 173–180.

10. Скуридина С. А. Современные ономастические школы: от Воронежа до Иркутска / С. А. Скуридина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Выпуск № 3 (17), 2015.— С. 41–45.

11. Ковалев Г. Ф. Украинское наследие в ономастике Воронежской области / Г. Ф. Ковалев // Социокультурные аспекты профессионального общения: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию ВГАСУ.— Воронеж, 2005.

12. Кретов А. И. Предания о происхождении названий населенных пунктов Воронежской области / А. И. Кретов // Вестник ВГУ, серия 1. Гуманитарные науки, 1996.— № 1.

13. Орлова Е. А. Топонимические легенды Воронежской области / Е. А. Орлова // Край Воронежский. Вып. 2.— Воронеж: ВГУ, 1998; Топонимические предания Воронежской области (Сост. Е. А. Орлова. Под ред. Т. Ф. Пуховой). Вып. I.— Воронеж, 2001.— 74 с., вып. II.— Воронеж, 2004.— 128 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

1. Артёмова Л. А. Особенности функционирования антропонимов в немецких медийных текстах: Дис. ... канд. филол. н. (науч. рук.— д. филол. н., проф. Ю. А. Рылов) / Л. А. Артёмова.— Воронеж: ВГУ, 2008.— 215 с.

2. Бунеев Г. А. Ономастическое пространство романа В. Я. Шишкова «Угрюм-река» и повести «Тайга»: Дис... канд. филол. н. (науч. рук.— д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / Г. А. Бунеев.— Воронеж: ВГУ, 2011.— 172 с.

3. Бунеева Е. В. Ономастическое пространство поэмы С. А. Есенина: Дис... канд. филол. н. (науч. рук.— д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / Е. В. Бунеева.— Воронеж: ВГУ, 2011.— 163 с.

4. Варнавская Е. В. Статус и функционирование эпонимов в медицинской терминологии испанского языка: Дис... канд. филол. наук (науч. рук.— д. филол. н., проф. Ю. А. Рылов) / Е. В. Варнавская.— Воронеж: ВГУ, 2009.— 212 с.

5. Васильева В. В. Функциональные особенности и прагматика антропонимов в романе Энтони Берджесса «ANY OLD IRON»: Дис. канд. филол. н. (науч. рук.— д. филол. н., проф. Ю. А. Рылов) / В. В. Васильева.— Воронеж: ВГПУ, 2001.— 167 с.

6. Верховых Л. Н. Антропонимическое пространство сёл Абрамовка Таловского района и Красное Новохоперского района Воронежской области: Дис... канд. филол. н. (науч. рук.— д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / Л. Н. Верховых.— Воронеж: ВГУ, 2008.— 300 с.

7. Верховых Л. Н. Лингвокраеведение в школе. Учебное пособие / Л. Н. Верховых.— Воронеж: ВГПУ, 2017.— 256 с.

8. Воронежское лингвокраеведение в аспектах славянской филологии: учебно-методическое пособие для вузов. Ч. 1. Ойконимия Воронежской области / Воронеж. гос. ун-т; сост. Т. В. Карасёва.— Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2011.— 35 с.

9. Воронежское лингвокраеведение: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 / науч. ред.— проф. Г. Ф. Ковалёв.— Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2005.— 303 с.; Вып. 2 / науч. ред.— проф. Г. Ф. Ковалев.— Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2011.— 416 с.; Вып. 3 / науч. ред.— проф. Г. Ф. Ковалев.— Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2016.— 460 с.

10. Воронова Т. А. Принципы словаря лирики Арсения Тарковского: Дис... канд. филол. н. (науч. рук.— д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / Т. А. Вязовская.— Воронеж: ВГУ, 2007.— 207 с.

11. Воронова Т. А.— Словарь лирики Арсения Тарковского / Т. А. Воронова.— Ч. 1: (А-Йота).— Воронеж: ВГУ, 2004—295 с.; Ч. 2: К-Ощущенье.— Воронеж: ВГУ, 2007.— 291 с.; Ч. 3: Пава-Ряска.— Воронеж: ВГУ, 2014.— 291 с.

12. Вязовская В. В. Ономастика романа Н. С. Лескова «Соборяне» / В. В. Вязовская.— Воронеж: Научная книга, 2007.— 174 с.

13. Вязовская В. В. Ономастика романа Н. С. Лескова «Соборяне»: Дис... канд. филол. н. (науч. рук.— д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / В. В. Вязовская.— Воронеж: ВГУ, 2007.— 196 с.

14. Гайдук И. В. Особенности функционирования антропонимов в английской и американской прессе: Дис. ... канд. филол. н. (науч. рук.— д. филол. н., проф. Ю. А. Рылов) / И. В. Гайдук.— Воронеж: ВГПУ, 2001.— 235 с.

15. Горелова Л. Д. История фамилий жителей с. Чигорак Борисоглебского района Воронежской области: Дис... канд. филол. н. (науч. рук.— д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / Л. Д. Горелова.— Воронеж: ВГУ, 2011.— 228 с.

16. Дмитриева О. П. Ономастическое пространство Россошанского района Воронежской области: Дис... канд. филол. н. (науч. рук.— д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / О. П. Дмитриева.— Воронеж: ВГУ, 2008.— 187 с.

17. Дьякова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края: (с историческими комментариями) / В. И. Дьякова, В. И. Хитрова.— Воронеж: ВГУ, 2009.— 344 с.

18. Зубкова Л. И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина): Дис... д-ра филол. наук (науч. конс.— д. филол. н., проф. Ю. Т. Правда) / Л. И. Зубкова.— Воронеж: ВГУ, 2009.— 476 с.

19. Зубкова Л. И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина) / Л. И. Зубкова. — Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. — 411 с.
20. Ишутин А. А. Восточнославянская теонимия / А. А. Ишутин. — Воронеж: Истоки, 2003. — 120 с.
21. Ишутин А. А. К семантике древнерусской теонимии: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / А. А. Ишутин. — Воронеж: ВГУ, 2002. — 168 с.
22. Ковалев Г. Автобиографизм ономастики М. А. Булгакова / Г. Ковалев. — Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2016. — 81 S.
23. Ковалев Г. Ф. Библиография ономастики русской литературы / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: ВГУ, 2006. — 212 с.
24. Ковалев Г. Ф. Библиография ономастики русской литературы по 2010 год / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: Научная книга, 2014. — 346 с.
25. Ковалев Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: Научная книга, 2014. — 440 с.
26. Ковалев Г. Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: Научная книга, 2014. — 447 с.
27. Ковалев Г. Ф. Именной каламбур русских писателей / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: Истоки, 2014. — 180 с.
28. Ковалев Г. Ф. История русских этнических названий / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. — 160 с.
29. Ковалев Г. Ф. Микропонимия Воронежской области. Словарь / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: ВГУ, 2007. — 408 с.
30. Ковалев Г. Ф. Ономастика поэм А. Т. Твардовского. 75-летию освобождения Воронежа от фашистов посвящается. — Воронеж, НАУКА-ПРЕСС, 2018. — 124 с.
31. Ковалев Г. Ф. Ономастические этюды. Писатель и имя / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. — 275 с.
32. Ковалев Г. Ф. Ономастическое комментирование на уроках русской словесности / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2005. — 214 с.
33. Ковалев Г. Ф. Писатель. Имя. Текст / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2004. — 340 с.
34. Ковалев Г. Ф. Пушкин и имя / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. — 218 с.
35. Ковалев Г. Ф. Пушкин. Ономастический комментарий: книга для учителя / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: Научная книга, 2012. — 278 с.
36. Ковалев Г. Ф. Словарь микропонимов Воронежской области / Г. Ф. Ковалев: в 2 т. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. Т. 1, А-Л, — 412 с.; Т. 2, М-Я, — 420 с.
37. Ковалев Г. Ф. Этнонимия славянских языков: номинация и словообразование / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. — 176 с.
38. Ковалев Г. Ф. Этнос и имя / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: МИОН, 2003. — 236 с.
39. Ковалева Л. Г. Антропонимия трилогии Анри Труайя «Семья Эглетьер» / Л. Г. Ковалева. — Воронеж: Научная книга, 2014. — 194 с.
40. Ковалева Л. Г. Картина мира Анри Труайя сквозь призму антропонимии трилогии «Семья Эглетьер»: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Ю. А. Рылов / Л. Г. Ковалева. — Воронеж: ВГУ, 2013. — 234 с.
41. Коротких С. А. Ономастика романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / С. А. Коротких. — Воронеж: ВГУ, 2004. — 199 с.
42. Лингвокраеведение в аспектах славянской филологии: учебно-методическое пособие для вузов. Ч. 2. Гидронимия Воронежской области / Воронеж. гос. ун-т; сост. Т. В. Карасёва. — Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2011. — 31 с.
43. Лопатина К. В. Антропонимический мир романа К. Х. Селы «Улей»: Дис. ... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Ю. А. Рылов) / К. В. Лопатина. — Воронеж: ВГУ, 2008. — 191 с.
44. Меркулова Н. В., Моташкова С. В. Эстетическая ономастика в художественном тексте и интертексте: основные функции и проблема перевода (на материале знаковых произведений французской литературы) / Н. В. Меркулова, С. В. Моташкова. — Воронеж: Воронеж. ГАСУ, 2013. — 177 с.
45. Обухова Е. С. Ономастика лицейской лирики А. С. Пушкина / Е. С. Обухова. — Воронеж: ВГУ, 2005. — 208 с.
46. Обухова Е. С. Ономастика творчества А. С. Пушкина Петербургского периода (1817–1820). Словарь / Е. С. Обухова. — Воронеж: ВГУ, 2009. — 168 с.
47. Обухова Е. С. Принципы составления словаря ономастических единиц творчества А. С. Пушкина: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / Е. С. Обухова. — Воронеж: ВГУ, 2009. — 216 с.
48. Попов С. А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин: монография / С. А. Попов. — Воронеж: Издательский дом Алейниковых, 2003. — 285 с.
49. Попов С. А. Ойконимия Воронежской области: семантика и словообразование: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / С. А. Попов. — Воронеж: ВГУ, 1998. — 166 с.
50. Рылов Ю. А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика: курс лекций по межкультурной коммуникации / Ю. А. Рылов. — М., Восток-Запад: АСТ, 2006. — 311 с.
51. Рылов Ю. А. Очерки испанской антропонимии = Ensayos de Antroponimia Espanola / Ю. А. Рылов / науч. ред. Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997. — 91 с.
52. Рылов Ю. А. Очерки романской антропонимии / Ю. А. Рылов / науч. ред. В. Б. Кашкин. — Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000. — 163 с.
53. Сапронова Т. А. Современный американский именник: особенности функционирования и имяназвания: Дис. ... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Ю. А. Рылов) / Т. А. Сапронова. — Тула: ТГУ, 2012. — 179 с.
54. Сёмушкин В. А. Гидронимия Среднего Дона: номинационный и словообразовательный аспекты: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / В. А. Сёмушкин. — Воронеж: ВГУ, 2000. — 140 с.
55. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов: монография / под. ред. проф. Ю. А. Рылова. — Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2010. — 390 с.
56. Скуридина С. А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Ка-

рамазовы») / С. А. Скуридина. — Воронеж: Научная книга, 2007. — 302 с.

57. Скуридина С. А. Ономастика романов Ф. М. Достоевского «Подросток» и «Братья Карамазовы»: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / С. А. Скуридина. — Воронеж: ВГУ, 2007. — 197 с.

58. Страхов И. И. Автобиографизм топонимического пространства в художественных текстах М. М. Пришвина: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / И. И. Страхов. — Воронеж: ВГУ, 2016. — 185 с.

59. Толбина Т. В. Микротопонимия Воронежской области. Особенности номинации: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / Т. В. Толбина. — Воронеж: ВГУ, 2003. — 199 с.

60. Топонимические предания Воронежской области (сост. Е. А. Орлова) / Под ред. Т. Ф. Пуховой. Вып. I. — Воронеж, 2001. — 74 с.; вып. II. — Воронеж, 2004. — 128 с.

61. Тузикова Д. Б. Ойконимы в испанской языковой картине мира: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. В. В. Корнева) / Д. Б. Тузикова. — Воронеж: ВГУ, 2013. — 231 л.

62. Устьянцева О. Ю. Антропонимия романов М. А. Булгакова (на материале романов «Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»): Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / О. Ю. Устьянцева. — Воронеж: ВГУ, 2002. — 165 с.

63. Федорова М. В. Славяне, мордва и анты: к вопросу о языковых связях / М. В. Федорова. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976. — 85 с.

64. Фролов Н. К. Антропонимия Приворонежья XVII в.: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. М. В. Федорова) / Н. К. Фролов. — Воронеж: ВГУ, 1972. — 157 с.

65. Фролова В. П. Типология русских катоиконимов на фоне германских языков: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / В. П. Фролова. — Воронеж: ВГУ, 1999. — 194 с.

66. Шеминова Н. В. Особенности функционирования антропонимов в современной испанской прессе: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Ю. А. Рылов) / Н. В. Шеминова. — Воронеж: ВГУ, 2006. — 226 с.

67. Ююкин М. А. Древнерусская ойконимия IX–XII вв. / М. А. Ююкин. — Воронеж, 2003. — 216 с.

68. Ююкин М. А. Древнерусская ойконимия IX–XIII в.: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Г. Ф. Ковалев) / М. А. Ююкин. — Воронеж: ВГУ, 2003. — 267 с.

69. Яковенко Н. С. Антропонимическое пространство англоязычного творчества В. В. Набокова (на материале романов «Истинная жизнь Себастьяна Найта», «Лолита», «Пнин»): Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Ю. А. Рылов) / Н. С. Яковенко. — Воронеж: ВГУ, 2011. — 230 с.

70. Яровая Т. Ю. Личные собственные имена в дореволюционном творчестве И. А. Бунина: отбор и использование: Дис... канд. филол. н. (науч. рук. — д. филол. н., проф. Ю. Т. Листрова-Правда) / Т. Ю. Яровая. — Воронеж: ВГУ, 2000. — 258 с.

71. Kovalev G. Materiały do Słownika etnonimów języka rosyjskie / Kovalev G. — Opole: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1987. — 92 s.

Воронежский государственный университет

Попов С. А., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью

E-mail: spo@bk.ru

Voronezh State University

Popov S. A., PhD, lecturer of the Department of public relations

E-mail: spo@bk.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ» В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

С. К. Б. Рабеев, Д. А. Чугунов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 октября 2018 г.

Аннотация: в настоящей статье рассматривается проблема осмысления и точной дефиниции понятия «американская мечта». Предлагается теоретическая модель, связанная с литературоведческим анализом по определённым смысловым бинарным оппозициям.

Ключевые слова: «американская мечта», смысловые бинарные оппозиции, Дж. Т. Адамс.

Abstract: in this article we consider the problem of understanding the term «American dream» and its exact definition. We suggest a theoretical model which is connected to a literary analysis by certain semantic binary oppositions.

Keywords: «American dream», semantic binary oppositions, J. Truslow Adams.

Зарождение «американской мечты» в национальном сознании Соединённых Штатов следует отнести к началу XVII в. Адвокат Джон Уинтроп, один из основателей колонии Массачусетского залива, второго после Плимутской колонии крупного поселения в Новой Англии, в 1630 г. в речи, обращённой к будущим колонистам, использовал известную библейскую аллюзию, чтобы описать новую жизнь. Говоря об идеальном существовании с равными возможностями для всех поселенцев, Д. Уинтроп верил, что новое сообщество будет располагаться в «городе на холме» и станет видимым для всего мира. Фраза со словами «город на холме» брала исток из Иисусовой притчи о соли и свете (Евангелие от Матфея, 5:14): «Ты — свет мира. Город, располагающийся на холме, не может быть скрыт» [21]. Это позволяет нам судить о «мечте» Д. Уинтропа как об изначально религиозной мечте, основанной на христианских идеалах.

В XVIII в. к религиозной составляющей добавились экономические и политические соображения. В Декларации независимости 1776 г. Соединённые Штаты представляли перед остальным миром как маяк свободы и процветания. В американской конституции говорилось о том, что американцы наделены правом на жизнь, свободу и стремление к счастью. Эти права отрицались в их родных странах. Иммигранты верили, что в Америке для всех существуют одинаковые возможности — независимо от места рождения или благосостояния. Труд здесь приводит к успеху, богатству и со временем — к власти. Подобные надежды и стремления стали со временем называться «американской мечтой».

Первым в американской литературе произведением, в котором «американская мечта» выступает

как некий концепт, следует считать автобиографию Б. Франклина. Опираясь на собственный жизненный опыт, Б. Франклин живописал своему сыну некий идеал поведения, которому, впрочем, могли подражать все американцы. «Дорогой Сын... хотя по своему происхождению я не был ни богат, ни знатен и первые годы моей жизни прошли в бедности и безвестности, я достиг выдающегося положения и стал в некотором роде знаменитостью. Удача мне неизменно сопутствовала даже в позднейший период моей жизни, а поэтому не исключена возможность, что мои потомки захотят узнать, какими способами я этого достиг и почему с помощью провидения все для меня так счастливо сложилось. Кто знает, вдруг они, находясь в подобных же обстоятельствах, станут подражать моим действиям» [15, 1].

Историк Г. Коммаджер в своей книге «Американский ум» видит в размышлениях Б. Франклина квинтэссенцию морали и духовных мечтаний пуритан [12, 26]. В силу этого автобиография Б. Франклина превратилась в своеобразный фундамент для последующих произведений, в которых возводилось здание «американской мечты». Окончательный вид оно приобрело в размышлениях историка Джеймса Траслоу Адамса, написавшего в книге «Эпопея Америки» (1931): «Американская мечта — мечта о земле, на которой жизнь должна быть лучше, богаче, полнее для всех, с возможностью для каждого реализовать свои способности» [26, 404]. Формулировка Дж. Т. Адамса родилась в условиях Великой депрессии и стала в первую очередь вдохновляющим лозунгом для американцев, переживавших не лучшие времена.

Разумеется, концепт «американской мечты» подвергался осмыслению и в других художественных и публицистических произведениях XIX–XX вв. В этой связи важным оказывается вопрос: в какой мере определение Дж. Т. Адамса может выступать в ка-

честве общего знаменателя для иных определений? Если проводить сравнения, то легко заметить, что для Дж. Т. Адамса важным был в первую очередь материальный момент, тогда как для Дж. Уинтропа — религиозный. Для первого «мечта» имела характер индивидуалистический, для второго — коллективистский, общественный...

На то, что формулировка Дж. Т. Адамса не является единственно возможной, обратил внимание в своей книге «Американская мечта: краткая история идеи, которая сформировала нацию» (2003) Д. Каллен [13, 2]. Он исследовал особенности понимания «американской мечты» и предположил, что существует «много разновидностей американской мечты», хотя действительно общим моментом для всех размышлений является вера в возможность получить лучшее будущее после приложения определённых усилий [13, 7].

Прослеживая идеи, надежды и достижения как коренных американцев, так и иммигрантов, Д. Каллен от начальных идеалов Декларации независимости перебрал мост к расширенному понятию «мечты» Мартина Лютера Кинга (о расовом равенстве и владении недвижимостью), к современной мысли о культурном единстве ценных идеалов. Также он указал и на то, что американцы парадоксальным образом не задумываются о семантической нагрузке словосочетания «американская мечта», о его происхождении, истории, о том, что оно фактически означает.

На прискорбную неопределённость понятия «американская мечта» обратил внимание в своей книге «Цинизм и эволюция американской мечты» (2007) В. Колдуэлл [11]. Автор указал на постоянное расхождение между реальностью и «американской мечтой», из-за чего «мечта» не может стать требуемым идеалом.

Здесь же можно упомянуть размышления британско-американского литературного критика М. Бьюли о творчестве Ф. С. Фицджеральда. В своем эссе «Критика Америки Скотта Фицджеральда» (1954) он обозначил «американскую мечту» как определённый способ видения, заменяющий реальный взгляд на вещи. Никто не может понять реального наполнения «американской мечты» потому, что оно скрыто некими невидимыми покровами. М. Бьюли писал: «По существу, она [американская мечта. — С. Р., Д. Ч.] неизбежно привела к проблеме, которая всегда сталкивала американских художников, имеющих дело с американскими событиями — проблеме определения скрытой границы в американском видении жизни, за которой заканчивается реальность и начинается иллюзия» [цит. по: 14, 12]. Подтверждение этому он находил в знаменитом романе «Великий Гэтсби».

Скептическую позицию М. Бьюли разделяет и историк американской культуры Л. Сэмюэл. В книге «Американская мечта: культурная история» (2012) он признал, что в огромной степени все размышле-

ния о «мечте» замешаны на мифологии американского общества. Именно поэтому так сложно найти «подтверждение» многим тезисам. Тем не менее исследователь осторожно предполагает: в целом «космология мечты основывается на великой идее, что жизнь представляет нечто большее, чем случайную цепь событий» [24, 192].

Ещё более скептичен М. Зезима (известный как Микки Зи), писатель, редактор, блоггер и романист. В своей книге «Гигантская ошибка: статьи и эссе для Вашей интеллектуальной самооценки» он представляет «мечту» как синоним к слову «фантазия». По его мнению, у «американской мечты» нет четких правил следования. Микки Зи использовал цитату американского романиста У. Берроуза, чтобы описать свое ироническое отношение к мечте: «Спасибо американской мечте за опошление и фальсифицирование, через которые светится голая ложь. Спасибо за страну, где никому не позволено заниматься своим делом» [22, 18].

В то же время, по мнению американского религиозного и общественного деятеля О. Л. Соренсена, американское общество не может отказаться от «американской мечты». В своей книге «Америка совершает самоубийство?» О. Л. Соренсен концентрирует внимание на творческом характере «мечты», без которой люди не могут жить, потому что потеря веры в свободу будущего означало бы, что страна приближается к своему концу: «Есть те, кто скажет, что освобождение человечества, свобода человека и ума — только мечта. Они правы. Это — американская мечта» [25, 150].

Феномен «американской мечты» интересовал и советских, а затем и российских исследователей. Наиболее заметной, однако не единственной, является концепция А. Зверева, по мнению которого история американской литературы распадается на два периода — литературу «американской мечты» (до начала XX века) и литературу «американской трагедии», пришедшей на смену «американской мечте». Среди других работ назовём «Личность в современной Америке» Ю. А. Замошкина [5], «Американскую мечту и американскую действительность» Т. Г. Голенпольского и В. П. Шестакова [2], «Проблематику героя в романе Фицджеральда “Великий Гэтсби”» Л. Романчук [9], «“Американскую мечту” в социокультурной динамике» О. Ю. Матвеевой [7], «Русскую идею и американскую мечту» Э. Я. Баталова [1], «Феноменологию русской идеи и американской мечты» С. А. Емельянова [3], «Американский мультикультурализм» С. И. Некрасова, Н. А. Некрасовой и В. В. Платошина [4], «Общественно-политические и культурные аспекты существования американского общества в модели мифа об американской мечте» Д. А. Розеватова [8], а также диссертацию Ж. Г. Коноваловой «“Американская мечта” в художественно-документальной литературе США второй половины XX века» [6].

Таким образом, в литературоведении сложилась довольно пёстрая картина восприятия понятия «американской мечты». Большинство исследователей включает в это понятие материальный успех и богатство (М. Рэнк, Т. Хиркл, К. Фостер, Ю. А. Замошкин, С. А. Емельянов), некоторые исследователи добавляют к этим составляющим еще и декларируемое равенство возможностей (Л. Романчук), стремление к обладанию землей, уважение достоинства и ценность личности человека (М. Л. Кинг-мл.), абсолютную свободу (Л. Соренсон). Такие исследователи, как Л. Сэмюэл, А. Л. Логинов, О. Ю. Матвеева, Э. Я. Баталов и некоторые другие рассматривают «американскую мечту» в качестве социально-исторического мифа, опирающегося на определение Т. Адамса, но сложившегося во времена Великой депрессии и призванного поддерживать меры Ф. Д. Рузвельта по восстановлению экономики США. При этом до настоящего времени в науке не было дано однозначного определения рассматриваемого концепта. В силу этого различаются между собой и оценки «американской мечты» со стороны критиков. Не отрицая её существование в сознании американцев, они, как правило, указывают на постоянное расхождение между мечтой и реальностью (Д. Миллер), приравнивают мечту к иллюзии (М. Бьюли), пишут о серьёзных проблемах, возникающих на пути реализации этих декларируемых идеальных устремлений, например — расовой дискриминации и пр. (Л. Хьюз, Д. Каллен, С. А. Емельянов и др.), наконец, вообще ставят под вопрос возможность её реализации. Подобный разброс мнений не только не проясняет, но, напротив, затрудняет поиск точных дефиниций понятия.

В настоящей статье мы предлагаем использовать при анализе определённую теоретическую модель, в рамках которой будут объединены уже существующие взгляды на «американскую мечту». Подобная модель представляет, разумеется, не механическое соединение различных точек зрения, а рассмотрение важнейших бинарных смысловых оппозиций, с помощью которых можно понять сущность «американской мечты» и отражение её в том или ином художественном произведении.

В качестве подобных оппозиций мы предлагаем выделить следующие:

— *фьючеризм и пессимизм*. Вера в «американскую мечту» подразумевает личностную устремлённость в будущее (от англ. «future» — будущее [17]), однако вместе с тем и приверженность традициям и ценностям национального прошлого (от фр. «passé» — прошлое [23]);

— *потенциализм и оппортунизм*. По существу, «американская мечта» обещает человеку возможность свободной, творческой самореализации в любой сфере жизни: путешествиях, построении карьеры и т.п. (от лат. «potentia» — возможность). О *потенциализме* как тенденции (тренде) современности го-

ворят всё чаще и чаще [18], подразумевая при этом, что перед человеком не стоит задача немедленного экономического или карьерного успеха. Куда более важным оказывается осознание своей возможности изменить жизнь к лучшему. В то же время необходимо учитывать и разнообразные появляющиеся возможности использовать складывающуюся ситуацию к своей выгоде. О. Уильямсон, лауреат нобелевской премии по экономике, писал: оппортунизм (от лат. «opportunus» — удобный, выгодный) — это «следование своим интересам, в том числе обманом путём, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими. Намного чаще оппортунизм подразумевает более тонкие формы обмана, которые могут принимать активную и пассивную форму, проявляться *ex ante* и *ex post*» [10, 42];

— *индивидуализм и коллективизм*. Обе стороны в этой смысловой оппозиции пребывают во взаимном балансе. Индивидуализм «американской мечты» (от англ. «individual» — индивидуум) подразумевает возможность реализации *любой личной* мечты о счастье, однако возможность эта ограничена требованиями некоего коллектива, или общества, или самого государства. В Соединённых Штатах существует и определённое коллективное (от лат. «collectives» — собирательный) понимание того, что есть счастье, таким образом, личное видение «американской мечты» всегда так или иначе сопрягается с коллективным (так, например, личная «мечта» о коммунистическом будущем входит в явное противоречие с американским общественным сознанием, что убедительно показал период маккартизма в Америке);

— *фридомизм и трэллизм*. Первый (от англ. «freedom» — свобода [16]) подразумевает абсолютную свободу человеческих действий, декларируемую государством, второй (от др.-сканд. «*fræll*» — термин, использовавшийся в скандинавском обществе в эпоху викингов для определения социального статуса человека как раба) указывает на то, что в американском обществе, как и в любом ином, один человек находится под властью другого, зависит от него;

— *энвайронментализм и герединтаризм*. С одной стороны, речь идёт о сознательной «защите» окружающей среды, существующего положения вещей (от англ. environment — окружающая среда, природа), иными словами, об осмысленном культивировании понятия «американская мечта» в попытках понять его отдельные аспекты [20]. С другой стороны, при всех временных видоизменениях, понятие «американская мечта» наследует некоторые традиционные, неизменные черты, проявляющиеся с самого начала его возникновения в прошлом (от англ. hereditarianism — наследство [19]);

— *абстракционизм* (лат. *abstractio* — удаление, отвлечение) и *реализм* (от позднелат. *realis* — вещественный, действительный). Представление об «аме-

риканской мечте» всякий раз связано с обращением как к абстрактным понятиям (справедливость, свобода и др.), так и к совершенно конкретным, вызванным существующей реальностью обстоятельствам;

— *спиритуализм* (от *лат. spiritualis* — духовный) и *материализм* (от *лат. materialis* — вещественный). Понимание «американской мечты» основывается как на духовных, так и на материальных факторах, теснейшим образом переплетающихся друг с другом;

— *иммортиализм* (от *англ. immortal* — бессмертный) и *мортиализм* (от *англ. mortal* — смертный). Понятие «американской мечты» неоднократно подвергалось критике в силу разных обстоятельств. В этом отношении размышления, например, об «американской трагедии» как закономерном итоге погони за «американской мечтой» свидетельствуют, по сути, об отрицании «мечты», о разочаровании в ней, о её смерти. В то же время многочисленные литературные произведения разного исторического времени указывают на постоянное возрождение «американской мечты», причём не обязательно в новом облике.

Использование в литературоведческом анализе представленной модели позволит по-прежнему воспринимать «американскую мечту» как устойчивый феномен, связанный с американским национальным сознанием. При этом возможно более гибко учитывать те или иные аспекты этого феномена, актуализирующиеся в разное время в произведениях как «коренных» писателей Америки, так и авторов-иммигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта / Э. Я. Баталов. — М.: Прогресс-традиция, 2009. — 384 с.
2. Голенпольский Т. Г. Американская мечта и американская действительность / Т. Г. Голенпольский, В. П. Шестаков. — М.: Искусство, 1981. — 208 с.
3. Емельянов С. А. Феноменология русской идеи и американской мечты. Россия между Дао и Логосом / С. А. Емельянов. — СПб.: Астерион, 2009. — 111 с.
4. Некрасов С. И. Американский мультикультурализм / С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова, В. В. Платошина. — Пенза: Академия естествознания, 2011. — Режим доступа: <https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=4134> (дата обращения 17.04.2017).
5. Замошкин Ю. А. Личность в современной Америке: Опыт анализа ценностных и политических ориентаций / Ю. А. Замошкин. — М.: Мысль, 1980. — 247 с.
6. Коновалова Ж. Г. Американская мечта в художественно-документальной литературе США второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук / Ж. Г. Коновалова. — Казань, 2009. — 213 с.
7. Матвеева О. Ю. Американская мечта в социокультурной динамике / О. Ю. Матвеева // Вестник ТГПУ. — Выпуск 11 (74). — Серия: Гуманитарные науки (философия). — Томск: Издательство ТГПУ, 2007. — С. 40–43.
8. Розеватов Д. А. Общественно-политические и культурные аспекты существования американского общества в модели мифа об американской мечте / Д. А. Розеватов. — Саратов: Издательство ПАГС, 2014. — С. 141–146.
9. Романчук Л. Проблематика героя в романе Фитцджеральда «Великий Гэтсби» / Л. Романчук. — Режим доступа: <http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/romanchuk-hero.html> (дата обращения 20.05.2017).
10. Уильямсон О. И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа / О. И. Уильямсон // THESIS. — 1993. Вып. 3. — С. 39–49.
11. Caldwell W. Cynicism and the Evolution of the American Dream / W. Caldwell. — Washington: Potomak books, 2007. — 193 p.
12. Commager H. S. The American Mind / H. S. Commager. — New Haven: Yale University Press, 1950. — 476 p.
13. Cullen J. The American Dream: A Short History of an Idea that Shaped a Nation / J. Cullen. — New York: Oxford UP, 2003. — 214 p.
14. Curnutt K. Historical Guide to F. Scott Fitzgerald / K. Curnutt. — Oxford: Oxford University press, 2004. — 285 p.
15. Franklin B. The Autobiography of Benjamin Franklin / B. Franklin. — New York: Dover Publications, 1996. — 136 p.
16. Freedomism // <https://www.merriam-webster.com/> — Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/freedomism> (дата обращения 20.05.2017).
17. Futurism // <http://www.thefreedictionary.com/> — Режим доступа: <http://www.thefreedictionary.com/futurism> (дата обращения 14.07.2017)
18. Gutsche J. «Потенциализм» — новая форма мышления / J. Gutsche // research&trends: события, методики, индикаторы, тенденции: — 2010. — 19 апреля. — Режим доступа: https://www.r-trends.ru/trends/trends_216.html (дата обращения 30.01.2018).
19. Hereditarianism // <https://www.vocabulary.com/> — Режим доступа: <https://www.vocabulary.com/dictionary/hereditarianism> (дата обращения 20.05.2017).
20. Materialism // <http://dictionary.cambridge.org/> — Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/materialism> (дата обращения 20.05.2017).
21. Matthew 5:14 // biblehub.com: — Режим доступа: <https://biblehub.com/matthew/5-14.htm> (дата обращения 14.12.2017).
22. Mickey Z. A Gigantic Mistake: Articles and Essays for Your Intellectual Self-defense / Z. A. Mickey. — U.S.: Library Empryreal, 2004. — 204 p.
23. Passeism // <https://en.oxforddictionaries.com/> — Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/passeism> (дата обращения 22.07.2017)
24. Samuel L. R. The American Dream: A Cultural History / L. R. Samuel. — Syracuse University Press, 2012. — 255 p.
25. Sorenson A. L. Is America Committing Suicide? / A. L. Sorenson. — Murfreesboro: SOWRD of the Lord Publishers, 1994. — 250 p.
26. Truslow Adams J. The Epic of America / J. Truslow Adams. — Safety Harbor, FL: Simon Publications, 2001. — 433 p.

*Воронежский государственный университет
Рабееах Сафаа Кхалид Брееам, преподаватель-исследователь.
E-mail: safaa.rabeeakh@mail.ru*

*Чугунов Д. А., доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы
E-mail: dr-chugunov@yandex.ru*

*Voronezh State University
Rabeeakh Safaa Khalid Breesam, Teacher-researcher
E-mail: safaa.rabeeakh@mail.ru

Chugunov, D. A., Dr. Hab. (Philology), Professor, Department of the History and Typology of Russian and Foreign Literature
E-mail: dr-chugunov@yandex.ru*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ШКОЛЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. А. Стернина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 августа 2018 г.

Аннотация: в статье представлен обзор сопоставительных исследований русского и германских языков Воронежской школы сопоставительных исследований на протяжении почти полувека ее существования.

Ключевые слова: сопоставительные исследования, русский и германские языки.

Abstract: the paper presents the survey of Voronezh school of comparative linguistics studies in Russian and German languages during almost 50 years of its existence.

Keywords: comparative linguistics, Russian and German languages.

Воронежская школа сопоставительных исследований, сформировавшаяся в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы под руководством доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Зинаиды Даниловны Поповой, имеет почти пятидесятилетнюю историю.

Исторически сложилось, что подавляющее большинство сопоставительных исследований школы выполнено на материале русского и германских языков: английского и немецкого. Так, из 44 защищенных под руководством З. Д. Поповой кандидатских диссертаций по сопоставительной проблематике 43 выполнены по сопоставлению русского языка с английским и немецким. Из девяти докторских диссертаций по сопоставительным исследованиям, в которых З. Д. Попова являлась научным консультантом, восемь выполнены на материале сопоставления русского языка с английским и немецким.

Как показал анализ, в выполненных под руководством З. Д. Поповой кандидатских диссертациях, носящих сопоставительный характер, количество работ по сопоставлению английского и немецкого языков практически одинаково: из 43 работ в 22 сопоставляются русский и английский языки, в 20 — русский и немецкий. Работа В. А. Федорова, посвященная типологии структурных схем простого предложения, выполнена на материале сразу нескольких языков, в том числе русского и двух германских: английского и немецкого.

В выполненных под руководством З. Д. Поповой кандидатских диссертациях, посвященных сопоставлению русского и английского языков, преобладают работы, посвященные проблемам сопоставления лексики и семантики, рассмотрению лексико-семанти-

ческих и лексико-грамматических полей, вопросам сопоставления грамматики и концептов. Так, в частности, в диссертации А. П. Бабушкина выявлена специфика воздействия экстралингвистических факторов на социально-политическую сферу лексико-фразеологических систем русского и английского языков, в работе Н. И. Базарской охарактеризованы национальные особенности перифразообразовательного процесса в английском и русском языках, О. А. Лавреновой на материале русского и английского лексико-семантических полей «Атмосферные осадки» определены параметры выявления национальной специфики одноименных лексико-семантических полей, Э. Р. Мамлеевой рассмотрены процессы формирования лексико-семантического поля на материале поля «Сверхъестественное и потустороннее» в русском и английском языках, В. В. Логвиновой выявлено и описано в русском и английском языках устройство функционально-семантического поля простых бытийных предложений, имеющих общую пропозицию со значением «состояние атмосферы», в кандидатской диссертации Э. Д. Хаустовой изучены типы когнитивных классификаторов в семантическом пространстве русского и английского языков на материале лексико-семантического поля «Фрукты и овощи».

Выполненные под руководством З. Д. Поповой кандидатские диссертации на материале русского и немецкого языков посвящены преимущественно вопросам семантики, фразеологии, грамматики и когнитивной лингвистики. Так, З. Е. Фомина в своей диссертации описала категориальные и семантические типы эмоционально-оценочной лексики в лексических системах русского и немецкого языков, В. Ф. Милехиной на материале сочинительных парных сочетаний в немецком и русском языках были установлены типы семантической связи между ком-

понентами фразеосочетаний, Е. Г. Селезневой с точки зрения национальной специфики фразеологической концептуализации описаны соматические фразеологизмы в русском и немецком языках, Э. Я. Рудник на материале русского языка в сопоставлении с немецким исследованы модальные глаголы и предикативы, С. М. Подвижной на материале русского и немецкого языков выявлена национальная специфика лексико-фразеологической вербализации концептов «небо» и «небесные тела».

Из восьми защищенных при научном консультировании З. Д. Поповой докторских диссертаций по сопоставительной проблематике пять выполнено на материале сопоставления русского и английского языков, три — на материале русского и немецкого. Так, докторская диссертация М. А. Стерниной посвящена опыту разработки интегральной теории полисемии на материале русского и английского языков. В докторской диссертации В. Б. Гольдберг на материале русского и английского лексико-фразеологических полей «Биологическое существование человека» описаны структурные связи в лексико-семантической системе языка. В докторской диссертации М. М. Булыниной на материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта выяснено влияние развития семантики глагола на динамику синтаксического концепта, в структурной схеме которого этот глагол употребляется. В докторской диссертации Л. В. Лаенко на материале русских и английских прилагательных чувственного восприятия рассмотрен перцептивный признак как объект номинации. В докторской диссертации В. Ю. Копрова на материале русского, английского и венгерского языков рассмотрен номинативный аспект структурно-семантического устройства простого предложения.

В докторской диссертации В. М. Топоровой на материале русского и немецкого языков изучен концепт «форма» в семантическом пространстве языка, в докторской диссертации Л. В. Ковалевой на материале русского и немецкого языков выявлены когнитивные процессы фразеологизации. В докторской диссертации М. Ф. Панкиной на материале русского и немецкого лексико-семантических полей «Кинетическое состояние агенса» рассмотрено формирование семантических структур в лексической системе языка.

Целый ряд сопоставительных и контрастивных диссертационных исследований русского и германских языков был выполнен под руководством коллег и учеников З. Д. Поповой.

Так, в частности, 22 кандидатских и 6 докторских диссертаций по сопоставительным и контрастивным исследованиям русского, английского и немецкого языков защищены под руководством Заслуженного деятеля науки Российской Федерации проф. И. А. Стернина. В работах, выполненных под руководством И. А. Стернина, в сопоставительном и контрастивном

плане рассматриваются проблемы национальной специфики лексики и фразеологии, национальной специфики концептов, национальной специфики коммуникативного поведения, проблемы сопоставительного анализа образной номинации, проблема лакуарности языковых систем, а также теоретические проблемы русского, английского и немецкого языков на основе их сопоставления.

Пятнадцать диссертационных исследований на материале русского и английского языков по различным аспектам лексики и фразеологии, включая и проблемы лакуарности, выполнены под руководством проф. М. А. Стерниной. Пять кандидатских диссертаций, посвященных проблемам сопоставления лексики, концептов и дискурса русского, английского и немецкого языков защищены под руководством проф. О. Н. Чарыковой. Под руководством проф. А. П. Бабушкина подготовлено четыре диссертационных исследования по сопоставительным проблемам когнитивной лингвистики на материале русского и английского языков. Четыре кандидатские диссертации на материале русского и английского языков, посвященные вопросам языковой категоризации и прогностики, выполнены под руководством проф. А. А. Кретьева. Когнитивным проблемам в сопоставительном аспекте на материале русского и немецкого языков посвящены три диссертационных исследования, выполненные под руководством проф. В. М. Топоровой. Под руководством проф. В. Ю. Копрова были защищены две кандидатские диссертации по сопоставительному синтаксису русского, английского и немецкого языков. Прагматическим аспектам сопоставления русского и английского языков посвящены две кандидатские диссертации, выполненные под руководством проф. Е. И. Беляевой. Сопоставлению прагматических аспектов русского и английского художественного дискурса посвящены две кандидатские диссертации, выполненные под руководством проф. Н. М. Вахтель.

По одной кандидатской диссертации, посвященной проблемам сопоставления русского, английского и немецкого языков, подготовлено под руководством проф. В. Б. Гольдберг и докторов филологических наук М. М. Булыниной и М. Ф. Панкиной.

Следует отметить также монографии и многочисленные статьи воронежских лингвистов по проблемам сопоставительной и контрастивной лингвистики русского и германских языков, предметом сопоставления в которых являются семантика, концепты, грамматика, фонетика, дискурс и коммуникативное поведение.

Отдельно следует отметить целый ряд подготовленных в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы на материале русского и английского языков принципиально новых типов словарей:

- Махонина А. А., Стернина М. А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Существо-

- тельное. — Воронеж: Истоки, 2006.
- Петросян Ж. В., Стернина М. А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Прилагательное. — Воронеж: Истоки, 2011.
 - Суханова О. В., Стернина М. А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Глагол. — Воронеж: Истоки, 2012.
 - Кривенко Л. А., Стернина М. А. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков. — Воронеж: Истоки, 2013.
 - Никитина И. Н., Стернина М. А. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных глагольных лексем русского и английского языков. — Воронеж: Истоки, 2013.
 - Кочетова Н. В., Стернина М. А. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных адвербиальных лексем русского и английского языков. — Воронеж: Истоки, 2016.

- Книга А. В. Русско-английский дифференциальный толково-переводной словарь. Наименования явлений природы. — Воронеж: Истоки, 2015.

Подводя итог, отметим, что проводимые Воронежской школой сопоставительные исследования русского и германских языков охватывают практически все языковые уровни и позволяют выявить в неблизкородственных языках общие и специфические черты, создавая основу их типологии.

Отметим также, что разработанный в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы и уже успешно зарекомендовавший себя сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований [1] обязан своему возникновению сопоставительным исследованиям именно германских языков.

ЛИТЕРАТУРА

Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований / М. А. Стернина. — Воронеж: Истоки, 2014. — 115 с.

*Воронежский государственный университет
Стернина М. А., профессор, заведующий кафедрой ан-
глийского языка естественно-научных факультетов
E-mail: sternina@vmail.ru*

*Voronezh State University
Sternina M. A., Professor, Head of the English Chair for
Science Departments
E-mail: sternina@vmail.ru*

К. СИМОНОВ-ЛИРИК В КОНТАКТАХ С МАССОВОЙ АУДИТОРИЕЙ ВОЕННЫХ ЛЕТ

С. Л. Страшнов

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 20 ноября 2018 г.

Аннотация: в центре внимания — поэтические произведения К. Симонова, созданные по преимуществу в 1941–1943 годах. Причины их массового успеха выясняются на основе анализа текстов и погружения в социально-нравственную атмосферу тех лет. Фронтовая лирика Симонова рассматривается на фоне тенденций, характерных для предвоенной литературы, и с учетом последующего представления в стихах гендерных и бытовых отношений.

Ключевые слова: Симонов, интимная повседневность, поэтические жанры, стиховая аудитория, семейная и эротическая проблематика, моралистичность.

Abstract: this study is focused on the poetic works of K. Simonov, created primarily between 1941 and 1943. Here, the reasons behind their overwhelming success are ascertained based of the text analysis and immersion into the social and moral atmosphere of those years. Simonov's front-line lyrics are discussed based on the typical trends characteristic to the pre-war literature, taking into account the subsequent presentation of gender and domestic relations in poems.

Keywords: Simonov, intimate everyday life, poetic genres, poetic audience, family and erotic problematics, moralism.

«Великий перелом», инициированный с 1929 г. политико-экономическими решениями руководства страны, сказывался затем повсеместно. В частности, в сфере интимной повседневности он «нашел выражение в формировании стандартов деэротизации общества и создании системы нормативных суждений, способствующих регламентированию сексуальности и репродуктивности» [1, 419]. Собственно личное, подвергаясь огосударствлению, выталкивалось на публичную арену и оказывалось. Однако лицемерию, деформирующему массовое сознание, не удавалось изменить его в корне, и то, что, допустим, в период НЭПа печаталось в газетах, обсуждалось на диспутах о свободной любви и даже на комсомольских собраниях, уходило в подполье — в устные толки и городской фольклор.

Тем не менее, перелом состоялся, в том числе при посредничестве художественного творчества. Приоритеты лирические вытесняются эпическими, и при этом «эпос сознательно конструируется государственно-эстетическим сознанием, как свое прямое дополнение и воплощение» [2, 298]. А лирика формально существовать продолжает, но заметно (после Маяковского или Есенина) мутирует. Она становится все более идиллической, условной, обезличенной. Сам термин превращается в эвфемизм любовной темы, основным лирическим жанром считается отныне эмблематичная массовая песня, а вакансию ведущего поэта-лирика занял в конце тридцатых

С. Щипачев. Технически нетривиальная, местами иступленно трагедийная «Твоя поэма» С. Кирсанова не имела и малой толики того успеха, который выпал на долю автора элементарно-нравоучительной сентенции «Любовью дорожить умеете...».

Стиховую аудиторию, состоявшую главным образом из старшеклассников, молодых работниц и одиноких женщин, впечатляли, тревожили весьма невинные, целомудренные детали — вроде таких: «О, эти худенькие плечи / Под синим пиджаком моим!» [3, 21] или «И сегодня — нет ее милее, / Так же всё ладонь ее тепла» [3, 29]. А самая рискованная эротика подавалась Щипачевым в форме аллегорий: «Пускай умру, пускай летят года, / Пускай я прахом стану навсегда. / Полями девушка пойдет босая. / Я вступенусь, превозмогая тлен, / Горячей пылью ног ее касаясь, / Ромашкою пропахших до колен» [3, 24]. Еще наглядней стихотворение «Яблоня»: «Но ветер платье рвал / И молодое тело / Желанной целовал. <...> Ей, тихой и счастливой, / Плодами тяжелесть» [3, 27]. Оглядчивость имела вполне оправданную государственными установками мотивировку («Я сам семейный человек» — [3, 36]) и выражалась в форме непритязательной. Однако и это скорее притягивало, чем отталкивало всех, кто переписывал «строки любви» в заветные тетрадки — «стишники», ибо у поклонников масскульта всегда, явно по И. Северянину: «Душа влечется в Прimitив» [4, 191].

В тени С. Щипачева находился не один С. Кирсанов — там же пребывал К. Симонов со своими начальными попытками высказаться об отношениях

с противоположным полом. Что, впрочем, более удивительно. Опубликованная в 1938 г. «лирическая», как сказано в подзаголовке, поэма «Пять страниц» излагала историю распавшейся пары, и симоновский рассказ выглядел вряд ли проникновеннее щипачевских миниатюр. Автор ограничивался намеками: преобладали пассажи, где «бессонная ночь без огня» [5, 401] и т.п. Вырвавшиеся было признания тут же самоприглушались многократными девальвирующими оговорками, страсть перетолковывалась в дружбу:

Я любил тебя всю,
твои губы и руки — отдельно.
Удивляясь не важным,
но милым для нас мелочам,
Мы умели дружить
и о чем-то совсем не постельном,
Лежа рядом, часами
с тобой говорить по ночам [5, 391].

К тому же и лирика здесь — опосредованная: она принадлежит другому человеку. Добавим, что нечто похожее в жанрово-концептуальном аспекте представляло собой не только сводящееся к определениям многочастное послание М. Алигер «Человеку в пути», но и еще одна тогдашняя объемная вещь К. Симонова — «Первая любовь».

Новое зрение открылось ему лишь в 1941 г., причем — как предчувствие — за месяц-полтора до начала войны. Симонов-писатель всегда был по-журналистски чуток, но иногда он оказывался и поэтически прозорливым. Именно так случилось и в мае сорок первого, когда стал складываться ставший знаменитым вскоре и теперь уже безусловно лирический дневник «С тобой и без тебя». В пяти начальных его стихотворениях намечено многое из будущего: мотив разлуки, коллизия любовного поединка, противоречивый характер героини, которой выпало «Верить только горю да потерям» [5, 171]. Да и стих отрывается от примитива, набирает силу, уверенность, а где-то чуть ли не изящество.

И именно К. Симонову, по словам М. Чудаковой, «выпадает начать изменение того языка *печатной* советской поэзии, который упрочивался к концу 1930-х при его же активной роли, а заодно и решать неразрешимую задачу “поэзии для всех”, не перестающей быть поэзией. Он замещает вытесненного из публичного литературного обихода Есенина — открытостью эмоций, порою нотой отчаяния, прямой обращенностью к читателю и если не забубенностью деревенского парня, то романской гусарской тоской, глубоко вросшей в русскую поэтическую традицию» [6, 258]. Но для нас важнее, что все это было понято сразу, с той лишь разницей, что иной оставалась тогда оценка Есенина. Уже в 1943 г. Л. Поляк писала: «“Лирический дневник” Симонова прозвучал как своеобразное утверждение новых прав поэта — прав на раскрытие своего интимного мира: “личное” перестало звучать в поэзии как нечто “не-

достойное”, запретное. В этом тайна бурного успеха Симонова» [7, 293].

Главная загадка, таким образом, — как же смогли совместиться «поэзия для всех» с исповедью про глубоко личное? Имея представление о механизмах распространения массовой культуры, можно было бы предположить, что значимым импульсом являлся эффект популярности прототипов (а в нашем случае это актриса жадно воспринимаемого современниками кино и все более узнаваемый литератор), перерастающим в инстинкт подглядывания. На это, рассуждая о реальном романе К. Симонова и В. Серовой, не без оснований обращает внимание И. Кукулин (см.: [8, 16]). Да и сами строки из «лирического дневника» — на фоне продолжавшего писать о любви тускло и осторожно С. Щипачева — содержали множество будораживших воображение деталей: возлюбленная — это и не жена пока, хотя таковой лирическому герою ее навязчиво хочется называть; отношения безоговорочные, стихийные, но и мучительные (порой безжалостные, вплоть до пожеланий зла — см.: [5, 185]); ночные сцены неприкрыто телесны, их воплощает «Прямой язык страстей» [5, 173].

Однако автор открывался, конечно, не для того, чтобы вместе со своей музой специально достаться «досушим сплетням» [5, 185], которых и без того хватало. Решающими оказывались невиданные обстоятельства, объединившие персонажей лирики с соотечественниками: расставания, воинские обязательства, смертельные опасности, испытания верности. Внешние сдерживающие факторы преобладали — тем безудержнее раскрепощались чувства, тем настоятельнее повышалась потребность их высказать, найти слова, чтобы передать переживаемое на расстояние. Разумеется, в письмах, но также и в стихах. И, как это обычно случается в подобной обстановке, многие начали слагать их сами, а едва ли не большинство на фронте и в тылу искали созвучное у профессионалов, причем в основном в газетах и на радио, а еще чаще в скопированном близкими и друзьями. Стиховую аудиторию в годы войны ошутимо пополнили «От женских ласк отвыкшие мужчины» [5, 179].

Тема солдатских жен — вечная, и сам Симонов подчеркнул это в стилизованной под дореволюционный фольклор песней «Старая солдатская», а еще в 1939-м сравнил улыбку любимой по-пастернаковски — с охранной грамотой (см.: [5, 103]). Но и в том, и в другом ошутимо сквозила литературная условность, вряд ли предполагавшая отклик читателей неискушенных, — покорило же их очевидно безыскусное: «Жди меня, и я вернусь» [5, 175]. Казалось бы, одной этой строчки могло хватить, чтобы оказаться всеобщей формулой: стихотворение в дальнейшем разворачивается экстенсивно. Однако повторы, которые изначально выступали как средство самовнушения, гипнотически заряжали всех находившихся в ситуации, сходной

с симоновской. А такие люди в годы Великой Отечественной войны исчислялись миллионами, и мольба о верности стало фактом не столько поэзии, сколько именно массового сознания.

В статье В. Александрова, выполненной в методологии социологического литературоведения, цитируется несколько выдержек из полевой почты, где безотносительно к стихам поэта звучат тем не менее частью созвучные его лирике мотивы (см.: [9, 221–225]), и без боязни ошибиться можно понять, что количество аналогичных эпистолярных признаний было несметным. Недаром же сказано, что «стихотворение “Жди меня” стало чуть ли не фронтовой молитвой» [10, 210].

У К. Симонова есть совсем другие фразы, как будто бы ставящие ее логику под сомнение, — про мужскую привычку «в тоскливые дни / Показывать смятые карточки женщин, / Как будто и правда нас помнят они» [5, 186], про то, что «И если даже с тайной силой / Вдали, в предчувствии, в тоске / Она в тот миг шептала “Милый” — / На скорбном женском языке, / Он не увидел это слово / На милых дрогнувших губах, / Всё было дымно и багрово / В последний миг в его глазах» [5, 203], — но при всей психологической своей правоте такие образы остались не востребованными, а заклинание «Жди меня, и я вернусь», непременно связывая с собой, нередко повторяют до сих пор. Первоначально поэт полагал, что написал только о своем и только для двоих (см. об этом: [5, 47]), но «оказалось: всей стране / Потребны именно такие!» [11, 47], — как выразился, вполне возможно, имея в виду именно этот случай, Н. Глазков.

Вместе с тем в целом военная лирика К. Симонова была принята отнюдь не однозначно. Некоторые критики-современники (и, весьма вероятно, — хотя бы частично — читатели) упрекали его если не в аморальности, то в натурализме (см., например: [12, 182]). Однако и тогда уже Симонов превращался в писателя компромиссов, равновесия: в других стихотворениях он выглядел как раз моралистом. В чём тоже сказывался отклик на заказ аудитории, причем гораздо более настоятельный, нежели интерес тех, кто жаждал получить и не получал в Советском Союзе «светскую хронику». Офицерско-интеллигентский сегмент аудитории, для которой герои «лирического дневника» выглядели секс-символами эпохи, оставался сравнительно узким — основная же масса нуждалась в непосредственном сочувствии и прямой помощи там, где понадобилось разобраться в новых непростых ситуациях — прежде всего таких из ряда гендерных, которые в официальных СМИ замалчивались.

Война резко обострила проблематику семейно-бытовой морали. Как вести себя среди одиноких женщин относительно свободному мужчине и как сохранить свою репутацию жене затерявшегося в пространствах бойца, что позволено испытывающему

тяготы фронтовику и что непозволительно в тылу, с которым связаны надежды, — на каждый из этих и сопутствующих вопросов Симонов-лирик попытался дать свой недвусмысленный ответ, что, впрочем, не избавило его поэзию от внутренних противоречий. «Жди меня...», кое-где ослабленно дублируемое («Когда на выжженном плато...», «Далекому другу»), уточнялось не только в уже процитированных стихотворениях «Я пил за тебя под Одессой в землянке...» и «Не раз видав, как умирали...» — сюжеты сентенции «На час запомнив имена...» и «Открытого письма» оказались чуть ли не асимметричными. Речь в них заходит об изменах — разных, да и оцениваемых тоже по-разному.

Первый текст повествует о походных романах: поспешных, мимолетных, не получавших продолжения. Поднимая уже в 1941-м трудную, как принято было тогда говорить, тему, которая с годами, будет лишь расширяться и заостряться, К. Симонов в очередной раз проявил журналистскую хватку, зато в ее трактовке постоянно страховался стыдливой оговорками. Мужские персонажи, «наспех женщин» [5, 184] обнимая, и сами себя оправдывают («говорят: “Война...”» — [5, 184]), и оправдываются автором: им «Всё легче помнить, что вчера / Хоть чьи-то руки обнимали» [5, 184]. А вот временные подруги показаны неприветливо, едва ли не брезгливо: солдатам они заменяют любимых как бы вынужденно — «торопливо», согревают «Теплом неласкового тела» [5, 184]. Себя же лирический герой, который «Случайной лаской не согрет...» [5, 184], четко отделяет «от тех, кто послабей душою» [5, 184], оставаясь достойным ожидания.

Обращение к «женщине из г. Вичуга» написано два года спустя и звучит оно еще более ригористично. Стихи о письмах, в силу обстоятельств военного времени, стали неизбежными, да и самую форму письма поэзия тех лет культивировала бесконечно. Та же книга «С тобой и без тебя» не только дневникова, но и эпистолярна: размещенные здесь послания свойства самого интимного, обязательно создававшие, по словам О. Ермакова, в обстановке фронтовой скученности «некоторую приватную территорию» [13, 355], но даже они получали, как мы уже знаем, резонанс социальный. И все-таки жанр письма незапечатанного — публицистичен откровенно. О. Берггольц, к примеру, могла адресоваться к одушевляемому городу («Сталинграду»), М. Алигер к «Немецкой женщине», а М. Светлов к «Итальянцу», убитому под Моздоком.

Симоновское послание в тыл позиционируется как открытое по сходной с алигеровской причине: это вызов на суд общественности. Причем по ее же почину. Стихотворение подписано следующим образом: «По поручению офицеров полка К. Симонов» [5, 151, курсив автора — см. также: [5, 567]]. В этом — один из основных импульсов: звание однополчани-

на, участника войны имеет для автора «Открытого письма» значение первостепенное. Фронтные друзья отделялись от жены и прежде («Смерть друга»), но без антагонизма — в их компании она ничья: «Как ты права — что прав меня лишала!» («Хозяйка дома» — [5, 189]). Теперь собирательный фронтовик вступает в явный конфликт с «женщиной из г. Вичуга»: моральные принципы декларируются и применяются именно от его лица.

Офицерское письмо, которое истолковывается как дело чести, — ответное, полемическое, причем в качестве улики пересказывается и то, что «за смертью адресата, / Между собой мы вслух прочли» [5, 149]. Главное обвинение — в черствости, жестокости, и не столько выбора судьбы (нового мужа, ведь «Не все способны век любить» — [5, 149]), сколько обидных слов, которые как возможность получить аналогичное ранят сослуживцев погибшего («нужды / Нет», «не утруждал» — [5, 149]). От этих коротких цитат и накаляется последующая объемная инвектива, в которой суд фронтовиков, вершимый, как сказано в другом месте, «По праву тех, кто может не вернуться» [5, 185], поддержан судом их жен, потому что «Вы клеветали / На них. Вы усомниться в них / Нам на минуту повод дали» [5, 150].

«Открытое письмо» как будто бы отнюдь не одностороннее, исключительно клеймящее позором. Начато и завершается оно с несколько церемонным, пожалуй, достоинством. Есть в нем и выразительные наблюдения, и горькая ирония — в частности, в афористично и оригинально поданном хронотопе войны: «Письмо медлительнее пули» [5, 151]. И все же это выступление, выглядевшее как разбор поступков и их словесного воплощения, носило характер программный, что почти автоматически делало рассматриваемую и некоторые другие симоновские конструкции рационалистическими. Даже широко распространяемый в войсках плакат с яростной концовкой «Сколько раз увидишь его, / Столько раз его и убей!» [5, 133] отталкивался от продолжительного ряда придаточных условия: «Если дорог тебе твой дом...» [5, 131] и т.д. (см.: [5, 131–132]).

К. Симонов-лирик вообще любил антитезы — доминируют они и в «Открытом письме»: «женщине из г. Вичуга» противопоставляются и «Покойного однопольчане» [5, 151], и «Немало женских душ высоких» [5, 150] — в осуждении своем автор предельно тверд, позабыв на трибуне, что не безгрешны и некоторые фронтовики. Ожидать многосмысленности платоновского «Возвращения», где решающей силой выступили детские образы, не приходилось. Ребенок в коллизии измены появится у Симонова только через десятилетие («Сын»), но и это не выведет из поэтического текста прямолинейность, хотя от пренебрежения пострадает на сей раз именно верная жена («Получает жена полковника / Свою пенсию за покойника» — [5, 261]).

Конечно, война — фатальная разлучница, и в других, менее ответственных, чем «Открытое письмо» своих стихотворениях («Мы не увидимся с тобой...», «Мне хочется тебя назвать женой...», «Я пил за тебя под Одессой в землянке...») Симонов не столь строг, говоря об отношениях и судьбах, он мог высказаться и скептически про тех, кто «Без спроса на верность тебя обrekli...» [5, 187]. Но, обращаясь, помимо «женщины из г. Вичуга», также к большой современной аудитории, поэт выступал в качестве своеобразного просветителя. Он выражал массовое сознание, но и прояснял его, компенсируя тогдашний медийный дефицит, ведь материалы «на темы морали» появятся в прессе (вне фельетонной рубрики) не раньше, чем во время «оттепели».

Поклонники «Жди меня» в большинстве своем, наверняка, разделяли и пафос «Открытого письма». Уже сам по себе факт ухода женщины к другому мужчине — в другом историческом контексте вполне бытовой и повседневный — становился в дни войны возмутительным, потому что он оказался запечатленным в письме к человеку, который и до того находился на границе жизни и смерти, а теперь погиб. Поэтому монолог автор звучит как проповедь. Г. Андреевский подчеркивает: «Шла война, и девочек учили любить достойных. На уроках девочки хвалили Татьяну Ларину за ее верность генералу Гремину и осуждали Наташу Ростову за измену князю Андрею, находившемуся на фронте» [14, 367]. В цитате обнаруживаются сразу две фактические ошибки: Гремин — персонаж исключительно оперный, и едва ли его имя упоминалось на уроках литературы, а князь Андрей, сделав предложение, целый год лечился на швейцарских курортах. Но летописец быта и нравов, возможно, попросту отразил распространенную, характерную для массового восприятия военных лет корректировку классических произведений, да и этико-педагогические постулаты эпохи представлены им верно.

Стихи, подобные «Открытому письму», тревожили людей к тому же и как житейские истории. Недавно писательница М. Степанова в очередной раз справедливо подчеркнула, что «интерес к чужой судьбе — то, что вживлено нам в плоть: инстинкт сострадания и сопереживания умрёт разве что вместе с человечеством» [15]. К сороковым годам в СССР исчезли последние следы мелкобуржуазной желтой прессы, с эстрады был изгнан нэпманский надрыв, а людям по-прежнему хотелось знать о существовании себе подобных, причем совсем не обязательно сенсационном. Мелодраматическим сюжетом Симонов сумел привлечь к своей поэзии дополнительное внимание.

И он опять уловил веяние, тренд. В специальной статье читаем: «романс никогда не был так органичен в советском быту, как в годы Отечественной войны» [16, 79]. И далее: «Актуализация романа проходила

на фоне всплеска фольклорного творчества» [16, 79]. Мотивы измены, предательства — архетипические для жестокого романа и для романской же баллады. В военную пору они зазвучали с понятным и повышенным постоянством, выражая очевидные потребности массового сознания, выражаемого и воспринимаемого через фольклор. И неудивительно, что бывало там и явно переключавшееся по фабулам и настрою с симоновским «Открытым письмом». Такова, к примеру, песня «В одном городе», которую теперь отнесли бы к жанру стари: «Здравствуй, папочка, — пишет Аллочка. — / А еще я хочу написать, / Что вчерашний день мать велела мне / Дядю Петю отцом называть». / Получив письмо, прочитав его, / Муж не стал уж собой дорожить. / И в последний бой пал он смертью, / И сейчас он в могиле лежит. / Ах вы, женушки, вы неверные, / Муж на фронте, а вы здесь гулять! / Война кончится, мужья придут — / Что вы будете им отвечать?» [17, 177].

Фронтная симоновская лирика сохраняла привлекательность и творческую продуктивность весьма долго. И так можно утверждать, даже занося в скобки вечную мольбу «Жди меня», которую обязательно вспоминают в экстремальных обстоятельствах (показательно, что и у ее создателя в дни и ночи войны вьетнамской, в начале семидесятых, появилось одно из поздних стихотворений — «Товарищу То Хью, который перевел “Жди меня”»). Не прервались и другие линии его поэзии: мелодраматическая и эротическая. Темы, отчасти созвучные «Открытому письму», воскрешались с 1950-го по 1960-й год то в пародийном рассказе А. Охрименко «Я был батальонный разведчик», то у самого К. Симонова («Сын», а в прозе к тому же в романе «Солдатами не рождаются» и в повести «Двадцать дней без войны»), то его основным последователем Е. Евтушенко («Настя Карпова»). Последний, кстати сказать, подхватил и постельные откровения из «лирического дневника» «С тобой и без тебя» («Ты говорила мне «люблю», / Но это по ночам, сквозь зубы. / А утром горькое «терплю» / Едва удерживали губы» — [5, 174]), чуть ли не буквально повторив их в поразившем многих современников признании «Ты спрашивала шепотом...».

Однако сочинения нравственно-бытового толка волновали публику устойчивее. О неискоренимости ее предпочтений свидетельствовал и массовый успех житейско-моралистических баллад Л. Ошанина, С. Острового и в особенности Э. Асадова, и то, к примеру, насколько долго на литературных вечерах, проходивших в «г. Вичуга», у выступавших допытывались, «к кому конкретно адресовано знаменитое стихотворение Константина Симонова “Открытое письмо”?» [18]. Причем, не успокаиваясь, прототип продолжают искать до сих пор (см.: [19, 10–11]). Получается, что такие стихи — точнее не сами стихи, а положенные в их основу фабулы — постоянно бу-

доражат неразвитое художественное сознание простодушных читателей.

Разумеется, Симонова никак нельзя равнять с тем же Асадовым, от которого он, как минимум, отличался сдержанностью тона, более скупой на прописные истины и пафос поэтикой. Еще резче отстранялся писатель от любопытствующей, падкой на клубничку толпы, высмеянной потом А. Галичем («А из зала мне кричат — давай подробности!» — [20, 72]). Именно ей — правда, в частной переписке (см.: [18]) — он отказал в этих самых неоправданно жестоких для прототипа «Открытого письма» подробностях, проявив при этом и мудрость, и человечность, и такт настоящего мужчины и интеллигента. Но и, не слишком потакавая массовым вкусам, К. Симонов-лирик продолжает своими стихами давать им кое-какую пищу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Лебина. — М.: Новое литературное обозрение, 2015.
2. Паперный В. Культура «Два». / В. Паперный. — М.: Новое литературное обозрение, 1996.
3. Щипачев С. Строки любви. / С. Щипачев. — М.: Советский писатель, 1945.
4. Северянин И. Стихотворения / И. Северянин. — М.: Советская Россия, 1988.
5. Симонов К. Стихотворения и поэмы / К. Симонов. — Л.: Советский писатель, 1982.
6. Чудакова М. Военное стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе военного времени / М. Чудакова // Новое литературное обозрение. — № 58 (2002). — С. 223–259.
7. Поляк Л. О «лирическом эпосе» Великой Отечественной войны / Л. Поляк // Знамя. — 1943. — № 9/10. — С. 292–299.
8. Кукулин И. В. Лирика советской субъективности: 1930–1941 / И. В. Кукулин // Филологический класс. — 2014. — № 1. — С. 7–19.
9. Александров В. Письма в Москву // В. Александров Люди и книги: Сб. статей. — М.: Советский писатель, 1956. — С. 208–232.
10. Золотусский И. У времени в плену / И. Золотусский // Звезда. — 2002. — № 2. — С. 209–215.
11. День поэзии: 1956–1981. Избранное. — М.: Советский писатель, 1982.
12. Зелинский К. О лирике / К. Зелинский // Знамя. — 1946. — № 8/9. — С. 179–199.
13. Ермаков О. «Каждое слово прогрето чувством...»: Письма А. Твардовского с войны / О. Ермаков // Вопросы литературы. — 2018. — № 2. — С. 348–373.
14. Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху: (30–40-е годы) / Г. В. Андреевский. — М.: Молодая гвардия, 2003.
15. Поэт Мария Степанова о любимых книгах: 10 книг, которые украсят любую библиотеку. «Wonder», 2017,

25 сентября.— Режим доступа: <http://www.wonderzine.com> (дата обращения: 22. 06. 2018).

16. Петровский М. «Езда в остров любви» или Что есть русский романс / М. Петровский // Вопросы литературы.— 1984.— № 5.— С. 55–90.

17. Песни нашего двора: Сборник.— М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

18. Горбунов С. Последам «Открытого письма» / С. Горбунов // Рабочий край.— 1985.— 5 мая.— С. 3.

19. Матершев И. Самая известная неизвестная женщина из города Вичуги / И. Матершев // Услышано Вичуга.— 2018.— 15 сентября.— С. 10–11.

20. Галич А. Песни. Стихи. Поэмы. Киноповесть. Пьеса. Статьи / А. Галич.— Екатеринбург: У-Фактория, 1998.

Ивановский государственный университет

Страшнов С. Л., профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, доктор филологических наук

E-mail: sstrashnov@yandex.ru

Ivanovo State University

Strashnov S. L., Ph. D. Professor of Philology, Department of Journalism, Advertising and Public Relations

E-mail: sstrashnov@yandex.ru

РУССКИЙ БУНТ В ИЗОБРАЖЕНИИ М. ШОЛОХОВА И В. ШУКШИНА

Н. В. Углова

Государственное автономное учреждение дополнительного профессионального образования Липецкой области «Институт развития образования»

Поступила в редакцию 23 октября 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается трагедия русского бунта, художественно осмысленная в эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» и киномане В. М. Шукшина «Я пришёл дать вам волю». Идеино-художественное своеобразие произведений о русском бунте позволяет говорить о развитии казачьей традиции, заложенной М. А. Шолоховым. Главенствующую роль в постижении проблематики «мятежных повествований» играют ключевые образы донских непокорных казаков, мятущихся правдоискателей, чутких к чужой боли и к несправедливости – шолоховского Григория Мелехова и шукшинского Степана Разина. Доминирующим для этих образов становится мотив поиска, больной совести.

Ключевые слова: русский бунт, казачья традиция, конфликт мировоззрений, государственное единовластие, Казачий круг, проблема личности, мотив поиска правды.

Abstract: the article regards the tragedy of Russian revolt which is artistically interpreted in M.A. Sholokhov's epic novel "And Quiet Flows the Don" and in V.M. Shukshin's movie novel "I have Come to Give You Freedom". The ideological and artistic identity of literary works about Russian revolt lets us speak about the evolution of Cossack tradition, established by M.A. Sholokhov. The key images of the Don rebellious Cossacks play the major role in the comprehension of "the rebel narration". The Cossacks (Sholokhov's Gregory Melekhov and Shukshin's Stepan Rasin) rush in search of the truth, they are sensitive towards other people's pain and injustice. The characters' dominant motive is the searching and the aching conscience.

Keywords: Russian revolt, Cossack tradition, conflict of the world outlook, state autocracy, Cossack circle, problem of the personality, motive of the search of truth.

Период гражданского противостояния в начале XX века нашёл отражение на страницах многих художественных, философских и публицистических произведений. Авторы их, нередко стоявшие по разные стороны баррикад, подчёркивали масштабы и последствия разразившейся трагедии – «русского бунта». Потребовалось почти столетие, чтобы попытаться объективно освещать братоубийственную катастрофу 1918–1922 годов, жертвами которой стали «16 миллионов россиян» [1, 3].

Эпическая масштабность катастрофы начала XX века, безусловно, представлена на страницах донского эпоса. Именно в судьбе казачества Дона преломилась трагедия междоусобной брани, о которой поведал миру М. А. Шолохов, и эта казачья традиция, заложенная писателем, плодотворно развивается. К осмыслению темы донского казачества, русского бунта как коренного разлада, раскола национальных основ русской жизни обращались также и Ф. Д. Крюков в «Шульгинской расправе», и П.Н. Краснов в «Картинах былого тихого Дона». В 1960 – начале 1970-х годов к донской теме обратился и В. М. Шукшин в киномане «Я пришёл дать вам волю».

Безусловно, проблема традиции в русской литературе является основополагающей. Она подраз-

умекает определённую систему взаимоотношений, взаимопроникновения религиозно-философских, духовно-этических, национально-исторических идей, совокупность которых позволяет говорить о наличии генетических связей между явлениями русской литературы. А. Ф. Лосев стремился показать, что только традиция позволяет непрерывно развиваться культуре как единому организму. Присутствие традиции, преемственности даёт литературе внутренний стержень – каждое произведение классики служит связующим звеном в бесконечной череде создающихся творений слова. Эта преемственность, последовательность в развитии литературы является гарантией понимания нами собственного прошлого.

Вне традиции невозможно развитие культуры вообще и литературы в частности. Наличие творческой связи между авторами донского эпоса и киномана позволяет говорить о развитии шолоховской традиции в творчестве Шукшина. М. О. Чудакова подчёркивала: «В творчестве Шукшина очевидна литературная традиция, и важной задачей для критики является увидеть её и осмыслить...» [2, 238]. В. К. Сигов, рассматривая значение образа Разина для понимания русского характера, отмечает, что «в анализе духовных изменений героя для Шукшина важен опыт Шолохова» [3, 161]. В. А. Апухтина называет «чем-то родственными» образы Григория Мелехова и Степана

Разина. Н. И. Стопченко констатировал: «Основные координаты художественных миров М. А. Шолохова и В. М. Шукшина: правда, добро, красота – постоянны. Они пропустили через своё сознание болевые проблемы истории и современности, судьбы людей с мятущимися, ищущими Истину душами» [4, 125].

Сам В. Шукшин писал о таком мечущемся человеке – главном герое «Калины красной»: «Душа его не на месте. Он тоскует и мечется, шарахается из одной крайности в другую, потому что сознаёт где-то, что живёт неладно, что жизнь его не задалась... Особенности такого характера – ходить по краю!...» [5, 340]. Это отсутствие внутреннего покоя было присуще и шолоховскому Григорию Мелехову, и шукшинскому Степану Разину, пытавшимся разрешить судьбоносные противоречия, в их жизни переплелось героическое и трагическое.

Жизнь души Григория Мелехова разворачивается на страницах эпопеи Шолохова, душевные боления Разина пронизывают весь кинороман Шукшина с первых и до заключительных его слов так же, как образ этого человека неотступно жил в душе автора. «Меня давно привлекал образ русского национального героя Степана Разина, овеянный народными легендами и преданиями. Последнее время я отдал немало сил и труда знакомству с архивными документами, посвященными <...> страницам сложной и во многом противоречивой жизни Степана... По сохранившимся документам и отзывам свидетелей представляю его умным и одарённым... Вместе с тем **поражают противоречия в его характере...**» [6, 4].

Роман «Я пришел дать вам волю» не просто повествование о судьбе исторического деятеля XVII века, это судьба человека, который попытался воплотить в жизнь утопическую «правду» социальной справедливости на земле, это трагическая судьба русского героя-максималиста. Это роман «о личности в истории, а не исторический роман» [7, 32]. В. М. Шукшин так определял свою задачу: «Меня больше интересует «история души», и ради её выявления я сознательно и много опускаю из внешней жизни того человека, чья душа меня волнует» [6, 135]. Это шукшинское высказывание перекликается с мыслью Л. Толстого, утверждающего, что «главная цель искусства... та, чтобы проявить, высказать правду о душе человека». Эта же мысль есть и у М. Шолохова о Григории Мелехове: «...В нём ещё жива душа! В этом его сила!.. Вот это и есть самая моя большая находка!» [8, 189].

Именно сила художественной правды для Шукшина была определяющей: «...литература есть ПРАВДА. Откровение» [6, 227]. И М. А. Шолохов завещал «проверять литературу жизнью». Этот нравственный императив, с такой строгостью применяемый к себе, особенно ценил Шукшин в Шолохове: «Проза Шолохова... очень жизненная, правдивая. Её легко играть, произносить, читать. К тому же проза Шолохова – это проза Шолохова: её всегда легко работать.

Может быть, не так сказано... Есть радость от общения с правдой. У Шолохова всё по-народному точно. Вот, положим, солдат Лопухин. Я думаю, это очень народный характер... Уж не знаю, как получится на экране... Но я стараюсь правдиво сделать роль. Стараюсь даже некоторое озорство шолоховское показать в выявлении характеров. Герои Шолохова – дорогие ему и трогательные люди. Отношение к ним автора самое любовное» [6, 167].

«Очарование человека» в образе Григория Мелехова и любовное отношение Шукшина к образу донского казака Степана Разина характерно для этих романов. Образ шукшинского Степана и шолоховского Мелехова-младшего – это образы мятежных и мятущихся правдоискателей, образы донских непокорных казаков, вожakov по природе, максималистов, чутких к чужой боли, к несправедливости. Доминирующим для этих образов становится мотив поиска, большой совести; неоднократно повторяются такие характеристики образа, как «бешеный», «одержимый», причём значимость приобретает не метафоризация этих слов, а прямое, непосредственное состояние персонажа.

О вызревании мятежа размышляют не только Шолохов и Шукшин, но и Ф. Д. Крюков в «Шульгинской расправе», П. Н. Краснов в «Картинах былого тихого Дона». Крюков также художественно осмысливает извечные вопросы: «Где же светлые дни? Где правда и справедливость, где праведные судьи и закон? Где нет этого стихийного гнёта, этих надругательств и насилия?» [9].

Мятежный атаман Булавин сопоставляется П. Н. Красновым с легендарным Разиным. Вывод неумолим – правда и справедливость не союзники насилия, ибо главный критерий чётко определён – польза Отечеству: «Булавин думал приобрести славу войску Донскому, но дал ему только бесславие и позор. Он был хуже Разина. Разин был разбойник, был гулебщик, охотник, был старый вольный казак. Идя против царских войск, он шел не против царя, а против бояр. Да и шёл против них он под влиянием вина. Трезвый он нашёл бы другое место для набегов.

Булавин восстал против царя! Этого на Дону никогда не бывало. Из-за мелкой, личной обиды он поверг войско Донское в великий позор. 17 тысяч казнённых помощников его лягут на его совесть. И умер он подлой смертью – смертью самоубийцы.

Булавин хотел дать войску славу, а дал ему бесславие! Он лишил донцов возможности участвовать в величайших и славнейших победах России. Казаки не были в Полтавской битве 27 июня 1709 года. Они опоздали к ней, и виной тому – Булавин.

А ведь Булавин желал пользы войску... Но он не понял, что сыну нельзя восставать на мать, а Тихий Дон, искони русский, не мог и не должен был идти против России. Слава донская так тесно связана со славой русской, что донцы всеми силами должны от-

стаивать славу, величие и неприкосновенность России и её Государя. И, как мы увидим дальше, донцы поняли это. Бок о бок, стремя к стремени сражаясь с русскими полками, они в вековую славу русских знамен вплели имена своих донских генералов, полковников, офицеров и казаков» [10].

Во всех исторических ситуациях, художественно осмысленных Крюковым, Красновым, Шолоховым, Шукшиным, сталкиваются интересы становящейся государственности и непокорность вольнолюбивого казачества мятежного отряда Ивана Разина, своеговольного Кондратия Булавина, взбунтовавшихся повстанцев в «Тихом Доне». Происходит конфликт двух мировоззрений: государственного единовластия и власти казачьего круга. Это противостояние внутри одной страны, среди единомышленников усугубляет трагизм междоусобицы единомышленников. У Ф. Д. Крюкова в «Шульгинской расправе» пение, трогающее душу, предваряет трагический исход: «Ой, да чем наша славная земелюшка распахана», – облокотившись на стол и глядя вниз, запел Булавин своим густым сильным басом и махнул рукой Гуляку. Тот подхватил, и те самые плавные и тоскливые звуки, которые слышались с улицы, полились теперь и заполнили собой всю избу. Задремавший Григорий Машлыкин вдруг встрепенулся, вышел из своего угла к столу и стал помахивать плавно руками, умильно и счастливо глядя на певцов. Долгорукий опустил голову и, задумавшись, слушал внимательно эту незнакомую ему горькую песню, и какое-то безотчётно-грустное настроение овладело им.

Песня говорила:

Не сохами-то славная земелюшка наша распахана не плугами

Распахана наша земелюшка лошадиными копытами

А засеяна славная земелюшка казацкими головами.

Чем-то наш батюшка славный тихий Дон украшен?

Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами.

Чем-то наш батюшка тихий Дон цветен?

Цветен наш батюшка славный тихий Дон цветен?

Чем-то в славном тихом Дону волна наполнена?

Наполнена волна в тихом Дону отцовскими-материными слезами».

– А песня, брат, знатная! – сказал князь, когда Булавин и Гуляк кончили петь: – только ты извини меня, брат, Кондратий... как тебя там по батюшка-то?

– Афанасьев сын...

– Ну, Афанасьевич – извини, брат, а рожа у тебя самая разбойническая» [9].

Эта строчка старинной песни («Помутился ты, Дон, сверху донизу»), притянувшая к себе внимание писателей, обретает обширные смысловые и событийные связи, не ограничивающиеся общностью темы – русской смуты, междоусобицы, выплескива-

ющейся в народных волнениях, мятежах, гражданских войнах. Образ смуты возникает до развития сюжетной динамики, постепенно утрачивая метафорическое наполнение и всё более обретая зримые, осязаемые черты реальной исторической трагедии. Перекипающая стремнина тихого Дона разрастается до духовной коловрати и катастрофы. В противоречиях натуры Кондратия Булавина, Степана Разина и Григория Мелехова преломились разломы внешнего мира. Русская государственность и бунт – эта проблематика получит развитие на страницах повествований Крюкова и Краснова, Шолохова и Шукшина, имеющих, как и в реальной жизни, непредусмотренный ход действия и исход. Логика жизни руководит движением сюжета.

Соотнесённость проблематики произведений, созданных в разные историко-литературные эпохи, открывает новые перспективы изучения их творчества в едином культурном контексте русской литературы, немыслимом вне действия традиций. Крюков и Краснов, Шолохов и Шукшин искали в русской истории духовный смысл. М. А. Шолохов подходил к решению темы, опираясь на горячий исторический материал, Ф. Д. Крюков, П. Н. Краснов, В. М. Шукшин исследовали современность через призму хронологически удалённых событий. Рассматривая проблему личности, писатели тем самым глубоко проникают в проблему мира, ибо «человеческая личность... есть поприще всех противоречий... своей сутью глубоко сокрыта в сущности мира» [11, 37]. Эта проблема человека поставлена писателями с такой трагической серьёзностью, что «по некоей внутренней необходимости перерастает в проблему Бога и в мировую проблему мира» [11, 37].

Григорий Мелехов и шукшинский Степан Разин попытались на свой лад, в силу своего разума решить извечные «проклятые» проблемы и устроить справедливый порядок жизни. «Возможность поставить вечные проблемы и невозможность их разрешить была бы для человека мукой, равной которой нет ни в одном из миров» [11, 38]. Вопросы нравственности в романах «Тихий Дон» и «Я пришел дать вам волю» оказываются теснейшим образом связанными с признанием существования высшей духовности. В противном случае – духовное заблуждение неотвратимо влечёт в тупик, единственным выходом из которого является отказ от ошибочных представлений.

Общность духовного пространства русской литературной классики формирует внутренние связи между художественными произведениями: определяется магистральная философско-нравственная проблематика, аксиологические ориентиры действующих персонажей, намечается целевая установка эстетического воздействия творений слова. Вспомним узловое вопрошание Шукшина: «Что с нами происходит?» или мелеховское, интуитивное

покаянное обращение: «Неправильный у жизни ход, и, может и я в этом виноватый... Все у меня... **помутилось** в голове» [12, 239].

Этот внутренний разлом усиливается в шолоховском повествовании философско-поэтическим императивом: «В годину **смуты** и разврата / Не осудите, братья, брата» [12, 637], как гулкое эхо отзвываясь на эпиграфы к роману «Тихий Дон», создающие уже в начале произведения поле напряжения: «Ой, что же ты, тихий Дон, **мутнехонек** течешь?»; «А теперь ты, Дон, все **мутен** течешь, / **Помутился** весь сверху донизу» [12, 3], которые организуют и дальнейшее внутреннее сюжетное пространство.

Сила творческих сопряжений спустя годы отзовется в киносценарии, развернувшимся впоследствии в роман «Я пришел дать вам волю» В. М. Шукшина, где вновь возникает образ не только казачьей смуты на Дону, но и разразившейся общерусской смуты. Это камертоном отразится в поиске названий первой из 2-х частей сценария к фильму «Степан Разин»: «**Помутился** ты, Дон, сверху донизу» [13, 144]. Возникшие духовно-нравственные параллели в тексте ряда произведений русской литературы могут многое прояснить в исторической судьбе России. Роман Шукшина (в романе изменилось название 1-й части: «Вольные казаки») открывается финальными сценами обуздания смуты. Эпическое начало с первых страниц повествований Шолохова и Шукшина, финальный эпизод пения в произведении Крюкова определяют атмосферу донских повествований, истинный масштаб авторских замыслов. П. Н. Краснов весьма точно определяет особенность донского казачества: «Боевыми рыцарями они были, боевыми рыцарями они и остались» [10]. Именно такой вектор художественной мысли приобретает решающее значение в период гражданской войны начала XX века.

Острота проблемы междоусобного раздора особа значима для шолоховского повествования: Корниловский мятеж, Верхнедонское восстание, «деятельность» банды Фомина. Авторское отношение к внутренним разногласиям с максимальной определённой выражается в словах старика Чумакова – жителя хутора Татарского: «С черкесами воевали, с турками воевали, и то замирение вышло, а вы **свои люди** и **никак промежду собой не столкуетесь...** Нехорошо, Григорий Пантелеевич, право слово, нехорошо! Бог-милостивец, он всё видит, он вам всем это не простит, попомни моё слово! Ну, мыслимое ли это дело: **русские православные люди сцепились между собой, и удержу нету**» [12, 681]. Его слова непосредственно смыкаются с заключениями деда Гришаки, которые аналогичны высказываниям патриарха Тихона времени гражданской войны: «Не наше дело судить о земной власти: всякая власть от Бога допущенная...» (Из «Послания Совету Народных комиссаров» от 13/26 октября 1918 г.) [14, 113].

«Позиция патриарха Тихона, – говорил патриарх Алексей Второй, который не стал призывать к вооружённому сопротивлению, является глубоко укоренённой в православной традиции» (Из ответов патриарха Алексея Второго на вопросы «Литературной газеты» от 28 ноября 1990 года).

Восстание и верхнедонцев, и разинцев, и булавинцев характеризуется не только военно-политической борьбой, но и напряженным **духовным** неповиновением, возмущением. Шукшину, так же как Шолохову и Краснову, важно показать разрушительные последствия междоусобицы. В. М. Шукшин, размышляя об историческом пути России, отмечал: «Надо совершенно спокойно – без чванства и высокомерия сказать: у России свой путь. Путь тяжкий, трагический, но не безысходный в конце концов. Гордиться нам пока нечем» [6, 236].

Этой сердечной болью Шукшин поделился в беседе с Шолоховым в станице Вешенской: «Мы с вами распустили нацию. Теперь предстоит тяжелый труд – собрать её заново. Собрать нацию гораздо сложнее, чем распустить» [6, 236]. И для Шолохова и Шукшина, и для Крюкова и Краснова вопросы национального самосознания, духовно-нравственного идеала образуют главный нерв художественно-философской проблематики их произведений, которая стала внутренней реальной скрепой, позволяющей говорить о наличии непрерывной духовной традиции от «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона» в русской классической литературе XX века. Поэтому неудивительно, что по мере развития историко-литературного процесса XX века вопрос о шолоховских традициях в творчестве Шукшина, в частности его романа «Я пришел дать вам волю», становится одним из важнейших вопросов поэтики Шукшина. Эта тема практически неисчерпаема, в данной же статье мы остановились только на некоторых моментах творческой преемственности Шолохова и Шукшина.

Писатели рассматривают важнейшие онтологические вопросы национальной судьбы, вскрывают корни внутрисосударственных противоречий, максимально проявившихся в жизни Степана Разина в XVII и Кондратия Булавина в XVIII веках, Григория Мелехова в начале XX века. Авторские описания душевных переживаний начинают разворачиваться на страницах шолоховского и шукшинского произведений постепенно, по ходу развития действия появляются и расширяются внутренние монологи героев, беседы о бытийных вопросах – о правде, справедливости, вере, государстве, воле. Развёрнутые внутренние монологи в некотором роде обозначают вехи на жизненном пути героев.

Русская судьба видится писателям трагичной, и жизненный путь самих авторов исполнен изломов, постичь их глубинный смысл поможет одна из рабочих записей Василия Макаровича: «... литература – это все же жизнь души человеческой...» [6, 221]. Не толь-

ко прозаические полотна Шолохова, Краснова, но и поэтическое наследие участников Белого движения, очевидцев Гражданской войны в России 1918–1922 гг. способствует постижению правды о человеческой душе, о её стремлении обрести свободу, о надежде преодоления разлада, о недопущении раскола...

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая лира: Антология поэзии Белого движения. – Смоленск : Русич, 2006. – 608 с. (Свирель)
2. Сердюченко В. Надежность традиции / В. Сердюченко // Новый мир. – 1980. – № 9. – С. 237–244.
3. Сигов В. К. Русская идея В. М. Шукшина. Концепция народного характера и национальной судьбы в прозе / В. К. Сигов. – М. : Интеллект-центр, 1999. – 302 с.
4. Стопченко Н.И. М. А. Шолохов и В. М. Шукшин (творческие связи) / Н. И. Стопченко // В кн. В. М. Шукшин. Жизнь и творчество: Тезисы докладов III Всероссийской научно-практической конференции, 6 – 8 октября 1994) / Отв. ред. А.А. Чувакин. – Барнаул : Полиграфист, 1994. – С. 124 –131.
5. Коробов В. Василий Шукшин. Вещее слово / В. Коробов. – М. : Молодая гвардия, 1999. – 405 с.
6. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 5-ти т. / В. М. Шукшин. – М. : Panprint Publishers / Интеркнига, 1996. – Т. 5.
7. Катасонов В. Н. Хождение по водам. Религиозно-нравственный смысл «Капитанской дочки» А.С. Пушкина / В. Н. Катасонов. – Пермь : ПО «ПАНАГИЯ», 1998. – 52 с.
8. Акаткин В. М. Прощание с утопией. Статьи о литературе / В. М. Акаткин. – Воронеж : Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1991. – 336 с.
9. Крюков Ф. Д. Шульгинская расправа / Ф. Д. Крюков. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/krjukow_f_d/text_1894_gasprava.shtml
10. Краснов П. Н. Картины былого тихого Дона / П. Н. Краснов. – Режим доступа: <http://poesias.ru/proza/krasnov-petr/krasnov1031.shtml>
11. Иустин Прп. (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. – СПб. : Издательский дом «Адмиралтейство», 1998. – 271 с.
12. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман. В 2-х т. / М. А. Шолохов. – М. : Современник, 1975.
13. Шукшин В. М. Я пришел дать вам волю. Сценарий / В. М. Шукшин // Искусство кино. – 1968. – № 5–6.
14. Тихон Патриарх. Россия в проказе. – М. : Лодья, 1998. – 73 с.

*Липецкий институт развития образования
Углова Н. В., кандидат филологических наук, заведующий кафедрой гуманитарного и эстетического образования
E-mail: ena-lko5@yandex.ru*

*Uglova N. V., Candidate of Philology, Head of the Liberal and
Esthetic Education Department,
E-mail: ena-lko5@yandex.ru*

ЛАКУНАРНОСТЬ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ОБЩЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

М. В. Шаманова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Поступила в редакцию 29 июня 2018 г.

Аннотация: целью данного исследования является описание особенностей состава лексико-фразеологического поля «Общение» в современном русском языке и выявление на этом фоне внутриязыковых лагун. Показано, что несмотря на большой объем поля, в данной сфере языковой подсистемы представлены многочисленные лагуны различного типа.

Ключевые слова: коммуникативная лексика и фразеология, лексико-фразеологическое поле, внутриязыковые лагуны.

Abstract: the purpose of this study is to describe the special aspects of the lexico-phraseological field «communication» in the modern Russian language and to identify intralinguistic lacunas. In spite of the large scope of the lexical field, in this area of the language sub-system has various gaps of different types.

Keywords: communicative vocabulary and phraseology, lexico-phraseological field, intralinguistic lacuna.

Лексико-фразеологическое поле (ЛФП) «Общение» — одно из самых крупных полей русского языка, насчитывающее на современном этапе 2659 лексем (2820 семем) и 1107 фразеологических единиц. В ЛФП «Общение» выделяются различные по объему лексико-фразеологические, лексико-семантические, фразеологические микрополя, синонимические ряды и антонимические пары. Сопоставление единиц, составляющих анализируемое поле, по различным параметрам (общему составу, частеречной принадлежности, стиливой отнесенности и т.п.) позволило обнаружить внутриязыковые лагуны различного типа.

В современной лингвистике отсутствует единое определение понятия «лагуна». В. Г. Гак объясняет лагуны как «пропуски в лексической системе языка, отсутствие слов, которые, казалось бы, должны были присутствовать в языке, если исходить из его отражательной функции (т.е. его задачи обозначать явления объективной действительности) и из лексической системы языка» [1, 261].

Г. В. Быкова определяет внутриязыковые лагуны как «белые пятна», пробелы, пустые, незаполненные места в лексической системе языка [2, 100]. Внутриязыковые лагуны определяются ученым как «семемы, представляющие в системе языка виртуальную лексическую единицу, занимающую соответствующее место в лексической системе в статусе нулевой лексемы» [2, 101].

Несмотря на то, что коммуникативная лексика и фразеология русского языка богата и разноо-

бразна, в ее составе можно выявить многочисленные «нулевые лексемы». Так, в русском языке есть лексемы и фразеологические единицы со значением 'говорить неправду': *лгать, обманывать, врать, брехать, лить пули, заправлять арана, вешать лапшу на уши, рассказывать сказки* и другие. Однако нет лексем и фразеологических единиц для обозначения семемы 'говорить правду'. Также нет в русском языке языковых единиц для названия человека, который говорит правду (ср. *лгун, брехун, врун, брехло, обманщик* и др.). Есть лексемы и фразеологические единицы со значением 'пустые разговоры' (*болтовня, говорильня, пустозвонство, пустословие, трепаться / потрещаться, переливать из пустого в порожнее, городить пустое, лить воду, колебать воздух* и др.), но нет обозначения для семемы 'говорить по делу'. Не обозначены в русской лексико-фразеологической системе также такие семемы, как 'человек, который говорит по делу' (ср. *болтун и болтунья, пустобрех и пустобрешка, пустомеля, пустозвон, пустослов, пустые языки, досужие языки*), 'говорить что-либо важное'.

Внутриязыковые лагуны можно обнаружить при сопоставлении лексико-семантических и фразеологических микрополей исследуемого лексико-фразеологического поля. Так, выделяются семемы, обозначенные в лексико-фразеологической системе русского языка фразеологическими единицами, при этом самостоятельные лексемы, выражающие данный смысл, отсутствуют:

испытывать желание говорить: *просится на язык, язык чешется, язык свербит, вертится на языке, вертится на кончике языка, крутится на языке;*

рассуждать на излюбленную тему: *садиться на своего <любимого> конька, оседлать своего <лю-*

¹ Работа выполнена в рамках инициативной НИР ЯрГУ № ВИП-011

бимого> конька, усесться на любимого конька, по-
пасть на свой конек;

вступать в беседу в соответствии с желания-
ми, настроениями, взглядами кого-либо: *попадать
в тон — попасть в тон, попадать в <самую> точку
/ попасть в <самую> точку, попадать в струю / по-
пасть в струю*;

воспринимать суть разговора по-разному: *гово-
рить на разных языках, говорить разными языками*;
напрасно говорить о чем-либо или доказывать
что-либо тому, кто не способен или не хочет понять
это: *метать бисер <перед свиньями>, метание бисе-
ра перед свиньями*;

метко, остроумно сказать о недостатках кого-ли-
бо, чего-либо: *не в бровь, а в <самый> глаз*;

переключить разговор на высокие темы: *воспа-
рить в горня*;

отсутствие решимости, умения сказать что-либо:
слова не идут на язык;

ошеломить кого-либо неожиданным высказыва-
нием: *как будто (точно) обухом по голове, бац по ро-
гам*;

вести утомительные, неинтересные разговоры:
заводить панихиду / завести панихиду;

принудить кого-либо к молчанию: *наложить пе-
чат на уста, обкоротить (укоротить) язык, зам-
кнуть уста, полагать хранение устам (на уста) / по-
ложить хранение устам (на уста), привязать язык,
связывать язык / связать язык, хватать за язык, на-
ступать на язык / наступить на язык, затыкать рот
/ заткнуть рот, заградить уста, затыкать глотку
/ заткнуть глотку*;

касаться в разговоре того, что неприятно собесед-
нику: *наступать на <любимую> мозоль / наступить
на <любимую> мозоль, задевать за струну / задеть
за струну, берeditь душу / разберeditь душу, бере-
дить сердце / разберeditь сердце, бить по больному*

*месту, берeditь <старую> рану / разберeditь <ста-
рую> рану, травить сердце, травить душу*.

Наблюдается и противоположное явление: вы-
деляются семемы, обозначенные в лексико-фразе-
ологической системе русского языка лексическими
единицами, при этом фразеологические единицы,
выражающие данный смысл, отсутствуют:

называть, именовать кого-л., что-л.: *величание,
именование, название, наречение, величать, звать-
ся, именовать / наименовать, именовать / наиме-
новаться, кликать, называть / называть, назваться
/ называться, наречь / нарекать, наречься / наре-
каться, обзывать / обозвать* и др.;

предсказывать что-л.: *карканье, предвещание,
предречение, предсказание, провозвещение, прори-
цание, вещать / провещать, каркать, предвещать,
предвозвестить / предвозвещать, предречь / пред-
рекать* и др.;

говорить грубости кому-л.: *грубить / наглубить,
грубиянить / наглубиянить, дерзить / надерзить,
оскорбить / оскорблять, хамить* и др.;

угрожать кому-л.: *застрачивание, угроза, грозить
/ пригрозить, застращать / застрачивать, настра-
щать, погрозить, погрозиться, постращать, при-
грозить, пристращать, стращать, угрожать* и др.;

сохранять в тайне, скрывать что-л.: *утаение, ута-
ивание, утайка, потаить, потаиться, таить / ута-
ить, таиться, утаиться*;

ободрять, поощрять кого-л.: *ободрение, поощре-
ние, ободрить / ободрять, подбодрить / подбодрять,
поощрить / поощрять* и др.

При описании семантики ЛФП «Общение» в рам-
ках выделяемых микрополей обнаруживаются много-
численные стилистические лакуны в парадигме: *меж-
стилевая языковая единица — сниженная — книжная*.

Покажем это на примере отдельных микропо-
лей (см. табл. 1).

Таблица 1.

Стилистические лакуны в ЛФП «Общение»

Имя микрополя	Межстилевая лексема	Сниженная лексема	Книжная лексема
Характеристика речи по громкости, тону, выговору, произношению	кричать	реветь, орать, вопить, горланить и др.	—
	гомон	гам	—
	поучительный	—	назидательный
	ворчливый	брюзгливый	—
	ворчать	брюзжать	—
	лепетать	лопотать	—
	шепелявить	пришепывать	—
Характеристика человека и его качеств в отношении к речи, общению	многословный	—	многоречивый
	—	болтун	—
	молчаливый	—	—
	шутник	балагур	—
	—	крикун	—
	оратор	—	трибун
	доносчик	наушник	—

Прекращение общения	отвернуться	отшатнуться	—
	обособиться	отгородиться	—
Упрек	упрекать	попрекать	—
	упрек	попрек	—
Ссора, брань, конфликт	—	перебранка, перепалка, перекоры и др.	—
	сталкиваться	конфликтовать, схлестываться	—

Анализ состава и семантики составляющих ЛФП микрополей показал, что высокий уровень лакунарности связан прежде всего с отсутствием в русском языке книжных лексем для обозначения смыслов, передаваемых межстилевыми и сниженными лексемами.

Таким образом, несмотря на большое количество лексических и фразеологических единиц, образующих ЛФП «Общение» в русском языке, налицо мно-

гочисленные внутриязыковые лакуны в этой сфере языковой подсистемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. — Л., 1977. — 286 с.
2. Быкова Г. В. Лакунарность в условиях одноязычной ситуации и межкультурном диалоге / Г. В. Быкова // Сибирский педагогический журнал. — 2010. — № 2. — С. 100–109.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Шаманова М. В., заведующий кафедрой общей и прикладной филологии, декан факультета филологии и коммуникации

E-mail: mshamanova@mail.ru

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Shamanova M. V., the head of the department of common and applied philology, the dean of the faculty of philology and communication

E-mail: mshamanova@mail.ru

СОЛНЦЕ «АЛЬ-ДЖАЗИРЫ» ЗАХОДИТ В СИРИИ

Алмашакбех Саддам Сулейман Салман

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 октября 2018 г.

Аннотация: статья посвящена одной из наиболее успешных ближневосточных телекомпаний последних десятилетий — катарской «Аль-Джазире». Как полагают некоторые исследователи, спутниковый канал потерял много зрителей из-за предвзятых и непрофессиональных новостей и репортажей о конфликте в Сирии. И это подтверждает научную концепцию необходимости демократии как политической предпосылки существования журналистики.

Ключевые слова: сирийский конфликт, «Аль-Джазира», «арабская весна», демократия.

Abstract: the article is devoted to one of the most successful Middle Eastern TV companies of recent decades — the Qatari Al Jazeera. As some researchers believe, and how many viewers and followers were lost because of not neutral and unprofessional news and reports about the conflict in Syria. And this confirms the scientific concept, proceeding from the necessity of democracy as a political prerequisite for the existence of journalism.

Keywords: Syrian conflict, "Al-jazeera", the Arab Spring, democracy.

«Аль-Джазира» (араб. — «полуостров») — катарский и панарабский телеканал, начал вещание в ноябре 1996 г. «Аль-Джазира» приобрела популярность, став первым новостным спутниковым каналом на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Особую популярность канал приобрел благодаря редакционной политике в поддержку палестинского восстания в 2000 г. и негативному отношению к оккупации Ирака в 2003 г.

События 11 сентября и противостояние западных стран с арабскими террористическими группировками приковали внимание всего мира к выпускам канала «Аль-Джазира», который транслировал репортажи эксклюзивного характера: картинки из тренировочных лагерей «Аль-Каиды», выступления Усамы бен Ладена, съемки военных действий на территории Афганистана и Ирака.

Арабоязычный канал «Аль-Джазира» адресует свои программы преимущественно зрителям стран, СМИ которых функционируют при непосредственном государственном контроле и не допускают инкомыслия. Журналистам-оппозиционерам угрожают аресты, штрафы, пытки и тюремное заключение. Законы таких стран разрешают преследование журналистов за вторжение в политические дела [1, 149].

Как отмечают исследователи, канал сыграл важнейшую роль в демократизации арабской общественной сферы в период народного подъема («арабской весны» 2011 г.).

Исследователями выделяются 4 главных фактора успешной работы «Аль-Джазиры»:

— оперативность (быстрота) реагирования на срочные события;

— журналистские принципы, высокий профессионализм и смелость репортажей;

— толерантность к различиям во взглядах;

— панарабская ориентация (новостной канал вещает из арабской страны для всех арабов) [2, 226].

Яркий пример типичного для Al-Jazeera English подхода к освещению конфликта является деятельность во время «арабской весны» в декабре 2010 года. По данным сайта Compete Pulse от 16 мая 2011 г. число уникальных посетителей сайта english.aljazeera.net с марта 2009 по март 2011 гг. увеличилось с 400 000 до 1 400 000.

Канал вел продолжительные прямые трансляции из горячих точек. Репортажи в основном сосредоточивались на настроениях и действиях революционной тунисской и египетской молодежи. Канал, по утверждению некоторых исследователей, «часто практически скандировал вместе с участниками протестов» [3]. Журналисты «Аль-Джазиры» говорили о двух миллионах манифестантов на каирской площади Тахрир, в то время когда другие СМИ настаивали на «сотне тысяч участников» [4].

Египетскими оппозиционерами эфир «Аль-Джазиры» транслировался на импровизированных экранах. Лозунги «Аль-Джазира = свобода» помещались на стенах восставших городов. «Аль-Джазира» не соблюдала нейтралитет в выборе употребляемой лексики. Редакционная линия пробудила гнев руководителей стран, в которых вспыхнули народные волнения. По словам покойного ливийского лидера Муаммара Каддафи, канал «Аль-Джазира» был «глав-

ным врагом». Ливийцы пытались глушить сигнал «Аль-Джазиры» в Северной Африке [5].

Чарли Беккет, глава медиаисследовательского отдела Лондонской школы экономики, отметил, что освещение «арабской весны» каналом «Аль-Джазира» может способствовать завоеванию авторитета, сравнимого с репутацией CNN в освещении войны в Персидском заливе в 1991 г. [6]

«Аль-Джазира» провозгласила себя первым представителем действительно свободной и независимой прессы в арабском мире и во многих случаях действительно проявила себя как таковая. Но насколько свободной и независимой может быть телекомпания, субсидируемая правительством страны, в которой, согласно отчету Государственного департамента США о соблюдении прав человека, запрещены политические организации и ограничены основные гражданские права, такие как свобода слова, собраний, вероисповедания [7]?

Но настоящая неудача ждала «Аль-Джазиру» в Сирии, где канал полностью встал на сторону США и их западных союзников и, таким образом, в значительной степени потерял моральный и профессиональный авторитет. Если телеканал «Аль-Джазира» комментировал происходящее в Сирии, то это делалось с преуменьшением проступков мятежников и выставлением на первое место религиозной стороны конфликта. Этот телеканал очень редко сообщает или же вообще замалчивает факты присутствия террористов и боевиков «Аль-Каиды» в сирийских отрядах оппозиции, несмотря на то, что об этом сообщают многие журналисты со всего мира [8, 113].

Многие выпуски новостей «Аль-Джазиры» опираются не на скрупулезно подготовленные репортажи, а исключительно на рассказы «очевидцев» и «гражданских журналистов», на видеоматериалы с YouTube, информацию и фотографии, опубликованные сирийскими оппозиционными организациями.

«Аль-Джазира» явно предвзята в своих новостях по отношению к вооруженным исламским организациям, таким как ИГИЛ и «Джебхат ан-Нусра».

С начала событий в 2011 г. до середины 2017 г. канал «Аль-Джазира» представлял Сирийскую арабскую армию как «армию режима» и не употреблял словосочетание «президент Сирии» по отношению к президенту Башару Асаду. Лишь во время выступления Башара Асада перед Сирийским парламентом 20 августа 2017 г. «Аль-Джазира» назвала его президентом Сирии — после серьезных изменений, произошедших в результате военного вмешательства России. Это то, что исследователи называли серьезным изменением в освещении «Аль-Джазирой» конфликта в Сирии после побед, достигнутых сирийской армией в районах Алеппо и Пальмире и поражения «Исламского Государства» в иракском городе Мосул.

«Аль-Джазиру» один за одним начинают покидать те самые возвращенные на опыте западной журналистики

сотрудники, которым она обязана успешным развитием на первом этапе своего существования. Так, Актан Сулиман, берлинский корреспондент «Аль-Джазиры», уволившийся в декабре 2012 г., заявил в интервью телеканалу «Дойче Велле» (Deutsche Welle): «Я должен сказать, что сегодня «Аль-Джазира» недостает профессионализма. Когда я пришел в нее в 2002 г., у меня не возникало подобного впечатления, — совсем наоборот. Разумеется, были фундаментальные, долгосрочные проблемы, но в последние два года «Аль-Джазира» многое утратила в плане профессионализма... Проблема заключается в том, что у нее нет внутренних механизмов, обеспечивающих защиту от попыток владельцев или редакторов оказывать политическое влияние на журналистскую деятельность» [9].

Еще резче по этому поводу высказался бывший военный корреспондент «Аль-Джазиры» Али Хашем, покинувший свой пост в начале 2012 г. в знак протеста против ее политики в освещении сирийского конфликта: «Я почувствовал, что моя мечта работать для главного новостного канала в регионе превращается в кошмар. Принципы, которые я усвоил за десять лет журналистской работы, не устраивали правительство Катара, которое — что бы там ни говорилось в редакционных руководствах — считает себя владельцем кучки журналистов, обязанных выполнять то, что им сказано» [10].

К критикам «Аль-Джазиры» присоединился и ее бывший представитель по связям с общественностью Джихад Бэллоут, отметивший в интервью иранскому телеканалу «Пресс Ти-Ви» (Press TV): «С началом того, что принято называть арабской весной, «Аль-Джазира» претерпела поразительную трансформацию — она превратилась из флагмана объективной журналистики в организацию, чьи мотивы, по мнению многих наблюдателей, обусловлены политическими или внешнеполитическими целями... Я думаю, что на данном этапе «Аль-Джазира», согласно свидетельствам ответственных лиц в Катаре, превратилась в потенциальное орудие проведения катарской внешней политики» [11].

Снижение доверия к каналу «Аль-Джазира» в Сирии положило начало затмению феномена «Аль-Джазиры» на Ближнем Востоке. Политику канала, по справедливому замечанию британского журналиста Хью Милса, можно охарактеризовать как политику либерализма, а не демократии, и потому однажды он может исчезнуть столь же быстро, как и появился на свет, если настроение эмира изменится [12]. Эту точку зрения подтверждает и низкий уровень свободы журналистов «Аль-Джазиры» и отказ от ценностей доверия и профессионализма в пользу обслуживания внешней политики Катара.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sakr N. Al-Jazeera Satellite Channel: Global Newscasting in Arabic. In Patterson, C. & Sreberny, A. (Eds.). International News

in the 21st Century. — Britain: University of Luton Press, 2004.

2. Figenschou T. U. Review: Mohamed Zayani and Sofiane Sahraoui, The Culture of Al Jazeera: Inside an Arab Media Giant / T. U. Figenschou // European Journal of Communication. — 2008. — № 23.

3. Al-Jazeera TV network draws criticism, praise for coverage of Arab revolutions // The Washington Post. — 2011. — May 13. — URL: http://www.washingtonpost.com/world/al-jazeera-tv-network-draws-criticism-praise-for-coverage-of-arab-revolutions/2011/05/08/AFoHWS2G_story.html (дата обращения: 02.10.18).

4. Al Jazeera Enrages Dictators, Wins Global Viewers With Coverage of Unrest // Bloomberg News. — URL: <http://www.bloomberg.com/news/2011-02-25/al-jazeera-enrages-dictators-wins-global-viewers-with-coverage-of-unrest.html> (дата обращения: 02.10.18).

5. Maynard Institute (21.02.2011) Libya Jams Al Jazeera Signals Across Region. — URL: <http://mije.org/richardprince/libya-jams-al-jazeera-signals-across-region> (дата обращения: 02.10.18).

6. Bloomberg News. — 2011. — Feb. 25.

7. Country Reports on Human Rights Practices for 2011.

Bureau of Democracy, Human Rights and Labor, U.S. Department of State. — URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/humanrightsreport/index.htm?dliid=186446> (дата обращения: 02.10.18).

8. Нафаа Дорар. Динамика и характер освещения сирийского конфликта телеканалами BBC, CNN, AL-JAZEERA: дис. ... канд. филол. наук / Дорар Нафаа. — Москва, 2016. — 176 с.

9. Suliman: 'Al Jazeera plays the piper, but Qatar calls the tune' // Deutsche Welle. — 2012. — Dec. 24. — URL: <http://www.dw.de/suliman-al-jazeera-plays-the-piper-but-qatar-calls-the-tune/a-16477490> (дата обращения: 02.10.18).

10. Hashem A. The Arab spring has shaken Arab TV's credibility / A. Hashem // Guardian. — 2012. — Apr. 3. — URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/apr/03/arab-spring-arab-tv-credibility> (дата обращения: 02.10.18).

11. Al-Jazeera now a weapon to further Qatari foreign policy' Interview with Jihad Ballout, former manager, media relations, al-Jazeera Arabic network, London // PressTV. — 2012. — Apr. 16. — URL: <http://www.presstv.ir/detail/236548.html> (дата обращения: 02.10.18).

12. Hugh M. Al Jazeera. How Arab TV News Challenged the World / M. Hugh.

*Воронежский государственный университет
Алмашакбех Саддам Сулейман Салман, аспирант кафе-
дры телевизионной и радиожурналистики
E-mail: saddam_slaman@yahoo.com*

*Voronezh State University
Almashaqbeh Saddam Suleiman Slman, Post-graduate Stu-
dent of the Department of Television and Radio Journalism
E-mail: saddam_slaman@yahoo.com*

ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СМИ ДЛЯ ДЕТЕЙ: AR-ТЕХНОЛОГИИ И WEB 2.0

О. В. Андронникова

Кубанский государственный университет

Поступила в редакцию 29 апреля 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается процесс цифровизации в СМИ для детей, а также проявление мультимедийности в части визуализации текста посредством AR-технологий и интерактивности как связи между редакцией сетевых массмедиа и их потенциальной аудиторией посредством технологии Web 2.0.

Ключевые слова: цифровизация, digital-технологии, интерактивность, мультимедийность, технологии дополненной реальности, технологии Web 2.0.

Abstract: in article process of digitalization in media for children and also manifestation of multimedia regarding visualization of the text by means of AR technologies and interactivity as communications between the editorial office of network mass media and their potential audience by means of Web 2.0 technology is considered.

Keywords: digitalization, digital-technology, interactivity, multimedia, augmented reality technologies, Web 2.0 technologies.

Развитие информационно-коммуникационных технологий, технологических устройств отражаются на состоянии СМИ. Происходит цифровизация контента; его адаптация для различных платформ приводит к тому, что появляются не только новые каналы коммуникации, но и формы подачи информации. В связи с этим М. Кастельс пишет: «Мы переживаем один из этих редких моментов. Момент этот характеризуется трансформацией нашей «материальной культуры» через работу новой технологической парадигмы, построенной вокруг информационных технологий» [1, 490].

В «Универсальном англо-русском словаре» digital-технологии определяются как цифровые технологические средства [2]. Digital-технологии, или цифровизация, активно используются в СМИ.

Понятие «цифровизация» рассматривается в работах А. Романова и В. Жеребина «Развитие информационного общества: Россия в русле глобальной тенденции» [3], М. Корнева «Понятие “журналистика” в современной цифровой среде» [4], В. В. Богуславской и И. В. Богуславского «Медиатекст и хештеги: цифровая трансформация СМИ» [5] и др.

Все эти исследования посвящены проявлению цифровизации в СМИ, предназначенных для читателей совершеннолетнего возраста. В свою очередь отметим, что влияние новых технологий на развитие СМИ для детей недостаточно изучено и представляется актуальным.

На наш взгляд, проявлением цифровизации в СМИ для детей является мультимедийность, которая бла-

годаря развитию современных технологий выражается в новых формах. Под мультимедийностью следует понимать «полноценное объединение продуктов современных информационных технологий: текста, графики, видео-, аудио-, фото- и телекоммуникаций (телефон, телевидение, радиосвязь)» [6, 560].

Можно отметить, что «понятие мультимедийности стало одним из основополагающих признаков сетевых СМИ, в том числе и детских. Большинство исследователей связывают понятие мультимедийности с процессами, происходящими в настоящее время в различных сферах и определяют его как ключевое в коммуникативистике» [7, 146–149].

Сегодня мультимедийность СМИ, в том числе и для детей, — важнейший фактор развития. Мультимедийность формирует образное, визуальное представления об описываемом объекте.

Малоисследованным проявлением мультимедийности в СМИ для детей является применение технологий дополненной реальности, или AR-технологии (от англ. augmented reality (AR); авторство термина «дополненная реальность» принадлежит Томасу Престону Коделлу, инженеру исследовательской лаборатории Боинга). В 1992 г. он применил принципы технологии в системе, созданной для помощи рабочим в монтаже электрических кабелей в самолетах. Сегодня исследователи определяют дополненную реальность как «технология наложения информации в форме текста, графики, аудио и других визуальных объектов на реальные объекты в режиме реального времени» [8, 484].

AR-технологии широко востребованы во многом потому, что использование дополненной реальности

не предполагает наличие у читателя дорогостоящего высокотехнологичного оборудования (в отличие технологий виртуальной реальности) и вполне совместимо с планшетами и смартфонами. AR-технологии интегрируют виртуальный и реальные миры, этим привлекают детей и подростков.

Многие подростки, увлеченные AR-технологиями, живут «в двух мирах». Совершенно очевидным является тот факт, что дети становятся одними из активных пользователей Интернета, причем именно благодаря смартфону или планшету.

В выступлении председателя правления «Союзмультфильма» Ю. Слащевой на Международном культурном форуме в Санкт-Петербурге (2017) отмечается, что в России 54% детей пользуются Интернетом, преимущественно — с планшетов. При этом 86% несовершеннолетних пользуются смартфонами [9]. По прогнозам европейских экспертов Digi-Capital, к 2020 году проникновение AR/VR-технологий (дополненная и виртуальная реальности) в повседневную жизнь составит порядка 80% [10].

Исследователи А. Аверкина и О. Лазарева считают, что «дополненную реальность достаточно определить тремя основными признаками:

Комбинирование реального и виртуального мира.
Интерактивность.

Трехмерное представление объектов» [11, 10].

Данные признаки имеют принципиальное значение для детских СМИ. Например, комбинаторность реального и виртуального миров составляют тот самый игровой компонент, без которого восприятие информации детьми существенно усложняется. Трехмерное представление объекта помогает в визуализации сложных для детского восприятия абстрактных понятий, дополняет процесс обучения.

Исследователи Б. Яковлев и С. Пустовойтов определяют технологии дополненной реальности для массмедиа в системе классификации в зависимости от реализуемой функции как наиболее подходящие к направлению *Распознавание*. «Данная реализация дополненной реальности предполагает предоставление контекстной информации об объекте или человеку в поле зрения» [8, 486].

В СМИ для детей данное направление представлено в качестве дополнительной информации, которая открывается ребенку при использовании технологии дополненной реальности в журнале в связи с тем, что она (информация):

а) слишком объемная и не может быть размещена на основной странице журнала/сайта;

б) содержит большое количество мультимедийных компонентов, в том числе 3D-модель, которые невозможно разместить на странице журнала/сайта.

Можно сказать, что СМИ для детей с технологией дополненной реальности активно развиваются и в направлении *Экран-зеркало/линза*, также выделенное учеными Б. Яковлевым и С. Пустовойтовым,

которые отмечают, что «такой функционал приложения дополненной реальности предполагает наложение виртуальных объектов на изображение окружения реального мира для лучшего представления о пространственных характеристиках виртуального объекта» [8, 486].

Большинство СМИ для детей помимо рекреативной выполняют еще и образовательную, и развивающие функции, а значит, максимальная визуализация объекта для определения его пространственных характеристик помогает ребенку в освоении сложных для восприятия знаний.

Отдельно надо отметить мультимедийные особенности воспроизводства контента с помощью AR-технологий. Так, если рассматривать технологический процесс подготовки журнала с AR, то ключевым пунктом в этом процессе будет подготовка художником иллюстраций, которые в дальнейшем оцифровываются и загружаются в приложение. В результате при наведении камеры планшета или мобильного телефона на картинку, объект автоматически предстает в разных форматах (аудио, видео, анимация, 3D-графика). В итоге при объединении виртуальных данных с реальными читатель получает простой доступ ко всему спектру мультимедийных компонентов, существенно важных для детских журналов.

В России сегодня функционируют несколько издательств, предлагающих книги и журналы с технологией дополненной реальности. Одно из крупнейших издательств — ГК Devar. Аналогичную продукцию выпускают российские компании Fibrum и PlayDisplay, а также зарубежные Crayonpang, Quiver и Disney.

По мнению основателя AR-издательства ГК Devar А. Беловой, «детские товары с дополненной реальностью находятся на стыке нескольких технологий — традиционного книгоиздания, дополненной реальности и приложений для смартфонов. По результатам наших исследований, по книгам с дополненной реальностью дети в несколько раз быстрее учат алфавит, стихи, у них повышается интерес к исследовательской деятельности, ведь задействуются одновременно три способа восприятия информации: аудиальный, визуальный и кинестетический. Игровой элемент является самой сильной мотивацией к обучению» [10].

Для того чтобы применить AR, использующие эту технологию журналы для детей предлагают сканировать специальные коды-метки, размещенные в печатной версии издания, или же скачать их с сайта и распечатать, затем скачать интернет-приложение журнала в магазинах App Store или Google Play, с помощью которого и можно использовать технологии дополненной реальности. Таким образом, читатель использует сразу несколько платформ журнала, а издатель зачастую связывает офлайн- и онлайн-версии. Такую форму подачи информации используют

в журнале для детей «Фиксики»: после скачивания приложения на смартфон, при наведении камеры мобильного устройства на специальный значок в печатной версии журнала перед читателем появляются «ожившие» герои, которые разговаривают и приглашают продолжить игру. Проект «Маша в городе», созданный по мотивам мультипликационного фильма «Маша и медведь», предлагает скачать коды-метки на официальном сайте, после чего, распечатав и расположив на столе, можно при помощи приложения получить информацию.

Однако использование технологий дополненной реальности в СМИ для детей сегодня имеет и существенные минусы, и основной из них — цена. Как отмечает представитель Академии медиаиндустрии А. Митриков, в среднем стоимость проекта составляет от 180 до 300 тысяч, если не требуется тестирование приложения на разных мобильных платформах. «Выбор технологической платформы играет в вопросе цены немаловажную роль. Можно использовать для этой цели готовый браузер, который прост в использовании и дешёв, так как не требует тестирования, однако он обладает не слишком большим функционалом, и для его использования нужно надёжное подключение к Интернету. В мобильном приложении можно реализовать гораздо более сложные задачи, вплоть до распознавания речи и обратной связи. Для него не нужен Интернет, а распространять приложение можно различными путями, например через AppStore или Google Play, или предустанавливать его на планшеты» [12]. Учитывая, что при месячной периодичности выпуска детского журнала эти затраты необходимо будет включить в стоимость производства каждого номера, использование AR-технологий именно в периодике существенным образом влияет на себестоимость продукта, и далеко не каждый издатель готов их использовать.

Еще один признак, который в условиях развития digital-технологий имеет принципиальное значение в СМИ для детей, — это *интерактивность*, т.е. возможность организации немедленной обратной связи. Исследователи М. Лукина и И. Фомичева отмечают, что «интерактивность как принцип двустороннего взаимодействия изначально присущ интернет-технологиям, и при характеристике типологической реализации они рассматривают этот признак как связь между редакцией сетевых массмедиа и их потенциальной аудиторией» [13, 24].

Сегодня интерактивность в СМИ, в том числе для детей, реализуется во многом благодаря технологиям Web 2.0, что является, по определению исследователя Т. Рейлли, «методикой проектирования систем, которые путём учёта сетевых взаимодействий становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются» [14]. Технологии Web 2.0 предполагают многостороннюю коммуникацию как между администратором сайта или редактором с поль-

зователями, так и между самими пользователями. Сущность коммуникативного и творческого взаимодействия в рамках этой модели тонко подметил журналист Ю. Ревич, отмечавший, что «все проекты, которые условно и безусловно можно отнести к Web 2.0, функционируют силами всего сообщества пользователей, а не какой-то определенной группы наёмных работников» [15].

Можно предположить, что сегодня функция интерактивности в СМИ для детей благодаря технологиям Web 2.0 проявляется в двух аспектах:

- 1) взаимосвязи потребителя контента (читателя) с поставщиком (издателем) при помощи интерактивного контента, выполнение которого предполагает участие пользователя (онлайн-задания);
- 2) организации связи между редактором и читателями, коммуникации подписчиков между собой.

В первом случае сегодня максимально проявляется интерактивная функция в журналах-приложениях для детей, представляющих собой специальные программы, предназначенные для использования на мобильном устройстве. Программы создаются сторонними разработчиками и размещаются для скачивания в интернет-магазинах Google Play и App Store. Журналы-приложения успешно используют традиционные и сетевые СМИ для детей («Принцессы», «София Прекрасная», «Тачки», «Мурзилка»). Можно отметить, что журналы-приложения не копируют контент печатной или электронной версии издания, но по его мотивам создают дополненный или обогащенный вариант. Задания в таких журналах интуитивны, понятны; детские сканворды, шарады и другие задания можно выполнять непосредственно в приложении.

Таким образом, благодаря техническим возможностям Интернета в digital-среде происходит расширение изначально напечатанного в журнале текста и его цифровой версии. Подобная взаимосвязь между всеми каналами очень важна для построения единого коммуникативного пространства. Приложения пользуются популярностью: так, по данным Google Play, журналы «София Прекрасная» и «Принцессы» имеют более 500 тысяч скачиваний, что сопоставимо с годовым тиражом печатных изданий федерального уровня.

Во втором случае интерактивность как возможность организации обратной связи с редакцией проявляется как на сайте самого издания, так и в группе в социальной сети. Для того чтобы привлечь посетителей на сайт, редакторы размещают в своих группах информацию преимущественно развлекательного, новостного и познавательного характера. Так, один из самых известных российских журналов «Мурзилка» активно ведет группы в таких социальных сетях, как VKontakte, Instagram, Facebook. Периодичность обновления в группах составляет один-два дня, представлена информация развлекательного и по-

знавательного характера, новости и итоги конкурсов. В результате в социальных сетях наблюдается постоянный рост числа подписчиков «Мурзилки». Так, в группе VKontakte насчитывается 7774 подписчиков, а в Facebook — 5929. Примечательно использование детскими журналами в социальных сетях нового формата Story — интерактивной технологии, которая позволяет создавать короткие видео и фото с наложенными на них метаданными (текст, геолокация, анимация, возможность опроса), исчезающие по прошествии 24 часов. Данная технология активно используется в современном коммуникативном пространстве Сети, одними из первых такую возможность предоставили своим пользователям Instagram, сегодня формат Story доступен в сетях VKontakte и Facebook. Формат Story сегодня — один из самых распространенных трендов социальных сетей. Кроме того, при помощи данного формата решается проблема публикации анонсов статей в Instagram. Дело в том, что данная сеть не поддерживает ссылки в описаниях к фотографиям и видео, и СМИ приходится размещать ссылку на анонсированный материал на основной странице аккаунта, однако истории позволяют размещать ссылки на сайты, содержащие информационные материалы, на одном экране с публикуемым анонсом.

Таким образом, инновационные процессы, движимые конвергенцией мобильных медиа и функционирующие сегодня при помощи цифровых технологий, стремительно развиваются. Детерминирующие для детских СМИ признаки мультимедийности и интерактивности реализуются при помощи новейших digital-технологий, а молодое поколение пользователей становится более медиаграмотным. Однако нельзя не отметить тот факт, что сегодня на внедрение данных технологий существенно влияют как экономический (высокая себестоимость продукции), так и человеческий факторы, а именно умение объяснить ребенку, как использовать то или иное приложение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — Москва: ГУ ВШЭ, 2000.
2. Универсальный англо-русский словарь. — Москва, 2011. — URL: http://universal_en_ru.academic.ru/900335/digital_technology (дата обращения: 24.04.2018).
3. Романов А. Н. Развитие информационного общества: Россия в русле глобальной тенденции / А. Н. Романов,

В. М. Жеребин // Финансы: Теория и Практика. — 2013. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-informatsionnogo-obschestva-rossiya-v-rusle-globalnoy-tendentsii> (дата обращения: 24.04.2018).

4. Корнев М. С. Понятие «журналистика» в современной цифровой среде / М. С. Корнев // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2015. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-zhurnalistika-v-sovremennoy-tsifrovoy-srede> (дата обращения: 24.04.2018).

5. Богуславская В. В. Медiateкст и хештеги: цифровая трансформация СМИ / В. В. Богуславская, И. В. Богуславский // Гуманитарный вектор. — 2017. — Т. 12. — № 5. — С. 51–56.

6. Вуль В. А. Электронные издания / В. А. Вуль. — Санкт-Петербург: БВХ-Петербург, 2003.

7. Андронникова О. В. Мультимедийность как основополагающий типологический признак электронных изданий для детей / О. В. Андронникова, Л. И. Демина // Традиции и инновации в массовой коммуникации: регион. конф. — Краснодар: издательство «Бук», 2017.

8. Яковлев Б. С. Классификация и перспективные направления использования технологии дополненной реальности / Б. С. Яковлев, С. И. Пустовойтов // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. — 2013. — № 3.

9. Более половины детей в РФ пользуются Интернетом, в основном с гаджетов. — URL: www.regnum.ru/news/society/2346139.html (дата обращения: 24.04.2018).

10. Гайсина И. А. Дополненное детство: как виртуальная реальность меняет привычные игры / И. А. Гайсина — URL: https://www.rbc.ru/own_business/24/03/2017/58d39a489a79470238e4433d (дата обращения: 24.04.2018).

11. Аверкина А. В. Системы дополненной реальности для мобильных платформ / А. В. Аверкина, О. Ю. Лазарева // Вестник Московского государственного университета печати. — 2015. — № 1. — С. 8–12.

12. Митряков А. «Дополненная реальность» для печатных проектов: обуза или перспектива расширения бизнеса? / А. Митряков. — URL: https://www.publish.ru/news/201511_20088649 (дата обращения: 24.04.2018)

13. Лукина М. М. СМИ в пространстве Интернета / М. М. Лукина, И. Д. Фомичева. — Москва: Факультет журналистики МГУ, 2005.

14. O'Reilly Т. Что такое Веб 2.0 / Т. O'Reilly. — URL: <http://old.computerra.ru/think/234100/> (дата обращения: 24.04.2018).

15. Ревич Ю. Сеть будет свободной! / Ю. Ревич // Новая газета. — 2006. — 27 июня.

Кубанский государственный университет
Андронникова О. В., преподаватель кафедры электронных СМИ и новых медиа
E-mail: andronnikova_olg@mail.ru

Kuban State University
Andronnikova O. V., Teacher of Department of Electronic Media and New Media
E-mail: andronnikova_olg@mail.ru

МЕДИЙНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Е. А. Волик

Кубанский государственный университет

Поступила в редакцию 5 апреля 2018 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию русской педагогической журналистики, ее роли в развитии педагогики в историческом аспекте. Научно обосновано влияние педагогической журналистики на развитие народного образования и народных школ середины XIX — начала XX вв.

Ключевые слова: педагогическая журналистика, коммуникация, медиадидактика, медиакомпетентность, народное образование, народная школа, педагогическая пресса, педагогическая наука.

Abstract: the article investigates the Russian pedagogical journalism and its role in the development of pedagogy in the historical aspect. Scientifically has proven the impact of the pedagogical journalism on the development of the public education and public schools in mid XIX — early XX century.

Keywords: pedagogical journalism, communication, mediadidaktika, media competence, public education, public school, teaching media, teaching science.

Происходящие в журналистике перемены связаны с технологиями, а точнее — с цифровой революцией, стремительно набирающей обороты [1, 12]. Трансформации в системе СМИ, утверждает В. Штепа, требуют не только объяснения причин, их породивших, но и четкого знания механизмов функционирования периодического издания, условий формирования его тематической структуры, конкретизации целеполагания и воздействия на общественность [2]. В данном контексте актуализируется вопрос, как именно определенный контент (в нашем случае педагогический) влияет на появление специализированных изданий, в которых он становится типоформирующим. Основной материал составляют публикации журналов XIX в.: «Воспитание» (1860), «Педагогический вестник» (1882), «Записки учителя» (1884), «Педагогическая хроника» (1885), «Педагогический еженедельник» (1894).

Сегодня популярно такое направление педагогической науки, как медиадидактика, развивающая теорию медиаобразования и обучения, научно обосновывающая закономерности, принципы, методы и организационные формы обучения с привлечением медиапродуктов и опорой на массмедиа. Медиадидактика реализует принципы гуманизации образования, а также способствует повышению интеллектуального, культурного, духовного, морального уровня будущего специалиста.

Мощным фактором развития педагогической науки, в частности отечественного народного образования, стала журналистика середины XIX — начала XX вв. Данный период характеризуется активным становлением и развитием педагогической журна-

листики, которая проявляет интерес к проблемам народного образования, общественного воспитания и методик, позволяющих адаптироваться в новой социальной среде, личному опыту при создании отечественных народных школ. Особенность педагогической журналистики заключается в том, что ее базисом служат педагогические источники. Пресса освещает и анализирует проблемы учебно-воспитательного процесса в школе, тем самым формируя общественное мнение по вопросам воспитания и образования. Журналистское сообщество решает стоящие перед ним задачи, получает возможность оказывать влияние на аудиторию, формируя знания и ценностные ориентиры. Историко-прогностический характер печатных материалов раскрывает диалектику отношений традиционной и инновационной деятельности. Педагогическая журналистика ориентируется на аналитику, поэтому педагогические явления могут исследоваться многогранно, читателю представляются современные концепции обучения и воспитания в образовательных учреждениях различных типов. Историко-теоретический аспект печатных материалов затрагивает различные вопросы, связанные с изучением целей и задач народных школ и их эволюции в педагогических изданиях.

С помощью журналистики в XIX в. стал возможен диалог между обществом и властью, появилась возможность согласовывать политические и экономические планы верховной власти с интересами народа. Создавая и развивая институт общественного мнения, журналистика готовила общество к политическим и структурным преобразованиям [3, 102–103]. Педагоги, журналисты, политики принимали участие в обсуждении вопросов народного образования

на страницах педагогической прессы 1860–1917 гг., предлагая новые теоретические основы обучения и воспитания, активно внедряли самые современные на тот момент методики обучения и воспитания в России.

Бурный рост тиража газет, журналов и ежегодников соответствующей направленности зафиксирован в следующие периоды: 1860–1890 гг., 1990 г., 1910 г., 1912 г., 1914 г. «Отечественная педагогическая наука, — считает Л. Береснева, — не может быть оценена без ее источника — педагогической журналистики» [4, 4]. Исследователем дано следующее определение педагогической журналистики: «Педагогическая журналистика — специфическая деятельность по сбору, обработке и распространению информации по актуальным проблемам образования (воспитания и обучения) в периодически выходящих журналах и т.п. изданиях, радио- и телепередачах, а также на интернет-сайтах, видеоконференциях, предназначенных для педагогов, родителей и студентов» [4, 13].

По мнению Н. Бондаренко, педагогическая журналистика, обеспечивая открытость и доступность происходящих в сфере образования процессов, способствовала диалогу между государством и всеми участниками национальной образовательной системы, вовлекая их в модернизационные процессы. Мы солидарны с Н. И. Бондаренко, который выделяет следующие периоды развития педагогической прессы:

- 1) 1860-е гг. — зарождение педагогической печати, образование ядра традиций отечественной педагогической журналистики;
- 2) 1890–1900-е гг. — формирование и обогащение традиций педагогической журналистики;
- 3) 1922–1991-е гг. — сохранение отечественных традиций, подвергавшихся определенной идеологической корректировке;
- 4) 2000-е гг. — значительные обновления сложившихся традиций отечественной педагогической журналистики в мировоззренческом, концептуальном, функциональном и содержательном ракурсах [5].

Анализ периодики 1850–1860-х гг. свидетельствует о том, что именно с педагогической журналистики начинается процесс формирования теоретических основ русской народной школы и попытки обосновать ее цели, задачи, принципы, содержание и методы обучения [6, 3]. Как полагает И. Зайченко, «...важным условием интенсификации педагогической науки является расширение ее источниковой базы в части использования в процессе ее исследования печатных материалов педагогической прессы прошлого» [7, 3].

К определяющим чертам педагогических журналов О. Образцова относит открытость, восприимчивость к новому в теории и практике образования, позволяющие четко реагировать на запросы общества в сфере педагогики и отражать постоянно меняющуюся педагогическую реальность [8, 69].

Исследуя роль педагогической периодики в контексте проблем профессионального образования, Е. Царева дает оценку значению педагогической печати в развитии системы профессионального образования учителя и отечественной народной школы в дореволюционный период. К основным функциям русской педагогической прессы исследователь относит информационную (информация о состоянии педагогического образования), интерактивную (организация дискуссии о состоянии и путях развития системы педагогического образования), ценностно-ориентационную (формирование представлений читателей о соответствии целей содержанию образования), культурно-формирующую (повышение научной эрудиции, культурного уровня читателей, народных учителей, преподавателей, воспитанников), стимулирующую (побуждение педагогов к совершенствованию подготовки народных учителей в соответствии с требованиями времени [9, 12].

Историко-педагогический источник, такой как периодическая печать, с 1802 по 1860-е гг. представляет собой разнообразный по содержанию, объему, характеру в жанровом отношении материал, отражающий результат многоплановой работы педагогической мысли. В прессе происходит становление педагогической периодики, которая представляет собой частное проявление общего процесса в печати и играет значительную роль в развитии педагогики как науки [10, 165].

Таким образом, приоритетная задача педагогической журналистики заключается в формировании исторического сознания и фиксации педагогического опыта. По нашему мнению, важно, что ученые, проводя параллели между информационными потребностями читателей и развитием специализированной прессы, доказывают рост интереса к педагогике и школе. В качестве обоснований они приводят факты, свидетельствующие о формировании педагогической журналистики, с появлением которой были удовлетворены потребности аудитории в информации о воспитании и обучении.

Согласно А. Азарной, исследовавшей предметно-тематические и структурно-функциональные особенности педагогической прессы в России, пресса в 1860-е гг. отличается количественным преобладанием ведомственных педагогических изданий над частными. Поиск новой модели частного педагогического издания привел к дифференциации прессы с учетом тематических интересов и изменения аудитории, появились первые журналы, освещающие вопросы народных школ, дошкольного обучения и воспитания [11, 70–82]. Педагогические издания этого времени делятся на политематические (отражающие несколько тем) и монотематические (отражающие одну тему) [11, 3]. Педагогическая печать XIX в., приходит к заключению А. Азарная, была единственным ведомственным органом, который получил

широкое развитие и к концу столетия представлял разветвленную систему различных периодических изданий [11, 126–137].

Обращаясь к педагогической прессе, в своей статье «Роль педагогической журналистики в развитии педагогической науки второй половины XIX века» Н. Чернявская указывает на то, что педагогическая журналистика обладала, в частности, большой воспитательной силой [12, 163–165].

Кроме того, отечественная педагогическая журналистика внесла огромный вклад в теоретическую разработку и пропаганду идей семейной педагогики. А. Говорун подчеркивает, что редакции журналов ставили целью дать родителям определенную базу педагогических знаний, познакомить с организацией воспитания детей в семье, отстаивая при этом передовые взгляды на формы и средства воспитания. Широкий круг проблем, освещавшихся на страницах педагогической прессы, разнообразие публикаций способствовали повышению педагогической культуры родителей и воспитателей [6, 12].

Обобщение отечественного опыта в области становления, развития и реализации идей педагогического образования родителей в истории педагогической мысли проведено И. Дубинец. Отечественная педагогическая пресса, отмечает ученый, начиная со второй половины XIX в. служит оперативным органом популяризации педагогических идей, знаний, достижений теории и практики, отражает актуальные вопросы обучения и воспитания в условиях семьи и школы [13, 50].

По нашему мнению, специальные журналы для родителей и воспитателей, издания общепедагогического характера, публикуя научный, реферативный, методический материал, статьи прикладного характера, педагогические размышления, очерки из опыта семейной жизни, раскрывали теоретико-методические вопросы воспитания детей, а также формы работы с родителями в России в исследуемый период. Наряду с публикациями, обращенными к родительской аудитории, увеличилось количество печатных материалов, посвященных специфике домашнего и школьного воспитания.

Вопреки негативному влиянию правительственных реформ, в отечественной педагогической журналистике преобладали демократические принципы в конкретизации целей и задач формирования всесторонне развитой личности ребенка, его умственного и эстетического воспитания, возвышалась роль СМИ в социализации, разрабатывались методы и формы подготовки родителей к воспитанию детей. Педагогическая журналистика в 1990-е гг. была посвящена преимущественно анализу роли семьи в обществе и духовному развитию личности.

Изучение школьной практики и педагогической теории в педагогической прессе дает Н. Годий право утверждать, что внимание уделялось разработке

и использованию средств и методов обучения, подготовке родителей к эстетическому воспитанию детей, которое считалось составной частью воспитания и развития личности [14, 134]. Подчеркивая особую роль родителей в умственном развитии детей дошкольного возраста, педагогическая журналистика отражала положительный и отрицательный семейный опыт, акцентировала внимание на взаимосвязи умственного, физического и нравственного воспитания, информировала о роли игры, сказки в развитии нового поколения [14, 109].

Проведенное нами теоретическое исследование позволяет сделать вывод о том, что русская педагогическая журналистика является решающим фактором развития педагогической науки, формирования новых подходов к рассмотрению ключевых вопросов педагогики, принципов обучения и воспитания. Таким образом, в журналистике исследуемого исторического периода (1860–1917 гг.) актуализировались темы изучения феномена народных школ и их развития. Такие проблемы, как создание народной школы, ее демократизация, нашли свое отражение в педагогической журналистике. Она была главным средством массовой информации, позволяющим сформировать педагогическое и общественное мнение по вопросам образования. По мнению А. Климиной, «...педагогическую журналистику необходимо рассматривать в качестве одного из уникальных модераторов развития как непосредственно самой школы, так и обогащения ее образа, в абрисе которого находили свое отражение основополагающие идеи относительно предназначения этого социокультурного института» [15, 172].

Полагаем, что на данном этапе педагогическая журналистика представляет собой динамичное явление, способствующее развитию педагогической науки в Российской Федерации. В процессе исследования рассматриваемой проблемы стало очевидным, что внимание академического сообщества стран СНГ привлек ряд проблем, отраженных в педагогической журналистике 1860–1917 гг. Также установлено, что педагогическая журналистика является научно-педагогическим феноменом и обладает различными функциями (исследовательскими, практическими, аналитическими).

Появление огромного количества конкурентоспособных педагогических изданий, таких как «Воспитание», «Вестник воспитания», «Русская школа», «Педагогический вестник» (1882), «Записки учителя» (1884), «Педагогическая хроника» (1885), «Педагогический еженедельник» (1894), позволило многоаспектно отразить идеи о народном образовании в отечественной журналистике.

Обращаясь к зарубежному реформаторскому опыту, русская педагогическая журналистика проявляла глубокий интерес к педагогическим проблемам и путям их решения. В прессе акцентировалось внимание

на особенностях детского возраста, данных личности, среды, в которой воспитывается личность, при этом усилилось внимание ученых к вопросам индивидуального обучения и формирования у детей аналитических способностей, умения к обобщению информации. Впервые была обнаружена взаимосвязь умственного, морального и физического воспитания. На страницах печатных изданий авторы обсуждали различные аспекты нравственного становления, развития и формирования социально значимых гражданских качеств, таких как патриотизм. Несомненный интерес представляют также работы по вопросам физиологии и гигиены.

Широкую дискуссию педагоги вели на тему трудовой школы, анализировался ее теоретический и практический опыт. Для этого периода характерны публикации о проблемах сущности воспитания ребенка, развития его сознания и глубокого чувства единства с другими людьми.

Педагогическая журналистика конца XIX в. обращала внимание и на проблему организации педагогического образования родителей. В журналах публиковались многочисленные статьи теоретической и практической направленности, освещавшие проблемы воспитания и самообразования в семье. В условиях социально-экономических преобразований в обществе ценность представляли материалы научно-методического характера, посвященные отношениям в семье. Пристальное внимание уделялось обоснованию социально-педагогической роли родителей, в частности женщины-матери, в умственном развитии детей. Педагогическая журналистика благодаря авторитету своих авторов и разноплановости публикаций знакомила родителей с ролью и значением умственного, трудового, эстетического воспитания. Особая роль в периодике отводилась значению книг, игр, игрушек и сказок в жизни ребенка.

Педагогическая пресса давала адекватную оценку состояния народного образования с целью облегчить труд учителя и разобраться в предлагаемых новинках. Осуществлялся контроль как педагогических, так и художественно-публицистических произведений, отслеживалось качество всей издаваемой литературы. В критических статьях были разработаны общие начала детского чтения, которые могли послужить базисом для педагогической деятельности.

«Журнал Министерства народного просвещения» представлял на своих страницах обзор «Проекта устава для низших и средних училищ». Ориентация педагогических изданий на общественное мнение позволяла экспертам в области образования корректировать деятельность народных школ и народных училищ, а также разрешала вопросы управления народным образованием в ведомстве народного просвещения. Авторами обсуждались организационные вопросы работы народных школ: состояние воспитания в различных организациях, материалы учеб-

но-методического характера, совместное обучение, влияние семьи и школы, введение экзаменов, зарубежный педагогический опыт, женское образование. Наибольшее развитие в журналистике получили идеи трудовой школы, свободного воспитания, демократизма образования.

Однако в конце 1890-х гг. имела место активная дискуссия по поводу требований об изменении системы народного образования и управления училищами ввиду несоответствия последних нуждам общества.

Таким образом, журналистику образовательной и воспитательной направленности правомерно считать элементом общественной жизни и общественно-педагогического движения конца XIX — начала XX вв. Педагогические журналы отразили и раскрыли проблемы становления и развития народных школ, благодаря им был определен характер финансирования, разработаны цели и задачи образования, которые позволяли наметить дальнейший курс народного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самойленко Н. С. Позиционирование в тексте СМИ: номинативный аспект: дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Самойленко. — Воронеж, 2018.
2. Штепа В. И. Естественно-научная тематика в отечественной прессе середины XX — начала XXI вв. (на примере химической отрасли): дис. ... д-ра филол. наук / В. И. Штепа. — Воронеж, 2009.
3. Щербакова Г. И. Взаимодействие журналистики и образования в России 19 века / Г. И. Щербакова // Проблемы массовой коммуникации на рубеже тысячелетий. — Воронеж. — 2003.
4. Береснева Л. Н. Основы нравственного воспитания детей и юношества в русской педагогической журналистике второй половины XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. пед. наук / Л. Н. Береснева. — Киров, 2005.
5. Бондаренко Н. И. Традиции отечественной педагогической журналистики и их роль в развитии российского образования: на примере журнала «Учитель» — 1861–1918; 1997–2009 гг.: дис. ... канд. пед. наук / Н. И. Бондаренко. — Москва, 2010.
6. Говорун А. В. Семейное воспитание в отечественной педагогической журналистике второй половины XIX — начала XX ст.: дис. ... канд. пед. наук / А. В. Говорун. — Харьков, 1995.
7. Зайченко И. В. Проблемы украинской национальной школы в прессе второй половины 19 — начала 20 века: дис. ... д-ра пед. наук / И. В. Зайченко. — Киев, 1996.
8. Образцова О. Ю. Развитие ведущих идей зарубежной педагогики в русской педагогической журналистике конца 19 века — начала 20 вв.: дис. ... канд. пед. наук / О. Ю. Образцова. — Архангельск, 1996.
9. Царева Е. В. Влияние периодической печати на развитие системы профессионального образования учителей в России на рубеже 19–20 веков: дис. ... канд. пед. наук / Е. В. Царева. — Нижний Новгород, 2010.

10. Лубашов В. А. Новаторская деятельность журнала «Педагогический сборник» по формированию общественно-педагогического сознания и развитию учебно-методического дела в России второй половины XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. пед. наук / В. А. Лубашов. — Карачаевск, 2009.

11. Азарная М. А. Педагогическая пресса в России во второй половине XIX в.: генезис, предметно-тематические и структурно-функциональные особенности: дис. ... канд. филол. наук / М. А. Азарная. — Ставрополь, 2006.

12. Чернявская Н. Э. Роль педагогической журналистики в развитии педагогической науки второй половины XIX века / Н. Э. Чернявская // Альманах современной науки и образования. — 2012. — № 7.

13. Дубинец И. В. Педагогическое образование родителей в отечественной периодической прессе второй половины 19 века: дис. ... канд. пед. наук / И. В. Дубинец. — Бердянск, 2000.

14. Гордий Н. Н. Проблема подготовки родителей к умственному воспитанию в отечественной педагогической журналистике: дис. ... канд. пед. наук / Н. Н. Гордий. — Харьков, 2000.

15. Климина А. В. Образ школы в отечественной педагогической журналистике начала XX века / А. В. Климина // Вестник Тверского государственного университета. — 2015. — № 1.

Кубанский государственный университет
Волик Е. А., аспирант
E-mail: volik-elena2014@yandex.ru

Kuban State University
Volik E. A., Graduate Student
E-mail: volik-elena2014@yandex.ru

ПОТЕНЦИАЛ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

А. С. Гладких

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 мая 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается специфика применения семиотического подхода в гуманитарных областях знаний на примере искусства и телевидения, исследуются особенности современной визуальной культуры.

Ключевые слова: медиавосприятие, семиотика, телевидение, визуальное восприятие.

Abstract: the article considers the specifics of the application of the semiotic approach in the humanitarian fields of knowledge, for example, art and television, and the features of modern visual culture are explored.

Keywords: media perception, semiotics, television, visual perception.

В центре современных исследований, посвященных телевидению, находятся такие аспекты его функционирования, как социокультурные и этические проблемы, жанровое многообразие, перспективы развития. Отдельной областью научных поисков в сфере массовых коммуникаций является семиотический анализ медиапроизведений, особенно телевизионных. Для российской науки такой подход к телевидению, при котором его выразительные средства рассматриваются как самостоятельные знаки семиотической системы, является относительно новым.

В России еще в начале XX века существовало несколько научных школ семиотики, наиболее известные из которых — русская формальная и московско-тартуская школы. Однако их представители (В. В. Иванов, В. Н. Топоров) были сосредоточены на исследовании литературных текстов. Особняком стоят работы Ю. Лотмана, исследовавшего театр, кино, литературу и рассматривавшего культуру в целом как систему знаков.

Американские и европейские ученые, напротив, уже в середине XX в. стали активно применять семиотический анализ для изучения средств массовой информации. «Расцвет семиотики в исследованиях массмедиа пришелся на 80–90-е годы XX в. Влияние на появление подобного подхода оказали постмодернистские концепции» [1, 6]. Наиболее известные ученые в этой области — У. Эко, С. Холл, Дж. Фiske. В своих исследованиях они делали акцент на двустороннем характере медиакommunikации, уникальности каждого представителя аудитории (в противовес распространенной теории о ее массовом характере) и, как следствие, — о множестве вариантов прочтения телевизионного произведения.

В современной науке семиотический подход является одним из первоочередных в гуманитарных

областях знаний (лингвистика, литературоведение и другие). Это связано с качественными изменениями характера коммуникаций, а именно с главенством «образно-ориентированной культуры» над преобладавшей ранее «печатно-ориентированной» [2]. Текст сегодня предстает не только в его классическом понимании (буквы, слова, предложения). Это фотографии, картины, скульптуры, телепередачи, видеотрансляции в социальных сетях и многое другое. По Лотману, «всякая структура, обслуживающая сферу социального общения, есть язык. Это означает, что она образует определенную систему знаков, употребляемых в соответствии с известными членам данного коллектива правилами. Знаками же мы называем любое материальное выражение (слова, рисунки, вещи и т.д.), которое имеет значение и, таким образом, может служить средством передачи смысла» [3, 5]. Остановимся подробнее на исследованиях, посвященных визуальной культуре. Они представляются важными в контексте применения семиотики для анализа произведений медиа в целом и телевидения в частности.

Преобладание в современном социуме изображений как вида информации не вызывает сомнений. Одно из ярких доказательств — популярность телевидения и визуально-ориентированных социальных сетей (Instagram, Pinterest, Slideshare, Tumblr). Например, аудитория Instagram в мире составляет около 500 млн. пользователей, в России — около 22 млн. [4]. По данным сервиса GoogleTrends, запрос Instagram (визуальная соцсеть) сейчас появляется в 2 раза чаще, чем Facebook (классическая соцсеть с различными видами контента) [5]. В целом в любых социальных сетях сегодня визуальный контент более востребован у аудитории, чем текстовый [6]. Поэтому компании постоянно добавляют новые опции, направленные на увеличение количества визуального контента: живые трансляции в Facebook

и «ВКонтакте», Stories и новые фильтры в Instagram.

Джон Медина, профессор Вашингтонского университета, в книге «Правила мозга» приводит такие данные: «Слушайте часть информации, и через три дня вы запомните 10% этого. Добавьте изображение, и вы запомните 65%» [7, 239]. Ученый подчеркивает, что чтение для людей неэффективно, т.к. «наш мозг воспринимает слова как много мелких изображений, и мы должны идентифицировать определенные черты в письмах, чтобы читать их. Это требует времени» [7, 239]. При просмотре картинок и видео процесс считывания информации происходит проще и быстрее.

В 2017 г. авторитетный аналитик Мэри Микер (журнал *Baggon's* назвал ее «королевой Интернета») в ежегодном отчете об интернет-трендах выделила в отдельный блок «визуальную тенденцию», указав, что «визуальные соцсети побеждают текстовые» [8]. Одной из причин этого она называет подросшее поколение Z, «привыкшее общаться с помощью изображений, стикеров и прочих визуальных элементов» [8]. Александр Агатов, сооснователь брендингового и коммуникационного агентства Rocklin, имеющий более чем 20-летний опыт работы в брендинге, говорит: «Видимо, это означает определенный закат вербальной культуры. Маркетинговые коммуникации в отношении Z будут в основном визуальными» [9]. Визуальная информация (фотографии, видео, картинки, инфографика и пр.) становится средством продвижения и продажи товаров и услуг.

Сегодня мы смело можем говорить о такой дисциплине, как «визуальный маркетинг». В рамках этого направления специалисты изучают и применяют на практике маркетинговый потенциал изображений и других видов визуальной информации. Визуальный маркетинг анализирует узкие целевые группы по интересам (фанаты игры в гольф, любители классической музыки и др.), т.к. «все эти группы содержат визуальные, вербальные, звуковые, обонятельные и формальные коды, жесты, которые они используют для общения» [10]. Образ, конструируемый маркетологами, «содержит набор языков, состоящих из слов, звуков, изображений, запахов и форм, которые порождают различные подалфавиты. Если они правильно декодированы, эти выразительные элементы становятся средством взаимодействия с группой» [10].

Анализируя визуальность как преобладающий тип коммуникации, следует отметить один важный аспект. Такой упрощенный тип восприятия отнюдь не означает деградацию общества. Огромные объемы информации, буквально атакующие современного человека, вынуждают последнего искать способы быстрой обработки информации. При восприятии невербальной информации нам не нужно предварительно переводить сообщение в образы, как это происходит в случае с текстом. Визуальные данные

как раз представляют собой информацию в сжатом виде. В одной из статей, посвященных визуальному восприятию, ученые так сказали об этом процессе: «Углубление и закрепление в сознании практик визуализации можно назвать настоящим этапом в эволюции мировосприятия человечества. Очевидно, технологии играют здесь ведущую роль, и по мере проникновения их даже в удаленные уголки планеты и развития общества в контексте «глобальной деревни» данный процесс представляется прогрессивным и актуальным для более тщательного изучения» [11].

Итак, современный человек — в наибольшей степени визуал. Изменился характер коммуникаций и, как следствие, изменились подходы к их изучению. Семиотический анализ в этих условиях стал играть более заметную роль, чем прежде. В чем он заключается? С точки зрения семиотики, любые социальные сферы — это отдельная языковая система со своими уникальными кодами. Языки эти — образные, состоящие из символов. Задача семиотического анализа эти символы расшифровать, или «декодировать». Применять такой подход может в любых сферах (знаковых системах) культуры: кинематографе, живописи, лингвистике, медиа и др.

Посмотрим, как декодировать сообщения, заложенные в произведениях искусства. Как говорил Ю. Лотман, «искусство — одно из средств коммуникации. Оно, бесспорно, осуществляет связь между передающим и принимающим» [12]. Задачу искусства он видел не только в отображении реальности, но и в передаче определенного значения, смысла, сообщения. Итак, как понимать эти тексты? Как научиться читать их?

В нашем исследовании мы сосредоточились на таком разделе, как современное искусство. Французский художник, один из основателей дадаизма, Марсель Дюшан на вопрос «Как отличить подлинное искусство?» отвечал так: «Все, что художник назначает искусством, является искусством». Йозеф Бойс, немецкий художник, известный своими запоминающимися акциями (перформансами), утверждал, что искусство объяснить невозможно. Однако десятилетия спустя была выведена целая формула, помогающая прочесть предметы современного искусства. Она получила название «ТАБУЛА» (от лат. *tabula rasa* — «чистая доска») и была придумана художественным критиком Оссианом Уордом. Автор предлагает читать произведения современного искусства, последовательно проходя 6 этапов: терпение (остановитесь и вдохните), ассоциации (личные воспоминания, душевный отклик), бэкграунд (узнайте об авторе больше в Интернете или других источниках), усвоение (понимание после того, как вы узнали бэкграунд), этап под названием «лучше посмотреть еще раз» и анализ. Может ли эта формула быть применена к анализу телевизионных сообщений? Думается, что да.

Автор подчеркивает, что субъективное мнение, личные переживания более важны, чем мнения критиков. Понимание визуальных текстов — исключительно субъективный момент. Об этом говорил и У. Эко в работе, посвященной анализу телевизионных текстов: «Когда сообщение передается недифференцированной массе получателей, очевидно, что разные люди раскодируют и поймут его по-разному. Что не может определить семиотический анализ, так это действительную систему каждого отдельного получателя. Таким образом, семиотическое исследование является только одним из аспектов исследования процесса коммуникации. Оно может раскрыть намерения отправителя, но не то, что происходит при приеме сообщения» [13].

Китайский художник и архитектор Ай Вэйвэй (пожалуй, один из самых известных в мировом искусстве сегодня) создал инсталляцию под названием «Семена подсолнечника». Она представляла собой 100 млн. фарфоровых семечек подсолнечника, рассыпанных на полу. Расшифруем этот художественный текст (ведь эта инсталляция, с точки зрения семиотики, представляет собой именно текст). Для этого воспользуемся формулой, предложенной О. Уордом. При первом взгляде у нас возникнут ассоциации, связанные с нашим личным опытом. Например, это может быть поле с подсолнечниками, по которому вы бегали в детстве в деревне. Обратившись к источникам, мы узнаем, что творчество Ай Вэйвэя имеет политическую направленность. А сам художник неоднократно подвергался преследованиям со стороны властей в родном Китае и вынужден был эмигрировать в Германию. Эти 100 млн. семечек создавали вручную более полутора тысяч китайских рабочих. Причем все они были из одной местности, в которой с давних времен занимаются изготовлением изделий из фарфора. Теперь нам становится более понятным смысл, зашифрованный в сообщении.

Во-первых, семечки здесь — символ великой истории и культуры китайского народа. Они символизируют и сам китайский народ, людей уникальных, непохожих друг на друга (вопреки распространенному стереотипу европейцев о том, что «китайцы — все на одно лицо, все одинаковы»). Во-вторых, семена подсолнечника были символом китайской «культурной революции» во второй половине XX в. Еще одна ассоциация, к которой отсылает нас художник, — дешевый труд китайских рабочих. Один символ — семечка — может передать такое большое количество разнообразных смыслов. Сколько бы листов бумаги потребовалось, чтобы описать эти смыслы словами? И смогли бы метафоры и другие выразительные средства передать их так же ярко, как в этой инсталляции?

Обратимся к еще одному произведению современного искусства — инсталляции под названием «Кровь обгарила земли и моря». Ее авторы П. Кам-

минс и Т. Пайлер с помощью волонтеров высадили во круг Тауэра в Лондоне тысячи красных керамических маков. Не зная истории, можно придумать красному маку много смыслов: любовь, победа, скорбь и др. На самом деле этот цветок в европейской культуре является символом памяти жертв Первой мировой войны, а также всех военных конфликтов начиная с 1914 г. Инсталляция была создана в 2014 г. и приурочена к 100-летию со дня участия Британии в Первой мировой войне. Не случайно и название: эта фраза использовалась в стихотворении неизвестного солдата, погибшего в сражении на этой войне. Но, как мы уже говорили, в понимании текстов современного искусства личные ассоциации и субъективный опыт являются первоочередными.

Визуальная информация преобладает и на телевидении. Оно имеет свой собственный особый язык с присущими только ему художественно-выразительными средствами. Уникальность этого языка состоит в его символичности. Современное телевидение оперирует образами, используя для этого сочетание визуальных и аудиальных средств. Очевидно, что для расшифровки таких образных сообщений недостаточно применения существующих методов: лингвистического анализа, исследований предпочтений аудитории.

У. Эко так описал задачи семиотического анализа телевизионных сообщений: «Мы считаем важным понять, что получает аудитория в результате просмотра телепрограмм... (Это) предполагает изучение ТВ-программы как сообщения» [13]. Эко писал, что в рамках такого подхода мы должны узнать, что хотел сказать создатель сообщения (телепередачи), как организовано это сообщение и что поняла аудитория.

Первая задача предполагает анализ кодов, использованных в сообщении, и расшифровку их значений. В телевизионных передачах такими кодами могут быть: жесты или речевые особенности ведущего, музыкальное сопровождение, освещение, расположение камер, цветовые решения (в интерьере студий или одежде ведущих). Например, использование ведущим в речи профессиональных терминов или диалекта позволяет стать понятнее зрителю, определенная музыка может создать необходимые ассоциации и вызвать трансформацию эмоционального состояния, а жесты порой становятся не менее значимы, чем слова.

В рамках второй задачи следует рассмотреть перечисленные выше знаки в их взаимосвязи в одном телепроизведении. Так, один из символов может усиливать или нивелировать значение другого. Часто это выражается в несоответствии одежды и речи ведущего, тематики передачи и оформления телестудии и пр. Или, к примеру, ахроматическая палитра может входить в диссонанс с праздничной тональностью видеопроизведения.

Не менее значимой в семиотическом анализе является задача понимания того, что восприняла аудитория, увидев данную телепередачу. Отвечая на этот вопрос в рамках семиотического подхода, мы можем лишь выдвигать гипотезы. Противоречие между заложенным в сообщении смыслом и тем, который восприняла аудитория, может возникать по многим причинам: социальным (несоответствие речевых конструкций ведущего / гостей студии и того социального класса, к которому относится потенциальная аудитория), культурным (белый цвет у христиан символизирует святость и чистоту, у буддистов — скорбь, траур), идеологическим, возрастным, эстетическим и пр. Определить смысл, принятый аудиторией, возможно лишь в рамках социологического исследования (опрос, анализ общественного мнения, исследование предпочтений аудитории).

ЛИТЕРАТУРА

1. Сапунов В. И. Массовая коммуникация в XX веке: концепции западных исследователей / В. И. Сапунов. — Воронеж, 2005.
2. «А теперь... о другом...». — URL: <http://culturca.narod.ru/Postman1.htm> (дата обращения: 29.05.18).
3. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1999.
4. Instagram впервые сообщила размер российской аудитории сервиса. — URL: <https://incrussia.ru/news/instagram-vpervye-soobshchila-razmer-auditorii-servisa-v-rossii> (дата обращения: 16.10.18).
5. Google Trends. — URL: <https://trends.google.ru> (дата обращения: 29.05.18).
6. Шестерина А. М. Трансформация аудиовизуального контента в сетевой среде: возможности контекстного подхода / А. М. Шестерина // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2018. — № 2 (28). — С. 86–94.
7. Медина Д. Правила мозга. Что стоит знать о мозге вам и вашим детям / Д. Медина. — Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2014.
8. «Новая экосистема»: как соцсети и мессенджеры меняют будущее Интернета. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/06/2016/57506b819a79475260fb92b (дата обращения: 16.10.18).
9. Игрек неизвестный. Плюс-минус «игрек». Как живет и покупает поколение чудес. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2483995> (дата обращения: 16.10.18).
10. Wikipedia: visual marketing. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Visual_marketing#cite_ref-12 (дата обращения: 29.05.18).
11. Вольфсон Ю. Р. Визуальное восприятие в современном обществе, или Куда движется Галактика Гуттенберга / Ю. Р. Вольфсон, А. Е. Вольчина // Современные исследования социальных проблем. — 2015. — № 4 (48).
12. Лотман Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1998.
13. Эко У. К семиотическому анализу телевизионного сообщения / У. Эко. — URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/eco.htm> (дата обращения: 29.05.18).

Воронежский государственный университет

Гладких А. С., аспирант кафедры телевизионной и радиожурналистики

E-mail: annagladkih@yandex.ru

Voronezh State University

Gladkikh A. S., Post-graduate Student of the Department of Television and Radio Journalism

E-mail: annagladkih@yandex.ru

ТИПОЛОГИЯ ОЦЕНКИ НОВОСТНЫХ САЙТОВ (НА ПРИМЕРЕ ОЦЕНКИ НОВОСТНЫХ СМИ ПЕРУ)

И. В. Григорьев

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 31 июля 2018 г.

Аннотация: в статье предлагается модель типологической оценки интернет-СМИ. В основе модели лежит одновременное использование традиционных дескриптивных методик, современных методик, оценивающих воспринимаемость сайта внешней аудиторией и оценки уровня интеграции механизмов Web 2.0. На основе предложенной модели впервые оцениваются пять ведущих перуанских газет и перуанское новостное агентство.

Ключевые слова: интернет-СМИ, Латинская Америка, Веб 2.0, Перу.

Abstract: the paper suggests the model to typologically assess cybermedia. The model combines traditional methods with methods estimating the perceptibility of the website and tests the adoption of cyber journalism features and that of web 2.0. Basing on the model Peruvian newspapers and a Peruvian news agency are analyzed for the first time.

Keywords: cyber media, Latin America, Web 2.0, Peru.

Сегодня общепринятым является понимание быстрой смены бизнес-моделей издательского бизнеса, который уходит от производства и продажи печатного продукта к производству интернет-контента и его распространению через разнообразные носители. При этом происходят достаточно быстрые изменения и в модели распространения продукта, и в подходе к продажам рекламы, и в редакционном контенте. Сказанное относится и к новостным порталам и сайтам СМИ, для которых жизненно важной характеристикой является рейтинг популярности того или иного сайта в Интернете, методики оценки которого постоянно изменяются и совершенствуются. При этом пользователь, желающий, например, ознакомиться с лучшими интернет-изданиями чилийской прессы может найти только перечисление сайтов [1] без указания на уровень их популярности или ценности для конкретного читателя. Даже на сайте с анонсирующим названием «Какие газеты считать лучшими в Чили и почему?» [2] мы находим лишь указание на то, что это достаточно сложный вопрос.

Естественным образом способы оценки популярности для интернет-СМИ (в отличие от печатной прессы) переместились от показателей тиражности к типичным способам оценки популярности интернет-сайтов (например, ссылочное ранжирование сервисом moz.com), тем более что получение объективных оценок тиражности может быть затруднено: в случае стран Латинской Америки (далее ЛА), статистика либо запаздывает на десять лет, либо отсутствует. Например, в известном научном сборнике по проблемам концентрации СМИ ЛА «Кто

владеет мировыми СМИ?» [3], изданном в 2016 г., приводятся статистические данные в лучшем случае за 2010 г. Тем не менее сравнение новостных СМИ с целью определения их значимости остается важным. Интернет-соответствием показателей тиражности мог бы стать счетчик посещаемости сайта, но в настоящее время известно много случаев некорректного использования соответствующего программного обеспечения.

Определение принципов научного отбора критериев для ранжирования новостных сайтов происходит сегодня в рамках сравнительно небольшого числа типологических исследований по цифровым медиа. Наиболее перспективным является одновременное использование традиционных дескриптивных методик и современных методик, оценивающих воспринимаемость сайта внешней аудиторией [4; 5]. Под традиционными, или дескриптивными, методиками подразумевается описание видимых элементов веб-страницы, таких, например, как наличие в интернет-версии копий страниц аналогичного печатного издания, наличие архивов предыдущих номеров, присутствие рубрики «горячие новости» и т.д. При описании воспринимаемости сайта внешней аудиторией анализируются лог-файлы веб-сайтов (текстовые файлы, в которых регистрируются все запросы к сайту), используются инструменты, анализирующие доступность веб-сайта, используются технологии eye-tracking и сервисы, определяющие позицию сайта в национальных и международных рейтингах.

Дескриптивные методики предполагают и описание стиля традиционно относящихся к Web 2.0 элементов (социальные сети, социальные закладки, блоги, форумы, сообщества, группы, комментарии,

чаты). Оговоримся, что на сегодня не существует общепринятого четкого определения Web 2.0. Многие понимают Web 2.0 как методики проектирования систем, при которых путём учёта сетевых взаимодействий сайты и их наполнение становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются, или как «совокупность интерактивных сервисов, обладающих рядом специфических свойств. Причем эти свойства с трудом можно собрать в некую систему» [6]. При этом одной из важнейших тенденций, вероятно определяющей будущий облик информационного пространства, можно считать желание читателей диктовать свои требования к медиаконтенту через блоги, форумы и подкасты.

Хотя большинство механизмов Web 2.0 внедрены в современные газетные и новостные сайты, многие интернет-СМИ продолжают оставаться в роли «осторожного традиционалиста» [7, 253] или демонстрируют «квазиинтерактивное поведение» [8, 287]. Поэтому интересна конкретная реализация очевидных глобальных тенденций развития электронного медиапространства в сторону улучшения доступности сайта и совершенствования каналов взаимодействия с потребителем для тех стран, в которых по разным историческим, культурным либо политическим причинам отсутствует традиция их постепенного развития.

Описанные выше методики используются частично или полностью при описании новостных интернет-изданий ЛА. На базе типологических исследований, начатых Л. Кодиной [5] и развитых в последующей работе Р. Родригес-Мартинес «Интернет СМИ и Web 2.0: аналитическая модель и результаты применения» [9] были опубликованы работы о ранжировании газетных сайтов стран ЛА (Венесуэлы [10]; Колумбии [11]) и об уровне интерактивности новостных сайтов Чили [12].

В статье в продолжение традиции анализа интернет-версий новостных СМИ ЛА представлен опыт применения модели анализа интернет-версий ведущих перуанских газет и ведущего новостного интернет-агентства Peruvian times с целью понять, насколько перуанские СМИ адаптировали черты современной кибержурналистики и в какой мере используют инструменты Web 2.0.

Для проведения исследования мы выделили две группы показателей: общие и специальные. В первую группу входят показатели, характеризующие новостные сайты по техническим критериям, вне зависимости от их тематического наполнения (уровень доступности веб-контента, порядковую позицию сайта в международном и национальном рейтингах, ранг страниц сайта в поисковых системах и т.д.). К группе специальных показателей относится показатель уровня использования поисковых технологий для облегчения доступа к информации (возможность осуществлять поиск по сайту, наличие возможности

расширенного поиска, наличие архива интернет-издания, карта сайта).

Для описания элементов, традиционно относящихся к инструментам Web 2.0, мы выделяем две группы. Во-первых, это элементы, демонстрирующие степень взаимодействия с читателем (наличие у издания блога/твита, возможность создания блога на своем домене, возможность для читателя оставлять комментарии, контактировать с автором статьи через электронную почту, наличие форумов). Во-вторых, это предоставление читателю возможности персонализации информации (рубрика «Срочные новости», использование информационного бюллетеня, использование технологии экспорта гипертекста RSS, электронная почта, возможность получать новостной контент на мобильные устройства, возможность регистрации) [10; 11; 9].

Начиная с 1996 года, когда в Перу появилась первая интернет-версия общенациональной газеты La Republica [13], развитие интернет-версий пошло значительными темпами, достигнув к 2000 г. уже 10% общеамериканского рынка интернет-версий прессы [13, 2]. Интернет-источники по-разному ранжируют прессу Перу по популярности, не выделяя интернет-версии в особую группу. Например, авторитетный сайт [14], проводящий мониторинг общемировых новостных ресурсов, дает следующий список основных общенациональных перуанских газет: El Bocon, Business Peru, El Chino, El Comercio, Del Pais, Diario Correo, El Peruano, La Republica, Gestion, El Popular. По версии BBC, список ведущих общенациональных перуанских газет выглядит иначе: «Эль Комерсио», «Гестьон», «Охо», «Эль Бокон», «Ла Република», «Дьярио Коррео» [15].

Для проверки качества представления содержания с помощью набора индикаторов были выбраны пять общенациональных перуанских газет: газета политической и социальной тематики Peru 21, ежедневная газета El Comercio, левоцентристская газета La Republica, общеэкономическая газета Gestión, общенациональная газета Correo, общенациональная спортивная газета El Bocon. Для анализа выбирались газеты, лидирующие в списках перуанских газет и не находящиеся в собственности одной промышленной медиагруппы. Поскольку современные новостные ресурсы — это не только интернет-версии традиционной печатной прессы, но и новостные СМИ-сайты информагентств, которые практически не отличаются по оформлению и контенту друг от друга, в анализ было включено ведущее новостное агентство Peruvian Times [16].

В ряду общих показателей, напомним, выделялась доступность, определяемая через три уровня соответствия: А (низший), АА (средний) и ААА (наивысший) в соответствии с принципами и алгоритмами, описанными руководством по обеспечению доступности веб-контента (WCAG) 2.0 [17]. Показатели

определялись с помощью сайта <http://www.tawdis.net>, содержащего тест на доступность веб-контента. В результатах, в частности, отражено количество ошибок, ведущее к усложнению доступа к информации. WCAG 2.0 предлагает рекомендации, направленные на обеспечение большей доступности веб-контента как для пользователей с ограниченными возможностями здоровья, так и для пользователей вне зависи-

мости от наличия или отсутствия у них тех или иных ограничений [17]. Основными принципами доступности, измеряемыми на сайте <http://www.tawdis.net> являются, в частности: простота воспринимаемости информации пользователем, простота управляемости компонентами пользовательского интерфейса; понятность информации и операции пользовательского интерфейса.

Таблица 1.

Доступность веб-контента

Название	Сайт медиа	Воспринимаемость	Управляемость	Понятность	Надежность
Peru 21	https://peru21.pe/	112	360	3	235
Comercio	https://elcomercio.pe/	165	477	4	300
La Republica	http://larepublica.pe/	74	218	5	56
Gestion	https://gestion.pe/	106	235	2	221
Correo	https://diariocorreo.pe/	70	3	2	25
El Bocon	https://elbocon.pe/	49	0	1	33
Peruvian times	http://www.peruviantimes.com/	23	2	1	5

В таблице 1 приводится количество ошибок по четырем параметрам доступности (чем больше ошибок, тем больше вероятность того, что читатель уйдет с сайта из-за сложности восприятия). В издании El Bocon количество ошибок незначительно и соотносимо с одним из самых популярных новостных интернет-изданий — британской газетой The Guardian.

Для определения видимости и популярности главной страницы сайта газеты изначально использовалась программа PageRank, содержащая алгоритмы ссылочного ранжирования. Алгоритм назначает каждой странице некоторое численное значение, измеряющее степень ее важности. Предполагалось, что при прочих равных сайт с высоким PR будет занимать более высокую позицию, нежели сайт с меньшим PR. Поскольку Google перестал поддерживать Page Rank, то мы воспользовались сервисом Moz.com, измеряющим два показателя — числовой пара-

метр авторитетности домена (Domain authority — Da) и числовой параметр авторитетности веб-страницы (Page authority — Pa), показывающие вероятность того, как соответствующий домен и веб-страница будут вести себя в поисковой системе, в которую был встроен сервис. Высокий Da приводит к большому трафику и лучшему поисковому рейтингу. Кроме того, сервис дает метаописание сайта газеты, что в случае с большинством перуанских газет актуально, поскольку карта сайта присутствует, как правило, в урезанном виде.

Для определения популярности главного сайта использовалась программа Alexa Traffic Rank [18], определяющая порядковую позицию сайта в международном и национальном рейтингах на основании посещаемости сайта и поведенческих факторов (всевозможных действий пользователя на сайте).

Таблица 2.

Позиция сайта в международном и национальном рейтингах и популярность в поисковой системе

Сайт медиа	Сервисы		Alexa	
	Moz.com		international	national
https://elcomercio.pe/	Pa	Da	2395	9
http://larepublica.pe/	77	72	3635	16
https://peru21.pe/	74	68	8924	35
https://diariocorreo.pe/	68	62	10387	39
https://gestion.pe/	73	67	19608	63
https://elbocon.pe/	55	46	40986	186
http://www.peruviantimes.com/	58	49	1772516	500762

Определение успешности сайта в результатах поисковой выдачи (показатель сервиса Moz) и общая картина посещаемости проекта (сервис Alexa) показывают соотносимые результаты и успешность только трех интернет-СМИ («Эль Комерсио», «Ла Република» и «Перу 21») на национальном уровне и их малозаметность на международном.

Для изучения собственных характеристик интернет-версий газет в части простоты доступа к информации и обеспечения интерактивности содержания использовались четыре группы показателей: обеспечивающие доступ к информации за счет локальной поисковой системы и возможностей расширенного поиска; обеспечивающие персонализацию контента

под пользователя; показатели уровня развития инструментов взаимодействия с аудиторией и показатели расширения информации, в частности за счет гипертекстовых ссылок.

К показателям, обеспечивающим доступ к информации за счет локальной поисковой системы, также относятся возможность простого/расширенного поиска информации, наличие архива и карты сайта.

Таблица 3.

Уровень использования поисковых технологий

Сайт медиа	Поиск по сайту	Расширенный поиск	Архив	Карта сайта
https://peru21.pe/	+	-	(4 года)	+
https://gestion.pe/	+	-	(6 лет)	+
https://diariocorreo.pe/	+	-	(7 лет)	-
https://elcomercio.pe/	+	-	(1 год)	-
http://larepublica.pe/	+	-	-	+
https://elbocon.pe/	+	-	-	-
http://www.peruviantimes.com/	+	-	(11 лет)	-

Таблица 3 показывает полное отсутствие возможности расширенного поиска у анализируемых

перуанских газет и либо отсутствие архива, либо его незначительный объем (от одного года до семи лет).

Таблица 4.

Степень взаимодействия с читателем

Сайт медиа	Блог/твит	Создание блога на своем домене	Возможность писать комментарии	Возможность контактировать с автором статьи через эл. почту	Наличие форумов	Наиболее читаемое по кол-ву просмотров
https://peru21.pe/	+	+	-	-	-	-
https://elcomercio.pe/	-	-	-	-	-	+
http://larepublica.pe/	-	-	+	-	-	-
https://gestion.pe/	+	+	+	-	-	-
https://diariocorreo.pe/	-	-	+	-	-	-
https://elbocon.pe/	+	-	+	-	-	-
http://www.peruviantimes.com/	+	-	+	-	-	-

Инструменты взаимодействия с читателем, как показывает таблица 4, за исключением предоставления возможности оставлять комментарии, прак-

тически не используются в современной перуанских новостных СМИ.

Таблица 5.

Использование средств персонализации информации

Сайт медиа	Срочные новости	Информационный бюллетень	RSS-агрегатор	Получение новостей на Почта	Мобильные устройства	Регистрация
https://peru21.pe/	+	+	-	+	-	+
https://elcomercio.pe/	+	+	-	-	-	+
http://larepublica.pe/	-	-	+	+	-	-
https://gestion.pe/	-	+	+	+(возможность общаться персонально)	-	+(видишь комментарии)
https://diariocorreo.pe/	-	+	-	+	-	+
https://elbocon.pe/	+	-	+	-	-	+
http://www.peruviantimes.com/	+	+	-	+	-	+

Таблица 5 показывает, что средства персонализации информации используются не в полном объеме: лишь в половине газет присутствует RSS-агрегатор, ни одна газета не предлагает мобильное приложение. Регистрация на сайте газет присутствует номиналь-

но и не дает дополнительных бонусов читателю, таких, например, как доступ к содержанию, закрытый для незарегистрированных пользователей.

Предлагаемые для анализа новостных сайтов 24 показателя демонстрируют свою эффективность

при оценке их популярности. Применение показателей для исследования перуанских интернет-СМИ позволяет сделать вывод, что издательства осознают необходимость использования современных способов донесения контента газеты до целевой аудитории в информационном пространстве Интернета, хотя этот факт может не коррелировать с коммерческим успехом (тиражом печатной версии). При этом ни один из новостных сайтов не демонстрирует высокую степень адаптированности содержания к читателю. Ни одной из анализируемых газет не удалось создать ситуацию прямого участия читателей в формировании информационной повестки дня на платформе своей газеты через блоги, комментарии и форумы, и наиболее популярным средством является размещение твитов на своем сайте. Постоянный мониторинг используемых показателей со стороны издательств может способствовать повышению общего рейтинга конкретных СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chilean Newspapers. — URL: <http://www.onlinenewspapers.com/chile.htm> (дата обращения: 31.07.18).
2. What is the best newspaper in Chile and why? — URL: <https://www.quora.com/What-is-the-best-newspaper-in-Chile-and-why> (дата обращения: 31.07.18).
3. Noam Eli M. and The International Media Concentration Collaboration. Who Owns the World's Media? Media Concentration and Ownership around the World. — Oxford University Press, 2016.
4. Palacios M. Noci J. D. (eds.) Online journalism: research methods. A multidisciplinary approach in comparative perspective Universidad del País Vasco. — URL: <http://upf.academia.edu/JavierD%C3%ADazNoci/Books/88821/OnlineJournalism> — Research-Methods (дата обращения: 31.07.18).
5. Codina L. Metodología de análisis y evaluación de recursos digitales en línea / L. Codina. — URL: <http://www.lluiscodina.com/metodos.htm> (дата обращения: 31.07.18).
6. Калмыков А. А. Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ / А. А. Калмыков. — URL: <http://www.evartist.narod.ru/text19/159.htm> (дата обращения: 31.07.18).
7. Larsson A. O. Understanding Nonuse of Interactivity in Online Newspapers: Insights from Structuration Theory / A. O. Larsson // The Information Society. — Vol. 28. — 2012. — P. 253–263.
8. Barredo-Ibáñez D. Interactivity in Latin American digital journalism. An analysis of the main digital media of Colombia, Mexico and Ecuador / D. Barredo-Ibáñez, E. Díaz-Cerveró // Revista Latina de Comunicación Social. — Vol. 72. — 2017. — P. 273–294.
9. Rodríguez-Martínez R. Cibermedios y web 2.0: modelo de análisis y resultados de aplicación / R. Rodríguez-Martínez, L. Codina, R. Pedraza-Jiménez // El profesional de la información. — Vol. 19. N. 1. — 2010. — P. 35–44.
10. Hung E. S. El desarrollo de los cibermedios Venezolanos / E. S. Hung, C. Arcila // Universidad del Norte. Investigación & desarrollo. — Vol. 20. № 2. — 2012. — P. 280–301.
11. Said-Hung E. Desarrollo de los cibermedios en Colombia / E. Said-Hung, C. Arcila-Calderón, J. Méndez-Barraza // El profesional de la información. — Vol. 20. № 1. — 2011. — P. 47–53.
12. López-López P. C. Transparency in public televisions: development of indicators and case analysis in Spain and Chile / P. C. López-López, I. Puentes-Rivera, J. Rúas-Araújo // Revista Latina de Comunicación Social. — Vol. 72. — 2017. — P. 273–294.
13. Yezers'ka L. Los cibermedios en Perú / L. Yezers'ka // Revista Latina de Comunicación Social. — Vol. 61. — 2006. — P. 2.
14. Major Peruvian daily newspapers. — URL: www.newswealth.com/Newspapers_Worldwide/The_Americas/Peru/peru.html (дата обращения: 31.07.18).
15. Peru country profile. — URL: (дата обращения: 31.07.18).
16. Peruvian Times. — URL: (дата обращения: 31.07.18).
17. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0. — URL: <https://www.w3.org/Translations/WCAG20-ru/> (дата обращения: 31.07.18).
18. Alexa. — URL: (дата обращения: 31.07.18).

Санкт-Петербургский государственный университет
Григорьев И. В., доцент факультета иностранных
языков
E-mail: ivan_grigoriev@mail.ru

St. Petersburg University
Grigoriev I. V., Associate Professor, Foreign Languages
Department
E-mail: ivan_grigoriev@mail.ru

МЕДИАОБРАЗ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ НА РУБЕЖЕ 2013–2014 ГГ.

Л. Г. Егорова

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Поступила в редакцию 31 августа 2018 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности презентации Крыма местной прессой накануне вхождения полуострова в состав РФ.

Ключевые слова: медиаобраз региона, имиджевый текст, медиатекст, региональные СМИ.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the Crimea image presentation in local printed media before the republic comprisal the Russian Federation principal tendencies.

Keywords: regional image, the image text, the media text, regional media.

Исследование текстов местных СМИ вызывает интерес в силу ряда причин, в числе которых — их способность отражать географическую, социально-экономическую, культурно-историческую специфику региона, характер адресата, значение в процессе структурирования информационного пространства и пр. [1]. К структурным компонентам, формирующим региональный имидж, следует отнести политическую ситуацию, социальный и экономический сегменты, артикулирование общих ценностей и рассмотрение общих проблем. «Российская региональная пресса — важнейший институциональный атрибут всех территорий страны, способствующий сохранению местного сообщества, являющийся основной площадкой для обсуждения местной повестки дня» [2, 89].

Массмедиа формируют положительное или отрицательное отношение к явлению или событию посредством различных эмоционально-оценочных языковых средств. Локальность проживания и культурная специфика конкретной социальной группы обуславливают использование особых кодов, отражающих местные реалии. При этом адресат сообщения может рассматриваться как совокупная этносоциальная личность, для которой характерны определенный способ мышления, система ценностей, особые способы интерпретации [3]. В текстах СМИ регион позиционируется как идентифицированный субъект «мы». Имиджевый текст в данном случае включает в себя особые атрибуты общности, часть из которых может быть противопоставлена атрибутам других территорий [4].

Материалом для данного исследования послужили публикации газеты «Крымская правда» (далее — КП) в период с января 2013 г. по март 2014 г., полученные методом сплошной выборки. Показательным представляется изучение особенностей презентации имиджа Крыма, транслируемого региональными СМИ, до референдума 2014 г. По нашему

мнению, в имидже региона, создаваемом массмедиа, можно выделить два значимых компонента: количественный (т.е. частота упоминания в медиатекстах, место в информационном потоке по сравнению с другими темами) и качественный, определяемый тональностью текстов.

Анализируя частотность публикаций о состоянии экономики Крыма, мы пришли к выводу, что этой теме в анализируемый период уделялось достаточное внимание. При этом в материалах экономической тематики преобладали отрицательные оценки. В центре внимания СМИ в исследуемый временной промежуток находилась тема незаконной стихийной торговли: «Симферопольская стихийная торговля — как сказочный Змей Горыныч: на месте срубленной головы тут же появляется новая» (КП, № 40, 6 марта 2013 г.); «Как уже писала наша газета, в апреле местные власти совместно с правоохранителями активно очищают города, посёлки автономии от стихийных рынков в ходе подготовки к новому курортному сезону...» (КП, № 104, 11 июня 2013 г.).

Среди транслируемых тематических доминант указанного периода следует назвать также слабость экономики государства в целом и — как следствие — невысокий уровень благосостояния населения и низкую покупательскую способность. В медиатекстах регулярно поднималась проблема повышения цен на коммунальные услуги, продукты, другие категории товаров: «Надежды потребителей на сезонный обвал цен на большинство продуктов первой необходимости рухнули, едва начав сбываться. Более того, июльская жара обещает «поднять градус» цен на сахар, молоко, яйца, крупы, мучные изделия и даже картофель. Реальная дешевизна овощей если и наступит, то не раньше осени, а фрукты в этом году останутся дорогими даже в самый разгар сезона сбора» (КП, № 131, 24 июля 2013 г.); «Аномальные погодные условия этого года начинают сказываться на ценовой политике продовольственного рынка страны... Несоответствия особенно заметны, если сравнивать

цены с тем же периодом прошлого и позапрошлого годов. Подливают масла в огонь и некоторые правительственные решения: к примеру, постановление Кабмина может отправить в нокаут рынок украинской недвижимости» (КП, № 138, 6 августа 2013 г.); «На прошлой неделе выросла стоимость услуг по водоснабжению, водоотведению, содержанию домов и сооружений и придомовых территорий в некоторых населённых пунктах АРК, а также в шести областях Украины, где органами местного самоуправления были пересмотрены соответствующие тарифы» (КП, № 184, 8 октября 2013 г.).

Следует отметить, что материалы, призванные создавать положительный экономический имидж полуострова, также присутствовали в медиадискурсе того периода, но их количество было незначительным. Положительная оценка происходивших в экономике Крыма процессов присутствует в текстах, посвященных реализации инвестиционных проектов. Например: «В Крыму построят новый винодельческий завод» (КП, № 14, 28 января 2014 г.); «Наша газета неоднократно рассказывала о намерении Китая инвестировать средства в строительство глубоководного порта в АРК и модернизацию систем капельного орошения. В рамках визита в Китайскую Народную Республику вице-премьер автономии Рустам Темиргалиев в Пекине подписал меморандум о реализации пилотного интеграционного проекта в сфере агропромышленного комплекса» (КП, № 19, 4 февраля 2014 г.).

Крым на протяжении длительного периода времени позиционировался как регион, ориентированный на развитие сельского хозяйства, в связи с чем СМИ уделяли значительное внимание проблемам аграрного комплекса полуострова: «В первой декаде июня, на две недели раньше установленного срока, Крым вступит в уборочную страду, которую на этот раз правильнее называть уборочной катастрофой. Дело в том, что всего за два весенних месяца аномальная жара с суховеями свела на нет планы на достойный урожай ранних зерновых культур...» (КП, № 107, 18 июня 2013 г.); «На днях аграрии республики начнут сев яровых культур: традиционно техника выводится на поля в «февральские окна», как только позволяет состояние размокшей от дождей почвы. Из года в год в эту пору не обходится и без неприятных сюрпризов: к началу посевной мы вынуждены констатировать скачки цен на все виды топлива. На этот раз эксперты винят в происходящем политическую нестабильность гривны» (КП, № 24, 11 февраля 2014 г.).

В медиатекстах, формировавших экологический имидж Крыма, основными темами были угрозы для окружающей среды и здоровья населения. Среди часто обсуждаемых на страницах издания — проблема загрязнения населенных пунктов и водных рубежей: «В ожидании строительства в Крыму мусоропера-

батывающих заводов свалки вокруг Симферополя, Ялты и других крупных городов автономии разрослись до невероятных размеров» (КП, № 61, 5 апреля 2013 г.); «Испорченный отдых и кишечная инфекция — «багаж впечатлений», который уже не первый год увозят из села Малореченского курортники. А виной тому старые очистные сооружения, отравляющие акваторию фекалиями. Чиновники обещали, что к началу сезона-2013 строительство новой канализации наконец-то закончится. Однако воз и ныне там...» (КП, № 150, 21 августа 2013 г.). Актуальной оставалась и проблема расхищения природных богатств полуострова: «Проблема массовой вырубki можжевельника, ароматные поделки из которого так нравятся заезжим туристам и местным жителям, возникла давно, равно как и большой пробел в украинском законодательстве относительно этой проблемы» (КП, № 56, 27 марта 2013 г.). Игнорирование постулатов рационального природопользования, отсутствие экологической культуры в обществе, невнимание властей к экологическим проблемам приводят ко всё большему обострению этой проблемы современности: «Экологи бьют тревогу — крымские заповедники на грани исчезновения. Там, где не должна ступать нога человека, идёт массовая вырубка деревьев, отстрел диких животных, а количество туристов, ежегодно проходящих через заповедные земли, вызывает у экологов шок» (КП, № 202, 6 ноября 2013 г.). Анализ публикаций, посвященных вопросам экологической безопасности, позволяет сделать вывод о том, что проблемам загрязнения атмосферы, в том числе хранения и утилизации бытовых отходов, охраны заповедников и заказников, а также низкой экологической культуре населения, нежеланию властей эти вопросы решать местные издания уделяли значительное внимание.

В имиджевых текстах культурной направленности можно наблюдать баланс положительных и отрицательных мнений. При этом материалы данной тематики публиковались в СМИ значительно реже, чем тексты, посвященные экономике или политике. Тем не менее массмедиа уделяли внимание и культурному имиджу региона. Отрицательные характеристики связаны с невысоким уровнем проведения отдельных культурных мероприятий, отсутствием внимания властей к культурным и историческим объектам, нехваткой финансирования, разрушением памятников архитектуры: «Визитная карточка полуострова — замок над обрывом — трещит по швам. В скале Аврора мыса Ай-Тодор, на которой возвышается «Ласточкино гнездо», появились значительные трещины» (КП, № 87, 18 мая 2013 г.). Положительные оценки чаще всего встречались в материалах, посвященных проведению музыкальных, театральных и исторических фестивалей, выставок: «Если ночью вы будете проезжать мимо села Поповка Сакского района и увидите пронизанное ярко-белыми и зе-

лёными лучами небо, да ещё услышите музыку, которой в голливудских фильмах обычно сопровождаются инопланетные нашествия, — не пугайтесь. Это не высадка марсиан на Землю, и даже не секретные военные учения — это суперпопулярный молодёжный фестиваль «KaZантип» с размахом и пафосом отмечает свое 21-летие» (КП, № 153, 6 августа 2013 г.).

Негативные тенденции в культурной сфере полуострова достаточно тесно связаны с проблемами туристско-рекреационной сферы, что также нашло отражение в журналистских текстах. Развитие туристической инфраструктуры в регионе в целом получило негативные оценки, несмотря на достаточный рекреационный потенциал полуострова, наличие перспективных туристических объектов. В качестве наиболее востребованных можно отметить такие темы, как неразвитость туристической отрасли, несоответствие цен качеству услуг, отсутствие внимания к памятникам истории и архитектуры. Анализируя материалы туристической тематики в газете «Крымская правда», укажем, что значимыми факторами формирования отрицательного медиаобраза рекреационной сферы Крыма были завышенные цены на услуги, низкий уровень сервиса, его навязчивость, нарушение норм законодательства: «Одним из главных черных пятен каждого курортного сезона в Крыму остается проблема нелегального фотобизнеса с животными. Сколько уже писано-переписано на эту тему, отрапортовано об изъятых мартышках, орлах и удавах, а воз и ныне там: фотографии не прекращают охоту на людей, готовых платить за снимки с замученными птицами и зверьем» (КП, № 105, 5 марта 2013 г.). Говоря о положительных имиджеформирующих тенденциях, следует отметить публикации, посвященные появлению новых традиций, открытию туристических маршрутов, рекреационных объектов: «Граница Внутренней и Главной гряды Крымских гор, которая проходит через село Соколиное Бахчисарайского района, воспитала не одно поколение настоящих туристов-экстремалов. Как и много лет назад, эти места, напичканные удивительными

ландшафтными и историческими памятниками, бороздят туристы, знающие толк в активном отдыхе и умеющие получать удовольствие от общения с прекрасным» (КП, № 107, 18 июня 2013 г.).

Тексты СМИ играют важную роль в формировании регионального имиджа как результата целенаправленной коммуникативно-информационной деятельности. Значительное количество негативных имиджеформирующих медиатекстов было обусловлено превалированием отрицательных информационных поводов. Хотя следует отметить, что положительные явления и тенденции зачастую не получали должного освещения в СМИ. Думается, создание положительного медиаобраза как отдельных регионов, так и страны в целом, по нашему мнению, должно занимать значимое место в системе государственных приоритетов. Благоприятное общественное мнение также способствует тому, чтобы государство занимало достойную позицию на мировой арене: ведь имидж страны — мощный ресурс, влияющий на ее политическое, социально-экономическое и культурное положение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиркова О. Н. Влияние имиджевой политики и этнокультурного брендинга региона на формирование и развитие региональной идентичности / О. Н. Чиркова // Регионология. — 2016. — С. 88–105.
2. Тулупов В. В. Региональная журналистика: сегодня и завтра / В. В. Тулупов // Вопросы теории и практики журналистики. — Иркутск. — 2013. — № 2 (4). — С. 78–92.
3. Егорова Л. Г. Имиджевый текст как феномен современного информационного пространства / Л. Г. Егорова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология». — Т. 21 (60), № 1. — Симферополь: ТНУ, 2008. — С. 419–424.
4. Егорова Л. Г. Особенности презентации регионального имиджа / Л. Г. Егорова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2009. — Том 22 (61), № 2. — С. 293–298.

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Егорова Л. Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики
E-mail: legora@list.ru

Taurida Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Yegorova L. G., Candidate of Philology, Associate Professor of the Interlinguistic Communication Journalism Department
E-mail: legora@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ОРЕНБУРГА НАЧАЛА XX ВЕКА

Т. М. Жаглова, Е. А. Хмура

*Оренбургский государственный университет,
Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова*

Поступила в редакцию 28 мая 2018 г.

Аннотация: журналистика начала XX века отмечается значительным ростом численности изданий, появлением как новых газет, журналов, альманахов и сборников, так и заметной корректировкой существующих. Тематика и проблематика материалов в новых условиях также претерпевает изменения, что можно расценивать неоднозначно. Выявить степень присутствия в провинциальной прессе Оренбурга различных форм пародийного осмеяния — задача данного исследования.

Ключевые слова: сатирическая журналистика, провинциальная пресса, сатира, пародия.

Annotation: in the early XX century the journalism is characterized by a significant increase of publishing, foundation of new newspapers, magazines, almanacs and story collections, as well as a noticeable update of existing ones. Subjects and problems of publications under the new conditions are also undergoing changes, which can be regarded as ambiguous. The target of this study is to determine the extent of the presence of parodical mockery in various aspects in the provincial press of Orenburg.

Keywords: satirical journalism, provincial press, satire, parody.

Отличительной особенностью журналистики конца XIX — начала XX вв. является рост периодических изданий, в том числе юмористических и сатирических. Исследователи, в частности, И. С. Эвентов, отмечают, что в некоторых периодических изданиях качество предлагаемого материала ухудшается, как следствие — темы утрачивают внутреннюю значимость и теряют свою публицистическую остроту и литературную привлекательность.

На общем фоне российской прессы юмористические и сатирические журналы Оренбурга отличаются достаточно качественными произведениями, нежели, например, «Осколки», «Шут», «Стрекоза», «Будильник», юмор которых в большинстве случаев, по словам И. С. Эвентова, «не поднимался над уровнем приказчиье-галантерейной эстетики» [1, 16]. Сравнивая содержательно-тематические особенности типологически сходных изданий, обнаруживаем в оренбургских журналах «Кобылка», «Саранча», «Скворец», «Пыль» темы, волнующие городскую общественность и литературную в том числе, в то время как в «Осколках» за 1909 г. «можно было прочесть стихи под заглавиями, откровенно выражавшими их нехитрое содержание и пошлый вкус сочинителей: «Она вернулась, а он отвернулся», «Ножки», «Бойкая барышня и большая лужа», «Амуры за трико» [1, 17]. В подобных материалах столичных «весельчаков» преобладал низкопробный юмор, которому сопутствовали, как правило, однотипные средства и приемы, по контрасту с которыми в оренбургских изданиях

палитра сатирических приемов складывается гораздо разнообразнее, включая в себя и арсенал пародии.

Так, журналы «Кобылка», «Саранча», «Скворец», «Пыль», «Фавн» представляют типичную сатирическую печать начала века, задействовавшую различные виды и типы комического — от откровенного сарказма до иронии. Авторы сатирических изданий чётко подмечают существенное в частной и общественной жизни оренбуржцев, используя для этого специфические жанры и приемы, в том числе пародирование.

«Пародия — одно из сильнейших средств общественной сатиры», — утверждал В. Я. Пропп в книге «Проблемы комизма и смеха» [2, 66]. С помощью пародии автор получает возможность подметить те или иные изъяны в поступках и сознании героев публикаций, которые вызывают искренний интерес читателя. Наиболее убедительным примером использования пародии в исследуемых журналах является материал «Митинг оренбургской прессы», напечатанный в № 1 журнала «Кобылка» за 1906 г., который по ряду признаков мы относим к пародии на типичную провинциальную прессу с ее жанрово-тематическими штампами и клише. Во-первых, в материале обращает на себя внимание присутствие второго плана, который является одним из определяющих признаков пародии и отмечается всеми исследователями как жанрообразующий. Во-вторых, раскрывается «внутренняя слабость» [2, 66] пародируемого объекта — общественно-политических и историко-литературных газет и журналов начала XX века, в том числе частных:

«Оренбургская газета». Господа, вы слышали, что с «Голосом Оренбурга» случилось несчастье?

«Оренбургский Листок». Пренебречь!

«Оренбургский край». Но, позвольте; принимая во внимание, что с одной стороны, так сказать... вообще... ну, одним словом... и т.д.

«Тургайская Газета». Товарищи! Все-таки «Голос Оренбурга» наш товарищ, хотя бы по несчастью [3, 6].

Туманность и чрезмерная многословность некоторых изданий, сконцентрированных в образе газеты «Голос Оренбурга», подвергается осмеянию всей журналистской братией. Например, по обыкновению не представляется возможным определить, что конкретно хочет сказать «Оренбургский край» со своей невнятной политикой по поводу как этой конкретной, так и любой другой ситуации; неопределенность позиций издания проявляется на различных уровнях текста, не исключая и лексики, подчеркнуто обезличенной и нейтральной: «Оренбургский край». Тем не менее, принимая во внимание вышеизложенное, я полагал бы, так сказать, узнать, в чем именно заключается несчастье?!...» [3, 6]. «Оренбургский край», таким образом, предстает в материале журналистов «Кобылки» газетой, не ориентирующейся в сути городских событий, отражающей мнение запуганных переменами либералов-буржуа, вступающих в новый календарный год с укоренившимися страхами и сомнениями.

В-третьих, несмотря на то, что комизм ситуации в данном случае вызывает смех читателей, обращение к пародированию преследует вполне серьезные цели: «Серьезный смысл пародийного высказывания может быть выражен только комическими средствами. Именно поэтому следует вполне серьезно говорить о том месте, которое занимает пародия в литературно-общественной борьбе, и о роли, её значении в литературном процессе той или иной эпохи» [4, 21–22].

Объектом пародии служили и внехудожественные стили, например пародия на речь депутата князя Урусова, напечатанная в шестом номере газеты «Скворец». Автор пародии обращает внимание читателей на ханжество и лицемерие чиновников. Попытка разобраться в ситуации заканчивается вполне закономерными вопросами, вернее, целым их каскадом, когда Попов интересуется: если «товарищ Министра» действительно честно исполнял свои обязанности, не брал взятки, закрывал глаза на показательные отчеты и гиперболизированные показатели по продуктам, отпущенным на душу населения, всемерно старался улучшить состояние голодающих россиян, то почему тогда повсеместно происходят пожары и погромы: «Дохнут люди — голодают, / Жгут чужое — Ничего! / Во дворцах же рассуждают, / Все на тему — «отчего»? / Ишь ты дело — голодовка! / Ишь — ты дело — недород! / Членам страсть нужна сноровка — / «Как дворец принять вперед», / А то слушай побасенки — / Как Сиятельнейший князь / Был товарищем Мини-

стра, / А теперь поднял всю грязь: / Как при нем подготавливался / Всякой нечисти запас, / — Как он сам не продавался, / Хоть и был соблазн не раз... / Как и где погромы были, / Как распоряжалась власть / Ну, а Вы то — Вы — где были, / Рассиятельнейший князь?!» (Вик. Попов [5, 46]).

Применяя просторечные выражения «дохнут», «ишь», Попов акцентирует внимание на том, что «голодовка» и «недород» волнуют исключительно простой народ, в то время как «во дворцах рассуждают» по обыкновению о приращении капитала и дальнейшей роскошной жизни. Таким образом, пародируя речь Урусова, автор выходит за литературные рамки объявленной пародии, он помогает читателю самому проанализировать значительные факты современной действительности, в первую очередь — события социальной жизни.

Пародии занимают особое место в исследуемых изданиях. Нередко они выделены редакцией в отдельную рубрику с одноименным названием, постоянную или сменную, как, например, в журнале «Пыль». Рубрика «Пародии» сохранялась в нем в качестве постоянной, предлагая читателю в легкой занимательной форме обсудить различные вопросы, актуальные для оренбуржцев в тот или иной период. Обращают на себя внимание следующие пародии: «Газета мизинец» (пародия на частные газеты рекламы и объявлений, характерные для начала XX в.), «На старой квартире, совсем не в степи» (пародия на стихотворение И. С. Никитина «Хозяин»), «На мелком Урале, почти пересохшем» (пародия на стихотворение М. Ю. Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...») и др.

В качестве наиболее типичной для этой группы публикаций рассмотрим следующую — «На старой квартире, совсем не в степи...», пародирующую стихотворение И. С. Никитина «Хозяин» («Пыль», № 23).

Автор сводит на нет гиперболизацию одиночества, охватившего лирического героя Никитина, прежде всего размещая его не в пустынном безлюдном пространстве, «на старом кургане», как в стихотворении-оригинале:

На старом кургане, в широкой степи,

Прикованный сокол сидит на цепи.

Сидит он уж тысячу лет,

Всё нет ему воли, всё нет [6, 12],

а гораздо банальнее — «на старой квартире». Для пародиста важно переключение различных планов в новом тексте: так, на смену трагическому пафосу, характерному для стихотворения Никитина, приходит сатирический, гораздо больше соответствующий подчеркнuto бытовой ситуации. Как актуальная форма пародии в поэтическом творчестве авторов «Пыли» применяется прием травестии, когда о низком предмете — недалеко, невежественном супруге-подкаблучнике поэт рассуждает высоким слогом: «На старой квартире, совсем не в степи, / Прикован-

ный дурень сидит на цепи. / Сидит уже много он лет. / Все нет ему воли, все нет. / И волосы клочьями он вырывает, / И горькую долю свою проклиная... / Супруга его заперла на замок... / А мир так широк, так широк» (Бете [6, 12]).

Выстраивая антитезу «вольный, по природе своей, сокол», действительно томящийся в неволе, и «домашний великовозрастный «дурень», подпавший под влияние деспотичной жены, автор пародии, скрывающийся под псевдонимом Бете, на первый взгляд, усугубляет комизм ситуации, типичной для мещанской среды провинциального города. Однако данная пародия содержит и второй пласт, предполагающий осмысление социальной обстановки, в которой живет семья: причиной всех зол и бедствий, собственно, и является глава этой семьи, предпочитающий наслаждаться жизнью, пропивая все, в то время как его жена и дети голодают. Образ «прикованного» цепью «невольника» супружеской жизни воссоздан в пародии в смещении сатирического и иронического начал, предполагающего способность читателя обнаружить скрытый смысл в художественном или публицистическом тексте.

В другом стихотворении — «С рукой протянутой мечтал», в подзаголовке, заявленном как пародия на элегию М. Ю. Лермонтова «Нищий», объектом иронии автора избирается оренбургский читатель, остро нуждающийся в свежей прессе. Подписка на газеты и журналы в провинциальном городе долгое время считалась удовольствием дорогостоящим, соответственно, рядовой обыватель мог позволить себе, как правило, лишь одно издание на полгода или год, что и обусловило в данном случае проблему мучительного выбора читателя: «С рукой протянутой мечтал / Перед подпискою читатель: / — «Какой мне выписать журнал / Или газету, Мой Создатель?» [6, 12].

Подобно героям Лермонтова, как страдалцу, обездоленному материально, так и обделенному взаимной любовью, потенциальный читатель был обманут в лучших ожиданиях, поскольку вместо камня и равнодушия возлюбленной он получил другой эквивалент — газету «Правый путь», то есть заведомо консервативное издание, способное погрузить аудиторию лишь в сферу интересов городского мещанства: «Так в затрудненье он тужил / И взор являл тоску и муку... / И кто-то «Правый Путь» вложил / В его протянутую руку!...» [6, 12].

Пародируя произведения А. А. Блока 1900–1909-х гг., созданные поэтом до кризиса символизма и все еще пользующиеся популярностью, сотрудники журнала «Пыль» обнаруживают хорошее знакомство с типичными для раннего периода его творчества приемами, изобразительно-выразительными средствами, которые являются «знаковыми» приметами лирики знаменитого символиста. Однако основной акцент в публикациях «Пыли» сделан даже не на цветописы и звукописы, символизации и метафориза-

ции, присутствующих и в пародии наглядно и убедительно, а на приеме каламбура, гораздо отчетливее переводящего образы, мотивы и лейтмотивы как отдельных строф, так и всей подборки стихотворений в план пародии: «Укрываясь под кровом покрова свекрови, / Маню тенью обманной тумана маню, / И люблю любоваться любовью любви, / И задумчивость думы в раздумье гоню...»; «Небосвод голубой, как голубка голубит... / О! Как сладко мечтать под сосною со сна... / И приснится она, что и губит и любит, / И бесцельно нацелясь, целует она...»; «Ах! В бессилье усилю я силы истрачу, / Грозно грозы сулят неудачу вновь. / Задала неудача на даче задачу / И отравой трав отравляет любовь...» [7, 8].

Пародийное мастерство журналистов «Пыли» проявилось и в осмыслении идейно-тематических и жанрово-стилистических особенностей современных газет и журналов. В условиях политических и социальных перемен продолжалось идейное размежевание интеллигенции и, как следствие — полемика в наиболее актуальных и авторитетных изданиях. Чаще всего юмористические и сатирические издания объектом критики избирали официальную прессу, непосредственно поддерживаемую представителями власти, вменяя ей низкопоклонство и бездумное следование официальному курсу при оценке событий.

Журнал «Пыль» обобщает разнообразные негативные факты действительности и представляет на суд читателей вымышленную «Газету мизинец», содержащую в основном коммерческую рекламу и частные объявления. Данная пародия вбирает в себя богатую палитру средств комического, которая проявляется, начиная с обращения к читателям, отзывающегося реминисценциями из «Мертвых душ» и «Шинели» Н. В. Гоголя, «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Мизинец. Почему мизинец? Зачем мизинец? Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы ещё такое вытирать ею» [8, 10], обыгрывания названия издания: «Оно, конечно, любезные читатели, ни во гнев будет сказано, указательный перст куда лучше, но не забывая, что переживается век аэронавтики: полетов и вылетов, многие отдают предпочтение безымяннику, мы же остановились на Мизинце, памятуя, что если им нельзя указывать, зато его можно показывать» [8, 10]. В череде пародийных выпадов сатирически и иронически обыгрывается продажный характер большинства современных газет и журналов, их страх перед беззаконием и самоуправством властей, в связи с этим подвергается осмеянию традиционная для изданий такого типа тематика и проблематика, восходящая опять-таки к традициям позднего творчества Салтыкова-Щедрина, обратившегося в 1880-е гг. к жанру очерков и явлению их циклизации («Благонамеренные речи», «Современная идиллия», «Письма к тетеньке»), с применением «говорящих» названий городов и губер-

ний с их краткой характеристикой и первых лиц, облеченных в них властью:

«Ободоевск. Входить в читальное зало в верхнем платье швейцар не позволяет. Оставлять жакеты и га-лоши в передней нельзя — воруют. Посетительницы решили являться в библиотеку в евином костюме. Библиотекарьша говорит, что это не культурно.

Ростовцевск. Отправленная в музей древних ред-костей старая песочница признана не подходящей. Говорят, что нужно подождать ещё лет десять» [8, 10].

Оренбургские авторы активно внедряли в прак-тику журнальной работы заимствование материа-лов центральной прессы, отвечающее редакционной политике издания. В частности, жанровые и стили-вые соответствия обнаруживаются в публикациях А. А. Измайлова — известнейшего пародиста начала XX в. Несмотря на то, что, по мнению большинства современных исследователей, Измайлов, «как поэт и беллетрист серьезного интереса не представляет, несмотря на обильную продукцию» [9, 436], он обра-щает на себя внимание прежде всего своими много-численными пародиями, которые существенно по-вливали и на оренбургских журналистов.

В первую очередь это относится к заимствованию «Дружеской пародии» А. А. Измайлова («Пыль», № 18), демонстрирующей превосходное знание пародистом особенностей поэтики представителей поэзии Сере-бряного века, среди которых А. Белый, К. Бальмонт, Д. Мережковский, их тяготение к созданию абстракт-ных, возвышенных, облагораживающих грубую ре-альность образов, тем не менее бессодержательных и безыдейных: «Тучи в кучи взбаламучу, / Проскачу волчком качучу, / Треском рифм наполню свет. / Как звонки двуконных конок, / Стих мой тонок, ломок, звонок, — / Звону много, смыслу нет» [10, 4–5].

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что оренбургская периодика начала XX в. представляла собой достаточно живую среду, лишенную страха перед «сильными мира сего» и со-храняющую способность «истину царям с улыбкой говорить», несмотря на то, что авторами материалов в большинстве своем были высланные из централь-ной России интеллигенты.

Многие произведения очень трудно интерпре-тировать в отрыве от историко-бытового и культур-ного контекста, особенностей социальной, полити-

ческой и журнально-литературной жизни тех лет. С другой стороны, умение ориентироваться в раз-нообразных реалиях эпохи, способность расшифро-вать намёки, ее знаки-символы, на первый взгляд, такие мелкие, но такие важные факты, формиро-вание представления о характерных для периода творческих установках поэтов и их практическом выражении определяют степень освоения совре-менниками художественно-публицистического на-следия начала XX в.

Пародия и перепев, чрезвычайно востребован-ные в начале XX в., утратили своё значение в веке XXI, практически исчезнув со страниц газет и журналов. Современная периодика чаще обращается к инфор-мационным жанрам журналистики, забыв о таких эффективных формах подачи материала, как парод-ия и перепев, являющихся действенным способом искоренения пороков и недостатков общества, пре-имущественно в «переломные» эпохи, что, по наше-му мнению, существенно обедняет востребованные читателем газеты и журналы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская стихотворная сатира 1908–1917 годов. — Москва: Советский писатель, 1974. — С. 16–17.
2. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. — Москва: Лабиринт. — С. 66.
3. Кобылка: юморист.-сатирический журнал. — Орен-бург: [б.и.] — № 1. — 1906. — Б. ц.
4. Тяпков С. Н. Русская литературная пародия конца XIX — начала XX вв. (жанровые и функциональные особен-ности): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. Н. Тяпков. — Москва, 1995. — С. 21–22.
5. Скворец: юморист.-сатирический журнал. — Орен-бург: [б.и.] — № 6. — 1906. — Б. ц.
6. Пыль: юморист.-сатирический журнал. — Оренбург: [б.и.] — № 23. — 1909. — Б. ц.
7. Пыль: юморист.-сатирический журнал. — Оренбург: [б.и.] — № 48. — 1909. — Б. ц.
8. Пыль: юморист.-сатирический журнал. — Оренбург: [б.и.] — № 15. — 1909. — Б. ц.
9. Измайлов А. А. // Литературная энциклопедия: В 11 т. — [М.], 1929–1939. — Москва: Изд-во Ком. Акад., 1930. — Т. 4. — С. 436–437.
10. Пыль: юморист.-сатирический журнал. — Оренбург: [б.и.] — № 18. — 1909. — Б. ц.

*Оренбургский государственный университет
Жаплова Т. М., доктор филологических наук, доцент ка-
федры связей с общественностью и журналистики
E-mail: TMZhaplova@mail.ru*

*Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова
Хмура Е. А., преподаватель кафедры русского языка
E-mail: elena.khmura@yandex.ru*

*Orenburg State University
Zhaplova T. M., Doctor of Philological Sciences, Associate
Professor of Public Relations and Journalism
E-mail: TMZhaplova@mail.ru*

*Military Medical Academy of S. M. Kirov
Khmura E. A., Teacher of Russian Language Department
E-mail: elena.khmura@yandex.ru*

У ИСТОКОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ. «ТАМБОВСКИЕ ИЗВЕСТИЯ» КАК ПЕРВАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

А. И. Иванов

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 29 сентября 2018 г.

Аннотация: в статье освещается место газеты «Тамбовские известия», которой в этом году исполняется 200 лет, в истории отечественной журналистики, в культурной жизни края. Исследуется роль Г. Р. Державина в организации первой провинциальной газеты в России.

Ключевые слова: провинциальная печать, культура России XVIII века, типология региональной прессы.

Abstract: the present paper studies the place of Tambovskiye Izvestiya newspaper in the history of local journalism and its importance for the regional cultural life. The role of G. R. Derzhavin in organizing the first ever Russian provincial newspaper is explored.

Keywords: provincial journalism, Russian culture of the 18th century, regional press typology.

Долгое время в истории отечественной журналистики газета «Тамбовские известия» — детище Г. Р. Державина — считалась безвозвратно утерянной. Но в 2012 г., который был к тому же Годом российской истории, появилась возможность прочитать газету «Тамбовские известия» за 1788 г., — все 52 номера с «Прибавлениями»... Благодаря усилиям тамбовских историков В. В. Канищева, Ю. В. Мещерякова, Ю. А. Мизиса, читатель увидел первое полное репринтное издание газеты, печатавшейся в Тамбове по инициативе правителя Тамбовского наместничества Г. Р. Державина [1]. Номера «Тамбовских известий» за 1788 г. запечатлели не только жизнь провинциального города Екатерининской эпохи, но и стали вехой в истории российской журналистики.

О том, какое место газета «Тамбовские известия» занимала в жизни ее основателя Г. Р. Державина, в культурной жизни города, какое отражение нашли в ней события общегосударственного и местного масштаба, говорится во вступительной статье «Газета Державина», предваряющей издание. Нам же хотелось остановиться на вопросе о месте тамбовской газеты в истории журналистики. «Тамбовские известия» — это *первая русская провинциальная газета*.

Бесспорным является то, что «Тамбовские известия» своим появлением на свет обязаны Г. Р. Державину. Все исследователи, обращавшиеся к «провинциальному» периоду его деятельности, приводят обычно перечень свершений, достигнутых им в должности правителя Тамбовского наместничества в 1786–1788 гг. Подчеркиваются при этом слова Державина о том, что он, помимо прочего, «учредил типографию, в которой печатались не токмо указы сенатские, но и прочие скорого исполнения требующие предпи-

сания губернского правления, а также и губернские ведомости о ценах хлеба, чем обуздывалось своеволие и злоупотребление провиантских комиссионеров, и о прочем к сведению обывателей нужном» [2, 577].

Как видим, сам Г. Р. Державин не назвал (не спешил назвать?) свое детище газетой. Об этом же говорят авторы упоминавшейся нами вступительной статьи «Газета Державина»: «Впрочем, об издании газеты Гавриил Романович первое время возможно и не задумывался. Правителю наместничества типография нужна была, прежде всего, для упорядочения делопроизводства, о чем он откровенно и писал управляющему Московским казначейством князю Н. Н. Трубецкому 24 августа 1786 г. <...> Идея выпуска газеты возникла у Державина, по-видимому, после того, как он детально ознакомился с содержанием тех материалов, которые для «скорости» и для широкого распространения в «публике» требовали «тиснения» [1, 6].

В одном из современных учебников по истории русской журналистики о «Тамбовских известиях» (без упоминания названия!) говорится лишь как о *попытке* «организации периодического печатного органа в провинции». Она «была связана с деятельностью на посту тамбовского губернатора в 1786–1788 гг. знаменитого поэта екатерининского времени Гаврилы Романовича Державина». Основной акцент сделан на деятельности такой диковины для провинции тех времен, как типография. «В ней стали печататься официальные документы — сенатские указы, предписания наместнического правления, требовавшие скорого исполнения, публикации информативного характера, касавшиеся состояния дел в губернии. Для сбора материалов к этим публикациям и для их подготовки к печати при губернаторе был учрежден особый стол со штатом чиновников.

По субботам и воскресеньям каждую неделю листы с напечатанными в типографии материалами рассылались для всеобщего ознакомления на стенах церквей, на базарах, ярмарках. Таким образом общественное мнение губерний информировалось о последних действиях правительства как в центре, так и на местах. Попутно сообщались сведения о подрядах, об откупках, о беглых рекрутах и т.п.» [3, 168–169].

Чем же все-таки было детище Г. Р. Державина по своему типу? Газетой или деловым документом? В приведенной нами цитате из «Истории русской журналистики» говорится об открытии типографии, но здесь важен тот факт, что Державин открывал *вольную* типографию (казенная уже была!). Подчеркнем, что это была одна из четырех в России частных типографий (в Тамбове, Тобольске, Костроме и Ярославле). Значит, не только для распространения сенатских указов (они поступали в Тамбов регулярно) приобреталось необходимое оборудование. И теперь, когда появилась возможность перечитать все номера «Тамбовских известий», как говорилось раньше, «от доски до доски», приходится сомневаться в том, что «листы с напечатанными в типографии материалами» призваны были только информировать «о последних действиях правительства как в центре, так и на местах» и лишь *попутно* при этом сообщать «сведения о подрядах, об откупках, о беглых рекрутах и т.п.». Соотношение материалов на общегосударственную и местную тему также не свидетельствует в пользу столь распространенного суждения.

Своеобразие роли и места «Тамбовских известий» в социокультурной обстановке конца XVIII века, в творческой биографии их создателя достаточно объективно освещено тамбовскими историками — авторами статьи о державинской газете. Нам остается согласиться со многими их предположениями и заключениями. В частности, заслуживает внимания их суждение о *сути новаторства* Державина, об ощущении им *потребностей времени*. «Если говорить непосредственно о Державинской газете, — говорится в статье, — то ее, без сомнения, стоит отнести к изданиям уникальным даже для своего времени. Если Петербург и Москва располагали своими «ведомостями», то для провинции подобное периодическое издание, освещающее новости местной жизни, было в диковину. И дело здесь обстояло не в противодействии правящих верхов и лично Екатерины II (последняя как раз стремилась к обратному), а в неподготовленности, нежелании «губернского общества» и лени большей его части. Поэтому желание Гавриила Романовича почти сразу по приезде в Тамбов в 1786 г. учредить здесь типографию столкнулось с проблемой непонимания основной части тамбовского общества [1, 5–6].

Что будет интересным для регулярного провинциального издания? «Державин отлично знал содержание столичной прессы, которая, помимо указов

и объявлений, в этот «набор» включала в себя информацию о приезжающих и отъезжающих «именитых лицах», объявления о продаже разного рода вещей, сообщения о «замечательных событиях», полезные советы и прочее. Гавриил Романович не сомневался, что такой же (или почти такой) тематический набор вполне мог быть приемлем и для провинции [1, 6–7].

«Несомненную роль сыграло и чувство «соревновательности». Дело в том, что по инициативе ярославского и вологодского генерал-губернатора А. П. Мельгунова в Ярославле выходил журнал «Уединенный пошехонец. Ежемесячное сочинение...», печатавший стихи и нравоучительные «анекдоты» местных авторов, статьи на богословские, исторические темы и прочие материалы, могущие вызвать интерес у публики. <...> Но «повторяться» с журналом Г. Р. Державин не собирался, для него, снедаемого честолюбием, важным считалось быть первым хоть в какой-то сфере. Создание газеты (чего до сих пор никогда не было в провинции), без сомнения, пошло бы поэту в актив, укрепив за ним славу «просвещенного администратора» [1, 7].

Итак, первый в России провинциальный журнал, именуемый впоследствии историками региональной печати как «Уединенный пошехонец», появился в Ярославле в 1786 г. Через два года в Тамбове вышла первая провинциальная газета «Тамбовские известия». О том, что это все-таки не только деловое издание, говорится в последнем, 52-м номере, в самом конце: «От здешней типографии почтенной публике сим объявляется: поелику издание от оной типографии Тамбовских на сей 788 год известий, предпринятое единственно для удовольствия и пользы публики, не имело желаемого успеха, то оные известия с истечением нынешнего года и кончатся, и более уже издаваемы не будут». Можно ли где-нибудь найти регулярно издаваемые документы *для удовольствия и пользы публики*?

Конечно же, в Тамбове рождалась газета. Казалось бы, столь очевидное явление. Но сколько времени потребовалось для признания первенца провинциальной прессы газетой! Спустя 23 года, в 1811 г. идея Державина будет подхвачена на его родине, в Казани, когда станет издаваться другая провинциальная газета, названная по примеру тамбовской «Казанскими известиями». В истории журналистики эта газета занимает более значительное место. Ее опыт, достижения в развитии провинциальной прессы стали предметом заслуженного внимания исследователей: соотношение информации о важнейших государственных событиях и о местной культурной жизни, роль и место деловой информации и статистики, попытка разнообразить печатный материал и т.д. Примечательно, что многое из того, что упоминается в качестве достижений «Казанских известий», впервые было апробировано на страницах газеты «Тамбовских известий». Думается, что содержание

газеты ещё не раз привлечёт внимание историков не только провинциальной журналистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тамбовские известия.— Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Иванов А. И., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики

E-mail: ivanov_ai@bk.ru

2. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота.— 2-е академическое издание (без рисунков).— Санкт-Петербург, 1876.— Т. VI.

3. История русской журналистики XVIII–XX веков.— Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005.

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Ivanov A. I., Professor at the Russian and Foreign Literature
Department*

E-mail: ivanov_ai@bk.ru

ЖАНРОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ДЕЙСТВЕННОСТИ ЖУРНАЛИСТСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Г. Х. Кадырова

Астраханский государственный университет

Поступила в редакцию 4 апреля 2018 г.

Аннотация: данная статья посвящена анализу действенности журналистских выступлений, обусловленной жанровыми особенностями текстов.

Ключевые слова: действенность журналистики, эффективность журналистики, результативность журналистики, аналитическая журналистика, информационные жанры, художественно-публицистические жанры, СМИ, жанры, редакция.

Abstract: this article is devoted to the analysis of the effectiveness of journalistic performances conditioned by genre features of texts.

Keywords: effectiveness of journalism, efficiency of journalism, productivity of journalism, analytical journalism, information genres, publicistic genres, media, genres, editorial staff.

Одним из центральных факторов журналистской деятельности является действенность медиавыступлений, от которой зависит доверие аудитории к СМИ, авторитет редакции в системе социальных институтов, востребованность и устойчивость на массмедийном рынке. Мониторинг конкурсов профессионального мастерства и медиафестивалей показал, что одним из важнейших критериев оценки журналистских произведений помимо традиционных пунктов, связанных с общественной значимостью, выразительностью, использованием интерактива в текстах и пр., становятся эффективность и действенность материалов. Кроме этого, стоит отметить, что «действенность» как ключевой термин, определяющий современную журналистскую деятельность, все чаще выходит на первый план и возвращается в активный лексикон специалистов медиасферы, как это было в советский период развития отечественной прессы. Так, в конце 2017 г. Альянс независимых региональных издателей в партнерстве с «Новой газетой» запустил Конкурс *действенной журналистики* [выделено авт.] «Включите свет». В положении организаторы конкурса отметили, что его целью является «выявление, поощрение и популяризация качественных журналистских материалов и редакционных проектов, поднимающих важные для региона темы и приводящих к конкретному результату — разрешению проблем или позитивным изменениям» [1]. Среди номинаций конкурса были: «Расследование» (анализ обстоятельств общественно значимого события или ситуации); «Проблема» (цикл или серия журналистских материалов разных жанров, приведших к общественной дискуссии, позитивным изменениям или вовлечению граждан и органов власти к работе над

решением данной проблемы); «Проект» (решение общественно значимой проблемы, в том числе с использованием немедийных методов — с «выходом» за страницы газеты или в офлайн).

На региональном уровне в 2016 г. Союз журналистов Нижегородской области провел областной конкурс журналистов и журналистских коллективов «Действенность нашего слова». Проект анонсировался следующим образом: «Проблемы могут быть разными — бродячие собаки или свалка в любимом месте отдыха, судьба инвалида, оставшегося в одиночестве, или дырявая крыша в доме ветерана. И решение пусть даже небольшой, но важной для человека проблемы, — это не только профессиональное достижение журналиста, это то, за что нам верят, что позволяет нашим зрителям и читателям надеяться, что уж газета, теле- или радиопередача поможет, когда уже не поможет никто». Среди номинаций организаторы конкурса отметили такие, как «Действенность печатного слова», «Действенность нашего эфира», «Результативный Интернет». Авторы уверены, что миссией журналистики является задача «выявлять актуальные социально-экономические проблемы, привлекать к ним внимание общественности, властей, надзорных органов и иных ответственных ведомств, всячески содействовать их решению, держать ситуацию под контролем и информировать аудиторию о состоянии дел» [2].

Таким образом, стоит отметить, что в настоящее время журналисты и редакционные коллективы, несмотря на финансовую зависимость от учредителей и рекламодателей, сами поднимают проблему действенности медиавыступлений, максимально в ней заинтересованы. Рассмотрим, в каких журналистских жанрах в наибольшей степени реализуется категория действенности.

Традиционно в качестве самых действенных материалов выступают журналистские публикации, выполненные в аналитических жанрах, так как изначально аналитическая журналистика направлена на выявление причинно-следственных отношений, возникающих между различными явлениями действительности, прогнозирование последствий и формулирование программ действий: «Достижение этих целей позволяет аналитической журналистике способствовать реализации основной функции качественной журналистики — всесторонней социальной ориентации аудитории, ее консолидации, осознанному участию в общественно-политической, экономической жизни страны» [3, 30]. Кроме этого, различные тематические виды анализа, которые возможны в журналистской практике, — политический, экономический, экологический, военный, юридический и т.д. — также подчеркивают близость аналитической публицистики и социальных институтов, определяют взаимодействие журналистов и должностных лиц, специалистов той или иной сферы. Несмотря на специализированный подход в освещении, тематические аналитические публикации имеют общесоциальный аспект, являются рефлексией на окружающие реалии: «Благодаря этому и специалисты получают возможность с помощью журналистики увидеть состояние дел и требующие решения проблемы с общесоциальных позиций — то, что без “подсказки” журналиста часто оказывается за пределами их внимания, сосредоточенного на узкоспециальных вопросах» [4, 306].

Из аналитических жанров наиболее действенными, на наш взгляд, могут быть материалы, выполненные в таких жанровых формах, как отчет, аналитическое интервью, статья, корреспонденция, эксперимент, журналистское расследование. Эти жанры отличаются уровнем анализа, активностью автора, значительными усилиями при подготовке подобных текстов, использованием большого количества источников.

Традиционно высокой действенностью характеризуются журналистское расследование и эксперимент, так как помимо аналитической основы такие материалы зачастую выделяются эффектом резонанса. В истории отечественной и зарубежной журналистики сохранилось немало журналистских произведений, публикация которых приводила к реальным изменениям в социальной системе, вызвала большой общественный интерес, отражала конкретную результативность [5]. Отчет и корреспонденция не выделяются столь глубоким анализом событий и ситуаций, однако позволяют увидеть проблемные точки, критически подойти к конкретным ситуациям и проблемам. Материалы, выполненные в данных жанрах, занимают важное место в региональной прессе, чаще всего передавая официальную информацию о деятельности местной администрации.

Категория действенности, реализуемая в аналитическом интервью, проявляется в том, что такие тексты позволяют транслировать официальную позицию должностного лица по конкретному проблемному вопросу и осознавать тенденции развития, возможные варианты решения. В частности, например, исследователь А. В. Колесниченко разделяет интервью у политика и интервью у чиновника: «Журналистика — один из способов контролировать власть и не позволять ее представителям действовать (в своих личных или корпоративных интересах) в ущерб интересам общества. Представители власти делятся на избираемых (например, президент или глава района) и назначаемых (например, министр или руководитель департамента районной администрации). И если политик, которого выбирают, вынужден хоть в какой-то мере считаться с мнением граждан, то чиновник, которого назначают, отвечает исключительно перед тем, кто его назначил» [6, 38].

В качестве примера можно рассмотреть интервью новоназначенного омбудсмена Т. Москальковой, подготовленного специальным корреспондентом «Новой газеты» П. Каныгиным. В интервью чиновница уклоняется от ответов, показывает незнание основных критических моментов правозащитной системы, отказывается от дальнейшего общения с журналистом. Во врезке «От редакции» журналисты газеты отметили: «Попытки отменить публикацию продолжались и дальше — путем непубличного давления на редакцию. “Новая газета” уважает права каждого собеседника. Однако у государственного чиновника есть не только права, но и обязанности — как минимум информировать общество о результатах своей деятельности. Именно поэтому редакция считает важным публикацию этой беседы с омбудсменом. Отметим, что текст интервью был отправлен в аппарат уполномоченного за три дня до подписания в печать с возможностью внесения корректировок, однако наш собеседник этим правом не воспользовался. Предлагаем читателям полную расшифровку беседы» [7].

Результативность данной публикации можно оценить по реакции и комментариям аудитории, для которой это интервью оказалось более очевидным, чем, например, материал, посвященный первому официальному выступлению нового омбудсмена и вышедший в печать за месяц до этого. Читатели следующим образом прокомментировали интервью: «Знаю далеко не одного человека, питавшего надежды, что Татьяна Москалькова, знающая систему изнутри, улучшит ее. Мне же эти надежды казались иллюзиями. С данной точки зрения, интервью “Новой газете”, на мой взгляд, очень показательно». Это подчеркивается и статистикой — на сайте газеты интервью с омбудсменом набрало свыше 144 тыс. просмотров, тогда как второй материал — около 13 тыс. Таким образом, интервью позволило повысить эф-

фективность журналистского выступления и опосредованно повлиять на его действенность — редакция представила аудитории свои попытки взаимодействия с представителями социальных институтов и показала реакцию должностных лиц на актуальные вопросы, тем самым подчеркнув, что низкая результативность вызвана незаинтересованностью чиновников и невыполнением ими своих обязательств.

К информационным жанрам, отличающимся действенностью, следует отнести, прежде всего, репортаж. За счет классических элементов данного жанра — эффекта присутствия, который реализуется в тексте через детали, цитаты и описание действий героев, — журналистский материал становится эмоционально насыщенным, находит живой отклик у аудитории, достигается максимальная близость с читателем. Широкая востребованность этого жанра в настоящее время (об этом можно судить по популярности медиаресурсов, контент-основой которых являются репортажи — «Русский репортер», «Огонёк», Meduza, Les.Media и пр.), а также включение репортажных сцен в различные журналистские тексты позволяют говорить об эффективности данного жанра в аудиторной среде. В подобных репортажах поднимаются актуальные темы, описывается герой в проблемной ситуации [8], освещаются различные конфликтные процессы: «Журналистика и литература базируются на четырех видах внешних конфликтов: 1) человек против природы; 2) человек против обстоятельств; 3) человек против человека (варианты: человек против власти, человек против общества, группа против группы, равных по статусу людей); 4) конфликт решений (эффективное — неэффективное решение)» [9, 88]. Конфликт становится основой репортажа, определяет его дальнейшую композиционно-содержательную структуру и ориентирует читателя на возможные варианты его решения: «Действия корреспондента на месте события, выбор точек наблюдения, выбор героев, цитат, деталей — определяются фокусировкой на конфликте вашего текста» [9, 65].

Посредством этих репортажей аудитория осознает жизненные обстоятельства существования представителей определенных социальных групп, деятельность социальных институтов, ответственных за порядок в той или иной сфере, у читателей и зрителей складывается понимание и оценка того, как развивается конкретная критическая ситуация. Таким образом, можно судить о высокой эффективности репортажей, которая может отразиться на действенности журналистских выступлений: «Высокая эффективность способствует усилению действенности (так как на социальные институты как бы дополнительно “давит” пресс общественного мнения), и наоборот, действенность усиливает эффективность (так как повышается доверие к СМИ, пользующимся авторитетом в социальных институтах,

оказывающим воздействие на принятие решений)» [4, 304]. Репортажи в прессе и интернет-СМИ могут вызывать большой общественный интерес, который отражается в комментариях на сайте издания, цитировании, публичном обсуждении материалов [10]. Такие тексты могут послужить богатой основой для последующих аналитических материалов, нацеленных на более конкретную результативность.

Непосредственно и наиболее наглядно категория действенности проявляется в телевизионном репортаже, который позволяет продемонстрировать критическую ситуацию визуально, оперативно о ней сообщить: «Одним из самых действенных жанров информации, по крайней мере в региональном вещании, является телерепортаж. ...Репортаж более других свойственен природе телевидения. Репортаж приближает зрителя к событию, сводит до минимума роль посредника, что повышает степень доверия к нему» [11, 215]. Так, например, небольшой опрос астраханских телевизионных журналистов показал, что телерепортажи, в которых освещались какие-либо сложные социальные ситуации, требующие внимания чиновников, оказывались весьма результативными — они вызывали отклик у местных властей и приводили к реальным изменениям; если же проблема не решалась, то аудитории, по крайней мере, сообщался официальный ответ должностных лиц. Телевизионное внимание к проблеме заставляет чиновников реагировать на журналистское выступление, о чем сами корреспонденты сообщают в своих репортажах, таким образом подчеркивая нацеленность на результативность своей деятельности и статус СМИ как определенной инстанции, контролирующей решение проблемы. Например, в репортаже телеканала НТВ журналисты помогли фермерам защитить хозяйство от произвола чиновников: «Тем временем весть о визите съемочной бригады НТВ дошла до губернатора Тверской области. И тогда Вадима Рошку пригласили на встречу с тем самым неуловимым министром. Под прицелами видеокамер Минсельхоз торжественно пошел с фермером на мировую. Все бумаги чиновники обещают подписать до 9 февраля — на этот день как раз был назначен суд. Оставляют в покое и Сорокиных» [12].

Кроме этого, стоит отметить, что в информационных сообщениях все же чаще, чем в аналитической публицистике, встречаются имена чиновников, политиков, официальных лиц, так как традиционно одним из классических элементов новостной журналистики является связь события с «известным именем» (или влиятельным человеком). За счет персонификации информации, связанной с представителями административных учреждений, журналисты вкладывают в свои информационные сообщения определенный элемент действенности, связанный с обязанностями должностных лиц. Мониторинг, который регулярно проводят пресс-службы административных учрежде-

ний, вынуждает представителей официальных лиц реагировать на медиавыступления, учитывать как позитивные комментарии, так и негативную оценку в журналистских текстах [13]. Таким образом, можно отметить, что журналисты и редакционные коллективы понимают, что их информационные медиатексты доходят до представителей социальных институтов, но при этом они не всегда оказываются результативными.

Результативность художественно-публицистических жанров реализуется за счет метода наглядного изображения действительности, который в первую очередь позволяет усилить эффективность журналистского текста. К наиболее действенным жанрам художественной публицистики следует отнести очерк и достаточно редко используемые сегодня формы памфлета и фельетона. Тексты, выполненные в данных жанровых формах, отличаются художественной образностью, эмоциональной насыщенностью, глубиной авторского обобщения материалов, уровнем типизации явлений социальной действительности, что подчеркивает эффективность и действенность журналистских выступлений. В советской журналистике фельетон и памфлет занимали исключительно важное место, вызвали ответную реакцию со стороны ответственных лиц, широкое аудиторное обсуждение. В современной прессе если такие материалы и встречаются, то скорее выполняют функцию «открытых писем» — позволяют задуматься «о наблевшем», соотнести определенные явления действительности.

В проблемных и портретных очерках зачастую освещаются конфликтные ситуации, показывается герой в трудных жизненных обстоятельствах, поднимаются актуальные проблемы, что акцентирует внимание на эффективности журналистских выступлений. Такие материалы позволяют говорить об опосредованной действенности: «Вместе с тем не следует забывать об опосредованном (часто “невидимом”) воздействии СМИ на принятие решений, связанном с давлением общественного мнения, с требованиями общественности, выработанными под влиянием журналистики. Да и на представителей социальных институтов СМИ так или иначе оказывают влияние, даже если и нет публичного отклика» [4, 308].

Стоит отметить, что определенные ранее жанры действенной журналистики объединяет такая важная характеристика текстов, как ситуативность повествования, которую Е. П. Прохоров выделял как основное свойство произведений, вызывающих высокий интерес у аудитории и социальных институтов: «И даже в том случае, когда журналист обращается не к общественному мнению, а, например, к мировоззрению или историческому сознанию, важна связь с современностью, которая проявляется в отталкивании от текущих событий, ситуаций, фактов, на базе

которых можно извлекать фундаментальные (из области философии, права, этики и т.д.) уроки для современности, тем самым отвечая на волнующие аудиторию злободневные вопросы» [4, 317].

Рассуждая о результативности тех или иных журналистских жанров, следует, безусловно, помнить, что строгое разделение жанров на практике не всегда работает — современные исследователи говорят о взаимопроникновении и «диффузии» жанров [14]. Кроме этого, мастерски написанный текст не всегда отличается высокой результативностью: «Нередко бывает так, что произведения, которые в журналистском кругу считаются творческим успехом, не производят глубокого воздействия на “потребителя” информации. И наоборот, “проходные”, с точки зрения семантико-синтаксической, обычные, невыдающиеся произведения способны оказать глубокое влияние на положение дел в обществе, вызвать активный отклик и/или реакцию в различных организациях, а также у официальных лиц» [4, 300]. Таким образом, категория действенности, заложенная в основе отдельных жанров, не всегда реализуется в полной мере. Стоит также отметить, что к высокой действенности, принятию конкретных мер должностными лицами и откликам со стороны аудитории зачастую приводит не одна публикация, а целая серия материалов о конкретной проблемной ситуации, подготовленных в разных жанровых формах. В частности, результативность журналистских текстов, выполненных в разных жанрах, можно проследить по периодически появляющимся материалам с традиционными заголовками типа «Журналист спешит на помощь» или «Журналисты помогли», в которых редакция подводит итоги своей деятельности по разрешению конкретной критической ситуации или оказанию помощи герою материала.

Например, газета «Московский комсомолец», подводя итоги и оценивая результативность своей профессиональной деятельности в уходящем году, выпустила статью «“МК” меняет мир: в день 98-летия газеты журналисты вспомнили удивительных героев своих публикаций». В материале с подзаголовком «Победы, которые мы одержали вместе» репортеры газеты рассказали об основных изменениях, которые вызвали их публикации: «Жителям самой большой коммуналки в РФ дали ордера», «Героям журналистского расследования российские власти взамен утраченного в Абхазии жилья предложили квартиры в Адлере» и т.д. [15]. Особенно действенными оказались журналистские тексты корреспондентов газеты — расследования, репортажи, интервью, аналитические статьи, портретные и проблемные очерки, в которых рассказывалось о тюремных условиях для разных категорий: «“МК” нашел инвалида с редчайшим заболеванием, который был обречен на скорую мучительную гибель в тюремных условиях. История Антона Мама-

ева возмутила общественность — после нашей публикации вышло множество статей и видеосюжетов о нем в СМИ, отреагировали прокуратура и т.д. Инвалид был выпущен на свободу. Или вот публикация о заключенном, который провел в коме несколько месяцев, прежде чем умер (и при этом так и не был освобожден). Публикация не спасла конкретного человека, но была одним из факторов, ускоривших внесение изменения в Перечень заболеваний, препятствующих содержанию под стражей».

Таким образом, подводя итог, следует подчеркнуть, что действенность медиавыступлений вновь становится серьезным и важным критерием оценки журналистской деятельности — как со стороны аудитории и социальных институтов, так и с позиции профессиональной саморефлексии. К основным журналистским жанрам, отличающимся высокой действенностью, можно отнести такие жанры, как отчет, аналитическое интервью, статья, корреспонденция, эксперимент, журналистское расследование, репортаж, очерк. Однако принятие конкретных мер и высокая результативность чаще всего бывают вызваны неоднократным обращением к исследуемой теме и целой серией публикаций, выполненных в разных жанрах, симбиозом разных композиционно-содержательных форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конкурс действенной журналистики от АНРИ и «Новой газеты» // Журналист. — URL: <http://jrnlst.ru/forceful-journalism-comp> (дата обращения: 25.01.2018).
2. Положение о региональном конкурсе журналистов и журналистских коллективов «Действенность нашего слова» // Союз журналистов Нижегородской области. — URL: http://www.sjno.ru/publ/konkursy/konkurs_dejstvennost_nashego_slova/1-1-0-16 (дата обращения: 25.01.2018).
3. Тertychnyy A. A. Аналитическая журналистика / А. А. Тertychnyy. — Москва: Аспект Пресс, 2013.
4. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров. — Москва: Аспект Пресс, 2011.
5. Кадырова Г. Х. Действенность журналистского расследования в современных СМИ / Г. Х. Кадырова // Znanstvena misel. — Ljubljana, Slovenia, 2018. — № 14. — С. 18–23.
6. Колесниченко А. В. Практическая журналистика: 15 мастер-классов / А. В. Колесниченко. — Москва: Аспект Пресс, 2017.
7. Каныгин П. Голубые и политзаключенные — а разве это наблевшая тема? Интервью омбудсмена Татьяны Москальковой / П. Каныгин // Новая газета. — 29 августа 2016. — № 95.
8. Белолипская Г. С. Новый тип героя в публикациях журнала «Русский репортер» / Г. С. Белолипская // Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте: материалы Международной научно-практической конференции. — Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. — С. 109–111.
9. Лонская А. Репортаж: от идеи до гонорара / А. Лонская. — Москва: Аспект Пресс, 2015.
10. Лазуткина Е. В. Особенности формирования новостных потоков в СМИ / Е. В. Лазуткина // Гуманитарные исследования. — 2012. — № 3. — С. 29–35.
11. Карапетян Н. А. Информационные жанры, используемые корреспондентами регионального телевидения / Н. А. Карапетян // Вестник КГУ. — 2007. — № 1. — С. 214–218.
12. Гусельникова Е. Журналисты НТВ помогли фермерам защитить хозяйство от произвола чиновников / Е. Гусельникова // НТВ. — URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1751998/> (дата обращения: 24.01.2018).
13. Факторович А. Л. Взаимодействие смыслов в медиатексте и PR-приоритеты / А. Л. Факторович // Медийные стратегии современного мира: материалы V Международной научно-практической конференции. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2011. — С. 488–491.
14. Тertychnyy A. A. Состояние и перспективы развития системы жанров российских СМИ / А. А. Тertychnyy // Медиа-сcoop. — 2010. — № 4. — URL: <http://www.mediascope.ru/node/675> (дата обращения: 25.01.2018).
15. Сажнева Е. «МК» меняет мир! / Е. Сажнева, А. Гнединская и др. // Московский комсомолец. — 2017. — 11 дек. — № 27568.

Астраханский государственный университет
Кадырова Г. Х., ассистент кафедры теории и истории журналистики
E-mail: ghkadyrova@yandex.ru

Astrakhan State University
Kadyrova G. Kh., Assistant of Theory and History of Journalism Department
E-mail: ghkadyrova@yandex.ru

АВТОР И АУДИТОРИЯ: ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТЕЛЕВИЗИОННОМ ЭКРАНЕ

В. В. Колесникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 октября 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается специфика выражения авторской позиции на современном телевидении, место и роль автора на телеэкране, его возможности, формы взаимодействия с аудиторией.

Ключевые слова: автор, образ автора, телевидение, интерактивность, массовая коммуникация.

Abstract: the article deals with the specifics of the author's position expression on modern television, the place and role of the author on the TV screen, his capabilities, forms of interaction with the audience.

Keywords: author, author's image, television, interactivity, mass communication.

Автор почти всегда незримо присутствует в любом тексте и передает нам прямо или завуалировано свой взгляд на действительность. Мы можем охарактеризовать автора как создателя любого творческого труда. С одной стороны, это конкретная личность с определенным набором характеристик: биография, характер, облик. С другой стороны, понятие автора имеет более широкое значение. По мнению исследователя В. Е. Хализева, авторство может иметь несколько ступеней [1, 61]:

Творец художественного произведения как *реальное лицо* с определённой судьбой, биографией, комплексом индивидуальных черт.

Это *образ автора*, локализованный в художественном тексте, т.е. изображение писателем, живописцем, скульптором, режиссером самого себя.

Это *художник-творец*, имманентный произведению.

Существует множество различных подходов к изучению теории автора. Эти подходы особенно отчетливо стали вырисовываться в критике XIX в. и сводились к противостоянию мнений о месте автора и его значимости в том или ином тексте. Например, Н. А. Добролюбов призывал учитывать личность и мнение автора, который «сливает и перерабатывает в общности своего мирозерцания разнообразие и противоречивые стороны живой действительности» [2, 428]. Позиция Д. И. Писарева была противоположной: «...мне нет никакого дела <...> до личных убеждений автора <...> я всматриваюсь и вдумываюсь в <...> события, стараюсь понять, каким образом они вытекают одно из другого, стараюсь объяснить себе, насколько они находятся в зависимости от общих условий жизни, и при этом оставляю совершенно в стороне личный взгляд рассказчика, который может передавать факты очень верно и обстоятельно,

но, а объяснять их в высшей степени неудовлетворительно» [3, 162].

В. В. Виноградов, разработавший концепцию «образа автора» как центра композиционно-речевой системы текста, в работе «О теории художественной речи» писал: «Образ автора — это не простой субъект речи, чаще всего он даже не назван в структуре художественного произведения. Это — концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем — рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся средоточием, фокусом целого» [4, 118]. Таким образом, роли автора в любом произведении уделялось значительное место.

Помимо этого теоретиками активно рассматривался вопрос взаимопроникновения функций биографического и эстетического автора. Однако многие исследователи сходились во мнении, что четкого разграничения этих понятий быть не может, поскольку любой существующий опыт автора так или иначе находит свое воплощение в произведении.

М. М. Бахтин предложил выделять следующие категории авторов: биографический автор, первичный автор, вторичный автор. Биографический автор — существующий в реальной жизни и «живущий своей биографической жизнью» человек. Первичный автор (не созданный) «не может быть образом: он ускользает из всякого образного представления. Когда мы стараемся образно представить себе первичного автора, то мы сами создаем его образ, то есть сами становимся первичным автором этого образа. Создающий образ (то есть первичный автор) никогда не может войти ни в какой созданный им образ». Вторичный автор — образ автора, созданный первичным автором» [5, 353].

Н. Т. Рымарь и В. П. Скобелев, размышляя об авторе как структурообразующем элементе текста, пред-

положили, что автор может рассматриваться и как организатор, «как источник и осуществление художественной формы, с одной стороны, и как носитель более или менее известной биографии — с другой, тяготеют к тому, чтобы совместиться в сознании читателя...» [6, 45].

Такая позиция имеет большое значение не только для исследования данного вопроса, но и для понимания позиции автора на телевизионном экране. На телевидении автор, во-первых, организует пространство вокруг себя, во-вторых, он предстает перед зрителем как личность с определенной биографией, и чем более популярна эта личность у аудитории, тем более высокими становятся рейтинги той или иной телепередачи.

В тележурналистике мы можем обозначить несколько видов авторов (в зависимости от функций, которые выполняет журналист):

Пропагандист (агитатор) — побуждает к определенным действиям, мнениям, принятию какого-либо решения.

Полемист — ведет дискуссию или спор по вопросам политики, экономики, философии, литературы и т.д.

Репортер — повествует «с места событий», создает текстовый, аудиовизуальный или мультимедийный контент.

Хроникер — ведет летопись событий.

Аналитик-исследователь — изучает проблему, выносит аргументированные оценки о событиях и их последствиях.

Информатор — даёт объективную информацию преимущественно без оценки происходящего.

Интервьюер — собирает сведения в вопросно-ответной форме, в процессе интерактивного общения с аудиторией, проводя беседу с кем-либо.

Колумнист — ведёт персональную рубрику или колонку, формирует «журналистику мнений».

В то же время функции автора-тележурналиста, телеведущего этим не ограничиваются. Конечным пунктом для автора является аудитория, и его задача — всеми возможными способами донести информацию до зрителя. Информационно-технологические процессы, повлиявшие и на современное телевидение, способствовали развитию интерактивности в телевизионном пространстве как особой формы взаимодействия автора с аудиторией. Интерактивность стала не только формой обратной связи, но и технологическим приемом, представляющим собой имитацию такого общения. Так возникли такие первичные формы взаимодействия со зрителем, как опросы и голосование. Особо ощутимо форма интерактивности проявилась и продолжает развиваться в интернет-СМИ: поиск материалов в архивах и по тегам, возможность комментирования, личных обращений к журналистам. Интерактивность в более широком смысле можно охарактеризовать как

переход от монолога к диалогу, как взаимный обмен актуальной и значимой информацией.

В то же время активное взаимодействие с аудиторией позволяет выполнять и еще одну задачу — это получение подробнейшей информации о каждом человеке, о его действительных интересах и предпочтениях. На сегодняшний день цель любого канала не только найти свою информационную нишу, но и выявить потребности своей целевой аудитории благодаря получению подробной информации о каждом зрителе. Таким образом, сегодня не аудитория подстраивается под конкретного автора-создателя программы или ведущего, а автор обязан выбрать правильный вектор взаимодействия для получения нужной реакции аудитории и, конечно же, рейтингов.

С. Г. Корконосенко выделяет следующие формы обратной связи [7, 132]:

— *эпистолярная* (почта редакций, сюда же можно отнести обращение по телефону);

— *мгновенная* (по телефону в момент теле- или радиопередачи, а также прямое включение камер и микрофонов для трансляции мнений аудитории; в газетной практике подобную функцию выполняют беседы с читателями по «горячей линии»);

— *соавторская* (привлечение авторского актива для подготовки выпусков изданий и программ);

— *тестирующая* (выяснение позиций аудитории по поводу работы редакции или предмета обсуждения в СМИ — с помощью анкет, личных интервью, телефона);

— *консультативная* (обсуждение продукции редакции в ходе читательских и зрительских конференций, устных выпусков издания, дней открытого письма и т.п.);

— *экспертная* (изучение обзоров работы СМИ, исследовательских и научно-критических материалов о журналистской практике, мнений специалистов-экспертов);

— *исследовательская* (рейтинговые замеры динамики реальной аудитории изданий или программ и углубленное изучение состояния аудитории, в том числе по заказу редакции).

Совместное использование нескольких форм обратной связи позволяет достичь непрерывного диалога журналиста с аудиторией, а систематическое исследование аудитории и наблюдение за ее поведением помогает определить её потребности и интересы.

Таким образом, аудитория является важнейшим звеном в процессе коммуникации. Следует подчеркнуть, что благодаря изменениям, происходящим в массовой коммуникации в последнее время, автору отводится первостепенное место в СМИ. Границы между его образом и реальным человеком стираются, а степень выражения его собственной позиции становится всё более интересной зрителям. Возникает

цепочка «автор — материал — аудитория», в которой просматривается конечная цель автора: донести информацию до конкретных людей. Поведение автора (исполнение функций, формирование контента, взаимодействие с аудиторией) говорит о степени эффективности его деятельности в данной системе массовой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник / В. Е. Хализев. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва, 2005.
2. Добролюбов Н. А. Забытые люди / Н. А. Добролюбов

Воронежский государственный университет

Колесникова В. В., кандидат филологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой телевизионной и радиожурналистики

E-mail: kolesnikova.vvv@yandex.ru

// Литературная критика: в 2 т. — Ленинград, 1984. — Т. 2.

3. Писарев Д. И. Борьба за жизнь / Д. И. Писарев // Достоевский в русской критике. — Москва, 1956.

4. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов — Москва: Высшая школа, 1971.

5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин — Москва, 1979.

6. Рымарь Н. Т. Теория автора и проблема художественной деятельности / Н. Т. Рымарь, В. П. Скобелев. — Воронеж: ЛОГОС-ТРАСТ, 1994.

7. Корконосенко С. Г. Основы журналистики / С. Г. Корконосенко — Москва: Аспект Пресс, 2001.

Voronezh State University

Kolesnikova V. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Department of Television and Radio Journalism

E-mail: kolesnikova.vvv@yandex.ru

СЦЕНИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ КАК ОСНОВА ЧЕХОВСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Л. Е. Кройчик

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 сентября 2018 г.

Аннотация: статья посвящена одной из самых актуальных проблем чеховской драматургии — организации сценического повествования в произведениях А. П. Чехова. Обращаясь к пьесе «Дядя Ваня», автор выявляет специфику чеховской пьесы, пишет о роли детали, паузы, развитии фабулы в чеховской пьесе, об особенностях сюжетной организации повествования.

Ключевые слова: повествование, драматургия, подтекст, образ-символ, субъективное восприятие, авторское высказывание, творческий процесс, трагикомедия.

Abstract: the article is devoted to one of the most urgent problems of Chekhov's dramaturgy — the organization of stage narration in the works of Chekhov. Turning to the play "Uncle Vanya", the author reveals the specifics of Chekhov's play, writes about the role of details, pauses, the development of the plot in Chekhov's play, about the peculiarities of the plot organization of the narrative.

Keywords: narration, dramaturgy, subtext, image-symbol, subjective perception, author's statement, creative process, tragicomedy.

I

Что собой представляет чеховское сценическое повествование?

Во-первых, драматург отказался от жесткого членения действия на отдельные эпизоды — явления. Все события в пьесе, о которой идет речь, естественным образом взаимосвязаны между собой. Начиная с «Чайки», происходящее на сцене выстраивается в ряд «упреждающего повествования». Маша объясняет Медведенко: «Играть будет Заречная, а пьеса сочинения Константина Гавриловича. Они влюблены друг в друга, и сегодня их души сольются в стремлении дать один и тот же художественный образ. А у моей души и у вашей нет общих точек соприкосновения» [1, 5]. Все заранее объяснено. Зрителю остается только увидеть спектакль.

Во-вторых, сценическое повествование опирается на смысловое рассуждение звучащего слова: в чеховских пьесах главное — *подразумевание* скрытого смысла высказывания. «Меня никогда не любили женщины» [1, 7], — говорит Сорин в «Чайке». За этой фразой — тоска вечного одиночества. Судьба человеческая.

В-третьих, Чехов сознательно лишает персонажей своих пьес «выбора сочувствия». Жалко профессора Серебрякова («Дядя Ваня»), о котором открыто говорят, что он двадцать пять лет сочиняет книги об искусстве, ничего в искусстве не понимая. Жалко Ивана Петровича Войницкого, кричащего, что в нем погиб Шопенгауэр. Любого человека жалко, который объявляет окружающим, что его жизнь

не удалась. Но ведь каждый из нас несет ответственность за свою собственную жизнь.

В-четвертых, чеховское слово всегда метафизично. Невозможно объяснить напрямую смысл фразы Астрова, рассматривающего карту Африки, неизвестно как оказавшуюся в кабинете Войницкого: «А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарница — страшно подумать!» [1, 114]. А о собственной жизни думать не страшно?

Чехов многозначен — он требует постоянной расшифровки. Чехов субъективен — он допускает вольное толкование того, что происходит с его героями. Чехов предлагает аудитории участвовать в диалоге, расшифровка которого далеко не однозначна. Но именно в этом заключается могущество чеховского повествования.

Четвертое действие пьесы «Дядя Ваня» открывается обстоятельным описанием: «Комната Ивана Петровича; тут его спальня, тут же контора его имени. У окна большой стол с приходно-расходными книгами и бумагами всякого рода, конторка, шкафы, весы. Стол поменьше для Астрова: на этом столе принадлежности для рисования, краски; возле папка. Клетка со скворцом. На стене карта Африки, видимо, никому здесь не нужная. Громадный диван, обитый клеенкой. Налево — дверь, ведущая в покои; направо — дверь в сени; подле правой двери положен половик, чтобы не нагрязли мужики. — Осенний вечер. Тишина. Телегин и Марина (сидят друг против друга и мотают чулочную шерсть)» [1, 105].

Подробности быта? Несомненно. Но прежде всего — подробности бытия. В чеховском сценическом повествовании зримое и незримое, сказанное

и невысказанное, бывшее, настоящее и потенциальное, переплетённые воедино, создают целостное представление о мире. Из биографического времени каждого персонажа складывается общая судьба. Обитель Ивана Петровича Войницкого — огромное пространство жизни, вместившее в себя многое. В этом пространстве уместно все — и диван, и весы, и карта Африки, и приходно-расходные книги, и половик, чтобы не нагрязили мужики, и клетка со скворцом.

Но вот что показательно. Чехов обозначил жанр пьесы необычно — «сцены из деревенской жизни в четырех действиях». «Сцены из деревенской жизни» заставляют думать о просторности повествования, о внимании драматурга к отдельным эпизодам. К подробностям существования героев в процессе их взаимодействия друг с другом. В этой связи подробное описание комнаты Ивана Петровича Войницкого напрашивается в самом начале пьесы, а не в ее заключительном акте. В сущности, описание комнаты Войницкого позволяет увидеть подробности жизни главного действующего лица пьесы. В описании обители Ивана Петровича Войницкого есть все: и, если хотите, метафора (клетка со скворцом) — жизнь, напоминающая клетку; и напоминание о непрерывной работе по хозяйству (приходно-расходные книги) — мельник не дремлет; и забота о приятеле доктора Астрова — уголок для работы Михаила Львовича; и карта Африки — напоминание о просторности мира; и половичок, напоминающий мужикам, что следует вытирать ноги при входе в помещение, где люди работают.

За этими подробностями — мир, постоянно действующий в определенном режиме. Упорядоченный мир протекающей жизни — все рассчитано, все выверено. Вплоть до весов. Зона постоянного труда.

II

История Ивана Петровича Войницкого — это повествование о российской провинции. О российской трудящейся интеллигенции, посвятившей себя делу. Науке, врачеванию, сельским делам. Вообще — труду.

Александр Владимирович Серебряков — отставной профессор. Человек на пенсии, но продолжающий трудиться. Как иронически замечает Иван Петрович Войницкий, Серебряков «двадцать пять лет пишет об искусстве, ничего в этом не понимая». Формула обычная, но сам «герр профессор» думает о своих трудах иначе. Поскольку сам Антон Павлович Чехов цитат из научных трудов профессора не представляет, остается только догадываться, что собой представляют научные изыскания профессора Серебрякова. По крайней мере, теще Серебрякова труды Александра Владимировича нравятся. Да и самому Александру Владимировичу — тоже. Иначе чем бы мог привлечь к своей персоне Елену Андреевну, молодую даму 28 лет от роду, отдавшую в свое время

профессору свою руку и сердце. Подчеркну — и сердце тоже. Потому что Елена Андреевна искренне уверена в нравственных достоинствах своего мужа, человека не очень молодого и не очень здорового.

Кстати, и сам Иван Петрович с пиететом относится к свояку: «Ты для нас был существом высшего порядка, а твои статьи мы знали наизусть» [1, 102]. Значит, было нечто такое в Александре Владимировиче, чем он привлекал к себе людей? И вдруг такое прозрение: «Все твои работы, которые я любил, не стоят гроша медного. Ты морочил нас» [1, 102].

Мгновенное прозрение?

Прозрение пришло раньше — тогда, когда Иван Петрович понял, что все последние годы работает на своего шурина, человека пустого, но неизвестно почему добившегося в этой жизни многого. Но так устроена жизнь, в которой самые лакомые куски достаются не самым умным, а наиболее хватким... В этом есть некая несправедливая закономерность. Чеховское сценическое повествование отменило основной драматургический канон — членение на явление — события в пьесах стали разворачиваться не от эпизода к эпизоду, а в их непрерывной событийности. Когда событием стало переживание. Когда событие стало равновелико эмоциональному напряжению.

Михаил Львович Астров, доктор, давний друг Войницкого, рассказывает Марине, старой няньке в доме Войницких, о смерти стрелочника, которого привезли к нему в больницу — рабочий умер под хлороформом во время операции.

Эпизод?

Нет, закономерность.

«И когда вот не нужно, чувства проснулись во мне, и защемило мою совесть, точно это я умышленно убил его... Сел я, закрыл глаза — вот этак, и думаю: те, которые будут жить через сто-двести лет после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу, помянут ли нас добрым словом? Нянька, ведь не помянут!

Марина. Люди не помянут, зато бог помянет» [1, 64].

А потом, спустя некоторое время, Михаил Львович вспомнил о рабочем, умершем в больнице.

Закономерность переживаний и есть та движущая сила, что определяет во все времена характер повествования художника.

III

Показателен финал «Дяди Вани»:

«Марина. Так и уедешь без чаю?

Астров. Не хочу, нянька.

Марина. Может, водочки выпьешь?

Астров (нерешительно). Пожалуй...

Марина уходит.

(После паузы.) Моя пристяжная что-то захромала. Вчера еще заметил, когда Петрушка водил поить.

Войницкий. Перековать надо.

Астров. Придётся в Рождественном заехать к кузнецу. Не миновать. (*Подходит к карте Африки и смотрит на неё.*) А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища — страшное дело!

Войницкий. Да, вероятно.

Марина (*возвращается с подносом, на котором рюмка водки с куском хлеба*). Кушай!

Астров пьет водку.

На здоровье, батюшка. (*Низко кланяется.*) А ты бы хлебцем закусил.

Астров. Нет, я и так... Затем всего хорошего! (*Марине.*) Не провожай меня, нянька. Не надо.

София уходит со свечой, чтобы проводить его; Марина садится в своё кресло» [1, 114].

Сцена прощания?

Сцена продолжения прежней жизни.

Все важно в этом эпизоде, который вбирает в себя все: и предложение рюмки «на посошок», и ритуальное прощание («спасибо за хлеб и соль»), и прощание с Войницким (в подтексте которого — «А может, останешься?»), и упоминание о Рождественном, куда обязательно надо заскочить в связи с необходимостью подковать пристяжную. И проводы Софии со свечой. (Молчаливые, печальные проводы: не любит ее Михаил Львович, и с этим ничего не поделаешь.) Но самое главное в эпизоде — фраза Астрова, бросившего взгляд на карту Африки:

— А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища — страшное дело!

В этой фразе — суть переживаний. Суть прощания Софии, дяди Вани, Марины с доктором Астровым. Когда теперь снова увидимся — один бог знает? Пространство расставания огромно. Уехал Серебряков со своей женой — знает, не будет повода вернуться в гостеприимное имение. Конечно, ждет уголок в кабинете Ивана Петровича, но как теперь встречаться с плачущими глазами Софии? Одно оправдание — работа в больнице да мужики, безжалостно вырубаящие леса. Как уберечь леса от порубки? Но главное — что делать с Африкой? С огромным пространством жизни, тебе не принадлежащем?

Сценическое пространство всеохватно. И — неисчислимо. Сценическое пространство, конечно, имеет свои пределы. Эти пределы ограничены форматом конкретного рассказывания. Форматом конкретной истории. Но за пределами конкретной истории стоит судьба конкретного человека.

Как сложится судьба профессора Серебрякова?

Что станет с доктором Астровым?

Увидят ли София и её дядя Иван Петрович Войницкий небо в алмазах?

Сбудется ли мечта Софии о счастливой жизни?

И наступит ли, в конце концов, всеобщее счастье?

Хотя бы в пределах того пространства, которое банально именуется землёй людей?

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А. П. Чехов. — Москва Издательство Наука, 1978. — Т. 13.

Воронежский государственный университет

Кройчик Л. Е., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы

E-mail: husjourvsu@yandex.ru

Voronezh State University

Kroychik L. E., Doctor of Philology, Professor, Head of Chair of History of Journalism and Literature

E-mail: husjourvsu@yandex.ru

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ЧЕЧЕНСКИХ СМИ

А. Б. Мальсагова

Академия медиаиндустрии

Поступила в редакцию 17 июня 2018 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности использования информационных и аналитических жанров современной журналистики в средствах массовой информации Чеченской Республики в соотношении с проблематикой, интересующей население региона по данным социологических опросов, и информационными потребностями целевой аудитории.

Ключевые слова: региональные СМИ Чеченской Республики, жанры журналистики, национальная культура.

Abstract: in the article the peculiarities of using the information and analytical genres of modern journalism in the Chechen mass media are considered in relation to the issues of interest to the population according to sociological surveys and the information needs of the target audience.

Keywords: regional mass media of the Chechen Republic, genres of journalism, national culture.

В журналистике жанр представляется концептуально значимой категорией, обуславливающей не только способ подачи в СМИ фактического материала и информации о событии, но и отражающей творческую роль журналиста, проявление его авторского, часто критического, видения людей и жизни. Жанровая специфика организации материала подразумевает возможность отражения его фактически, аналитически или художественно, что в целом связано и с типологическими особенностями массмедиа.

Исследование жанровой специфики СМИ этнических республик, входящих в состав Российской Федерации, фокус современных исследований направлен в первую очередь на определение их роли в сохранении культурной и языковой самобытности населения региона. Среди работ российских ученых, посвященных данной проблематике, следует отметить исследования Б. Р. Борзаева [1], Б. Б. Борзаевой [2], А. А. Грабельникова [3], Е. К. Ревы [4], С. С. Солтагариева [5] и других ученых. При этом следует отметить фрагментарность данных работ и их четкую направленность на изучение жанровых особенностей конкретного типа СМИ.

В теории журналистики традиционно выделяются три группы жанров: информационные, аналитические и художественно-публицистические. Специфика первой группы проявляется в объективном и оперативном освещении в материале информационного факта или событийного повода; особенность второй группы заключается в анализе явлений окружающей действительности, более широкий их охват в пространственно-временном контексте и глубокое авторское проникновение в суть проблем окружа-

ющей жизни; специфика третьей группы — это использование образности, средств художественной выразительности и эмоциональное воздействие на аудиторию [6, 17–19].

При исследовании этнически специфичных СМИ применение жанрового подхода позволяет проследить динамику проникновения культуры этноса, нации в структуру и стилистику изложения публикуемого информационного сообщения, выявить особенности интерпретации этнической культуры в журналистике и определить ее влияние на формирование региональной системы СМИ [3, 106].

В изданиях общественно-политического и общественно-новостного характера региональных СМИ Чеченской Республики распространенными являются преимущественно информационные жанры журналистики: репортаж, интервью, заметка.

Жанровая специфика интервью, реализующего в журналистике вербально-коммуникационный подход, повышает доверие читателя к непредвзятой, критически не оцененной информации о собеседнике «из первых уст», производит эффект открытости собеседника и используется не только в традиционных средствах массовой информации (пресса, радио, телевидение), но и в интернет-СМИ для воздействия на общественное мнение с использованием транслируемых ценностей и оценок важных общественно-политических событий «лидерами мнений». В региональной системе СМИ жанр интервью выполняет функцию этнической и языковой репрезентации, так как герои интервью являются, прежде всего, носителями религиозной и национальной культуры Чеченской Республики.

Наибольшее распространение в чеченских СМИ получили интервью с лидером Чеченской Республики Р. А. Кадыровым. Более чем сорокаминутное ин-

тервью Р. Кадырова программе «Действующие лица с Наилей Аскер-заде» разделено на не связанные единой сюжетной линией тематические блоки [7]. Специфика интервью заключается в попытке корреспондента показать повседневную жизнь главы Чеченской Республики. Между собеседниками ощущается дистанция, что отражается в применяемом взаимном обращении на «вы».

Несмотря на содержательное разнообразие, показательной является общая структура вопросов Наиле Аскер-заде Р. Кадырову, построенная по схеме «тезис — вопрос», «основной вопрос — уточняющий вопрос», «вопрос — тезис — скрытый вопрос» («На Западе стали нормой однополые семьи. Эти так называемые ценности пытаются привить и нам. Может ли это стать нормой для России и для Чечни, в частности?»; затем следуют уточняющие вопросы для углубления в тему разговора «В Чечне это не преследуется?», «Вы считаете, это против законов природы?» и скрытые вопросы «Но ведь такие люди в России есть. И будут» [8]). При использовании указанных схем, отражающих стремление журналиста углубиться в обсуждаемую тему, доминирует политическая и этнокультурная проблематика вопросов.

В интервью Р. Кадырова республиканским СМИ политическая проблематика так или иначе связывается с религиозными взглядами лидера Чеченской Республики. В вопросах, посвященных борьбе с терроризмом и ваххабизмом, внимание респондента часто переключается с политических аспектов проблемы на религиозные. Р. А. Кадыров с гордостью рассказывает о том, что построил самую большую мечеть в Европе, что представляется знаком-символом мирного ислама. Лидер Чечни называет себя «службой Всевышнего», «рабом Всевышнего», который стремится доказать всему миру, что «ислам не призывает к войне» [7; 9]. Идеино каждая реплика отражает определенное знаковое и семантическое содержание, посредством религиозной самоидентификации осуществляется переход к пониманию ислама как миролюбивой религии и отражается стремление респондента разрушить стереотип о чеченском народе как представителе радикальных мусульманских течений.

В отличие от федеральных массмедиа, чеченские СМИ часто используют жанр непосредственного цитирования при подготовке материала со ссылками на официальные источники видных политиков и общественных деятелей Чечни. Примерами являются материалы ИА «Грозный-Информ»: «Кадыров заявил, что занятия спортом позволяют ему сохранять хорошую форму и находить силы» [10], «Р. Кадыров: Очень достойно выступили представители Чеченского РК «Ахмат» на международном турнире по ММА «Битва на Волге 3» [11], «Поздравление Председателя Парламента ЧР, Героя России Магомеда Даудова с Днем России» [12], «М.-А. Дагаев: Чеченской молодежи есть на кого равняться» [13] и т.п.

Вектор беседы в интервью с чеченскими политиками и общественными деятелями непосредственно привязан к жанровым особенностям и тематически отражает круг вопросов, задаваемых корреспондентом. При этом ответы являются не только авторской речью героя интервью, но и отражением его жизненного и духовного опыта, репрезентации его философской и мировоззренческой позиции, которая немыслима вне контекста исламской и чеченской культуры и традиций. Показательно, что в большинстве ответов видных политиков и общественных деятелей Чеченской Республики отражается их глубинное слияние со своим народом, что подчеркивается неоднократным употреблением личного местоимения «мы», словосочетаниями «мой (наш) народ», «мы с народом», «во имя народа». Национальная идентичность героев интервью в СМИ Чеченской Республики, таким образом, объединяет личное, этническое, общественное, отражает взаимосвязь между человеком и этносом на национально-культурной основе, конструктами которой являются единое российское государство, исламское мировоззрение, чеченская культура, историческая память, ценностная система. Политический компонент здесь является следствием статусной принадлежности интервьюируемых лиц, выражающей идеалы чеченского народа.

Примерами непосредственного цитирования чеченских политиков и общественных деятелей Чеченской Республики насыщены передовицы региональных СМИ. Подобные материалы можно отнести к жанру журналистских заметок, при этом здесь прослеживается интеграция электронных и прочих типов средств массовой информации. Стилистически такие публикации подаются в форме прямой речи, не содержат аналитических или критических суждений журналиста и часто констатируют факт определенного информационного события. Аналогичная тональность и жанрово-стилистические особенности интервью свойственны не только материалам об Р. А. Кадырове, но и публикациям и сюжетам о других видных чеченских политиках: председателе парламента М. Даудове [14], депутате Государственной думы А. Догаеве [15] и пр. Благодаря жанровым ресурсам интервью и заметок в ответах и цитатах прямой речи политических деятелей Чеченской Республики через их собственную позицию транслируется распространенная в чеченском обществе идеология, связанная с исламом и самоидентификацией чеченского народа как части единого народа России.

Жанровые особенности интервью в региональных СМИ Чечни позволяют репрезентовать в федеральное информационное пространство особенности чеченской культуры, системы ценностей и традиции, благодаря таким ресурсам жанра, как структура диалога, направленная на постепенное развитие основных тематических блоков интервью, комплекс

взаимных рефлексий в поведенческих особенностях респондента и корреспондента при расстановке идеологических и содержательно-тематических акцентов, осмысление текста как живой речи. Так, в интервью А. Динаева, автора книги об историях успеха представителей чеченского народа «20 обычных чеченцев», отмечается значимость реализации социальных проектов, поддержки молодежи, реализации полезных для чеченского, российского и мирового сообщества идей, что поддерживает официальную пропагандистскую линию ИА «Грозный-Информ» о роли чеченского народа не только в развитии республики, но и развитии России и мирового сообщества в целом. При этом у читателя не создается впечатления навязанности точки зрения и подверженности манипулированию со стороны СМИ: жанр интервью с авторитетным ученым и журналистом вызывает у целевой аудитории ощущение доверительности [16].

Жанр репортажа часто используется в чеченских СМИ при освещении различных событий. В интернет-СМИ такие материалы дополняются видео- и фотоматериалами, инфографикой. В качестве примеров можно привести репортажи ЧГТРК «Грозный» о проведении спортивных мероприятий (Всероссийской акции «Выбор чемпионов» [17], открытии нового сезона чемпионата Республики по футболу [18]), культурных событий (презентация книг чеченских авторов [19], конкурсы детского творчества [20]) и других мероприятий регионального значения. Примером яркого репортажа, сопровождаемого инфографикой и комментариями непосредственных участников, является публикация М. Садулаева о чемпионате Северо-Кавказского федерального округа по робототехнике WinterRobo-shows [21]. Традиционно событийные репортажи сопровождаются фотографиями, отзывами знаменитостей и участников об освещаемых мероприятиях.

Некоторые репортажи содержат в себе рекламу, что особенно заметно в репортажах о мероприятиях, проходящих на туристически привлекательных объектах. Так, в материале А. Баудинова об открытии всесезонного туристско-рекреационного курорта «Ведучи» презентуются возможности и преимущества объекта, характеризуются планы его развития [22].

Репортажи, в том числе и фоторепортажи, являются основным жанром освещения событий в региональных СМИ Чеченской Республики. В качестве примеров можно привести материалы регулярной рубрики «Фотопроект» ИА «Грозный-Информ» [23]. Жанровой особенностью является обилие фотографий, часто расположенных в определенной логической или хронологической последовательности и сопровождаемых комментариями самого фотографа или журналиста-очевидца. Содержательное освещение тем фоторепортажей осуществляется путем описания зрелищных, интересных фактов, событий

в Чеченской Республике, а специфика использования жанра в региональных изданиях соответствует известному выражению: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Нередко на региональном уровне организуются выставки фоторабот известных журналистов, примером может являться проведенная в феврале 2018 г. выставка работ фотографа-международника М. Садулаева [24].

Жанр информационного отчета распространен в региональных СМИ Чечни и часто связан с информированием общественности об итогах работы региональных и федеральных органов государственной власти. Отчеты формируются пресс-службами соответствующих органов или уполномоченными должностными лицами. Ресурсы данного жанра используются, прежде всего, при публикации данных о работе прокуратуры [25], органов внутренних дел [26], региональных органов исполнительной власти [27].

В числе особенностей региональных СМИ Чеченской Республики — повторение материалов новостного характера. Так, интервью А. Догаева, размещенное на сайте информационного агентства «Грозный-Информ» [28], практически полностью повторяется в материале газеты «Вести Республики» [28].

Аналитические жанры журналистики широко представлены в материалах информационного агентства «Чечня Сегодня», на официальном сайте которого они объединены в самостоятельный раздел «Аналитика».

В структуре материалов раздела преобладают проблемные статьи, посвященные актуальным проблемам социально-экономического развития Чеченской Республики. Так, материал Х. Кадиевой «Сделать невозможное: здравоохранение Чечни как показатель уровня развития региона» представляет хронологию развития системы здравоохранения республики, содержит статистические данные, характеризующие развитие исследуемой сферы, содержит авторские оценки происходящих в ней процессов. При этом автор активно использует прием прямого цитирования речи высших должностных лиц Министерства здравоохранения Чечни, а, подводя итоги, отмечает вклад лидера республики Р. Кадырова в решение проблем здравоохранения и реализацию проектов по развитию региональной медицины [29].

Несмотря на относительную строгость аналитических жанров, в журналистике Чечни они наполняются субъективно-эмоциональными и религиозными контекстами. Ярким примером является посвященная теме интернет-троллинга статья С. Магомадовой «Марионеточные юзеры: герои или подстрекатели?» [30]. Автор использует эмоционально окрашенную лексику при характеристике критиков и оппозиционеров, называя их «диванными блогерами», «псевдоборцами за правду», «смутьянами». В качестве основного аргумента в пользу неприемлемости такого поведения С. Магомадова называет

неизбежность наказания за ложь, клевету и сплетни по канонам исламской религии, цитируя заместителя муфтия Чечни Л. Хашуева. Автор обращается и к традиционным для чеченского общества ценностям и соблюдению принципов семейной чести: «Порой, записывая себя на видео, многие из вас не задумываются над тем, в каком свете вы выставляете себя и своих родственников» [30].

Примером статьи с элементами автобиографии является публикация В. Хан «До и после», посвященная проблеме восстановления Чечни после военных кампаний и адаптации русскоязычных переселенцев к жизни в республике [31]. Журналистка, работавшая в российской версии журнала «Дискавери», приехала в Чечню для работы над материалом и приняла решение остаться. Повествование ведется от первого лица, насыщено личными местоимениями. Один из самых эмоциональных моментов статьи посвящен проблемам и результатам на пути к достижению безопасности в республике: «Мне довелось работать в одной из грозненских школ, где я вела кружок по журналистике. Когда в беседе с шестиклассниками я подняла тему войны, я с изумлением услышала: «Война, ну и что, война, подумаешь. Мы ведь не умрем». Дети, не знавшие войны и твердо уверенные в том, что они не умрут. Им не нужно бежать в бомбоубежище — они бегут на улицу, во двор. Не от страха быть погребенными под обломками собственного дома, а с самым детским намерением разбить колени во время игры. Разве это не результат?» [31].

Широкое распространение в чеченских СМИ получил жанр рецензии, что связано с повышенным интересом населения республики и, как следствие, журналистского сообщества, к литературному и научному творчеству земляков. Стандартная структура рецензии предусматривает краткое описание творческого пути автора, перечень его достижений и наиболее ярких работ, краткое изложение содержания книги, авторское отношение к ней в контексте влияния на сохранение национальной и культурной идентичности чеченского народа и развитие республики, а также указание каналов распространения книги.

Некоторые рецензии подаются в аналитическом жанре обзора, основываясь на оценках литературных произведений, данных известными общественными деятелями Чеченской Республики. В рецензии на книгу М. Сайдумова «Город Грозный — символ чеченского народа» приводится обзор высказываний Э. Хасмагомадова, Т. Эльбуздукаевой, М. Хаджиевой с акцентом на возможности использования материала книги для патриотического воспитания чеченской молодежи («Автор — не беспристрастный историк, а горячий патриот Чечни, и ему важно не только показать свою любовь к ее народу, но и убедить читателя в том, что эта любовь вполне заслужена»), формирования уважительного отношения к представителям других национальностей («Автор немало страниц по-

святил грозненцам разных национальностей, о которых еще в советское время говорили: «Настоящие грозненцы — это особая национальность»). В рецензии М. Сайдумов представляется как талантливый историк и писатель, автор рецензии акцентирует внимание на его гражданской позиции: денежная премия за победу в 2017 г. в научно-исследовательском конкурсе, посвященном истории Грозного, была передана автором больным, нуждающимся в иногороднем лечении [32].

Регулярное проведение тематических социологических опросов в онлайн-режиме предопределяет распространенность жанров социологического резюме и мониторинга среди материалов сайта. Результаты опросов доступны обычному пользователю и позволяют сформировать картину об общественном мнении пользователей по определенной проблематике. Так, по состоянию на февраль 2018 г. наиболее актуальными проблемами для чеченского народа были улучшение бытовых условий и увеличение семейного капитала (46,6%), предстоящие выборы президента России (17,7%) и развитие национальной экономики и влияния криптовалют на мировую экономику (15,5%) [33]. Следует отметить, что редакторы сайта могли бы эффективнее использовать визуальные возможности сайта и формировать наглядную инфографику по результатам проводимых опросов, не ограничиваясь только цифровыми данными, характеризующими популярность среди респондентов того или иного ответа.

Распространение интерактивных форм журналистики ведет к развитию жанров, в которых журналистский материал направлен на сотрудничество и взаимодействие с аудиторией, а читатель воспринимается как полноправный участник коммуникации. Это приводит к развитию в чеченских СМИ, в первую очередь электронных, жанра социологического опроса. В связи с этим И. Д. Фомичева отмечает, что организация социологических опросов в журналистике может служить достижению целей исследования, предусмотренных как социальным, так и маркетинговым подходом. Нередко один и тот же эмпирический материал, полученный в ходе проведения опроса, может использоваться для решения различных задач [34].

Социологические опросы в СМИ реализуют механизм обратной связи редакции с читателем, давая последнему возможность высказать свою точку зрения о проблемах, настроениях и чувствах, предоставляя возможность каждому конкретному респонденту оценить самого себя в зеркале общественного мнения [35]. Среди чеченских СМИ особое внимание регулярному проведению социологических опросов и использованию интернет-возможностей обеспечения обратной связи с аудиторией уделяет информационное агентство «Чеченская Республика Сегодня». Тематика проводимых опросов широка и отражает

общую информационную повестку дня в республике, реакцию общественности на ключевые события политической и социально-экономической жизни Чечни и России в целом.

В литературно-художественных и новостных изданиях распространенными являются жанры рецензий и комментариев, реализация которых связана с выпуском чеченскими авторами книг, воспоминаний, организацией выставок картин или фоторабот.

Распространенным жанром являются очерки, посвященные жизни знаменитых и обычных представителей чеченского народа, которые насыщены деталями, передающими отдельные компоненты этнической культуры чеченцев и отдельные детали исторического периода, о котором ведется повествование. Так, в очерке М. Амирова «Долгая дорога домой», посвященном жизни Алхаста Париева, прошедшего Великую Отечественную войну от начала до конца, содержится оговорка о том, что в паспорте Алхаста было указано имя Александр. После 1944 г. в чеченском селе, родом из которого был Париев, проживали русские и дагестанцы, а само село было переименовано из Алхазурово в Привольное. Очерк содержит нелицеприятную картину возвращения чеченского народа на историческую родину после реабилитации [36]. Возможность публикации таких очерков в региональных СМИ подтверждает реальную возможность реализации в республике права на свободу слова, позволяет вскрыть историческую правду о периоде депортации чеченцев не с целью разжигания межнациональной вражды, а для осознания ошибок прошлого и избегания их повторения в будущем. Возможность такой интерпретации исторических событий, связанных с чеченским народом, и распространенность в литературно-художественных изданиях Чечни публикаций, посвященных периоду депортации, является одним из проявлений автономности регионального информационного пространства республики и факторов самобытности региональных СМИ как его отражения.

Таким образом, в региональной системе СМИ Чеченской Республики используются как информационные, так и аналитические жанры журналистики, дополняемые литературно-художественными жанрами специализированных изданий. Жанровое разнообразие чеченских СМИ предопределяется их дифференциацией и развитием СМИ, ориентированных на относительно узкие сегменты целевой аудитории потребителей медийного контента. Наиболее распространенными жанрами являются интервью, репортажи, новостные заметки, в литературно-художественных и религиозных изданиях — очерки и эссе. Число материалов аналитического характера преобладает в телевизионных передачах, при этом применение аналитических жанров в периодической печати и материалах интернет-СМИ Чечни не так велико.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзаев Б. Р. Особенности развития языка чеченских СМИ в период перехода от тоталитарного режима к демократическим преобразованиям / Б. Р. Борзаев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2016. — № 5. — С. 520–523.
2. Борзаева Б. Б. Сохранение и развитие чеченского языка с учетом современных реалий / Б. Р. Борзаева // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 6. — С. 17–24.
3. Грабельников А. А. Отражение национальных культурных ценностей народов Северного Кавказа в периодической печати: жанровый аспект / А. А. Грабельников, Е. К. Рева // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. — 2014. — № 4. — С. 106–113.
4. Рева Е. К. Особенности отражения этнокультурных ценностей народов Северного Кавказа в периодической печати: межнациональный аспект: дис. ... д-ра филол. наук / Е. К. Рева. — Москва, 2015.
5. Солтагариев С. С. Российско-чеченская печать об особенностях молодежной политики в Чеченской Республике: автореферат дис. ... канд. филол. наук / С. С. Солтагариев. — Москва, 2012.
6. Лазутина Г. В. Жанры журналистского творчества / Г. В. Лазутина, С. С. Распопова. — Москва: Аспект Пресс, 2011. — С. 17–19.
7. Действующие лица с Наилей Аскер-заде (интервью с Р. А. Кадыровым). — URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=hNvqLyb6dNI (дата обращения: 26.02.2018).
8. Интервью Р. Кадырова корреспонденту телеканала «Россия-24» Е. Гринчевской. — URL: <https://www.facebook.com/grozny.tv/posts/1395005543855109> (дата обращения: 26.02.2018).
9. Интервью Р. Кадырова телеканалу Russia Today от 27.04.2017. — URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=32&v=wMXEMG2xj18 (дата обращения: 28.02.2018).
10. Кадыров заявил, что занятия спортом позволяют ему сохранять хорошую форму и находить силы. — URL: <http://www.grozny-inform.ru/news/health/93791/> (дата обращения: 26.02.2018).
11. Р. Кадыров: Очень достойно выступили представители Чеченского РК «Ахмат» на международном турнире по ММА «Битва на Волге 3». — URL: <http://www.grozny-inform.ru/news/health/93777/> (дата обращения: 26.02.2018).
12. Поздравление Председателя Парламента ЧР, Героя России Магомеда Даудова с Днём России. — URL: <http://grozny-inform.ru/news/society/96999/> (дата обращения: 13.06.2018).
13. М.-А. Дагаев: Чеченской молодежи есть на кого равняться. — URL: <http://grozny-inform.ru/news/society/96792/> (дата обращения: 13.06.2018).
14. Даудов М.: Никому не следует забывать, что Россия — Великая держава. — URL: <http://www.grozny-inform.ru/news/politic/93759/> (дата обращения: 01.03.2018).
15. Догаев А.: Демографические инициативы президента страны актуальны в Чечне — регион в лидерах

по уровню рождаемости.— URL: <http://www.grozny-inform.ru/news/society/93730/> (дата обращения: 01.03.2018).

16. Алихан Динаев: К написанию книги «20 обычных чеченцев» меня подвигло желание мотивировать своих учеников.— URL: <http://www.grozny-inform.ru/news/culture/93742/> (дата обращения: 05.03.2018).

17. В Грозном около 6 тысяч человек приняли участие во Всероссийской акции «Выбор чемпионов».— URL: <https://grozny.tv/news.php?id=25526> (дата обращения: 01.03.2018).

18. В Чечне стартовал новый сезон чемпионата Республики по футболу.— URL: <https://grozny.tv/news.php?id=25499> (дата обращения: 05.03.2018).

19. В национальной библиотеке Чеченской Республики прошла презентация книги «Когда рушится небо» и «Бата».— URL: <https://grozny.tv/news.php?id=25497> (дата обращения: 05.03.2018).

20. В Чечне прошел межрегиональный конкурс детского искусства «Перезвон талантов».— URL: <https://grozny.tv/news.php?id=25385> (дата обращения: 05.03.2018).

21. Садулаев М. Чемпионат СКФО по робототехнике Winter Robo-shows стартовал в Грозном / М. Садулаев.— URL: <http://checheninfo.ru/150576-chempionat-skfo-po-robototekhnike-winterrobo-shows.html> (дата обращения: 05.03.2018).

22. Баудинов А. Курорт «Ведучи» открыл свои двери / А. Баудинов // Вестник Республики.— 2018.— 31 янв.— № 7.— С. 1.

23. Фотоматериалы ИА «Грозный-Информ».— URL: <http://www.grozny-inform.ru/multimedia/photos/> (дата обращения: 05.03.2018).

24. Выставка работ фотографа-международника, фотокорреспондента ИА «Грозный-информ» Мусы Садулаева.— URL: <http://www.grozny-inform.ru/multimedia/photos/93236/> (дата обращения: 04.03.2018).

25. Прокуратура подвела итоги работы по укреплению законности и правопорядка за 2017 год.— URL: <http://www.grozny-inform.ru/news/society/92766/> (дата обращения: 04.03.2018).

26. Керчиев А. Итоги работы следователей отдела СУ УМВД России по г. Грозный (по Октябрьскому району) за 2017 год // Вестник Республики.— 2018.— 7 февр.— № 9.— С. 2.

27. 2017 год для Чечни ознаменовался достижениями в сфере транспортной инфраструктуры.— URL: <https://chechnyatoday.com/content/view/310096> (дата обращения: 04.03.2018).

28. Догаев А.: Демографические инициативы президента страны актуальны в Чечне — регион в лидерах по уровню рождаемости.— URL: <http://www.grozny-inform.ru/news/society/93730/> (дата обращения: 02.03.2018).

29. Кадиева Х. Сделать невозможное: здравоохранение Чечни как показатель уровня развития региона / Х. Кадиева.— URL: <https://chechnyatoday.com/content/view/311905> (дата обращения: 27.02.2018).

30. Магомадова С. Марионеточные юзеры: герои или подстрекатели? / С. Магомадова.— URL: <https://chechnyatoday.com/content/view/310388> (дата обращения: 27.02.2018).

31. Хан В. До и после / В. Хан.— URL: <https://chechnyatoday.com/content/view/309545> (дата обращения: 27.02.2018).

32. Город Грозный вчера, сегодня, завтра...— URL: <http://grozny-inform.ru/news/culture/96740/> (дата обращения: 27.05.2018).

33. Какие вопросы на сегодняшний день волнуют Вас больше всего? (социологический опрос).— URL: <https://chechnyatoday.com/polls> (дата обращения: 05.03.2018).

34. Фомичева И. Д. Социология интернет-СМИ / И. Д. Фомичева.— Москва: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005.

35. Экстремальная социология: исследования с риском для исследователя: Материалы научно-практического семинара 17–18 сентября 2005 г.— Надым, 2005.

36. Амиров М. Долгая дорога домой / М. Амиров // Вайнах.— 2017.— № 1–2.— С. 4–5.

Академия медиаиндустрии

Мальсагова А. Б., аспирант кафедры печатных СМИ и новых медиа

E-mail: asya_malsk@mail.ru

Academy of Media Industry

Malsagova A. B., Post-graduate Student of the Department of Print Media and New Media

E-mail: asya_malsk@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В МЕДИЙНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

И. С. Парахина, О. А. Бабич

Тюменский государственный университет

Поступила в редакцию 5 апреля 2018 г.

Аннотация: в статье анализируются лингвокогнитивные особенности дискурса предметной области «окружающая среда» при помощи описательного, классификационного и сопоставительного методов, метода контекстуального анализа, метода метафорического моделирования, метода количественного анализа.

Ключевые слова: концептосфера «окружающая среда», когнитивная метафора, метафорические модели.

Abstract: the article analyzes the linguistic and cognitive features of the discourse of the subject area “environment” with the help of descriptive, classification and comparative methods, the method of contextual analysis, the method of metaphorical modeling, the method of quantitative analysis.

Keywords: conceptual environment, cognitive metaphor, metaphorical models.

Экология и защита окружающей среды становятся всё более значимой составляющей жизни современного мирового сообщества, и экологическая проблематика так или иначе всё более проникает в коммуникативную деятельность социума и оказывает влияние на его дискурсивное пространство. В связи с этим необходимо обратиться к содержанию понятия экологического дискурса и выявить его характеристики. Экологический дискурс, на наш взгляд, не является в достаточной степени изученным с точки зрения его когнитивных характеристик; недостаточно изучена также концептуальная метафора как средство воздействия на читателей в медийном экологическом дискурсе.

В понятийный аппарат нашего исследования входят следующие термины.

Газетный дискурс — объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социально значимого взаимодействия людей [1, 8]. Газетный дискурс — это динамическое когнитивно-коммуникативное явление, процесс и результат речевой коммуникации в печатных СМИ [2, 7–13].

Когнитивная метафора — основная ментальная операция, способ познания, категоризации, концептуализации оценки и объяснения мира [3, 16].

Практические результаты настоящего исследования расширяют объем исследованных предметных областей газетных текстов и выявляют метафорические переносы в рамках определенной концептосферы (*окружающая среда*).

При выявлении лингвокогнитивных особенностей дискурса предметной области окружающей среды мы опирались на теорию Дж. Лакоффа

и М. Джонсона, которые различают ориентационные, онтологические и структурные метафоры, а также на классификацию А. Чудинова, который в зависимости от источника метафорической экспансии выделяет следующие разряды метафорических моделей: *антропоморфная метафора* (моделирование по подобию человека); *метафора природы* (источниками метафорической экспансии служат понятийные сферы «Животный мир», «Мир растений», «Неживая природа», то есть реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы); *социальная метафора* (исследуются концепты, относящиеся к таким понятийным сферам, как «Преступность», «Война», «Театр», «Игра и спорт», «Экономика»); *артефактная метафора* (исследуются понятийные сферы «Дом (здание)», «Механизм», «Транспортные средства»).

На начальном этапе исследования мы провели компонентный анализ единиц *environment / окружающая среда* как источника формирования ядра рассматриваемой понятийной области *окружающая среда*.

Environment — the air, water, minerals, organisms, and all other external factors surrounding and affecting a given organism at any time [Webster’s dictionary: электронный ресурс]. *Environment* — 1) external conditions or surroundings, especially those in which people live or work; 2) (ecology) the external surroundings in which a plant or animal lives, which tend to influence its development and behavior; 3) the state of being environed; encirclement [Collins dictionary: электронный ресурс]. *Окружающая среда*: 1) окружающий мир; 2) окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность человеческого общества и организмов, то есть те из окружающих их условий, которые они способны переживать и от которых зависит их существование и продолжение рода [5].

Изучив дефиниции понятия *environment* / *окружающая среда*, мы выделили доминантные смы: «естественные природные условия», «экологическое состояние местности», «окружающий человека природный и созданный людьми материальный мир», «окружение, совокупность природных условий, окружающий мир, среду обитания и деятельности человека» — в определениях, предложенных русскими словарями; «*external conditions or surroundings*», «*the state of being environed*» «*the air, water, minerals, organisms, and all other external factors surrounding*» — в англоязычных словарях.

Далее мы приступили непосредственно к анализу англоязычного экологического дискурса, в котором выявили основные концептуальные метафоры, наполняющие концептосферу *environment* / *окружающая среда*.

При анализе текстов, объединенных экологической тематикой, мы выделили ряд лексико-семантических полей, пересекающихся с лексико-семантическим полем *environment* (*движение, война, спорт, путешествие, игра, сельское хозяйство, личность, личностные отношения, дом* и т.д.).

В рамках нашего исследования мы выявили следующие виды метафор, встретившиеся нам в анализируемых статьях: социальные метафоры, антропоморфные метафоры, артефактные метафоры, ориентационные метафоры.

Рассмотрим примеры социальной метафоры со сферой-источником «Война».

Did you know that in Russia, women aren't allowed to become firefighters by law? But that's not stopping these courageous women from volunteering to fight forest fires anyway... [Greenpeace: The incredible firefighting women of Russia, 2018]. В данном примере лексема *to fight* используется в переносном значении, которая подразумевает не прямое значение «бороться физически», меряться силами, а непосредственно действия человека против лесных возгораний.

We believe robust timber certification is a helpful but imperfect tool for protecting people's rights and improving forest management, which is why Greenpeace International will not renew its Forest Stewardship Council membership nor participate as a member of any other timber certification scheme. В приведенном примере лексема *imperfect tool* используется в переносном значении, которая подразумевает не прямое значение «предмет орудия либо рабочий инструмент для физической работы», а непосредственно то, что сертификат является средством защиты прав человека.

Следующий пример антропоморфной метафоры со сферой-источником «Объекты»: *Volunteers come in all shapes and sizes; anyone from young students, to those who are nearly 50.* В данном примере лексемы *shapes and sizes* используются в переносном значении, так как здесь подразумеваются не размеры и формы самого человека, а непосредственно возраст самих волонтеров.

Пример артефактной метафоры со сферой-источником «Дом»: *These forests are wild havens for all kinds of animals and trees.* [Greenpeace: The incredible firefighting women of Russia, 2018]. В данном примере лексема *wild havens* используется в переносном значении, так как прямое значение слова *haven* — убежище, приют, которое подразумевает какое-либо строение, с крышей и стенами, а так как лес по своей природе не является таковым, здесь явный пример употребления метафоры.

В следующем примере мы также выделили антропоморфную метафору, со сферой-источником «Действия человека»: *The petitioners aim to set the record straight by demonstrating that the coal, oil, and gas companies are the most responsible for the climate crisis and must take action to prevent further harm resulting from impacts.* Здесь лексема *to set the record* используется в переносном значении, так как прямое значение данного словосочетания — «установить рекорд», которое имеет положительную коннотацию, однако в данном предложении словосочетание имеет негативное значение, а именно то, что цель заявителей — продемонстрировать, что угольные, нефтяные и газовые компании главным образом ответственны за климатический кризис и что этот кризис достиг наивысшей точки, когда уже можно установить рекорд по влиянию на окружающую среду.

Таким образом, методика распределения переносов по сферам-источникам показала, что употребление метафор в текстах экологической тематики является разнообразным и сочетает в себе другие сферы, такие как *война, путешествие, сельское хозяйство, личностные отношения, дом* и т.д. Частотность употребления метафор в статьях экологической тематики составила 1080 случаев.

Чаще всего в статьях встречались метафоры исходной сферы-источника *движение*, их частотность составила 226, в то время как метафоры сферы-источника *путешествие* занимают второе место по частотности (135). Меньше всего было обнаружено метафор со сферой-источником *игра, сельское хозяйство* (5 и 3 соответственно).

Анализ составляющих концептосферы *окружающая среда* позволяет сделать вывод о том, что она богата употреблением метафор различных сфер-источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Седов К. Ф. Дискурс и личность / К. Ф. Седов. — Москва, 2004.
2. Сусов И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И. П. Сусов // Языковое общение: Процессы и единицы. — Калинин, 1988. — С. 7–13.
3. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев. — Екатеринбург, 2007.
4. Философский энциклопедический словарь. — URL: <http://enc-dic.com> (дата обращения: 05.04.18).

5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2001.
6. Collins dictionary. — URL: <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 05.04.18).
7. Webster's dictionary. — URL: <http://dictionary.reference.com> (дата обращения: 05.04.18).
8. Greenpeace. — URL: <http://www.greenpeace.org> (дата обращения: 05.04.18).
9. The Guardian. — URL: <http://www.theguardian.com/uk> (дата обращения: 05.04.18).
10. The New York Times. — URL: <http://dotearth.blogs.nytimes.com> (дата обращения: 05.04.18).

Тюменский государственный университет

Парахина И. С., ассистент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации естественнонаучных направлений

E-mail: parakhina90@mail.ru

Бабич О. А., доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации естественнонаучных направлений

E-mail: o.a.babich@utmn.ru

University of Tyumen

Parakhina I. S., Assistant of Department of Foreign Languages and Cross-cultural Communication of Natural Sciences

E-mail: parakhina90@mail.ru

Babich O. A., Candidate of Pedagogical Science, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Cross-cultural Communication of Natural Sciences

E-mail: o.a.babich@utmn.ru

СЕТЕВОЙ МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС: КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ТЕМАТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ¹

Т. А. Пивоварчик

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Поступила в редакцию 27 октября 2018 г.

Аннотация: рассматривается проблема трансформации традиционных и формирования новых коммуникативных практик в открытом цифровом пространстве медицинского дискурса. Анализируются особенности презентации и распространения медицинского знания в тематических интернет-сообществах. Описываются изменения в информационно-коммуникационном взаимодействии участников медицинского дискурса в контексте культуры коммуникаций цифрового общества.

Ключевые слова: медицинский дискурс, сетевой дискурс, медиализация, медицинское знание, коммуникативные практики, интернет-сообщество.

Abstract: the problem of the transformation of traditional communication practices and the formation of new communication practices in the open digital space of medical discourse are considered. The features of the presentation and dissemination of medical knowledge in thematic Internet communities are analyzed. It describes the changes in the information and communication interaction of participants in medical discourse in the context of the communication culture of the digital society.

Keywords: medical discourse, discourse network, medicalization, medical knowledge, communicative practices, network community.

Медицина, будучи «совокупностью знаний, теорий, методов, средств и технологий, полезных для понимания и решения задач здравоохранения, оздоровления, профилактики, лечения, реабилитации и спасения жизни» [1, 50], в настоящее время занимает особое место в дискурсах человека повседневности, различных общественных групп, социальных и политических институтов, что является следствием медиализации — «социокультурной гегемонии медицины в современном обществе» [2, 256], сформированной на основе представлений о том, что многие личные и общественные проблемы имеют медицинский характер, могут быть объяснены («диагностированы») с опорой на категории здоровья и здравоохранения, а решены («вылечены») — благодаря применению разнообразных медицинских практик и расширению присутствия медицины в различных сферах жизни человека.

Разговоры о здоровье и медицине становятся важной частью повседневности. И если раньше эти разговоры в основном велись в коммуникативном пространстве института здравоохранения и предполагали профессиональное общение специалистов или достаточно формальный, регламентированный диалог «врач — пациент», то сегодня медицинский дискурс — многоуровневый, многоформатный и в то же

время вездесущий: он обеспечивает высокие рейтинги телеканалов (ток-шоу о здоровье, тележурналы о достижениях медицины, телеинтервью со специалистами и т.д.), становится частью игровой компьютерной культуры (игровые симуляторы работы хирурга, стратегические игры по организации работы медицинской службы спасения и т.п.), легко проникает в идеологическое пространство политической коммуникации (Я, ты, он, она: мы — здоровая страна; Быть здоровым, жить активно — это стильно, позитивно), формирует повестку дня виртуального сетевого общения (напр., «клубы по интересам» на площадках интернет-форумов) и т.д.

Как отмечает польский исследователь З. Мелосик, «многие люди неустанно вслушиваются в свое тело, думают о потенциальных болезнях и способах их избегания. Их жизнь протекает от исследования к исследованию, от результатов к результатам, а число потенциальных диагнозов потенциальных болезней растет — одновременно с развитием медицины — из года в год. Такая ситуация усиливает, еще раз утверждает чувство жизненной и идентичной неуверенности. Жизнь становится ожиданием болезни, более того, жизнь становится болезнью» [3, 124]. Открытый доступ к различным источникам медицинского знания, агрессивное «продвижение» медицинской информации к потенциальным потребителям медицинских услуг и товаров способствуют тому, чтобы современный человек вовлекался в околomedicalные дискуссии, проявлял интерес к практикам самодиагностики и самолечения. Так, бесплатный открытый онлайн-сер-

¹ Статья подготовлена при поддержке БРФФИ (договор Г17Р-069 от 18.04.2017).

вис сайта doktora.by, основанный, как отмечается его создателями, «на доброй воле неравнодушных врачей и отчаявшихся пациентов», предлагает пользователям Сети быть активными участниками обсуждений: *Если Вы врач и знаете ответ на вопрос, пожалуйста, рассмотрите возможность ответить на него; Если Вы не врач, но можете подсказать, куда обратиться, чтобы проблема, поднятая в вопросе, могла быть решена, пожалуйста, напишите свой комментарий под вопросом* (doktora.by).

Сетевой медицинский дискурс сегодня является одним из наиболее динамично развивающихся русскоязычных сетевых тематических (профессионально ориентированных) дискурсов, обнаруживающих в своей реализации качества массмедийного и маркетингового дискурсов. В работе К. Ахниной и В. Куриленко описаны следующие признаки сетевого медицинского дискурса: лингвотерапевтическая направленность, гетерогенность субъектной сферы, интерактивность, градуально-институциональный характер, поликодовость, жанровая диффузность, процессуальность, множественность модусов реализации и др. [4].

Предметом нашего интереса являются коммуникативные практики сетевого медицинского дискурса в цифровом пространстве Беларуси. Основным материалом для исследования стали сообщения пользователей в медицинских разделах форума интернет-ресурса «Онлайнер» (forum.onliner.by) — далее ФО, форума «Тут говорят» (talks.by) — далее ТГ, «Гродненского форума» (forum.grodno.net) — далее ГФ, «Большого Белорусского форума» (forum.4minsk.by) — далее ББФ. Также привлекались для анализа материалы других тематических интернет-ресурсов (блогов на специализированных сайтах, каналов видеохостинга YouTube, пабликов в социальных сетях). **Все цитаты приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.**

Рассмотрение сетевого медицинского дискурса Беларуси в контексте культуры коммуникаций цифрового общества позволяет описать изменения в информационно-коммуникационном взаимодействии его участников. Виртуальные пространства сети Интернет создают условия для трансформации традиционных (консультации пациентов в режиме электронной переписки) и формирования новых (медицинские чат-боты) коммуникативных практик в сфере медицины, для изменения организационных форм взаимодействия отдельных участников и их групп в рамках института здравоохранения (сетевые сообщества пациентов).

В общей системе создания и распространения медицинского знания расширяется репертуар и растет роль различных медиаканалов сети Интернет (рекомендация больному *Спросите у Великого Гугла* (ГФ. 16.10.206) уже не кажется бесполезной), и особое место среди соответствующих тематических ис-

точников занимают сетевые сообщества: «Самым важным направлением использования Интернета для потребителей медицинских услуг является возможность объединять пациентов с общими проблемами в «виртуальные сообщества». Интернет часто является первым прибежищем пациента, узнавшего о серьезном, хроническом заболевании» [5, 7].

Информационное поле сетевого медицинского дискурса Беларуси в настоящее время формируется следующими основными интернет-ресурсами:

- сайты органов управления, медицинских, фармацевтических, образовательных и других организаций системы здравоохранения страны (minzdrav.gov.by, med.grodno-region.by, pharma.by, vsmu.by, omr.by, e-health.by и т.д.); в гипертекстовом пространстве таких сайтов представлена разноплановая информация, способствующая выполнению организациями своих функций, а коммуникация всё в большей степени организуется на основе клиентоориентированного подхода, связанного с представлениями о рынке медицинских услуг и об организациях здравоохранения как участниках этого рынка;

- справочно-поисковые системы, в том числе: информационно-поисковые порталы для врачей и пациентов (doctor.by, medportal.org, infodoktor.by, zubnoi.by), рекомендательные сервисы и сервисы по поиску врачей и клиник (zoon.by, superdoctor.by, 2doc.by, doctoranna.by, 36n6.by, vrachi.by), сервисы по поиску лекарств (103.by, tabletka.by), сервисы онлайн-консультаций (doktora.by, doctoradvice.by); такое функциональное разделение ресурсов достаточно условное, так как обычно они совмещают все вышеуказанные формы деятельности;

- специализированные интернет-СМИ или сетевые аналоги печатных изданий (medvestnik.by, aptekar.info, medjournal.by, mednovosti.by и др.);

- интернет-форумы о здоровье и медицине и соответствующие разделы политематических интернет-форумов (poliklinika.by, forum.onliner.by, velvet.by и т.д.);

- виртуальные сообщества пациентов и/или врачей с одинаковыми интересами: «Сообщество онкопациентов Беларуси» (oncopatient.by), «Первый урологический портал Беларуси для пациентов и врачей» (uro.by), «Гемофилия. Беларусь — неофициальная группа для общения больных гемофилией, а также людей, неравнодушных к этому» (vk.com/belabg), «medicine.| Врачи Беларуси» (vk.com/medicineby), «Клуб врачей Беларуси» (instagram.com/doctors_club);

- персональные сайты медицинских работников (doctor-plastic.by, plastic-surgeon.by, vladrov.com и др.), выполняющие в зависимости от выбранного формата информационную, рекламную, просветительскую, коммуникационную функции, способствующие формированию имиджа специалиста (обычно врача частной практики) в профессиональной среде и продвижению медицинских услуг;

— паблики и блоги врачей и медицинских организаций в социальных сетях, представляющие в настоящее время самый популярный и быстро растущий сегмент интернет-коммуникации, например, на платформах Instagram (@doctor_rudskaya, ginekolog_trofimchik, sovetydermatologa, doctor_elena_korsak), Facebook и «ВКонтакте» (Андрей Беловешкин), YouTube (Dr.X).

Следует отметить, что интернет-пространство имеет глобальный характер, пользователи Сети ищут информацию медицинской тематики независимо от своей территориальной принадлежности, а обращение к региональным медиаканалам становится актуальным только в случае поиска информации об организациях и врачах, к которым можно было бы обратиться с целью получения медицинской помощи. Для жителей Беларуси единое пространство медицинского дискурса связано с языком, на котором представлена информация, и включает в первую очередь все русскоязычные ресурсы.

Появление новых информационно-коммуникационных сред для общения на медицинскую тематику требуют от специалистов сферы здравоохранения дополнительных коммуникативных компетенций, в том числе умения участвовать в профессионально ориентированном виртуальном сетевом общении, что предполагает овладение набором коммуникативных практик, например, коммуникативной самоидентификации (блогер, форумчанин), публикации разножанровых сообщений на платформах разных социальных сетей (создание темы, написание постов и комментариев), конструирования групповых коммуникативных активностей внутри сетевого сообщества (ведение дискуссии, обмен контентом). «Тем не менее для абсолютного большинства отечественных докторов пока это terra incognita. В то время как за границей врачи зачастую имеют не только блог, но и собственный сайт, самые продвинутые пишут книги и ездят с лекциями на тему, как вести медицинский блог, а в медицинских школах студенты обязательно изучают этические аспекты блогинга» [6].

Медиатизация и цифровизация коммуникации на медицинские темы приводят к целому ряду новаций. И, прежде всего, отмечаются изменения в отношении к медицинскому знанию как феномену профессиональной и повседневной культуры. «Еще недавно эксклюзивные, недоступные для лиц за пределами медицинского профессионального сообщества» знания становятся открытыми [7, 170]. Этот переход от тайного, в определенном смысле эзотерического, сакрального, сложного для понимания обычного обывателя знания к знанию обиходному, практическому, основанному на опыте и житейской мудрости, отражается в содержании коммуникативных практик и их лексическом описании: **Врачебная нетайна**: Как выглядят инстаграммы медиков (birdinflight.com); **Круто! Больные сами знают**, ка-

кой именно орган у них болит. Наверное я зря просигиваю штаны у себя в кабинете!;-) (ГФ. 08.07.2010); **Попробуйте поставить диагноз по аватарке, или забросили эту практику?** (ГФ. 19.03.2017).

Снятие священных покровов с медицинского знания происходит в том числе под влиянием активных визуальных практик медицинских работников, ведущих свои инстаграм-каналы или видеоблоги, в том числе создающих посты в виде:

а) диагностических/самодиагностических рекомендаций: *Это грибок? Нет, это эритроаэма. <...> Как выглядит эритроаэма? (смотрим фото в карусели)* (sovetydermatologa);

б) подробных описаний лечебных практик: **Почувствуй себя доктором.** <...> Прочтите внимательно! Не обязательно вникать в анализы, но думаю кричащий показатели заметят все?! <...> Вы обратили внимание на то, как готовится к беременности здоровая девочка! На каком этапе предлагаются КОКи? <...> Назначены ли необходимые ей препараты на самом деле? А каких важных обследований нет? Откуда стали появляться кисты? (@doctor_rudskaya);

в) ироничных «картинок со смыслом»: *Вопрос гинекологу: ...где я заразилась эндометриозом?* (ginekolog_trofimchik).

Грань между публичным и интимным становится размытой, сомнительными оказываются этические и эстетические качества информации: «Врачи — люди с фантазией и развитым чувством прекрасного. Например, они трепетно собирают композиции из удаленных складок, комков и наростов; фотографируются рядом с пациентом на операционном столе и рисуют смайлики на пластырях. Некоторые пластические хирурги даже называют груди вишенками, а себя — модельерами женских тел» [8].

Впрочем, и пользователи прибегают к различным визуальным практикам — например, выкладывают подробное описание анамнеза, размещают фотографии, рентген-снимки с просьбами их расшифровки и соответствующей диагностики: *Здравствуйте! Недели две назад появилось покраснение на плече. <...> Если не сложно, посмотрите, пожалуйста* (ТГ. 09.08.2016); *А Вам диаграмму расшифровать не нужно случаем? Давайте фото, мы тут все вместе над ней и поколдуем* (ФО. 06.01.2006); *народ покажите фотку что будет после удаления родинки на ее месте???* (ФО. 25.08.2006). Все большее количество людей не удовлетворены состоянием своего здоровья, а новые медиа и создаваемая ими медиатизированная «поп-медицина усиливают беспокойство обывателей, заставляют их быть активнее» [3, 130].

Говоря о растущей «зоне напряжения» между верой и фактом и о распространении «фундаментально антинаучных установок» как глобализационных явлений, швейцарский ученый М. Делл'Амброджио отмечает, что эти явления в первую очередь харак-

терны для медицинского дискурса: «Альтернативная медицина, эзотерическое мировоззрение и сектантство потеснили доказательный принцип в сфере здравоохранения» [9, 73]. Поскольку в тематических интернет-сообществах роль различных фильтров (институциональных, экспертных, этических) для управления потоками информации снижена, в сетевом медицинском дискурсе на абсолютно равных условиях распространяется научное и ненаучное медицинское знание, например: *В данной теме предлагаю коллекционировать редкие медицинские материалы, спорные мнения, противоречащие официальной медицине и нетрадиционные методы лечения болезней* (ГФ. 22.02.2013); *Ищу целителя, который лечит руками* (ФО. 25.06.2011).

Сетевая коммуникация на медицинские темы служит одним из способов формирования обыденной медицинской культуры, включающей в себя «разрозненные знания из области научной, традиционной и народной медицины, стереотипы и предрассудки, социокультурные мифы и традиции, социальные, правовые, религиозные нормы, регламентирующие жизнедеятельность человека в области сохранения здоровья человека, а также индивидуальный опыт возникновения, течения и лечения различных заболеваний» [10].

В сетевой межличностной коммуникации на медицинские темы участниками интернет-сообщества совместно переживается и оценивается опыт сохранения здоровья, предупреждения и лечения болезней, и на этой основе формулируются ценностно значимые смыслы. Важное место в сетевом медицинском дискурсе занимают ценностные стереотипы и императивы, представляемые в форме оценочных, деонтических, самоидентифицирующих высказываний — медицинских пословиц и антипословиц: *Недостаточно быть врачом, надо еще уметь помочь; К лекарствам надо голову иметь* (ГФ, подписи в профиле пользователя); *В медицине все средства хороши, как на войне* (ГФ. 18.03.2017); *Правильно говорят — зубы господь дает человеку два раза — третий раз за это нужно платить* (ФО. 03.02.2014); *Можно в жизни ставить точку, если вдруг откажет почка* (ГФ. 05.10.2012); *К врачу ходят, чтобы услышать, как болезнь называется, а потом читать о ней в интернете* (@doctor_rudskaya. 14.02.2018).

Одним из ключевых модусов сетевой медицинской коммуникации как элемента повседневности является доверие к собеседнику, а его основой — жизненный опыт (пережитое — испытанное на себе, прочувствованное, переосмысленное): *Знаю я что это такое, хочу реальные истории услышать из практики, теория мне известна* (ГФ. 17.10.2016); *Попробуйте методику ударно-волновой терапии. Метод лечения действительно эффективный. Знаю на своем опыте. Приходилось делать* (ТГ. 19.09.2018); *Из своего опыта могу посоветовать глицин форте,*

если нет серьезного расстройства (ТГ. 05.04.2018); *Наилучшее действие оказывает диета. Проверено на себе* (ТГ. 31.10.2010).

Так, в сообщениях, целью которых является оценивание работы организаций здравоохранения и деятельности медицинских работников, фактологическая аргументация свободно сочетается с «наивными экспертными оценками» или даже уступает им место. В коммуникативных практиках интернет-сообщества позицию высоко ценимого достоверного (не обязательно доказательного) знания, которому можно доверять, занимают «наивные аргументы», а именно:

1) ссылки на личный опыт и личные предпочтения, поскольку пережитое кем-то вызывает у собеседников чувство сопричастности: *Я по своему опыту скажу, по офтальмологии* (ФО. 18.11.2016); *В Синэво, как я лично удостоверился, помимо этого имеются и грамотные специалисты, умеющие работать на этом дорогом оборудовании (что не всегда — увы — встречается...), поэтому если бы мне понадобилось — наверное, туда бы обратился* (ББФ. 23.02.2011);

2) ссылки на впечатления, полученные в результате эмоционального и чувственного восприятия ситуаций и событий, служащие подтверждением искренности высказываемой оценки: *положительные впечатления у меня оставили* (ББФ. 23.02.2011); *еще приятно впечатлил Богдель* (ГФ. 11.01.2011).

Происходит перераспределение «весовых категорий» участников дискурса о медицине. Определение медицинского дискурса как одного из типов институционального дискурса, в котором «четко определены статусно-ролевые характеристики участников общения: врач — пациент» [11, 84], сегодня является верным далеко не для всех коммуникативных ситуаций. Субъектами сетевого медицинского дискурса выступают пациенты, члены семей пациентов, здоровые люди, заботящиеся о своем физическом состоянии или принадлежащие к группам риска, медицинские работники, представители и апологеты нетрадиционной медицины и многие другие. Коммуникация, выстроенная по принципу «все со всеми», актуализирует горизонтальную иерархию участников сообщества, а ее основанием являются активность пользователя и социальное одобрение его коммуникативного поведения, измеряемое просмотрами, репостами, подписками и лайками.

Анонимность общения позволяет участникам дискурса скрывать свои настоящие статусы и свои истинные намерения. И в результате в информационном поле сетевого дискурса можно обнаружить высокий процент маркетингового контента — т.н. скрытой рекламы, см. название темы: *История из жизни (или немного о тонометрах)* (ББФ). Несколько человек регистрируются на форуме в одно и то же время, ведут диалог между собой (прием троллинга)

для достижения желаемого результата — положительных или негативных отзывов о товаре, услуге, организации. Впрочем, участники интернет-общения достаточно легко эти коммуникативные ходы выявляют: *Просто дистриб попросил помощи освободить аптеки от одной позиции, срок скоро подходит* (ГФ. 25.02.2016).

С одной стороны, большинство участников интернет-сообществ по-прежнему считают, что врачи обладают абсолютным Знанием и абсолютной Правдой, дающими им право определять, что считать здоровьем или болезнью, кого можно отнести к категории больных или здоровых людей и что, соответственно, с такими людьми делать [3, 127], а потому в сетевом дискурсе разделяющие профессиональная и повседневная составляющие медицинской культуры: *Обратите внимание на обувь. Может она неудобная и нога находится долго в неестественном положении. Может вы переохлаждаетесь. <...> За врачей я вам ничего не скажу. Таблетки, анализы и прочее — это пусть доктора делают* (ТГ. 28.09.2014); *Эти диагнозы и исследования проводит врач. Я провожу диагностику состояния мышц. — Понятно, в диагнозах не разбираешься, но сказать хочешь* (ТГ. 28.09.2014).

Безусловно, в группу топ-пользователей с высокой степенью центральности в сетевой группе попадают те, кто идентифицировал себя как представителя медицинской сферы. Так, участники интернет-сообществ могут обозначать свою принадлежность к профессиональному сообществу никнеймами, (напр.: paramediks, dr.valdes, доктор жмурге, d.lopatko) или позиционировать себя как носителей экспертного мнения: *Девочки, могу помочь советом, рассказать про какие-нибудь центры))) Я много где работала администратором и могу рассказать))* (ББФ. 23.02.2011); *уж поверьте — не первый год имею дело с разным оборудованием* (ББФ. 23.02.2011); или продемонстрировать высокий уровень компетенции благодаря использованию специальной терминологии: *Считается, что субъединичные вакцины менее реактогенные, поскольку содержат только поверхностные антигены, необходимые для выработки иммунитета, поэтому рекомендованы детям младшего возраста (с 6 месяцев) и пожилым. В то же время, по некоторым данным, сплит-вакцины (расщепленные) имеют более высокую иммуногенность, то есть способность формировать иммунитет из-за задействования не только гуморального, но и клеточного звена иммунитета...* (ГФ. 24.10.2010). Однако в Сети все равны, а потому пользователи-«любители» и пользователи-«активисты» влияют на процессы обсуждения медицинских тем: перенаправляют содержание диалога, оспаривают точку зрения, дают оценку полученной информации, комментируют сообщения и их форму: *Вы, наверное, хотите задавить медицинским интеллектом* (ГФ. 28.10.2012).

С другой стороны, активными и равноправными участниками медицинского дискурса становятся те, кто раньше выполнял только роль слушателя (потенциальные и реальные пациенты учреждений здравоохранения), и о соответствующих коммуникативных стратегиях виртуальных сообществ свидетельствуют их названия: *Помощь без врача Беларусь* (vk.com/public151401126). Обыватель активно вовлечен в продуцирование и распространение медицинских знаний, придание им статуса престижного или сомнительного: он может открыто высказывать мнение, выстраивать рейтинги, оставлять публичные отзывы — и таким образом влиять на развитие системы здравоохранения: *Оставляйте свои отзывы, благодарности, пожелания, да и советуйте друг другу, к кому можно идти* (ГФ. 08.02.2008); *Санатории — отзывы, советы* (ГФ).

Содержательное наполнение медицинских разделов интернет-форумов представлено следующими основными тематическими группами: организации здравоохранения и качество их работы; медицинские специалисты и уровень их профессионализма; выбор медицинских товаров и препаратов; формы и средства лечения и самолечения; диагностика и оценка состояния здоровья; здоровый образ жизни. Практики пассивного коммуникативного поведения участников медицинских интернет-сообществ (просмотры тем) преобладают над активными. Так, на «Гродненском форуме» в одной из самых популярных тем «Лучший стоматолог» — 1003 поста и 247 111 просмотров (по данным на 12.10.2018).

Наибольшая коммуникативная активность в интернет-сообществах связана с описанием требований к компетентности медицинских специалистов, конструированием образа идеального врача, оцениванием его личных и профессиональных качеств: *Нужен хороший уролог* (ГФ. 18.10.2010); *Если кто-нибудь подскажет действительно ХОРОШЕГО гинеколога* (ГФ. 13.02.2008); *Нужен толковый невролог!* (ТГ. 11.09.2016); *Посоветуйте толкового педиатра* (ГФ. 02.05.2016); *Только мы пока к толковому ЛОРу не попали еще* (ГФ. 30.04.2009); *А может кто посоветует проверенного мануального терапевта?* (ГФ. 12.02.2017); *Поделитесь, пожалуйста, информацией, где найти компетентного детского ЛОР-специалиста* (ГФ. 17.12.2015); *ничего такой центр, специалисты грамотные* (ББФ. 23.02.2011); тема «*Качественные врачи*» (ГФ); *Это ГЛЫБА урологии!* (ГФ. 18.11.2010); *все отлично, дока в своей работе* (2doc.by. 16.01.2018); *Отличных дел мастер <...> врач от Бога* (ГФ. 12.02.2008); *профессионал в своем деле с большой буквы* (ГФ. 17.03.2008). Влияние отзывов о деятельности врачей на формирование общественного мнения не только об отдельном специалисте, но и в целом о сфере здравоохранения столь велико, что появляются такие виды деятельности, как создание и продвижение личных брендов врачей.

Пациенты, благодаря доступу к разнообразным медицинским интернет-ресурсам, ведут диалог с врачами на все более высоком уровне и все более вовлекаются в принятие клинических решений: «Возникает интересный процесс: пациенты могут держать врачей в курсе последних медицинских достижений, и традиционное направление передачи информации в клинической медицине меняется на прямо противоположное» [5, 7]. В содержательном поле медицинского дискурса расширяется место т.н. «пользовательского контента», а среди коммуникативных практик распространено массовое ситуативное обращение с медицинскими запросами к поисковым системам: **А без гугла была бы вообще труба. Что можно говорить, если хирург поликлиники смотрит по гуглу и уточняет, какие виды стом существуют** (ФО. 20.06.2018); **Умный и относительно беспристрастный Гугл** выдаст вам приблизительно вот такой список страниц. Предлагаю их и обсудить (ФО. 24.01.2014); **В чем причина, по вашему — ИПП? алкоголь? острая пища? Погуглите что ли...** (ФО. 24.11.2017); **Что для вас вменяемая цена, для начала? В остальном — идите в гугл**, инфы предостаточно (ФО. 04.11.2017); **Контрастное усиление что значит? Нужно оно или нет? — Вас в гугле забанили?** (ФО. 04.12.2017).

Как отмечает Е. Павленко, у пользователей непрофессиональных интернет-ресурсов в связи с высоким уровнем тревожности и патологическим недоверием к врачам наблюдается парадоксальная вера в правдивость диагнозов и рекомендаций этих ресурсов [12, 44]: **вы задаете странный вопрос, учитывая, что тут медиков особо нет. Вам лучше в гугл** (ФО. 24.11.2016); **Не было времени в поисковике поинтересоваться этой проблемой, может кто уже знает ответ тут** (ГФ. 26.10.2010); **Это простыми словами. А более детально можете в интернете поискать** (ГФ. 01.11.2010); **У меня недавно была такая же проблема. Вылечила себя сама. Способ лечения нашла в интернете** (ГФ. 03.09.2010).

В сообщениях участников интернет-сообщества обозначается ситуация множественности разнородных и часто противоречащих друг другу источников медицинской информации, трудности с ориентацией в избыточных потоках медицинского контента, формирование коммуникативной практики сбора и сопоставления разных подходов и точек зрения (при этом окончательное решение пользователь предпочитает оставлять за собой, а не за специалистом): **Добрый день! Хотела бы задать несколько вопросов касательно проблемы аденоидов. Мнений уже столько слышала — кто-то настаивает, что их непременно надо удалять, кто-то против.** <...> **Вопрос об удалении вообще не стоял, пока не попали в 3 больницу к ЛОРу, там нам сразу сказали — надо удалять. Хотя до этого периодически обследовались у разных ЛОРов, ставили то 1 степень, то 2, но по по-**

воду удаления ничего никто не говорил. Насколько это целесообразно? <...> Слышала, что аденоиды все равно потом вырастают... (ТГ. 25.03.2015); **Умеренный риск вроде тоже показание, уже везде стала читать, и кардиолог советует** (ГФ. 12.06.2018); **Ладно поищу отзывы о Синэво, не могу верить одному слову** (ББФ. 23.02.2011); **Хочу спросить у врачей. Слышала, что прививки вредны** (ГФ. 29.10.2010); **вы меня в конце запутали... вот и что выбирать?** (ГФ. 24.10.2010); **Прививка это решение каждого — да или НЕТ. Лично я посмотрев пару передач + интернет + СОБСТВЕННЫЙ ОПЫТ твёрдо говорю НЕТ!!!!!!!!!!!!** (ГФ. 01.11.2010). Отметим, что в последнем примере, перечне «достоверных» источников информации, составленном участником интернет-сообщества, нет консультации врача и информационных материалов организаций здравоохранения.

Регулятивную функцию выполняют метакоммуникативные высказывания, в которых коммуниканты уточняют свои ролевые позиции, определяют границы компетентности и меру ответственности за содержание реплик: **Что, как я считаю, нам помогло (я не врач и могу ошибаться)** (ГФ. 29.04.2009); **Всё выше написанное — сугубо моё личное мнение и на рекомендации врача к выполнению не тянут!!!** (ФО. 06.01.2006); **Ко всему написанному мной прошу слишком серьезно не относиться... Я еще не доктор, я только учусь** (ФО. 23.01.2006).

Появляются новые способы и формы «упаковки» и распространения медицинского знания. Любая организация здравоохранения сегодня полифункциональна, что обуславливает гибридизацию ее коммуникативных практик, сочетание элементов институционального дискурса с маркетинговым (рекламные слоганы, информация о скидках и акциях как средствах стимулирования сбыта, презентация систем лояльности и подарочных сертификатов и т.д.) и социальным (полезная информация, справочные сведения, новостной контент) дискурсами. В интернет-пространстве широко представлены рекомендации, а также курсы, семинары, вебинары на темы «Как правильно раскручивать в «Инстаграм» профили врачей», «Как врачу совместить свою профессию с профессией интернет-маркетолога», «Как раскрутить блог врача», «Как правильно рекламировать себя и клинику» и т.п.

Рассматривая особенности «упаковки» медицинского знания, особое внимание следует обратить на язык. «Четкая картина объективного знания начинает терять однозначные очертания, когда появляются альтернативные языковые выражения, по-иному упорядочивающие и интерпретирующие опыт, связанный со здоровьем и болезнями» [7, 167]. Оповседневивание медицинского знания происходит на основе использования разговорной и жаргонной лексики: **Меня в детстве мать отвела к такой бабке-целительнице с проблемой излечить**

грыжу в животе (**простите чайника, что не на научном языке**) (ГФ. 16.11.2017); **правельна. задняя стенга глодки. а про фаренхит** я вышвы напесал (ТГ. 16.10.2006); создания окказионализмов: **И можно ли пить такие иммуноповышатели** (ГФ. 02.11.2010); сочетания разностилевой лексики: **короче, такая шняга: надо мне зубами заняться и хочу мнение уважаемой публики спросить** (ФО. 04.09.2003); адаптации медицинских категорий для общения с неспециалистами: **ОРЗ — острое респираторное заболевание (как бактериальной, так и вирусной природы). ОРВИ — ОРЗ вирусной природы. Это как «Каждая селедка рыба, но не каждая рыба селедка»** (ГФ. 02.11.2010).

Медицинский дискурс сетевого сообщества прагматичен: главное требование к его содержанию — полезность, и основная коммуникативная активность направлена на совместный поиск полезного знания: **Может кто сталкивался со схемами профилактического приёма антибиотиков при лечении каналов зубов** (ГФ. 11.06.2018); **знающие и не очень подскажите — насколько сложно снять коронку полностью?** (ФО. 28.11.2015); **Кто-нибудь знает, когда прививку можно будет хоть платно сделать в минске?** (ТГ. 29.05.2017). «Некоммерческая социальная (гражданская) активность людей говорит о появлении нового типа социального взаимодействия — коллективного, обладающего очень большим потенциалом» [13, 30]: **Давайте делиться: кто чем прививался в прошлом году и статистику хворей. После прививки классический грипп был или нет? Если был, то сколько дней и т.п. Очень интересно мнение из первых рук** (ГФ. 24.10.2010); **Рекомендую еще раз пересмотреть медицинские ветки. Если и потом не найдете — помогу с цитатами** (ФО. 11.01.2006).

Как уже отмечалось выше, пользователей интересуют личный опыт и субъективные мнения других участников интернет-форума, а потому участники диалога обычно не удовлетворяются фактологической информацией и интересуются личным мнением: **А, что можете сказать о центре Сантэ? Нашла в инете, позвонила, вроде цены там ничего** (ББФ. 23.02.2011); **Расскажите про свой личный опыт в диагностике и лечении заболевания, пожалуйста** (ФО. 25.11.2017).

Поиск ответов на вопросы, организация и ведение проблемных дискуссий сочетаются с непринужденным, дружеским общением, а также с элементами игровой коммуникации: **Где тут невритологи и прочие знающие. Два дня назад проснулась с онемевшей дорсальной поверхностью первого и второго пальца на левой руке. Может, часами ночью давила, или хзнает чем. Два дня не проходит. Жить буду или когда пройдет?** (ТГ. 14.01.2012). Участники дискурса подробно и откровенно описывают различные жизненные ситуации, в том числе в форме жи-

тейских историй, баек, анекдотов: **я вот ещё пример приведу** (ФО. 05.09.2003); **Теперь моя история** (ФО. 05.09.2003); **Ида, а вот я когда фельдшером в бригаде СМП работал был такой случай** (ГФ. 18.11.2010).

Типичным для сетевого медицинского дискурса является кооперативное общение, формируемое практиками сочувствия, участливости, одобрения, совета и рекомендации, заинтересованности, солидарности, этикета: **Леочка, потом отпишитесь, как впечатления, думаю, и другим пригодится** (ББФ. 23.02.2011); **Леочка, как у вас дела? куда всё-таки обратились, сдали ли анализ?? отпишитесь, мне интересно ваше мнение...** (ББФ. 23.02.2011); **Поделись с вами моим походом в Синэво. <...> Короче мне там понравилось, цены как и на сайте не большие. Буду всегда сейчас туда ходить. Сейчас будем ждать результатов. Спасибо Вам за советы милые форумчанки и форумчане** (ББФ. 28.02.2011); **Живите и не болейте** (ТГ. 21.06.2011); **Выздоровливайте!** (ТГ. 19.09.2006). Можно отметить высокую эмоциональную вовлеченность пользователей в обсуждение историй и проблем собеседников: **Жесть. Я вас очень понимаю** (ТГ. 01.04.2011); **ужас какой** (ТГ. 07.06.2018).

При этом в диалогах широко распространено конфликтное общение, в целом характерное для культуры сетевого общения и реализуемое в таких практиках, как инвективы, упреки, оскорбления, дисфемизмы, разоблачения: **Вот что я нашла на русском языке. — Да, это ваш уровень. — Ваша «американский врач» просто обожает Википедию. А я ею до нее даже и не пользовалась** (ТГ. 29.09.2013); **Это говорит только о Вашем полном невежестве в этом вопросе. — Да, в ваших шаманских физиотерапевтических плясках и заклинаниях по кашпировскому с целью выколачивания денег и оболванивания населения я профан** (ТГ. 29.09.2013); **Ко всем умникам. Не пишите чушь! Вы показываете свою некомпетентность и глупость. Достаточно сравнить детскую смертность до эры прививок и теперь. После этого оппонируйте** (ГФ. 22.12.2010).

Для привлечения внимания и провоцирования сильной эмоциональной реакции у читателей форумов пользователи используют прием драматизации — избыточного акцентирования негативных, в том числе конфликтных, сторон ситуации: **Черный список врачей Минска!!!** (ТГ); **7 больницы, врачи-убийцы?** (ТГ); **А тем временем пока вы тут спорите прививки против гриппа, выращенные на раковых клетках и смешанные со ртутью, делают свое черное дело** (ГФ. 22.02.2013); **Генитальный герпес — жизнь окончена?** (ТГ); **Онкология!!!! Умирать или бороться?** (ТГ); **К онкологу однозначно, особенно если родинка черного цвета и не дай бог начала увеличиваться в размерах! Последствия действительно очень страшные!** (ФО. 22.07.2006).

Таким образом, в открытом цифровом пространстве медицинского дискурса трансформируются

традиционные и формируются новые коммуникативные практики. В системе создания и распространения профессионального, массового, обыденного медицинского знания растет роль различных медиаканалов сети Интернет, в том числе тематических интернет-сообществ. Наблюдаются изменения в отношении к медицинскому знанию как феномену профессиональной и повседневной культуры. Появляются новые способы и формы «упаковки» и распространения медицинского знания. Происходит перераспределение «весовых категорий» участников дискурса о медицине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ростовцев В. Н. Дискурс комплементарной медицины и медицинский спектрально-динамический комплекс / В. Н. Ростовцев // Рефлексотерапия и комплементарная медицина. — 2015. — № 4 (14). — С. 50–55.
2. Михель Д. В. Медикализация как социальный феномен / Д. В. Михель // Вестник СГТУ. — 2011. — № 4 (60). — Выпуск 2. — С. 256–263.
3. Melosik Z. Dyskursy medykalizacji i farmakologizacji: rekonstrukcje tożsamości człowieka / Z. Melosik // Przegląd Badań Edukacyjnych, nr 25 (2/2017), s. 123–136.
4. Ахнина К. В. Сетевой медицинский дискурс: сущность, признаки, структура / К. В. Ахнина, В. Б. Куриленко // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. — 2015. — № 1. — С. 76–84.
5. Михеев А. Е. Интернет и сохранение здоровья / А. Е. Михеев, П. А. Горбунов // Врач и информационные технологии. — 2012. — № 1. — С. 6–16.
6. Погонцева Е. Плох тот врач, кто не онлайн / Е. Погонцева // Медвестник. Портал российского врача. — URL: <https://medvestnik.ru/content/articles/Ploh-tot-vrach-kto-ne-onlain.html> (дата обращения: 12.09.2018).
7. Czermer A. Kobięca strona dyskursu onkologicznego. Empiryczne spojrzenie na demokratyzację wiedzy medycznej / A. Czermer, E. Nieroba // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Sociologica 55, 2015. — URL: <http://dx.doi.org/10.18778/0208-600X.55.10> (дата обращения: 15.06.2018).
8. Ковальчук Л. Врачебная нетайна: Как выглядят инстаграммы медиков / Л. Ковальчук. — URL: <https://birdinflight.com/ru/vdohnovenie/resursy/20171127-instagramy-vrachey.html> (дата обращения: 12.10.2018).
9. Делл'Амброджио М. Контуры будущего в контексте мирового культурного развития / М. Делл'Амброджио // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г. — СПб.: СПбГУП, 2018. — С. 73–75.
10. Жарова М. Медицинская культура российского общества / М. Жарова // RELGA: научно-культурологический журнал. — 2012. — № 17. — URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3367&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 12.10.2018).
11. Зубкова О. С. Специфика функционирования медицинской метафоры и медицинской метафоры-термина в индивидуальном лексиконе / О. С. Зубкова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 3. — С. 84–89.
12. Павленко Е. В. Киберпространство медицины: Интернет как враг и союзник врача и пациента / Е. В. Павленко // Социология медицины. — 2013. — № 1 (22). — С. 42–46.
13. Задорин И. В. Деятельные сообщества в социальной среде для совместной профессиональной деятельности: предпосылки возникновения и практический опыт создания / И. В. Задорин, Д. В. Мальцева, О. А. Полукеев // Мониторинг общественного мнения. — 2012. — № 6. — С. 27–42.

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Пивоварчик Т. А., кандидат филологических наук, декан факультета истории, коммуникации и туризма, доцент кафедры журналистики

E-mail: t.pivovarchik@grsu.by

Grodno State University named after Yanka Kupala

Pivavarchyk T. A., Candidate of Philological Sciences, Dean of the faculty of history, communication and tourism, Associate Professor of the Department of Journalism

E-mail: t.pivovarchik@grsu.by

ПЕТР ПЕРВЫЙ В ВОРОНЕЖЕ И СОЗДАНИЕ РУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО ШРИФТА

Ю. В. Пыльнев

*Музей истории развития образования Воронежской области,
Воронежский институт развития образования*

Поступила в редакцию 10 мая 2018 г.

Аннотация: статья посвящена созданию нового русского гражданского шрифта, работе Петра Первого над его совершенствованием и практическим применением во время пребывания императора в Воронеже в 1709 г.

Ключевые слова: славянский шрифт, латинский шрифт, Амстердам, новые и старые буквы, Воронеж.

Abstract: the article is devoted to the creation of a new Russian civil font, the work of Peter the Great on its improvement and practical application during his stay in Voronezh in 1709.

Keywords: Slavic font, Latin font, Amsterdam, new and old letters, Voronezh.

В допетровское время на Руси пользовались кирилловской письменностью, или кириллицей. Царь Петр Первый прекрасно знал языки, много читал иностранных книг и, конечно, привык к латинской азбуке, которая казалась ему красивее и удобнее русской. В ходе перестройки отечественной культуры по западноевропейскому образцу царь принял решение преобразовать кириллицу путем ее сближения с латинским алфавитом, создав, таким образом, новый алфавит для светских изданий. Позже он был назван гражданским шрифтом. Кириллицу, или церковный шрифт, оставили для печатания церковных книг.

Исследователь истории письменности Я. Б. Шницер считал, что причиной, впервые натолкнувшей царя на мысль о реформе славянской азбуки для светских изданий, были русские книги, вышедшие в 1699 г. из типографии Яна Тессинга и Ильи Копиевича в Амстердаме, напечатанные по их собственной инициативе. В 1700 г. царь выдал Тессингу грамоту, в которой официально разрешил основать в Амстердаме русскую типографию и иметь привилегию на продажу книг в России. Дозволялось печатать книги исключительно светского содержания «на славянском и латинском языках вместе, тако и славянским и голландским языком по особну, от чего бы русские подданные много службы и прибытка могли получить и обучатися во всяких художествах и ведениях» [1, 233].

Первыми книгами, вышедшими в типографии Тессинга в 1699 г., были: «Введение краткое во всякую историю», «Краткое и полезное руководство во арифметику», «Поверстание кругов небесных» и другие. Их составлением занимался поляк Илья Федорович Копиевский, или Копиевич, который хорошо знал русский язык. В 1700 г. он завел в Амстердаме собственную

типографию, а в 1707 г. переехал в Россию.

Шрифт, которым были напечатаны амстердамские издания, во многом отличался от славянского шрифта, принятого в России и других славянских странах. Буквы выделялись тонкими очертаниями, были яснее и проще по форме. Они скорее напоминали латинские буквы, чем кирилловские. Б. Я. Шницер пишет, что «это обстоятельство, по-видимому, поразило Петра и подало ему первую мысль о преобразовании славянского алфавита по образцу латинского».

Царь приказал составить в Амстердаме образец новой русской азбуки и отлить по этому образцу типографский шрифт. В 1707 г. его изготовил и привез в Россию мастер Антон Демей. В том же году привезенный из Голландии шрифт отлил в России «словолитец» Михаил Ефремов. Он исправил ошибки, сделал новые стальные формы, изготовил матрицы.

В марте 1708 г. шрифтом, отлитым Михаилом Ефремовым, была напечатана книга «Геометрия славенски землемерие издадеса новотипографским тиснением». Она стала первой книгой, напечатанной в России гражданскими буквами.

В течение 1709 г. наборщики гражданской печати представляли Петру различные книги как образцы набора славянскими и гражданскими буквами. Наконец царь повелел изготовить ему для сравнения и окончательного выбора экземпляр азбуки с «изображением древних и новых писмен славянских печатных и рукописных». Посмотрев представленную ему в начале 1710 г. азбуку, царь вычеркнул все славянские буквы и оставил буквы гражданского шрифта. На обороте переплета азбуки Петр написал: «Сими литеры печатать исторические и манифактурные книги, а которые подчирнены, тех в вышеписанных книгах не употреблять».

Внизу, на первой странице, он красными чернилами

ми обозначил время указа: «Дано лета Господня 1710 Генваря в 29 день».

Так в России был введён новый гражданский алфавит [1, 236–238].

Из нескольких лет, в течение которых создавался гражданский шрифт, можно выделить 1709 г. В этом году выходили книги с использованием новых и старых славянских, а также латинских букв. Петр I внимательно просматривал издания, именно в этом году у него окончательно сложилось представление о новом алфавите.

Хорошо известно, что самое длительное пребывание самодержца в Воронеже относится к 1709 г. С 13 февраля по 9 апреля Петр находился в этом городе. Он решал государственные, административные, военно-морские вопросы, а также работал над новым гражданским алфавитом. Об этом, ссылаясь на труды И. Голикова, пишет Е. Болховитинов: «Он даже занимался тут присланными к нему на апробацию типографскими новоотлитыми литерами и иные из них повелевал переливать» [2, 97].

Таким образом, вновь отлитые варианты наборных букв, обычно представлявшие собой бруски с рельефным изображением буквы или знака на верхнем торце, доставлялись из Москвы в Воронеж на апробацию или одобрение царя. Эти буквы не всегда устраивали Петра, который внимательно «рассматривал литеры старые и новые» и после собственноручной правки отсылал их в Москву для отливки нового варианта буквы. Для более оперативной и профессиональной работы по реформированию азбуки и издательского дела в Воронеже находился начальник московской типографии И. А. Мусин-Пушкин с помощниками. Все распоряжения и пожелания царя он немедленно переадресовывал директору типографии Федору Поликарпову, непосредственному исполнителю азбучной реформы, для срочного выполнения. Так, в письмах от 4, 9, 23 марта Мусин-Пушкин сообщает в Москву: «Представленные его величеству напечатанные московские «Ведомости» он выправил и велел, по одному перепечатав, пустить в народ.

Книгу по геометрии скорее напечатать и к нему прислать.

Переведенную князем Гагариным книгу с приложением чертежей и фигур напечатать и к 17 марта прислать.

«Военные артикулы» выправил и велел напечатать.

Книгу Курция и три книжки мыслительных молитв велел напечатать.

Прислать перевод Римской литургии и описание обряда святого крещения в католической церкви.

Книгу, присланную от воронежского коменданта, напечатать.

Азбуки с поправками и приложением цифирного счёта напечатать и велеть по ним всюду обучать детей.

Беседы Апостольские исправить и напечатать.

Календарей напечатать достаточное число и ста-

раться, чтобы все они разошлись по народу».

Далее Мусин-Пушкин пишет Поликарпову: «Государь часто и с прилежанием спрашивал, скоро ли те книги поспеют; и я по твоему письму сказал, что скоро будут присланы две Геометрические и проч.» [3, 226].

Разнообразие представленных жанров свидетельствует не только о стремлении Петра руководить всеми процессами в государстве, максимально просматривать и рецензировать печатавшиеся книги, но и наблюдать практическое применение нового алфавита в различных по содержанию изданиях. Как читаются технические и военные тексты, удобен ли новый шрифт в детской азбуке или учебнике, имеют ли спрос газета и календари, напечатанные только что введенными буквами.

Незадолго до отъезда в Воронеж Петр в письме И. А. Мусину-Пушкину от 25 января 1709 г. в очередной раз потребовал изменить порядок употребления новых букв и распорядился печатать книгу «без применения новоиспеченных литер и сил, но только одною амстердамской печатью, какова она вывезена». Не вдаваясь в подробности сложного и продолжительного реформирования азбуки отметим, что подобное изменение ее состава (отказ от употребления надстрочных знаков) демонстрировало новую ориентацию петровской культуры, противопоставленную греческой ориентации, которая была свойственна просвещению Московской Руси. И. А. Мусин-Пушкин с волнением воспринял такое распоряжение царя и сразу же обратился за советом к Ф. Поликарпову. Он трижды пишет ему из Воронежа (25 февраля, 9 и 31 марта), прося рассказать о различиях в употреблении старых и новых букв [4, 77].

В феврале 1709 г. уже сам Петр пишет из Воронежа в Москву переводчику И. Н. Зотову о том, что книгу Блонделя по фортификации, подготовленную Зотовым, он прочитал, и там «разговоры зело хорошо и внятно переведены, но как учить фортификацию делать... то зело темно и непонятно». Как человек практичный, царь рекомендует «в книжке, которую ныне переводите, остеречься в том, дабы внятнее перевести, а особливо те места, которые учат как делать...» [3, 225–226].

Находясь в Воронеже, Петр I внимательно просматривал и правил сигнальный экземпляр каждого печатного издания московской типографии, набранный уже с использованием нового, но еще не утвержденного алфавита.

В октябре 1709 г. русские наборщики гражданской печати Иван и Дмитрий Никитины, Посников, Пневский, Васильев, Гаврилов и Сидоров подали на имя государя челобитную с просьбой увеличить им плату за набор гражданского шрифта против шрифта славянского.

Просьбу они объясняли тем, что гражданский шрифт «убористее» славянского, т.е. в нем меньше

букв. В подтверждение своих слов наборщики представили образец сравнительного набора славянскими и гражданскими буквами. Таким образом, к концу 1709 г. работа над новым гражданским алфавитом в основном завершилась. Как было сказано выше, в начале 1710 г. Петр утвердил этот алфавит.

Но еще долго книги продолжали печатать с использованием различных вариантов гражданской азбуки. Единых правил, видимо, не существовало. В 1735 г. по распоряжению Академии наук была опубликована азбука с новыми изменениями. Убрали буквы «кси» и «ижица», добавили букву «й» и др. Последняя реформа русской азбуки состоялась в 1758 г., когда Российское собрание при Академии наук окончательно определилось с алфавитом и выпустило обязательное руководство для всех типографий Российской империи.

Создание гражданского шрифта значительно упростило обучение чтению и письму, способствовало расширению типографского дела, стимулировало состав-

ление, перевод, издание учебников и других книг в невиданном для этого времени количестве. Новый алфавит сыграл огромную роль в сближении нашей страны с цивилизованным миром. Появившаяся светская литература, периодическая печать еще шире распахнули российское окно в Европу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шницер Я. Б. Иллюстрированная всеобщая истории письмен / Я. Б. Шницер. — Санкт-Петербург, 1903.
2. Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / Е. Болховитинов // Воронежский край XVIII века в описаниях современников. — Воронеж, 1992.
3. Голиков И. И. Дополнение к деяниям Петра Великого. Т. 8 / И. И. Голиков. — Москва, 1792.
4. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. — Москва, 1996.

Музей истории развития образования Воронежской области, Воронежский институт развития образования

Пыльнев Ю. В., кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ

E-mail: viro-vrn@mail.ru

Museum of the History of Education Development in the Voronezh Region, Voronezh Institute of Education Development

Pylnev Y. V., Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation

E-mail: viro-vrn@mail.ru

ИНТЕРНЕТ-ТЕЛЕВИДЕНИЕ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА, ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

В. И. Сапунов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 сентября 2018 г.

Аннотация: статья призвана дополнить отечественные исследования массовой коммуникации медийно-техническим и политэкономическим анализом развития интернет-телевидения на Западе и в России.

Ключевые слова: монополизация, финансовализация, конвергенция, СМИ, Интернет, ITV, OTT Amazon, Netflix, HBO, Hulu, 21st Century Fox, Sky, AT&T, Time Warner, DirecTV.

Abstract: the issue aims at supplementing investigations of mass communication with media and technical, political and economic analysis of ITV and OTT development in USA, Europe and Russia.

Keywords: monopolization, financialization, convergence. mass media, Internet, ITV, OTT Amazon, Netflix, HBO, Hulu, 21st Century Fox, Sky, AT&T, Time Warner, DirecTV.

Самый простой способ дать определение интернет-телевидению — охарактеризовать его как передачу телевизионного сигнала посредством интернет-соединения. Основным методом предоставления телевизионных услуг в Интернете является OTT (Over-The-Top). Технологические преимущества этого способа доставки видеосигнала можно сформулировать в следующих тезисах:

1. OTT позволяет предоставить услуги любому клиенту, у которого есть стабильное подключение к Интернету.

2. Содержание предоставляется по запросу, есть возможность его просмотра или загрузки на любое устройство абонента для просмотра в будущем.

3. Весь контент проходит транскодирование в различные форматы, что позволяет воспроизводить видео в режиме реального времени на любом устройстве.

Предоставляются шифрованные каналы с возможностью записи отдельных передач на устройства клиентов, это же делает возможной подписку.

Основными компонентами технологической цепочки OTT являются: сервисная платформа (Middleware), система защиты контента (CAS/DRM), система транскодирования, система «Видео по запросу» (VoD), сеть доставки и дистрибуции контента (CDN), система OTT-стриминга, система мониторинга Quality of Service (QoS) Monitoring, абонентское оборудование (STB), мобильные приложения для платформ iOS, Android, Windows Phone и приложения для SmartTV.

В целом интернет-вещание можно разделить на следующие виды:

1. Вещание в СМИ традиционных СМИ.

2. Вещание специализированных онлайн-СМИ (СМИ, по формату близких к традиционным, аналогов которым нет вне Сети)

3. Стриминговое вещание в Интернете специализированных служб медиакомпаний (HBO Now, Netflix, Amazon Prime, Spotify, Hulu, DirecTV Now, Sling TV и других).

4. Трансляции с помощью приставок STB, медиаплееров-приставок или смарт-технологий.

5. Индивидуальный стриминг в Интернете

6. Пиратские плееры и сервисы, с помощью которых можно смотреть любой видеоконтент (SopCast, AceStream, Justin TV и другие).

Исходя из целей и задач нашего исследования, в этой статье мы рассмотрим только третий и четвертый виды — нас будет интересовать политическая экономия и социокультурные аспекты способов вещания, наиболее приближенные к «чистой модели» OTT-технологий.

Первые попытки внедрения коммерческих услуг интернет-телевидения были провальными, серьезные коммерческие и менеджерские проблемы не перечеркнули огромного потенциала этого способа вещания. Но провайдеры ITV не оставили надежды найти эффективную бизнес-модель, которая позволила бы им конкурировать с операторами услуг IPTV. Ведь «вещание на компьютер» обладает рядом несомненных преимуществ: оно требует меньших инвестиций, а принимающее устройство (в случае достаточной мощности процессора) имеет большие возможности по приему мультимедийной продукции, чем IP-STB.

Специалисты в этой области нашли методы работы с потоковым вещанием традиционных телевизионных сетей, их каналов на YouTube, вещанием интернет-каналов, видеоресурсами, стримами

и тому подобным. Рост количества пользователей услуг OTT/VoD стимулировался доступностью для различных экранов легального, качественного и востребованного контента, в первую очередь фильмов и телепрограмм.

Постепенно были сформированы 5 типов «видео по требованию» для технологии OTT:

FVoD (Free Video on Demand) — тип VoD, который предусматривает практически безграничный доступ к видео (бесплатно и без демонстрации рекламы);

AVoD (Advertising Video on Demand) — тип VoD, при котором доступ к видео предоставляется вместе с рекламой, которая демонстрируется в видео с определенной периодичностью;

SVoD (Subscription Video on Demand) — тип VoD, означающий, что доступ к видео предоставляется посредством подписки;

TVoD (Transactional Video on Demand) — доступ к видео предоставляется в счет уплаты определенной суммы, при этом есть ограничения либо по количеству просмотров, либо по времени, в течение которого контент нужно успеть посмотреть, после чего доступ прекращается;

EST (Electronic Sell-Through) — доступ предоставляется в счет уплаты определенной суммы, при этом практически нет ограничений на просмотр (только если их не вводят правообладатели видео).

В 2016–2018 гг. количество пользователей стримингового (линейного) OTT стало стремительно расти. Впечатляющим выглядит увеличение количества клиентов OTT-сервисов в США. Если технология IPTV в этой стране не прижилась (по сравнению с Европой и Азией), то аудитория OTT продолжает увеличиваться. На рынке платного ТВ в США IPTV не выдерживает конкуренции с кабельным и спутниковым телевидением, как это было 10 лет назад, когда эта технология только внедрялась. И именно за счёт сектора IPTV, как мы уже говорили выше, количество подписчиков платного телевидения в США уменьшается — и будет уменьшаться, в то время как OTT набирает обороты.

Показательные результаты исследования Multiscreen Index: в 2017 г. 10 ведущих американских платформ платного ТВ совокупно потеряли 1,62 миллионов абонентов. При этом количество пользователей онлайн-сервисов устойчиво росло.

Та же компания в первой четверти 2018 г. зафиксировала рекордно низкий рост абонентов платного ТВ в мире за всё время своих исследований, отметив при этом, что в США топ-10 спутниковых операторов потеряли 212 тысяч подписчиков, а рост аудитории был зафиксирован только у трех из них. Наибольшие потери аудитории зафиксированы у DirecTV — 188 тысяч подписчиков, а наибольший рост в 336 тысяч — у OTT-сервиса этого же оператора DirecTV Now. По мнению аналитиков Multiscreen Index, платные сервисы стримингового телевидения, которые в дан-

ном исследовании были выделены в отдельную категорию, демонстрируют наиболее высокую динамику роста из всех типов предоставления платных услуг. Общее количество платных подписчиков OTT в США составляет 3,6–3,7 миллионов [1].

Теперь о доходах от OTT-сервисов на американском рынке. По данным аналитической компании Convergence Research, основывающимся на отчётах, доходы 55 ведущих OTT-провайдеров в США выросли в 2017 г. на 41% и 11,9 млрд. долларов. Прогнозы компании говорят о том, что в 2018 г. они достигнут 16,6 млрд. долларов, а в 2020 г. — 27,6 млрд. При этом в 2017 г. совокупные доходы платного телевидения в спутниковом, кабельном и телеком-секторах выросли на 1% до 107,6 млрд. долларов; по прогнозам Convergence Research, они упадут в 2018 г. до 107,4 млрд. долларов, а в 2020 г. — до 106,9 миллиардов. То есть доходы OTT-вещания будут расти на фоне падения доходов в других секторах американского платного телевидения [2].

Но наиболее эффектный прирост в количестве пользователей OTT в США всё же приходится на общие показатели пользователей (не только в платном секторе). По прогнозам консалтингового агентства eMarketer, аудитория тех, кто смотрит интернет-телевидение по технологии OTT в США, вырастет до конца 2018 г. на 11,1% (в сравнении с предыдущим годом) и превзойдёт 170 млн. зрителей. К 2019 г. она должна увеличиться ещё на 10 млн., а к 2021 г. — преодолеть отметку в 190 млн. Кроме того, по прогнозам компании, количество американцев, которые поменяют платное телевидение на бесплатный или более дешёвый вариант в Интернете (так называемые cord cutters), должно в 2018 г. в целом увеличиться на 32% [3].

В Европе, по данным компании Dataxis, количество платных подписчиков линейного OTT в третьей четверти 2017 г. составило 7,4 млн. и возросло по сравнению с Q2 2017 г. на 13%. 25% абонентов приходится на спортивные сервисы, такие как Bein Sport Connect, Eleven Sports или Dazn. 35% подписчиков приходится на Германию, 25% — на Францию, 15% — на Великобританию, 8% — на Испанию, 5% — на Италию [4].

В первой четверти 2018 г. Dataxis зафиксировала рост европейского рынка платного телевидения всего на 0,3% по сравнению с Q4 2017 г. — это самый низкий показатель за историю исследований компании. Если вести отсчёт с Q1 2017 года, рост платных подписчиков составил 3,3%. В то же время количество платных подписчиков OTT, начиная с Q1 2017 года, выросло на 50% и на 188% — начиная с Q1 2016 г. Доля OTT на рынке платного телевидения в Европе увеличилась с 1% в Q1 2016 г. до 3,3% в Q1 2018 г. Компания Analysys Mason прогнозирует рост рынка OTT-услуг в Европе с 8,1 млрд. евро в конце 2017 г. до 18 млрд. в 2022 г., что составит 80% от суммы общего роста

европейского рынка платного телевидения. ¾ роста рынка OTT-сервисов придется на услуги SVoD. [5]

В России, по данным аналитической компании «ТМТ Консалтинг», опубликованным в апреле 2018 г., в 2017 г. объем рынка OTT достиг 7,7 млрд. руб., что на 60% больше, чем годом ранее. Второй год подряд темпы роста опережают прошлогодние, причем — как по платной, так и по рекламной модели. В 2017 г. реклама принесла видеосервисам 3,21 млрд. руб. (+31%). Доходы, полученные по платной модели, составили 4,47 млрд. руб. (+91%). Доля выручки от подписки увеличилась в 2017 г. до 59% с 40% в 2016-м.

Почти все игроки из топ-6 российских OOT-сервисов (Tvigle, ivi, MEGOGO, OKKO, TVzavr и Zoomby) — за исключением Tvigle, 95% выручки которому приносит реклама, — продемонстрировали рост выше 50%. При этом увеличение платного сегмента у всех сервисов составило не менее 70%. Надо сказать, что разнообразию «домашних» сервисов OTT может позавидовать любая страна ЕС.

Аналитики компании «ТМТ Консалтинг» подсчитали, что общая аудитория OTT-сервисов по итогам 2017 г. достигла 40 млн. пользователей, что примерно соответствует показателю годичной давности. [7]

По данным компании Stasista, количество пользователей OTT-услуг в мире в 2012 г. составляло 46 млн., в 2013 г. — 69 миллионов, в 2014 г. — 102 млн., в 2015 г. — 181 млн., в 2016 г. — 290 млн., в 2017 г. — 401 млн., в 2018 г. — 473 млн. По прогнозам той же компании, в 2019 г. OTT-видео будут смотреть 536 млн., в 2020 г. — 595 млн., в 2021 г. — 650 млн. человек [3].

Крупнейшими мировыми игроками на рынке OTT являются: HBO Now — 142 млн. пользователей, Netflix — 130 млн., Amazon Prime — 100 млн., Spotify — 71 млн., Hulu — 17 миллионов и Twitch — 3 млн. [8]. YouTube традиционно не раскрывает количество пользователей своих сервисов.

Итак, интернет-телевидение, наряду с IPTV, является наиболее динамично развивающейся телевизионной технологией. Это касается как сферы платных видеосервисов, так и (особенно) бесплатных. OTT-технологии в ближайшие годы неизбежно будут отбирать аудиторию у кабельных и спутниковых каналов.

Основной проблемой развития интернет-телевидения, пожалуй, можно назвать неурегулированность правовой базы. Ни в США, ни в ЕС, ни в России до сих пор не могут определить, к какой сфере правового регулирования отнести OTT-технологии — распространения информации или связи. Ещё одна юридическая проблема — авторские и смежные права. Это касается как компаний, так и потребителей. И те, и другие привыкли использовать информацию в Интернете исключительно бесплатно. Из привычки пользователей Интернета вытекает и главная проблема компаний, осуществляющих OTT-вещание, — пользователи Интернета не готовы к платному контенту и всячески ему сопротивляются.

Политэкономия интернет-телевидения не выходит за рамки основных тенденций развития глобального медиасектора. Почти все ведущие видеосервисы, работающие в Интернете, принадлежат крупнейшим медиакомпаниям. HBO Now принадлежит AT&T-Time Warner, в собственности этого же медиагиганта — DirecTV Now и Otten, Hulu является совместным активом 21st Century Fox, the Walt Disney Company и NBCUniversal, Sling TV принадлежит Dish Network. Особенностью монополизации OTT-сектора является наличие в ней медиамонополий, для которых интернет-вещание — это основной вид их деятельности в качестве массмедиа (имеются в виду Amazon Prime и Netflix).

Система видеосервисов в Интернете хорошо подчёркивает тенденцию медиаконвергенции — здесь и традиционные СМИ, и медиакомпании, для которых основным видом деятельности является интернет-торговля (Amazon), IT-технологии (Apple), поиск в Интернете наряду с интернет-технологиями (Google — владелец YouTube), и спутниковые провайдеры (DirecTV и Dish Network), и множество IPTV-операторов. Если мы возьмем облачные сервисы, то к субъектам интернет-вещания можно отнести и все крупнейшие мировые социальные сети (пионерами здесь были Facebook и Twitter).

Что касается финансиализации, то все владельцы всех главных субъектов OTT-вещания являются публичными компаниями, а Apple и Amazon, капитализация которых превысила триллион долларов, наряду с Alphabet, в 2018 г. тянут вверх все ведущие мировые биржевые индексы. Финансовые компании и особенно частные инвестиционные фонды — миноритарные акционеры любой корпорации, владеющей стриминговыми сервисами.

Любая такая корпорация либо является ТНК, либо ведет вещание на весь мир, что иллюстрирует тенденцию глобализации.

И, наконец, ужесточение медиаменеджмента. Увольнения в компаниях телеком-сектора носят беспрецедентный характер, а массовые увольнения в традиционных медиамонополиях являются общим местом. Ну, а Amazon просто является хрестоматийным образцом драконовского и репрессивного менеджмента — что касается не только массовых увольнений, но и самих условий труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Key 2018 OTT Data and Trends: What We Learned from 3.6 Million Subscribers. — URL: <https://livestream.com/blog/ebooks/2018-ott-data-trends> (дата обращения: 14.05.2018).
2. Compared to Traditional Pay-TV, OTT May Have the Subscriber Numbers, but it Doesn't Have the Revenue. — URL: <https://www.thevideoink.com/2018/04/18/compared-to-traditional-pay-tv-ott-may-have-the-subscriber-numbers-but-it-doesnt-have-the-revenue/> (дата обращения: 14.08.2018).
3. USA: plus de 170 millions de personnes adopte un service

vidéo OTT en 2018. — URL: <http://www.cbnews.fr/etudes/usa-plus-de-170-millions-de-personnes-adopte-un-service-video-ott-en-2018-a1044271> (дата обращения: 18.09.2018).

4. Linear OTT Pay TV subs in Europe reached 7.4 million end September 2017. — URL: <http://dataxis.com/press-release/linear-ott-pay-tv-subs-europe-reached-7-4-million-end-september-2017/> (дата обращения: 11.03.2018).

5. Is the Rapid Growth of OTT in Europe impacting Pay-TV? — URL: <https://www.ooyala.com/resources/videomind-blog/rapid-growth-ott-europe-impacting-pay-tv> (дата обращения: 18.09.2018).

6. Российский рынок OTT-видеосервисов вырос на 60%. — URL: <http://www.dailycomm.ru/m/43302/> (дата обращения: 16.08.2018).

7. Number of over-the-top (OTT) subscription video service subscribers worldwide from 2012 to 2021 (in millions). — URL: <https://www.statista.com/statistics/821883/number-ott-subscribers/> (дата обращения: 12.08.2018).

8. Hunt for Content, AT&T Closes Deal for Chernin's Otter Media. — URL: <https://www.nytimes.com/2018/08/07/business/media/otter-media-chernin-group-att.html> (дата обращения: 21.09.2018).

Воронежский государственный университет

*Сапунов В. И., доктор филологических наук, профессор
кафедры телевизионной и радиожурналистики*

E-mail: vsapunov76@rambler.ru

Voronezh State University

*Sapunov V. I., Doctor of Philological Sciences, Professor of
the Department of Television and Radio Journalism*

E-mail: vsapunov76@rambler.ru

АУДИТОРИЯ ПРИДНЕСТРОВСКОГО РАДИО: АНАЛИЗ ПОТРЕБНОСТЕЙ И ПРЕДПОЧТЕНИЙ СЛУШАТЕЛЕЙ

Ю. В. Ткаченко

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

Поступила в редакцию 31 июля 2018 г.

Аннотация: в статье представлены результаты социологического исследования аудитории приднестровского радиовещания. С целью изучения интересов и потребностей слушателей приднестровских радиостанций был проведен социологический опрос, в котором приняли участие 740 жителей республики. Респондентам были заданы вопросы, отражающие их жанрово-тематические, музыкальные и иные предпочтения.

Ключевые слова: аудитория СМИ, целевая аудитория, потенциальная аудитория, интерактив, сегментация аудитории, формат.

Abstract: the article presents the results of the sociological research of audiences of the Transnistrian broadcasting. 740 inhabitants of the republic took part in the poll, which made it possible to identify their genre-themed, musical and other preferences.

Keywords: audience mass media, target audience, potential audience, interactive, segmentation audiences, format.

В условиях коммерциализации средств массовой информации, когда даже государственные радиостанции во многом зависят от рекламных доходов, вопрос понимания интересов и потребностей своей аудитории становится центральным в практике радио. Высококонкурентная информационная среда диктует необходимость полиаспектного подхода к работе с аудиторией.

На приднестровском рынке радиовещания представлены радиостанции различных типов: две государственные [1] — «Радио 1» (для аудитории среднего возраста) и «Радио 1 Плюс» (для людей старшего поколения), коммерческая — «Интер FM» [2], музыкальные — «Beat FM» [3], «Ник FM» [4], «Тирасполь FM», городская станция «Новая волна», а также франчайзинговые, такие как «Шансон», «Дорожное радио», «Радио Дача», «Хит FM», содержащие приднестровский контент в виде новостей, рекламы и программ по заявкам.

С целью изучения предпочтений аудитории приднестровского радио был проведен социологический опрос, в котором приняли участие 740 жителей республики, из них 61% женщин и 39% мужчин (для удобства и наглядности все проценты округлялись до целого числа). При подсчете результатов учитывался и возрастной фактор, что позволило оценить различия в отношении к радиовещанию слушателей из разных возрастных групп.

Респондентам было задано 47 вопросов, которые позволили сделать определенные выводы по следующим направлениям: роль и место приднестров-

ского радио в системе интересов аудитории средств массовой информации республики; технические и пространственно-временные параметры слушания радио; жанрово-тематическое содержание эфира; музыкальные предпочтения слушателей; современные возможности радиостанций и формы взаимодействия с аудиторией; роль государственного радиовещания республики в распространении актуальной информации.

В результате удалось установить следующее:

1. В современном медиаландшафте радиовещание занимает вполне определенное место, обусловленное его акустической невизуальной природой и функциональными возможностями. Широкий спектр этих возможностей позволяет создавать радиостанции самых разных направлений в зависимости от сочетания и пропорций в сетке вещания таких элементов контента, как музыка, новости, интерактив и тематические программы.

В целом, по результатам опроса, к радио с разной степенью регулярности обращаются 73% респондентов. (Наиболее высокие показатели в возрастной группе старше 55 лет.) Однако любимая радиостанция есть лишь у 24%. Примечательно, что эта цифра практически совпадает с числом участников опроса, которые слушают радио регулярно (21%). Это та категория, которую можно назвать постоянной аудиторией.

Свои предпочтения приднестровцы отдают в первую очередь радиостанции «Интер FM». Ее слушают 22% респондентов, «Радио 1» — 14%, «Радио 1 Плюс» — 6%. Все остальные станции (не только приднестровские, но и российские) в сумме набрали 30%.

2. Проведенный опрос позволил определить и пространственно-временные параметры слушания радио. Чаще всего жители республики слушают радио в транспорте (44%). Такие результаты весьма показательны — радио прочно заняло нишу фонового средства массовой информации. Пик внимания к радио ожидается приходится на утренние часы (41%) (на «Интер FM» и «Радио 1» выходят в эфир утренние шоу, полюболюбившиеся уже многим приднестровцам). Каждый день радио слушает около 43% респондентов. Однако следует подчеркнуть, что около половины из них — это те люди, которые становятся своего рода невольными слушателями, оказавшись пассажирами общественного транспорта или покупателями магазина, где включено радио.

3. Содержательное наполнение эфира — пожалуй, наиболее интересная часть опроса. Предпочтения респондентов распределились между музыкальными (46%) и информационными (41%) программами. Познавательные программы слушают 16%, аналитические — 14%, развлекательные — 15% респондентов. Тема передачи, по мнению половины опрошенных, является тем ключевым фактором, который влияет на ее выбор слушателем. Чуть в меньшей степени важно наличие интерактива — дискуссионного начала и возможности для слушателя принять в программе непосредственное участие. Так считают 20% участников опроса. Также отмечается важность таких факторов, как профессионализм ведущих (11%), присутствие интересного гостя (9%), подарки (6%), хорошая музыка (5%), конкурсы (1%).

Тематическое наполнение программы, с точки зрения предпочтений слушателей, выглядит следующим образом: культура интересна 41% респондентов, политика — 26%, наука — 16%, спорт — 11%, музыка — 5%. Примечательно, что тема культуры в этом рейтинге на первом месте — радио продолжает ассоциироваться у аудитории с просветительской функцией. Однако для жителей республики не менее важна информация о социально-политических и экономических факторах развития государства. Поэтому среди гостей эфира приднестровцы хотели бы видеть в первую очередь политиков и чиновников (25% и 19% соответственно). На вопрос, должны ли на радио подниматься серьезные, социально значимые темы, подавляющее большинство респондентов (582 человека (79%)) ответило утвердительно.

4. Музыкальная составляющая эфира является сегодня не менее значимой, чем тематическая. На первом месте, по предпочтениям аудитории, современная эстрадная музыка (34%), далее следует авторская песня (20%), шансон (18%), классика (18%), рок (15%), блюз (13%), джаз (13%), современная этническая музыка (11%), ритм-н-блюз (10%). Русскую музыку предпочитают 68% респондентов, зарубежную — 43%.

5. Значительная часть вопросов анкеты касалась форм и каналов взаимодействия между радиостанцией и аудиторией. Сегодня такими каналами становятся сайт радиостанции, социальные сети, мобильные приложения, интерактивное пространство эфира и внестудийные площадки акций, концертов или флешмобов.

Участники опроса регулярно или периодически посещают сайты приднестровских станций «Радио 1», «Интер FM», «Beat FM». Однако большая часть респондентов, 71%, вообще не заходят на сайты радиостанций. Возможно, невысокий уровень интереса приднестровской аудитории к сайтам радио обусловлен тем фактом, что у некоторых станций сайта нет вообще, а остальные не в полной мере используют его мультимедийный потенциал, предпочитая дублировать эфирное содержание. Тем не менее, если оценивать динамику, следует отметить значительный прогресс в развитии сайтов «Радио 1» и «Интер FM».

В вопросе продвижения радиостанций в социальных медиа ситуация следующая: зарегистрированы в группах радио в соцсетях 22% респондентов, пару раз заходили на эти страницы еще 10%, что-то о них слышали 31%. 32% участников опроса вообще ничего о них не знают. В разных возрастных категориях данные разнятся, так как для молодежной аудитории общение в соцсетях является привычным. Очевидно, что использование социальных медиа в качестве дополнительной площадки для привлечения слушателей имеет значительные перспективы.

Потенциал в расширении аудитории есть и у внестудийных мероприятий, инициируемых радиостанцией. Это могут быть благотворительные акции, концерты, флешмобы, определенным образом позиционирующие радиостанцию. По результатам опроса, 6% респондентов принимали участие в подобных мероприятиях. Интересна в этом смысле работа ведущих «Утреннего фрэша» на «Радио 1», которые организовали такие акции, как «ЗОЖигаиз», «Фреш-семья» и др.

Еще одним каналом привлечения слушателей служат мобильные приложения. На вопрос «Слушаете ли Вы радио на мобильном телефоне?» всего 12% ответили утвердительно. Для остальных 88% эта опция пока не актуальна. Тем не менее следует ожидать прогресса в этом направлении, так как больше половины респондентов (54%) предпочитают слушать на смартфоне музыку, 14% — аудиокниги, 10% — новости и дискуссии. Так как все эти компоненты являются или могут стать содержанием эфира, решение вопроса зависит только от грамотного маркетинга.

Одним из важнейших факторов развития радиостанции является ее интерактивная составляющая. В природе радио заложена диалогичность, а потому от качества и количества интерактива напрямую зависит формирование «своего» круга слушателей. На приднестровском радио интерактивные програм-

мы появлялись и исчезали из эфира. Но в последние годы наблюдается положительная динамика: интерактив укрепляет свои позиции, правда, пока преимущественно в программах развлекательного характера. По результатам опроса в прямой эфир на радио хотя бы раз звонили 18% респондентов, периодически звонят 9%, регулярно в эфир любимой программы звонят 0,5%. Если развлекательный интерактив в последние годы на приднестровском радио представлен максимально профессионально, то интерактивных аналитических программ приднестровскому слушателю явно не хватает.

6. Отдельный блок вопросов в анкете был посвящен государственному радиовещанию Приднестровья. Задачи, которые, по мнению участников опроса, должна выполнять государственная радиостанция, распределились следующим образом: информационные и просветительские функции набрали по 48%, развлекательные — 32%, воспитательные — 26%. Среди программ, которых, на взгляд респондентов, не хватает в эфире государственного радио, на первом месте детские программы (24%) и радиоспектакли (22%). Государственные станции действительно отказались от такого контента, сделав ставку на развлекательные шоу и короткие тематические программы

познавательного характера. В то же время данные опроса говорят о дефиците такого содержания.

Открытым остается вопрос, должна ли государственная радиостанция стремиться к всеохватности или следует идти по пути сегментации аудитории. Похоже, в Приднестровье избрали весьма перспективную стратегию: функционирование двух радиостанций для разных аудиторных групп может решить эту проблему.

Проведенный социологический опрос выявил те направления, которые необходимо развивать приднестровским радиостанциям. Однако продолжать изучение аудитории, ее предпочтений, настроений и интересов, необходимо и впредь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радио 1 (Радио Приднестровья) // ГУ «Приднестровская государственная телерадиокомпания». — URL: <http://radio.pgtrk.ru/> (дата обращения: 05.07.2018).
2. Интер FM. — URL: <http://inter-fm.com> (дата обращения: 07.07.2018).
3. BeatFM. — URL: <http://www.beat-fm.com> (дата обращения: 04.07.2018).
4. Ник FM. — URL: <http://onlineradiobox.com/md/radionikfm/> (дата обращения: 04.07.2018).

*Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко*

Ткаченко Ю. В., старший преподаватель кафедры журналистики

E-mail: julia-polia@mail.ru

Pridentrovian Shevchenko State University

Tkachenko Y. V., Senior Lecturer of the Department Journalism

E-mail: julia-polia@mail.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

И. С. Шмойлов

Ульяновский государственный университет

Поступила в редакцию 20 апреля 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается появление первых официальных массовых печатных изданий в дореволюционной российской провинции на примере газеты «Симбирские губернские ведомости», подробно анализируются первые выпуски газеты, состав и тематика опубликованных объявлений, их значение для целевой аудитории.

Ключевые слова: дореволюционные российские газеты, провинциальные российские газеты, «Симбирские губернские ведомости», Симбирская губерния, история российской прессы.

Abstract: the article considers the emergence of the first official mass print media in the pre-revolutionary Russian province, using the example of the newspaper "Simbirsk Province Gazette", the first issues of the newspaper, the composition and subject of published announcements, their significance for the target audience are analyzed in detail.

Keywords: the pre-revolutionary Russian newspapers, the provincial Russian newspapers, the newspaper "Simbirsk Province Gazette", Simbirsk Province, the history of the Russian press.

19 января 2018 г. исполнилось 180 лет со дня выхода первого номера газеты «Симбирские губернские ведомости». Первый номер вышел в свет под Рождество — 6 января (по старому стилю) 1838 года [1, 156]. Этому событию предшествовало издание законопроекта о местных официальных изданиях — «Положения об издании губернских ведомостей» от 27 октября 1830 года [2, 212]. Согласно данному положению планировалось наладить выпуск газет при губернских правлениях нескольких провинций европейской части Российской империи. Спустя семь лет, в 1837 г., выходит «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях» [3, 439]. В этом узаконении параграфы 86–96 посвящены изданию губернских ведомостей [3, 459–462]. Официальные местные газеты теперь должны были издаваться во всех городах губернского значения. В результате с 1838 г. губернские газеты появились в 42 губерниях, где ранее отсутствовали. В их числе была и Симбирская губерния.

Губернские ведомости, согласно положению, состояли из двух частей: официальной и неофициальной. Каждая часть имела свою нумерацию страниц, свой круг вопросов для освещения, а впоследствии и своего редактора. Подписка на обе части могла оформляться по отдельности. В «Положении о порядке производства дел в губернских правлениях» от 1837 г. определен круг вопросов, освещаемых в обеих частях губернской газеты.

В официальной части печатались: указы губернского правления, созывы на городские и дворянские

собрания, объявления по чиновнической службе, объявления об изменении платы за переправы через реки и за проезд через мосты, объявления о торгах и продаже недвижимости, сметы городских доходов и расходов, отчеты о земских и волостных повинностях, объявления о повальных болезнях и падеже скота, а также объявления полицейского характера [3, 459–460].

В неофициальной части печатались: новости о чрезвычайных происшествиях, ценах на рынке, состоянии урожая, торговли и судоходства, об открытии новых учебных заведений, о наблюдавшихся необычных явлениях природы, краеведческие сведения и археологические находки, некрологи известным жителям губернии, а также частные объявления коммерческого характера [3, 460–461].

Также в «Положении о порядке производства дел в губернских правлениях» определен круг лиц и учреждений, которые должны были получать обязательный экземпляр губернской газеты: учреждения управления и суда всех уровней, предводители дворянства, духовные правления всех разрешенных конфессий, почтовые конторы. Все остальные при желании могли получать губернские ведомости по ежегодной или полугодовой подписке [3, 461].

Таким образом, мы видим, что первые официальные региональные газеты, согласно законодательству, должны были носить новостной, сугубо практический характер. Помимо публикации нормативных актов и распоряжений органов управления, губернские ведомости обслуживали также интересы чиновничества, торгового капитала и помещичьего землевладения. Большая часть сельского

населения на тот момент оставалась неграмотной, в частности, в Симбирской губернии в 1897 г. насчитывалось 15,6% грамотных от общего числа населения, что было одним из самых низких показателей в стране [4, 309].

На первой же странице первого выпуска «Симбирских губернских ведомостей» помещены распоряжения губернского начальства, объявления о созыве на выборы дворянства Симбирской губернии и об открытии новых должностей в губернии. Кроме того, помещено объявление о вакантных должностях в учреждении из другого региона — Новгородской казенной палате. Относительно перемещений по службе в газете помещалась информация по четырем наиболее важным на тот момент сферам профессиональной деятельности: гражданское чиновничество (включая полицейские чины), духовенство, медицина и образование [5, 1].

Обращает на себя внимание объявление о явке на получение пособия для бедных. Из данной заметки можно узнать, что наследником цесаревичем (подразумевается будущий император Александр II) было пожаловано 5000 рублей для раздачи нуждающимся жителям губернии. Сообщалось, что 4475 рублей были розданы, за оставшейся частью пособия предлагалось явиться 29 симбирянам из числа нуждающихся, список которых прилагался здесь же. В основном список составляли вдовы и жены чиновников, духовенства, а также офицеров и солдат [5, 2–3].

Другие объявления касаются вызовов в суд, участия в торгах, утери документов, обнаружения неопознанных тел. Весомую часть выпуска занимают объявления о продаже имений. При этом дается краткое описание имений: площадь земли, количество и тип имеющихся строений, количество дворовых и крестьянских душ, проживающих на территории имения, стоимость построек и доход от эксплуатации крестьян, другое ценное имущество. Еще одна объемная заметка посвящена обнаружению случаев коровьей оспы в губернии, подробно описываются признаки этого заболевания. Во избежание распространения болезни среди животных в газете просят сообщать обо всех вновь обнаруженных случаях в губернское правление. В заключение первого выпуска губернской газеты помещается приглашение всем желающим к размещению в газете статей и устанавливается плата 20 копеек за строку. Здесь же имеется выписка из расписания цен на продажу соли в крупнейших торговых пунктах губернии в 1838 г. [5, 4–7].

Как видно из содержания первого выпуска «Симбирских губернских ведомостей», основные темы печатного материала соответствовали задуманному в «Положении о порядке производства дел в губернских правлениях» целям, касающимся издания официальных местных газет. Распоряжения губернатора и объявления о перемещениях по службе затраги-

вали в первую очередь чиновников и служащих государственных учреждений и учреждений местного самоуправления; объявления о продаже имений были интересны землевладельцам; объявления о вызове к торгам и о ценах на соль предназначены для представителей торгового капитала. Вместе с тем есть и общественно значимая заметка, обращенная ко всем слоям населения — об обнаружении случаев коровьей оспы. Первый выпуск губернской газеты отступает от заданных в «Положении о порядке производства дел в губернских правлениях» правил по большому счету только в одном пункте — разделении материала на официальную и неофициальную часть. Частные объявления в первом выпуске еще отсутствуют.

Во втором выпуске губернской газеты появляются заметки дисциплинарного характера. Объявлялось о наложении взыскания на служащего полиции Ставропольского уезда Симбирской губернии земского исправника Тихонова за неисполнение распоряжения губернского начальства — помимо положенного по закону наказания губернское правление постановило этот случай «припечатать в газетах в предосторожность прочим» [6, 2]. В другой заметке объявлялось о «выражении признательности» земским исправникам Сенгилеевского и Курмышского уездов за своевременную отправку рекрутов в армию [6, 2].

Как и в первом выпуске газеты, значительное место отведено объявлениям информационного характера. Среди них есть объявление об изъятии из обращения и замене испорченной серебряной монеты на полновесную. В объявлении приводится обширная справочная информация об имеющейся в ходу серебряной монете, ее точном весе и допустимом отклонении веса от установленной нормы [6, 2–4]. Другое объявление сообщает о том, что в Симбирскую казенную палату были присланы модели усовершенствованных сельскохозяйственных орудий (плугов, борон и сеялок) из Санкт-Петербургского технологического института. Помещикам и крестьянам предлагалось приобрести модели, чтобы по ним самостоятельно изготавливать инструменты для собственного хозяйства либо заказать готовые орудия, поставляемые технологическим институтом. Вслед за объявлением прилагается список наименований моделей сельхозорудий с указанием их стоимости [6, 4–5].

Появляется раздел «о пойманных бродягах». В нем помещаются сведения о лицах, задержанных полицией в уездах губернии из-за отсутствия каких-либо документов. При этом указываются имя и возраст задержанных, их рост, цвет волос, цвет глаз, черты лица (продолговатый нос, угреватое лицо и т.д.) и особые приметы (рубец от ушиба на коленке, нет сустава на указательном пальце и др.) [6, 7]. Важную информацию несет в себе объявление о размере налоговых сборов. В нем сообщается об установленных на три года местных налогах на каждое сословие от-

дельно. Налоговые сборы производились в пользу помещиков, на содержание местной полиции и на общественные нужды [6, 8].

В конце второго выпуска появляется «Прибавление к № 2 Симбирских губернских ведомостей», где помещается материал, отнесенный «Положением о порядке производства дел в губернских правлениях» к неофициальной части губернских ведомостей. «Прибавление» имеет собственную нумерацию страниц и выпусков. В нем помещены известия об открытии в Симбирске дворянского клуба, а также пансиона для образования девиц. Кроме того, даны частные объявления коммерческого характера. Одно из них сообщает о продаже деревянного дома в Симбирске, в другом объявляется о продаже крестьян вместе с принадлежащей им землей. В объявлении указывается количество продаваемых крестьян мужского и женского пола, однако цена взимается только по количеству мужских душ. Особо оговаривается, что порознь крестьяне не продаются. В заключение «Прибавления» печатается список актуальных цен на жизненно важные продовольственные товары по городу Симбирску [7, 1–3].

К третьему выпуску «Симбирских губернских ведомостей» устанавливается несколько постоянных рубрик, печатающихся в каждом последующем выпуске. Среди них объявления: о поощрениях, наградах и взысканиях; о вакантных местах в различных частях империи для чиновников; о вызовах на судебные заседания ответчиков по судебным делам; о созыве на выборы горожан или дворянства; об утрате документов или уничтожении доверенностей на управление недвижимостью; о продаже имений; о вызове к торгам или подрядам [8]. В «Прибавлении к № 3 Симбирских губернских ведомостей» также устанавливается две постоянные рубрики: «Известия» и «Частные извещения». В рубрике «Известия» печатаются даты и места проведения торгов и ярмарок по всей России. В «Частных извещениях» появляются сообщения о продаже не только недвижимости, но и предметов роскоши (например: пианино, ентовая шуба) [9, 1].

Первым редактором «Симбирских губернских ведомостей» был тайный советник В. В. Трубников (1838–1852 гг.). До 1865 г. газета выходила еженедельно по четвергам, с 1865 г. — 3 раза в неделю, с 1869 г. — 2 раза в неделю. Так называемая неофициальная часть издавалась как прибавление к номерам с 1838 по 1845 гг. В 1845 г. неофициальная часть перестала именоваться прибавлением и стала полноценным разделом газеты, сохраняя при этом собственную нумерацию. С 1 июля 1845 г. неофициальной части назначен собственный редактор. Первым редактором неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей» стал брат писателя И. А. Гончарова — учитель местной гимназии Н. А. Гончаров [10, 20].

В таком виде газета просуществовала до 4 января 1866 г. когда все разделы были упразднены и неофициальная часть стала рубрикой, выпуск имел единую нумерацию страниц [11]. Свой редактор для неофициальной части тем не менее сохранялся. С 1894 по 1910 гг. неофициальная часть издавалась отдельно от официальной [12, 233–234]. «Симбирские губернские ведомости» выпускались вплоть до 14 мая 1917 г., пока не были переименованы в «Известия Симбирского губернского исполнительного комитета».

Итак, как мы видим, появление первых официальных местных газет было исторически обусловлено необходимостью информационной поддержки на местах государственных учреждений. При помощи газеты передавались распоряжения нижестоящим структурам, делались объявления о вакансиях в других частях Российской империи, публиковались и предавались всеобщему осуждению различные служебные нарушения среди госслужащих. Таким образом, правительственные газеты с момента своего возникновения выполняли не только справочно-информационную, но и воспитательную функцию. Губернские ведомости стали важным информационным источником для всех грамотных слоев населения. В официальной газете публиковались объявления, рассчитанные на различные слои населения. Помимо коммерческих предложений, публиковались ведомости о выдаче различных пособий горожанам, сводки цен на жизненно важные продукты и сведения о размерах налогов на каждое сословие. Вся наиболее важная информация от органов власти к населению стала передаваться посредством прессы. До возникновения радиовещания и телевидения официальная печать оставалась единственным массовым информационным каналом, осуществляющим информационное взаимодействие между органами управления и населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газеты дореволюционной России. 1703–1917. — Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2007.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 2-е. Том 5. 1830. Отделение 2-е. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1831.
3. ПСЗРИ. Собрание 2-е. Том 12. 1837. Отделение 1-е. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838.
4. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки / А. Г. Рашин. — Москва: Госстатиздат, 1956. — 350 с.
5. Симбирские губернские ведомости. — Симбирск, 1838. — № 1.
6. Симбирские губернские ведомости. — Симбирск, 1838. — № 2.

7. Прибавление к № 2 Симбирских губернских ведомостей. — Симбирск, 1838. — № 1.
8. Симбирские губернские ведомости. — Симбирск, 1838. — № 3.
9. Прибавление к № 3 Симбирских губернских ведомостей. — Симбирск, 1838. — № 2.
10. Столов Н. Н. Периодическая печать Ульяновской губернии 1838–1927 / Н. Н. Столов. — Ульяновск: Общество изуч. Ульян. края и Ульян. губ. архивн. бюро, 1928.
11. Симбирские губернские ведомости. — Симбирск, 1866. — № 1.
12. Беляева Л. Н. Библиография периодических изданий России, 1901–1916. Том 3 / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; Под общ. ред. В. М. Барашенкова, О. Д. Голубевой, Н. Я. Морачевского / Л. Н. Беляева, М. К. Зиновьева, М. М. Никифоров — Ленинград: [ГПБ], 1960.

Ульяновский государственный университет

Шмойлов И. С., аспирант кафедры журналистики, филологии, документоведения и библиотекovedения

E-mail: i.s.shmoilov@gmail.com

Ulyanovsk State University

Shmoilov I. S., Postgraduate Student of the Journalism, Philology, Documentation and Library Science Department

E-mail: i.s.shmoilov@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

А. С. Юферева

Уральский федеральный университет

Поступила в редакцию 7 июня 2018 г.

Аннотация: в статье описывается организационная конвергенция, которая означает процесс качественных изменений в СМИ. Обращение к результатам социологического исследования позволяет выявить особенности функционирования в региональных изданиях таких отделов, как digital-отдел и SMM-отдел.

Ключевые слова: конвергенция, конвергентная редакция, новые информационные технологии, СМИ, профессиональные журналисты.

Abstract: this article deals with organizational convergence which means the process of profound transformations in the context of news media. The author addresses results of sociological research and describes how new departments of mass media have been functioning.

Keywords: convergence, convergent editorial staff, new information technologies, media, professional journalists.

Конвергенция (с лат. *convergere* — приближаться, сходясь) относится к числу важнейших этапов в развитии медиаиндустрии и требует комплексного подхода к ее рассмотрению. Конвергенция означает процесс основательных трансформаций в СМИ, возникающих вследствие непрерывно меняющихся условий информационно-коммуникационной среды. К одной из наиболее явных особенностей конвергенции относится расширение технологических возможностей средств массовой информации с точки зрения вовлечения цифровых каналов коммуникации для создания, подготовки, распространения контента, а также взаимодействия с пользователями Интернета.

Наряду с изменением технологий коммуникации зарубежные и отечественные авторы выделяют другие направления исследования конвергенции. Они имеют отношение к изучению влияния конвергенции на взаимодействие между разными типами изданий (Е. Вартанова [1], А. Вырковский [2], Д. Джин [3], И. Карпенко [4] и др.), на организацию работы редакции (Е. Баранова [5], А. Макашова [6]), изменение профессиональных компетенций журналистов (А. Бастрон [7], П. Бостонова [8], А. Фагерйорд [9]). Анализу также подвергаются аспекты, связанные как с умением готовить материал в разных форматах (И. Волкова [10], Д. Кальнова [11], М. Шилина [12]), жанрах (М. Бондаренко [13], Е. Власова [14], В. Виноградский [15], Л. Темникова [16]), так и навыками, которые касаются smm-продвижения контента (В. Бейненсон [18], Н. Фролова [18], С. Симакова [19]).

Обобщая содержание вышеизложенных исследований, конвергенцию следует определить как совокупность процессов сближения, слияния и взаимопроникновения технологических и социальных элементов в рамках института средств массовой информации. Виды конвергенции представляются следующим образом:

— *технологическая конвергенция* означает вовлечение средствами массовой информации новых технологий коммуникаций (официальные сайты, социальные медиа), используемых для создания и распространения информации;

— *организационная конвергенция* предполагает слияние в рамках одного медиахолдинга нескольких одноформатных и (или) разноформатных средств массовой информации (газеты, журналы, радиостанции, телекомпании и т.п.); «перестройку» редакции с точки зрения появления новых отделов (digital-отдел, SMM-отдел, технический отдел);

— *профессиональная конвергенция* предполагает овладение профессиональными журналистами новыми знаниями, умениями, навыками;

— *коммуникативная конвергенция* отличается появлением новых типов взаимодействий между профессиональными журналистами и другими социальными субъектами (актерами).

Конвергенция включает процессуальные и институциональные компоненты, выстраивается на отдельно взятых элементах, которые в совокупности составляют содержание института средств массовой информации. Считаем целесообразным остановиться на анализе организационного уровня конвергенции, поскольку данный уровень способен определить стратегическое поведение издания на рынке,

повысить уровень конкурентоспособных преимуществ и сделать СМИ более гибким по отношению к внешним условиям.

С целью обеспечения целостного понимания организационной конвергенции СМИ автором было проведено качественное социологическое исследование. Его цель заключалась в том, чтобы выявить особенности институциональных трансформаций в редакциях и оценить их влияние на характер функционирования СМИ.

Исследование было проведено автором в г. Екатеринбурге в ноябре-декабре 2016 г. в форме глубинного полуструктурированного интервью.

В интервью приняло участие 20 человек: 5 сотрудников печатных СМИ (2 респондента из газетных изданий; 3 — из журнальных изданий); 3 сотрудника радиостанций; 4 — телекомпаний; 3 — информационных агентств; 2 — работают на городских порталах; 3 преподавателя факультета журналистики (2 респондента работают на кафедре периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, 1 — на факультете теле-, радиожурналистики Гуманитарного университета).

Интервью проходило анонимно. Автор исследования фиксировал пол, возраст, образование (направление подготовки), опыт работы в журналистике, должность.

В опросе участвовали 15 мужчин и 5 женщин различных возрастных категорий: в возрасте от 20 до 29 лет — шесть респондентов, в возрасте от 30 до 39 лет — шесть респондентов, в возрасте от 40 до 49 лет — пять респондентов, в возрасте от 50 лет и выше — три респондента.

16 респондентов имеют высшее журналистское образование (двое из них имеют второе высшее образование по специальностям «экономика» и «политология»). 2 респондента имеют высшее экономическое образование. 2 информатора имеют высшее образование по специальностям «филология» и «культурология» соответственно.

Два респондента имеют опыт работы в журналистике от 1 до 4 лет, два респондента — от 5 до 9 лет, семь респондентов — от 10 до 14 лет, два респондента — от 15 до 19 лет, четыре респондента — от 20 до 24 лет, два респондента — от 25 до 29 лет, один респондент — от 30 и более.

Согласно принципу содержательной направленности в выборку были включены следующие СМИ: девять общественно-политических СМИ (две газеты, один журнал, три информационных портала и три телеканала), один развлекательный телеканал, два СМИ экономической направленности, две музыкально-информационные радиостанции и одна информационно-разговорная радиостанция, а также два информационных портала.

В контексте организационной конвергенции считаем целесообразным рассмотреть особенно-

сти трансформации редакции с точки зрения появления новых отделов, в частности digital-отдела и SMM-отдела.

Исследование организационной структуры печатных СМИ Екатеринбурга показало, что характерными для них являются интеграционные процессы — «слияние» ранее разобщенных отделов (digital-отдела и основного отдела, в котором осуществлялась подготовка материалов для печатного носителя) в один общий. В результате — стирается грань между специализациями, поскольку журналисты начинают готовить материалы для печатной версии издания и цифровых каналов коммуникации одновременно. Так, в одном из пяти печатных изданий г. Екатеринбурга процессы интеграции завершили недавно: если ранее в редакции функционировали два разных отдела (представители первого писали для журнала, другие — для официальной версии сайта), то теперь журналисты сосредоточены в рамках одного отдела, который одновременно ориентируется как на бумажную, так на интернет-версию.

Адаптация к конвергенции у радиостанций и телекомпаний сопровождается несущественными институциональными последствиями по сравнению с печатными изданиями. По итогам опроса респондентов, которые работают на радиостанциях и в телекомпаниях, стало очевидным, что журналисты продолжают использовать прежние способы подготовки контента для выпуска в эфир. Целенаправленное создание дополнительных видеоматериалов, формат которых соответствовал бы формату социальных медиа (к примеру, речь идет о сокращении длительности видеосюжетов, которые выходят в эфире) — это, скорее, исключение, чем правило. Данная практика значительно отличается от практик, которые зафиксированы в печатных изданиях. В частности, имеется в виду появление digital-отделов, журналисты которых адаптируют свои тексты для официального сайта путем уменьшения объема, подбора более броского заголовка и др.

Аналогичная ситуация обстоит с информационными агентствами и порталами, в которых нет потребности в digital-отделах, так как журналисты осуществляют производство и распространение контента для разных цифровых каналов.

Другое направление связано с появлением в организационной структуре редакции SMM-отделов. В компетенцию сотрудников данных отделов входит: поиск площадок с высокой концентрацией целевой аудитории, адаптация контента (заметки, статьи, интервью, репортажи и др.) под различные форматы каналов («ВКонтакте», Facebook, Twitter и т.п.), обеспечение грамотного позиционирования сообщества СМИ в социальных сетях, привлечение подписчиков и др.

SMM-отдел предусмотрен в 10 из 16 изданий Екатеринбурга (выводы по этому вопросу были сделаны

на основе высказываний 16 респондентов, так как один респондент затруднился дать ответ).

В редакциях должность специалиста SMM-отдела называют по-разному. Из десяти три респондента подчеркнули, что работу с социальными медиа осуществляет контент-менеджер, шесть респондентов — SMM-специалист и один — администратор сайта.

Из десяти респондентов только один — сотрудник информационного агентства — отметил, что SMM-специалист в их редакции работает на удаленной основе.

В 6 из 16 изданий должность SMM-специалиста отсутствует. Среди основных причин респонденты назвали следующие: нехватка финансовых ресурсов и владение журналистами всеми необходимыми навыками для продвижения материалов СМИ в социальных сетях, блогах и др.

Исходя из ответов респондентов, в числе основных обязанностей SMM-специалистов были выделены следующие: размещение и продвижение материалов в социальных медиа; мониторинг повестки дня в социальных сетях в целях формирования списка тем для будущих материалов журналистов; взаимодействие с целевой аудиторией издания.

Основываясь на результатах социологического исследования, следует отметить, что каждый из видов средств массовой информации — печать, телевидение, радио, информационное агентство, портал — адаптируется к меняющемуся информационно-коммуникационному пространству по-разному. Трансформации большего масштаба характерны для печатных изданий и сопровождается появлением digital-отделов, к журналистам которых предъявляются дополнительные требования, связанные с созданием и трансляцией контента, в том числе для Интернета. Одновременно с этим digital-отдел является нетипичным для радиостанций, телеканалов и для информационных порталов.

Сходным для всех видов СМИ считается появление в структуре редакции SMM-отделов. В данном случае появление отдела обусловлено потребностью в организованной работе с социальными медиа, которая отличается рядом специфических особенностей. Следует подчеркнуть, что более глубокое понимание необходимости создания SMM-отдела в структуре редакции свойственно сотрудникам информационных агентств, которые лучше всего знают стратегии и тактики работы в Интернете (для них Интернет является основным каналом для распространения информации).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран / Е. Л. Вартанова. — Москва: Аспект Пресс, 2003.
2. Вырковский А. В. Конвергенция в российской ежедневной прессе: экономические особенности и перспективы / А. В. Вырковский // Вестник московского университета. — 2012. — № 5. — С. 36–49.
3. Jin D. Y. De-Convergence of Global Media Industries / D. Y. Jin. — N.Y: Publisher: Routledge, 2013.
4. Карпенко И. И. Конвергенция в медиасреде: понятие и типы / И. И. Карпенко // Научные ведомости. — 2013. — № 13 (156). — С. 190–194.
5. Баранова Е. А. Конвергентная журналистика / Е. А. Баранова. — Москва: Юрайт, 2015.
6. Макшакова А. С. Конвергентные редакции СМИ как фактор формирования профессиональных компетенций журналиста / А. С. Макшакова // Сборник научных статей и материалов VIII Международной научно-практической конференции «Мультимедийная журналистика Евразии» — 2014: интегративные медиапроекты, медийная коммуникация и информационализм в условиях интеллектуализации общества Востока и Запада. Евразия молодая». — 2015. — С. 286–290.
7. Бастрон А. А. Медиаконвергенция в СМИ: проблемы и перспективы их решения в журналистском образовании / А. А. Бастрон, Е. В. Желудева // Вестник РГГУ. — 2016. — № 4. — С. 133–142.
8. Бостанова П. З. Технические и технологические компетенции мультимедийного журналиста / П. З. Бостанова // Известия Кыргызского государственного технического университета им. И. Раззакова. — 2012. — Т. 26. — С. 43–46.
9. Fagerjord A. After Convergence: YouTube and Remix Culture / A. Fagerjord. — URL: <http://faculty.georgetown.edu> (дата обращения: 22.05.2015).
10. Волкова И. И. Игровые форматы мультимедийной журналистики / И. И. Волкова // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2014. — № 1. — С. 105–112.
11. Кальнова Д. И. Формы представления контента в федеральных и региональных интернет-СМИ / Д. И. Кальнова // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2016. — № 14. — С. 226–227.
12. Шилина М. Г. Big data, open data как новые форматы информации: сущность, характеристики, особенности применения в журнализме / М. Г. Шилина // Вестник Тверского государственного университета. — 2015. — № 3. — С. 235–244.
13. Бондаренко М. И. Лонгрид как новый жанр отечественной журналистики / М. И. Бондаренко, В. В. Витвинчук // NOVAINFO.RU. — 2016. — № 46. — С. 287–290.
14. Власова Е. Г. Районные газеты и социальные сети: жанровые аспекты взаимодействия (на материале СМИ Пермского края) / Е. Г. Власова // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2017. — № 3 (25). — С. 120–126.
15. Виноградский В. С. Конвергентные жанры в современной периодике / В. С. Виноградский // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — № 3. — С. 370–381.
16. Темникова Л. Б. О многообразии медиажанров в современной российской и зарубежной журналистике / Л. Б. Темникова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2016. — № 115. — С. 999–1008.
17. Бейненсон В. А. Продвижение СМИ в социальных сетях: возможности и проблемы / В. А. Бейненсон // Вест-

ник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2016. — № 5. — С. 239–243.

18. Кузьмина М. А. SMM и журналистика: реалии и перспективы / М. А. Кузьмина, Н. М. Фролова // Основные проблемы гуманитарных наук: сборник научных трудов

по итогам международной научно-практической конференции. — 2016. — С. 50–52.

19. Симакова С. И. Современная журналистика и социальные сети / С. И. Симакова // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2012. — № 9. — С. 16–18.

Уральский федеральный университет

Юферева А. С., ассистент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга

E-mail: a.s.iufereva@urfu.ru

Ural Federal University

Yufereva A. S., Assistant of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding

E-mail: a.s.iufereva@urfu.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию, краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подписуемая подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.